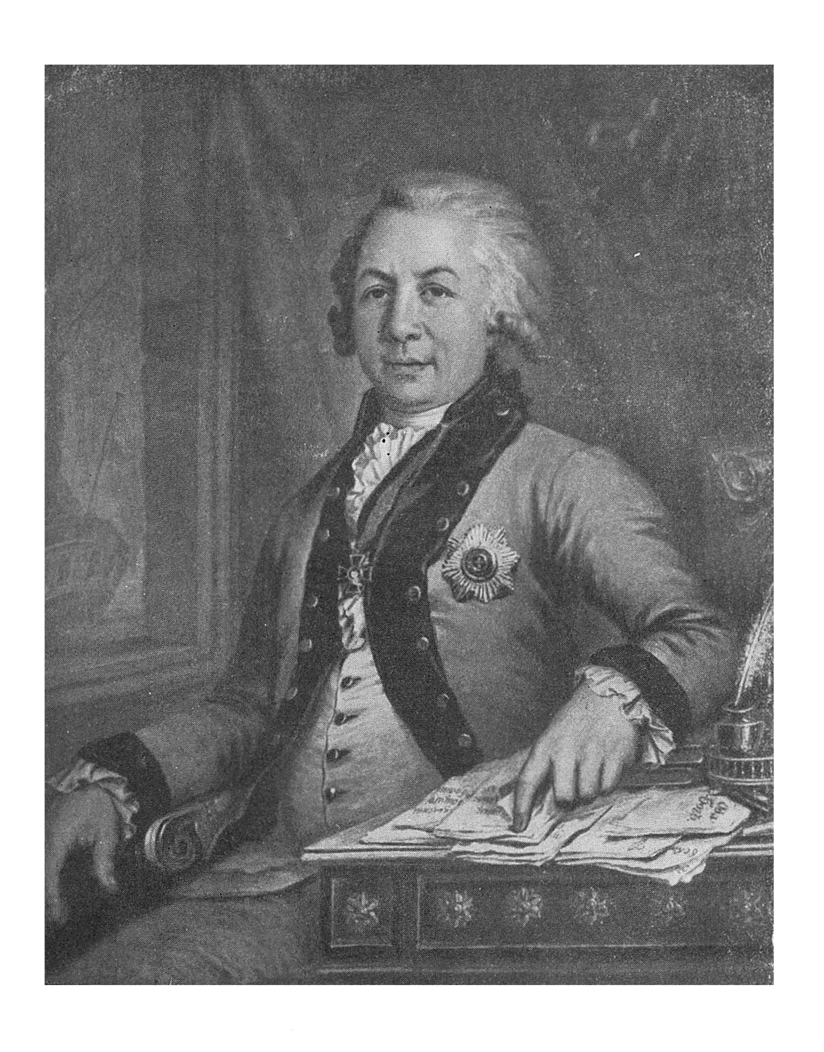
ДЕРЖАВИН



Гаврилъ Державинъ

Портрет (масло) работы В. Л. Боровиковского.

Г. Р. ДЕРЖАВИН

СТИХОТВОРЕНИЯ

Государственное
Издательство
Художественной Литературы
Москва
1958

Составление, вступительная статья
и комментарии
А. Я. Кучерова

Подготовка текста
А. Я. Кучерова и Е. В. Климиной

Оформление художника
Б. Д. Клиорина

Г. Р. ДЕРЖАВИН

(Жизнь и творчество)

Державин принадлежит к числу величайших русских поэтов, чье творчество сохранило до наших дней не только свое непреходящее историческое значение, но и живую поэтическую прелесть. Его наследие пережило и восторги современников и годы забвения, приходящие и к самым большим поэтам. Однако в том-то и сила подлинно национальных явлений литературы, что они возвращаются.

1

Биография Державина — увлекательнейшая повесть XVIII столетия о солдате, благодаря поэтическому гению достигшем высших ступеней в государстве; повесть о человеке, одержимом многими предрассудками своего века и своего класса и вместе с тем страстно воспевшем стремление к справедливости и правде.

Гаврила Романович Державин родился в 1743 году. Он был сыном петровского солдата, дослужившегося до полковничьего чина, человека честного, небогатого и недалекого, владевшего десятью душами крепостных. Будущий поэт провел детство в провинциальной глуши под Казанью, о котором с грустью и нежностью писал в стихотворении «Арфа». Если бы не приданое матери — пятьдесят душ, ему вряд ли пришлось бы получить и то скудное образование, которое ему дали. Семья Державиных ничем не выделялась из круга провинциальных мелкопоместных дворян. Отец поэта был бешеного нрава, ссорился и сутяжничал с соседями. Некоторые ссоры, например с помещиком Чемодуровым из-за будто бы им присвоенных крепостных, принадлежав-

ших Державиным, поэт уладил только спустя сорок лет. С другим соседом, Змиевым, велась бесконечная земельная тяжба. Быт и культуру этого дворянского круга рисует жалоба, поданная Змиевым в суд, в которой он обвинял Державиных в том, что их дворовые загнали к себе пятнадцать змиевских индюшек, ощипали их и отпустили на «посмеяние».

У Державина навсегда осталось ощущение, что мать его после смерти отца в 1754 году из-за бедности не могла добиться правды и справедливости в своих спорах с соседями о земле и покосах...

Когда в Казани в 1758 году впервые открылась гимназия, Державина в том же году отправили в нее учиться. Там проявились его способности к рисованию, к пластическим искусствам, оставившие глубокий след в его творчестве.

Выехав в 1760 году в Петербург к И. И. Шувалову, куратору Московского университета и Казанской гимназии, директор гимназии М. И. Веревкин захватил с собой карту Казанской губернии, нарисованную Державиным. Оценив способности подростка к рисованию и картографии, меценат граф И. И. Шувалов распорядился записать его младшим чином в инженерный корпус с тем, чтобы он явился к месту службы по окончании гимназии.

Однако в 1762 году Державина, не закончившего гимназического обучения, вдруг затребовали в Петербург в Преображенский полк, и тут оказалось, что недоросль Гаврила Державин, потомок татарского рода Багрима, ныне незнатный и небогатый дворянский сын, по нерадению ли родителей или недоразумению не был с малолетства зачислен в воинскую службу и должен теперь служить в солдатах.

Шел 1762 год. Отца Державина уже семь лет как не было в живых, мать, не сильная в грамоте и не располагавшая деньгами, чтобы исправить ошибку, примирилась с судьбой своего первенца, а Державин, видимо, был рад перемене в своей жизни. С 1762 года начинается почти десятилетний период солдатской службы поэта: фрунты, муштра, общая казарма, в которой некоторые солдаты жили со своими женами и детьми, игра в карты. В эти годы проявился и бешеный темперамент Державина, унаследованный от отца. В казарме он писал письма для своих однополчан: на родину и любовные признанья. В казарме, когда не было денег и не везло в карточной игре, Державин, судя по его «Запискам», «ел хлеб с водой и марал стихи при слабом свете полушечной сальной свечки».

Вместе с Преображенским полком — «преторианцами русского самодержавия», как называл этот полк А. И. Герцен, — он участвовал в дворцовом перевороте 28 июля 1762 года.

В годы, когда Державин вступил в деятельную жизнь и обратился к литературе, по словам Энгельса, «просвещение» стало лозунгом царизма в Европе.[1] Ленин, говоря о русском самодержавии XVII века, заметил, что оно «не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с *отдельными периодами «просвещенного абсолютизма»* (курсив мой. — *А. К.*).[2] Одним из таких периодов можно считать екатерининское царствование до Пугачевского восстания.

В эти годы все больше усиливается крепостнический гнет. Обостряются классовые противоречия. За десять лет до крестьянской войны разгораются волнения в Тверской, Новгородской, Вятской, Смоленской и Казанской губерниях, жестоко подавленные военной силой; восстают «работные люди» и приписные крестьяне в горнорудной промышленности на Урале. Крестьянский вопрос превращается в самый острый и неразрешимый вопрос времени.

Стиль просвещенного абсолютизма при екатерининском дворе, создание «Наказа» для Комиссии по составлению нового уложения (1767), переписка Екатерины с Вольтером и Дидро, приглашение Бомарше поставить в Петербурге «Женитьбу Фигаро», только что запрещенную в Париже, приглашение Лафайета участвовать в поездке Екатерины в Крым — все эти явления и события разных лет, так сказать парадные черты абсолютизма, должны были помочь утверждению крепостнической политики Екатерины II. И действительно, в то же время, когда проводится подготовка к собранию Комиссии по составлению нового уложения, Екатерина издает указ, запрещающий крестьянам под страхом «кнута» и «ссылки на вечные работы в Нерчинск» подавать челобитные на своих помещиков. Именно в эти годы крестьяне лишаются права даже жаловаться на своих притеснителей.

Глухая борьба крестьянства с дворянством, время от времени приобретающая все более острые формы, в шестидесятых годах восемнадцатого столетия определяет два направления, две основ-

---

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 1-е, т. XVI, часть II, стр. 14.

[2] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 15, стр. 308.

ные линии развития русской общественной мысли. Одно представлено сторонниками ничем не ограниченного самодержавия, крепостниками; рядом с ними — дворянские либералы, в той или иной форме поддерживающие крепостное право и просвещенный абсолютизм. Другое направление — русские просветители шестидесятых годов, сторонники освобождения крестьян — представители разных сословий: ученые, педагоги, литераторы, философ-материалист Я. П. Козельский, теоретик права и первый русский преподаватель этой науки С. М. Десницкий, издатель сатирических журналов, публицист Н. И. Новиков.

Одним из важнейших политических событий шестидесятых годов оказались споры в Комиссии по составлению нового уложения. Здесь со всей отчетливостью столкнулись оба направления, и Екатерина, стремясь унять споры, воспользовалась началом войны с Турцией и распустила депутатов.

Державин, в эти годы продолжавший свою службу в гвардии, был послан из полка с некоторыми другими склонными к наукам молодыми людьми в Комиссию по составлению нового уложения и шесть месяцев провел в ней секретарем — «сочинителем».

История не сохранила нам свидетельств о мыслях и настроениях Державина, рожденных его скромным участием в Комиссии с 10 июля 1768 года по 31 января 1769 года. Но на это время переломилась вся его солдатская жизнь. Он оказался в самом центре борьбы идей, мировоззрений, классовых сил своего времени.

В марте 1770 года в Москве открылось моровое поветрие — чума. Державин в это время возвращался из своего имения после побывки, через Москву, в полк. На Петербургской заставе ему предложили отправиться в карантин, а денег на жизнь после картежного проигрыша в пути оставалось всего лишь материнский благословенный рубль. Продолжать путь ему разрешили при одном условии: чтобы он сжег имущество, в котором могла гнездиться зараза. Был у Державина сундучок с бумагами, как он вспоминал в «Записках», «служивший препятствием», и чтобы въехать в Петербург, он сжег его при караульных со всеми хранившимися в нем стихотворными опытами. В эти годы он не придавал значения своим стихам и был далек от литературного мира.

В январе 1772 года двадцативосьмилетний Державин получил первый офицерский чин, а в 1773 году, когда разгорелась крестьянская война, вышли в свет его первые литературные опыты: в альманахе «Старина и новизна» перевод прозой с немецкого

«Ироида или письмо Вивлиды к Кавну» (из Овидия) и отдельным изданием ода на брак великого князя Павла Петровича.

В конце 1773 года Державин, со свойственной ему горячностью, отправился воевать против Пугачева. От этого времени сохранилась значительная по объему служебная переписка Державина; касается он событий крестьянской войны и в своих мемуарах. Но ни в переписке, ни в воспоминаниях нет объяснения причин, породивших крестьянскую войну. Это воспоминания и письма офицера-дворянина, не задумывающегося о справедливости своего дела. И только в одном не совсем обычном письме, написанном по-немецки Я. Л. Бранту, казанскому губернатору и председателю Казанской секретной комиссии по борьбе с восстанием, Державин говорит об образе мыслей населения, о том, что всякий, кто имеет с народом хоть малейшее дело, грабит его и что это «всего более поддерживает язву, свирепствующую в нашем отечестве». Он «не будет теперь распространяться об этом, но если прикажут, он войдет куда следует с почтительнейшим рапортом». Никто не спрашивал Державина о причинах крестьянской войны, и он не посылал рапорта. Но уже в это время он обнаруживает мысли, поднимающие его над миропониманием провинциального помещика и офицера. Столкнувшись с городской, солдатской и крестьянской жизнью, он замечает повсеместное лихоимство, произвол, пренебрежение к законам — и в этом видит причину крестьянской войны. В ранних Читалагайских одах, написанных при горе Читалагае во время военной службы в уфимских степях, под живым впечатлением восстания, он требует от царей справедливости, верности законам. В оде «На знатность» (1774) Державин писал о вельможах:

Дворянства взводит на степень
Заслуга, честь и добродетель;
Не гербы предков. блеску тень,
Дворянства истинна содетель:
Я князь, коль мой сияет дух;
Владелец, коль страстьми владею;
Болярин, коль за всех болею
И всем усерден для услуг.
Пред нами древностью своей,
О князи мира, не гордитесь...

В этих стихах Державин говорит о том, что его дворянский герб не знатен. И ему, солдату, пришлось встречаться с вельмож-

ной спесью. Личные достоинства и при том гражданские достоинства — вот в чем заслуга дворянина. Быть может, в оде «На знатность» сказались и отцовские взгляды человека петровских времен, когда таланты предпочитались родовым титулам. Важно то, что чувство долга и справедливости у Державина становится гражданским чувством поэта и в дальнейшем громко зазвучит в его поэзии.

В 1776 году «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае» печатаются отдельной книжкой. В них уже видны особенности поэтической натуры Державина: его искренность, взволнованность, поэтический темперамент, нет-нет и прорывающийся сквозь витийственный, еще не подчиняющийся поэту пестрый язык. Книжка проходит незамеченной. Державин не придает ей значения, как и рукописям, которые он сжег в карантине, как и другим рукописям, которые валяются в ящиках его стола, как некоторым замечательным любовным стихотворениям («Пламиде», «Нине») — вероятно, стихотворным случайно уцелевшим письмам. Державину тридцать три года, но поэзия для него все еще увлечение, а не дело жизни, и служебные награды он безусловно предпочитает лаврам певца.

Державин вернулся в Петербург, когда после разгрома Пугачевского восстания Екатерина II всеми средствами стремилась оградить самодержавие от опасностей новой крестьянской войны. Этим ее целям служили и новое устройство губерний, и новые льготы дворянству, и усиление влияния Потемкина. Крестьянская война содействовала кристаллизации политических взглядов и русских просветителей и русского либерального дворянства. Многие известные писатели — В. П. Петров, И. Ф. Богданович, отчасти М. М. Херасков — сближаются с правительством.

В то же время обострялась критика деспотического режима. Д. И. Фонвизин в своей записке «Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой формы государственного правления, и от того о зыблемом состоянии как империи, так и самих государей» с яростью писал против фаворитизма, против произвола Потемкина. В деспотии «есть подданные, но нет граждан», — писал Фонвизин. «Тиран, где бы он ни был, есть тиран, и право народа спасать свое бытие пребывает вечно и везде непоколебимо».[1] В эти годы развертывается широкая просветительская деятельность Н. И. Новикова. Через пятнадцать лет после

---

[1] Д. И. Фонвизин. Избр. соч., ОГИЗ, 1947, стр. 177, 185.

поражения Пугачева появится «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, в котором раскрыта картина жестокого угнетения крестьян.

Развитие американской революции, начавшейся через год после подавления крестьянской войны в России, и предреволюционная борьба во Франции усиливали и радикальные настроения и опасения правительства.

Однако значительно чаще радикальных требований раздавались призывы усовершенствовать существующий порядок, укрепить законность, уничтожить коррупцию и произвол, не упразднить, а ограничить крепостное право. Подобные настроения были характерны для либерального дворянства тех лет и часто соединялись в области хозяйственной с предпринимательством нового, буржуазного толка.

Державин оказался в сфере влияния этой среды.

Участие в борьбе против Пугачева принесло Державину некоторую известность при дворе. Екатерина упоминает о нем в письме графу П. И. Панину в связи со служебными превратностями Державина, которые, впрочем, всегда будут его преследовать из-за несдержанности, горячности, из-за стремления во что бы то ни стало добиваться справедливости и правды.

Вернувшись в Петербург, он ищет благодарности за свою службу во время крестьянской войны. Все, как ему кажется, давно взысканы милостями, а он после столкновения с Петром Паниным только в 1777 году, наконец, получает за свои услуги триста душ крепостных в Белоруссии. Но в это же время его увольняют из армии вопреки его желанию.

В Петербурге в конце 70-х годов Державин появляется в кругу дворянской интеллигенции. Здесь он встречается не только с богачом и вельможей А. П. Мельгуновым, чьи пикники он воспел, с князем А. И. Мещерским, на смерть которого он написал оду, ставшую вскоре знаменитой, не только с А. В. Храповицким, в 1782 году статс-секретарем Екатерины II, которому он писал дружеские оды-послания, но и с представителями русского просвещения.

В петербургском кругу Державин, по-видимому, встречался с Д. И. Фонвизиным. К сожалению, следов непосредственной их связи не сохранилось.

В Москве он познакомился с известным поэтом и масоном М. М. Херасковым, с Н. И. Новиковым, чья просветительская работа, безусловно, представлялась Державину значительной и

важной. Отголоски ее мы увидим в дальнейшем в деятельности поэта в Петрозаводске и Тамбове.

Вскоре Державин, заручившись содействием генерал-прокурора князя А. А. Вяземского, поначалу своего покровителя, а потом гонителя, начал службу в Сенате в должности экзекутора (1777—1783). Таков был первый шаг поэта на чиновничьем пути.

В эти годы определилась и его личная жизнь: в 1778 году он женился на Екатерине Яковлевне Бастидон, дочери португальца камердинера Петра III и кормилицы великого князя Павла.

К этим же годам относится и зарождение державинского дружеского литературного кружка. В него входили В. В. Капнист, Н. А. Львов, И. И. Хемницер, отчасти к нему принадлежал и О. П. Козодавлев, много позже в нем принял участие И. И. Дмитриев. С Капнистом Державин сблизился, вероятно, еще в 1772 году, когда тот перешел из Измайловского полка в Преображенский, где служил Державин. В петербургском кругу Державин познакомился с Львовым и через него с Хемницером.

Н. А. Львов (1751—1803) стал душою кружка. Он служил в Измайловском полку, потом в Коллегии иностранных дел и в эту пору ездил в Германию, Францию, Италию, Испанию. Как дилетант XVIII столетия, он интересовался и занимался всем, однако в отличие от заурядных дилетантов — с истинным талантом. Он искусный архитектор, строитель замечательного собора в Могилеве (1781), переводчик знаменитого труда Палладио по архитектуре (1798), он художник, друг Левицкого и Боровиковского, геолог, инженер, музыкант и поэт. Он открывает Валдайский и Боровичский угольные бассейны, стремясь освободить Россию от привозного угля,[1] проектирует землебитные строения и сооружает этим способом Приоратский дворец в Гатчине (1797—1798); в эти же годы он переводит Анакреонта, с музыкантом Прачем выпускает собрание русских народных песен с нотами (1790), а перед тем пишет либретто оперы из жизни народа «Ямщик на подставе» (1787).[2] Во всем, что делал

---

[1] См.: А. А. Зворыкин. Первооткрыватели каменноугольных бассейнов СССР, М., 1950.

[2] О роли Н. А. Львова в русской музыкальной культуре см.: Е. Кан-Новикова, Собиратель русских народных

Львов, проявлялась его заинтересованность в национальной культуре, в русском искусстве. Он явно далек от традиций и правил господствующего направления. Он человек и художник нового склада, сторонник развития отечественной промышленности и просвещения. Он патриот, и в стихах его часто звучит патриотическая нота. Все это и привлекало к нему Державина.

Самый юный в кружке — В. В. Капнист (1757—1823), но его поиски нового направления в поэзии, его либеральные настроения, перекликавшиеся со стремлением Державина к просвещенной монархии, скрепили их дружбу. В 1783 году Капнист написал «Оду на рабство», которую напечатал только через двадцать три года. В 1796 году он написал свою знаменитую злую комедию «Ябеда» против бюрократии и лихоимства судебной администрации. Комедия была напечатана в 1798 году и в том же году, после пятого спектакля, запрещена к постановке на сцене. В письме Капнисту 3 сентября 1804 года Державин писал: «Богу не угодно было излечить нас от ябеды. Все ее защищают, как и на театре твою играть не дают... Пусть потомство увидит, что мы, ты на моральном, а я на физическом театре, шли против ябеды... Как быть: уши выше лба не растут». Капнист много лет перелагал и переводил Горация, и его увлечение римским поэтом, воспевавшим радости частной жизни и клеймившим пороки империи Августа, было дорого и Державину.

Третьим в содружестве был И. И. Хемницер (1745—1784).

Его творчество определилось непосредственно после крестьянской войны; он обратился к жанру басни. В ней поэт пошел своим путем в поисках простоты, естественности и разговорности стиха. Многое из того, что он писал, казалось его друзьям политически слишком неосторожным. При жизни он опубликовал далеко не все свои басни, после его смерти Капнист, подготовлявший в 1799 году его сочинения к печати, тоже не решился многие басни опубликовать.

Державина привлекало в Хемницере стремление к народности в темах и языке — те черты, которые впоследствии были так важны для Крылова.

песен Н. А. Львов. — «Советская музыка», 1951, № 12; Т. Ливанова. Русская музыкальная культура XVIII века, т. I, 1952, т. II, 1953.

Дружеские и творческие отношения четырех главных участников державинского кружка постоянно поддерживались.

Критика классицизма и влечение к народному в искусстве, хотя и ограниченное дворянскими представлениями и вкусами, превращали содружество в литературную школу, в которой мужал гений Державина. Державин называл ее своим «чистилищем». Распался кружок из-за смерти Хемницера, а потом Львова, уже в то время, когда Державин как поэт давно вышел на самостоятельную дорогу. С грустью писал об этом Державин:

И друзей моих уж нет!
Львов, Хемницер в гробе скрыты,
За Днепром Капнист живет.

С 1779 года, по словам Державина, для него начинается новый путь в литературе: к этому времени окончательно складывается его мировоззрение.

Какими бы ни были настроения Державина в пору его пестро сложившейся молодости, какие бы впечатления ни нахлынули на него в Комиссии 1767 года, — из крестьянской войны он вышел убежденным сторонником идеи просвещенного самодержавия. Он считал, что народ враждебен дворянству, угнетен, темен. Освободить его нельзя — тогда неизбежна гибель дворянского сословия (связь с дворянством, несмотря на свою бедность и незнатность, Державин остро ощущал). Только государь с помощью просвещения и справедливого исполнения законов может оградить дворян от народного восстания. Такова в грубых чертах была политическая позиция Державина в споре двух направлений русской общественной мысли, когда складывался его литературный кружок. Идеями просвещенного абсолютизма был прежде всего отмечен цикл од Фелице.

Для Державина была важна возможность хотя бы в обобщенных и отвлеченных формах классицизма воспеть действительность, какой он ее видел, понимал и чувствовал. Он не пишет о крестьянском вопросе, он идет навстречу другим сторонам жизни. Екатерининское время — годы значительных военных и хозяйственных успехов России. Строятся города и фабрики, растет флот. Явное поступательное движение обнаруживается и в области национальной культуры: открываются в провинции народные училища, где учат детей дворян и мещан, создаются первое в России Экономическое общество, Общество

переводчиков; Академия наук отправляет многочисленные экспедиции для изучения восточных районов России. Собирают первую русскую сокровищницу искусства — Эрмитаж. В провинции робко, но все же заводят типографии и развивается книготорговля. Все эти начинания осуществляются в интересах дворянства и на основе жесточайшей эксплуатации крестьян. И все же материальные и духовные силы России развивались, несмотря на экономическую невыгодность крепостного труда, несмотря на жесточайшую коррупцию на всех ступенях административного управления, несмотря на феерическое мотовство, поражавшее иностранцев при русском дворе, где полмиллиона рублей тратили на бриллиантовые пуговицы фавориту Ланскому. Пушкин сказал об этом дворе и Екатерине II: «...со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия — и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России». [1]

Но для Державина в военных и хозяйственных успехах страны и народа заключался величайший источник вдохновенья. В Екатерине II он видит просвещенного монарха — «Фелицу», и только постепенно, со временем в его глазах поблекнет прообраз его идеала.

И социальные противоречия, контрасты нищёты и богатства, изысканная придворная культура и темнота народная — все это открывается восприимчивому, взволнованному Державину. В. Г. Белинский превосходно чувствовал «поэзию» противоречий и контрастов XVIII столетия. В «Литературных мечтаниях» он называл екатерининское царствование «эпопеей» и в то же время «многосложной драмой». «Да — чудно, дивно было это время, — писал Белинский, — но еще чуднее и дивнее было это общество! Какая смесь, пестрота, разнообразие! Сколько элементов разнородных, но связанных, но одушевленных единым духом! Безбожие и изуверство, грубость и утонченность, материализм и набожность, страсть к новизне и упорный фанатизм к старине, пиры

---

[1] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., изд. АН СССР, 1949, т. VIII, стр. 124.

и победы, роскошь и довольство, забавы и геркулесовские подвиги, великие умы, великие характеры всех цветов и образов и, между ними, Недоросли, Простаковы, Тарасы Скотинины и Бригадиры; дворянство, удивляющее французский двор своею светскою образованностию, и дворянство, выходившее с холопями на разбой».[1] Эти контрасты времени нашли свое своеобразное отражение в поэзии Державина, в ее сложной и глубоко индивидуальной форме.

По убеждениям и взглядам, во всей своей государственной деятельности он был неизменным сторонником просвещенного абсолютизма. Но поэтический гений Державина шел дальше его взглядов слуги монархии, и в этом сказалась его могучая, глубоко самобытная, полная сил и вместе с тем противоречивая натура. Его поэзия вобрала в себя и мысль о внесословной ценности человека, о его достоинстве и величии — одну из замечательнейших идей общеевропейского просвещения. Критическое направление в поэзии Державина, достигающее высокого гражданского пафоса, перекликалось с критикой из лагеря русских просветителей. Как это бывает с великими художниками, поэтическое наследие Державина оказалось и шире и сложнее взглядов его творца.

До 1783 года, до появления в печати «Фелицы», Державина мало кто знал как поэта, хотя он написал и напечатал в «СПб. вестнике» много превосходных стихотворений, совершенно необычных для литературы тех лет, в том числе оду на смерть князя Мещерского. Он шел по новому пути, новый голос со всей силой державинского таланта звучал в литературе, но его еще не услышали, не поняли и не оценили. И вдруг вышла в свет ода «Фелица».

История ее публикации весьма любопытна. Как рассказывает Державин, он, посоветовавшись с Львовым, Капнистом и Хемницером, решил не публиковать оду, так как она ему, да и друзьям, показалась слишком смелой. Оберегавший свою служебную карьеру, Державин бросил оду в бюро и в течение года не вспоминал о ней. Случайно увидел ее служивший тогда советником при Академии наук Козодавлев. Ода ему понравилась. Он выпросил ее у Державина, и она пошла по рукам. Вскоре ее читали в доме Шувалова, через Козодавлева «Фелица» попала к Е. Р. Дашковой, которой Екатерина II поручила управлять Академией наук, стре-

---

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., изд. АН СССР, т. I, 1955, стр. 47.

мясь усилить свое влияние. Дашкова в это время предприняла издание литературного журнала «Собеседник...». Он должен был стать органом Екатерины II — выразителем правительственных взглядов в борьбе с русскими просветителями. В первом номере этого журнала в 1783 году Дашкова напечатала оду «Фелица» — гимн просвещенному монарху, обращенный непосредственно к Екатерине. Екатерина сразу оценила выгоды, которые сулила ей ода Державина, сатирически изображавшая вельмож и воспевавшая Фелицу. И вскоре весь либеральный Петербург восхищался «Фелицей». Несколько позже известный писатель Херасков в Москве принимает Державина как равного в свой литературный круг. Только что учрежденная Российская академия словесности, учрежденная в тех же целях, что и «Собеседник...», в первом же заседании избирает его своим членом. Державин продолжал свой новый путь в поэзии. В это время он написал оды «Благодарность Фелице» и «Решемыслу».

Со дня появления в печати «Фелицы» начинается головокружительная служебная карьера Державина. Он оставляет службу в Сенате и в 1784 году отправляется в Олонецкую губернию губернатором. Он объезжает многие глухие уголки Олонецкого края, требуя исполнения законов и быстрого решения судебных дел. Однако первый опыт самостоятельной служебной деятельности явно не приносит ему успеха. Державин вступает в борьбу с наместником олонецким и архангельским Т. И. Тутолминым. Интересна в этой связи записка Державина Сенату и другая его записка Екатерине II, в которой он, в частности, писал, что дела в присутственных местах, «а паче колодничьи, решаются весьма медлительно» «Бедные узники... содержанием в тюрьмах измученные, иные более двух лет... по тому одному, что ко мне на ревизию дел присылаемо не было, содержатся понапрасну под караулом».[1] Записки Державина успеха не имели. Тутолмин впоследствии говорил, что Державин «изрядный стихотворец, но плохой губернатор».

Через два года Державина перевели в Тамбов. Там он служил годы 1786—1788. Ко времени приезда Державина Тамбов был глухим городком; повсюду жалкие деревянные хижины, крытые соломой и разбросанные без всякого плана. В дождливое время по некоторым улицам не было проезда: люди и скот

---

[1] ИРЛИ АН СССР в Ленинграде. Архив Державина, шифр Ф 96, оп. 3, № 6, л. 11.

тонули в грязи. Посреди города стояло болото, поросшее камышом, куда местные чиновники ходили охотиться на уток. В лесах вокруг Тамбова гуляли разбойники.[1]

В этой глуши Державину за короткое время своего губернаторства удалось многое переменить. По его распоряжению был составлен план города и началась правильная застройка. Державин открывает в Тамбове и в других городах губернии народные училища. Списавшись с Н. И. Новиковым, заводит в городе первую типографию и губернские ведомости; строит здание театра, пригласив из Петербурга мастера, итальянца Лукини; собирает театральную труппу, поначалу из любителей. Державин «открывает» в Тамбове писателя из мещан П. М. Захарьина, который вскоре становится известен авантюрным романом «Арфаксад». Ко времени приезда Державина в Тамбове процветало взяточничество и в суде и в городском управлении. Державин повел с ним борьбу. Он начал расследование по поводу жестокого обращения помещика Дулова с крестьянами. Выступил против самодурства генерала И. А. Загряжского.

Забросив стихи, Державин проявлял неутомимую волю к деятельности в том духе, в каком он представлял себе роль администратора просвещенной монархии. Но именно его деятельность губернатора показывает, что идеалы справедливости, долга и чести встречают неприязнь и раздражение чиновников. Местное дворянство также стало коситься на нового губернатора, утверждая, что он покушается на их исконные права.

Вспыльчивый характер Державина только увеличивает трудности. Губернаторство в Тамбове заканчивается судебным расследованием в Сенате по требованию наместника тамбовского и рязанского И. В. Гудовича. Державин обвинен в превышении власти, в оскорблениях, в дерзости.

В 1789 году он приезжает в Москву, где должно рассматриваться его дело. В периоды служебных неприятностей Державин обычно вспоминает о стихах: его стихи — у Екатерины лучшие заступники. Он пишет оду «Изображение Фелицы» и отправляется с нею в Петербург.

В это время старый приятель Державина Храповицкий читал Екатерине сенатское дело о тамбовском губернаторе и получил распоряжение отыскать оду «Фелица». 11 июля 1789 года Хра-

[1] См.: Б. Дальний и Д. Богданов. Державин в Тамбове. Тамбов, 1947.

повицкий записал в дневнике: «Читал просьбу Державина и поднес оду «Фелица». В ней прочтено при мне:

Еще же говорят не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебе и правду говорить.

Приказано сказать Державину, что доклад и просьба его читаны и что ее величеству трудно обвинить автора оды к Фелице».[1] При этом Храповицкому было сказано: «On peut lui trouver une place».[2]

Когда Державин жил вне служебных дел, он возвращался к литературе. На этот раз были написаны оды «На взятие Измаила», «Любителю художеств», «Прогулка в Сарском селе». В 1791 году Державин работал над «Водопадом». К этому времени относится его сближение с писателями-сентименталистами Карамзиным и Дмитриевым и участие в «Московском журнале». Это пора плодотворных литературных занятий Державина.

В декабре 1791 года, наконец, нашлась должность для строптивого поэта. Екатерина назначила его своим кабинет-секретарем. Казалось бы, честолюбие Державина теперь удовлетворено: он у самого источника почестей и благ, к которому подошел солдатом, он рядом с Фелицей — царицей Севера, вызывавшей его восторг и вдохновение. Екатерина II ввела Державина в круг своих приближенных, стремясь заставить его писать ей новые оды, в которых, казалось бы, нет места лести, и вместе с тем они — сама лесть. В годы французской революции оды Державина, подтверждавшие незыблемость русского престола и дел Фелицы, были особенно ей необходимы.

Но Державин не собирался писать стихи. Напротив, он с величайшим усердием занялся государственными делами. Охваченный яростным стремлением к справедливости, он составлял бесконечные экстракты из огромных сенатских дел. Он резок и требователен. Екатерина II находит его усердие нелепым, отсутствие придворной ловкости — несносным, а его поиски правды во всем и всегда — наивными. К тому же, Державин не писал больше од Фелице. О его придворных отношениях этого времени говорит четверостишие:

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой.
Пищит бедняжка вместо свисту,
А ей твердят: «Пой, птичка, пой!»

---

[1] А. В. Храповицкий. Дневник, СПб., 1874, стр. 296.
[2] «Ему можно бы подыскать должность» *(франц.)*.

Сохранилось послание Храповицкого, в котором он писал поэту:

Оставь при ябеде вдовицу,
Судей со взятками оставь;
Воспой еще, воспой Фелицу,
Хвалы к хвалам ее прибавь.[1]

Державин не внял совету и ответил своему приятелю стихами:

Богов певец
Не будет никогда подлец.

Ты сам со временем осудишь
Меня за мглистый фимиам;
За правду ж чтить меня ты будешь,
Она любезна всем векам...

В конце концов Екатерина II рассталась не без раздражения со своим правдолюбивым кабинет-секретарем. Его назначили сенатором. Это была отставка, немилость.

В 1795 году Державин поднес Екатерине II рукописный том избранных своих стихотворений. В стихотворении «Властителям и судиям», отражавшем гражданственные настроения Державина, Екатерина II усмотрела отголоски французской революции. Державину пришлось давать объяснения, и даже то, что стихи были переложением 81-го псалма, не вполне убедило императрицу. Державин, разумеется, не принял и не мог принять буржуазной революции и писал об этом прямо и откровенно в стихах «Колесница» и «На панихиду Людовика XVI». Подозрительность Екатерины — лишнее свидетельство растерянности в те годы при екатерининском дворе.

Поднесению тома рукописных стихотворений предшествовала просьба Екатерины, «чтобы Державин продолжал писать в честь ее более в роде Фелицы». В воспоминаниях поэта сохранилась страничка о его мучениях, вызванных этим приказанием. «Сколько раз ни принимался ⟨он⟩, сидя по неделе для того запершись в своем кабинете, но ничего не в состоянии был такого сделать, чем бы он был доволен: все выходило холодное, натянутое и обыкновенное,

---

[1] Впервые опубликовано Г. А. Гуковским в примечаниях к избранным стихотворениям Державина, изд. «Советский писатель», 1933, стр. 485.

как у прочих цеховых стихотворцев, у коих только слышны слова, а не мысли и чувства». «Хотя дал он ей в том свое слово, но не мог оного сдержать... не мог он воспламенить так своего духа, чтоб поддерживать свой высокий прежний идеал, когда вблизи увидел подлинник человеческий с великими слабостями». Вместо новых стихов Державин преподнес рукописный сборник отчасти уже известных стихов с рисунками близкого к державинскому кружку А. Н. Оленина.

Если в 90-х годах для Державина померк образ Фелицы, то в еще большей степени не соответствовал его представлениям о просвещенном государе Павел I.

С воцарением Павла I Державин вначале, видимо, рассчитывал, что его привлекут к высокой государственной деятельности. Назначение правителем канцелярии Государственного совета оскорбило его, и со свойственной ему несдержанностью он сказал об этом императору. Тот в бешенстве выгнал его из кабинета. 22 ноября 1796 года появился указ, в котором Державину повелевалось: «за непристойный ответ оставаться в Сенате». В воспоминаниях поэт записал: его упрекают в том, что «он бранится с царями и не может ни с кем ужиться».

Об отношениях Державина к обязанностям сенатора вспоминает племянница поэта Е. Н. Львова. Однажды Державина упросили не ехать в Сенат и сказаться больным, потому что, как пишет Львова, «боялись правды его». Державин согласился, попросил почитать ему из его сочинений. П. М. Бакунина, жившая в его доме, раскрыла книгу на оде «Вельможа». Когда она дошла до строк:

Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять — и правду говорить, —

Державин вскочил с дивана, закричал: «Что написал я и что делаю сегодня, подлец!» — оделся и поехал в Сенат.[1]

Разочарование в возможности придать верховной власти в России форму просвещенного абсолютизма никогда не было прямо высказано Державиным. Однако оно существовало и отразилось в его творчестве. Это было одновременно и разочарование в либеральных идеях державинского кружка первых лет его возникновения и разочарование в собственных усилиях на служебном поприще.

---

[1] «Русская старина», 1880, т. XXVIII, июнь, стр. 347.

Об этом косвенно говорит второе послание Державина «Храповицкому». Видимо, перечитав том стихотворений, поднесенный поэтом Екатерине, Храповицкий весной 1797 года написал приятелю послание с осторожным, но все же упреком в лести:

Люблю твои я стихотворства:
В них мало лести и притворства,
Но иногда — *полы лощишь*...[1]

Державин ответил сразу же с необычайной искренностью стихами, бросающими свет на его мироощущение в годы павловского царствования:

Страха связанным цепями
И рожденным под жезлом,
Можно ль орлими крылами
К солнцу нам парить умом?
А хотя б и возлетали, —
Чувствуем ярмо свое.

Закончил Державин послание стихами:

За слова — меня пусть гложет,
За дела — сатирик чтит.

Пушкин по поводу этих строк сказал Гоголю: «слова поэта — суть его дела».

В 1798 году вышел первый том собрания сочинений Державина. Цензура исключила из тома стихотворение «Властителям и судиям». В «Изображении Фелицы» она усмотрела выпад против монархии в строках:

Самодержавства скиптр железный
Моей щедротой позлащу, —

и вычеркнула их.

По этому поводу Державин настойчиво писал куратору Московского университета Ф. Н. Голицыну, удивляясь, что не пропускают строки, которые печатались раньше, писал графу Головину, состоявшему гофмаршалом при великом князе Александре Павловиче, рассчитывая на покровительство; писал о том же князю А. Б. Куракину — генерал-прокурору.

Павел I предложил Державину через Куракина переделать стихи. Державин возмутился и с характерным для него упорством

---

[1] Г. Р. Державин. Собр. соч., т. II, 1865, стр. 50.

вписал запрещенные строки собственной рукой во многие экземпляры. Исказившее его мысли, испорченное издание Державин не продолжал.

К концу века изменилось мироощущение Державина. Огромная по своим масштабам административная деятельность не принесла удовлетворения. Трудно, да пожалуй, и невозможно было что-либо переменить в деспотически управляемой России.

В эти годы одолевавшего его по временам разочарования Державин написал стихи «К Правде», которую он всегда защищал:

Слуга, сударыня, покорный!
Пускай ты божеская дочь,
Я стал уж человек придворный
И различу, что день, что ночь.
Лет шестьдесят с тобой водился,
Лбом за тебя о стены бился,
Чтоб в верных слыть твоих слугах;
Но вижу, неба дщерь прекрасна,
Что верность та моя напрасна:
С тобой я в чистых дураках!..

Характерна и эпиграмма «На гроб неудачного». Поэт относил ее к себе:

Мазилка, скоморох, вождь, писарь и толмач,
Торгаш и опекун, докладчик и рифмач,
Считал, судил, мирил, а больше защищался,
Был и охотником, за многими вдруг гнался,
Но ни единого он зайца не поймал, —
Увы! в сей гроб упал.

Вся общественная и государственная деятельность Державина иронически отразилась в этой эпиграмме. Жизнь опрокидывала его надежды. Достигнув вершины благополучия, о которой мог мечтать человек его времени, он испытывал разочарование.

Это чувство, своеобразно сказавшееся в его творчестве, испытывал не он один. Девяностые годы, когда подверглось разгрому передовое направление русской общественной мысли, когда заточили в крепость Новикова и сослали в Сибирь Радищева, были периодом крушения и либеральных надежд. В эти годы русский сентиментализм проповедует отказ от политической деятельности. Вместо совершенствования жизни дворянству предлагалось совершенствовать свой душевный мир, свое духовное «я».

Идут годы, Державин все реже обращается к гражданственной поэзии и сатире.

Приход к власти Александра I вдохновляет Державина. Он обращается к самодержцу с одой, в которой пишет:

Унылa Муза, в дни Борея
Дерзавшая вслух песни петь,
Блаженству общему радея,
Уроки для владык греметь!
Перед царем, днесь благосклонным.
Взяв лиру, прах с нее стряси
И сердцем радостным, свободным
Вещай, греми, звучи, гласи...

Стихотворение запретила цензура за две строки: «Умолк рев Норда сиповатый, Закрылся грозный, страшный взгляд», в которых все узнали Павла I. Александр I подарил автору перстень, но оды печатать не разрешил. Ода, являвшаяся как бы новой программой просвещенного абсолютизма, осталась в рукописи до издания 1808 года. Но ее жадно читали в списках и даже переводили.

Чем дальше, тем все глубже становится противоречие между творчеством и государственной деятельностью Державина. Теперь ему не по душе и весьма осторожный либерализм первых лет царствования Александра I. Никогда Державин не стремился даже к конституции, он всегда стоял за просвещенную монархию — с его точки зрения, вершину всех возможных форм правления. Он за патриархальные отношения с крепостными и за крепостное право. Как и многие дворяне, Державин занимается совсем не дворянским делом: по временам ведет торговлю скотом и зерном, содействует строительству фабрик, не понимая, что помогает рождению строя, который уничтожит феодальный абсолютизм. Он видит, как постепенно скудеют и вянут старые формы жизни, и винит в этом своекорыстных и бездарных слуг самодержавия. Он печется о дворянских интересах.

В 1802 году были образованы министерства и Александр назначил Державина министром юстиции.

Когда в 1803 году в Сенате обсуждался проект графа Потоцкого, предполагавший значительные льготы для дворян в воинской службе, Державин решительно выступил против проекта: воинская служба — долг дворянина, она основа его привилегий, она источник мужества и сил сословия; изнеженность и бездеятельность — вот что угрожает дворянству.

В том же году Державин выступил против указа о вольных хлебопашцах, усмотрев в нем ущерб дворянству и посягательство

на крепостное право. Он примкнул к группе екатерининских вельмож, сопротивлявшихся попыткам Александра I в начале царствования пойти на незначительные либеральные реформы. Александр решил отказаться от услуг своего министра юстиции. На вопрос Державина, в чем его ошибка, он с усмешкой сказал: «Ты очень ревностно служишь».

В октябре 1803 года Державин ушел в отставку. Еще в 1797 году он купил на реке Волхове имение Званка, с которым связано его знаменитое послание «Евгению. Жизнь званская» и где он в летние, свободные от служебных дел месяцы занимался поэзией.

Летом в имении, а зимой в Петербурге в большом доме на Фонтанке Державин вел жизнь екатерининского вельможи на покое. Но поэтический гений его не скудел. В 1804 году он собрал книгу «Анакреонтические песни» — главным образом любовных легких стихотворений, имевших огромный успех у читателей. В 1808 году, наконец, вышли четыре тома сочинений. Из них три тома — лирики. Впервые в этом издании появились стихи, ходившие во множестве списков по рукам. В лучших гражданских стихах звучало презрение к вельможам и признание высокого звания — Человек. А сам Державин в эти годы оказался в центре консервативного круга; к державинскому кружку присоединились А. С. Шишков, актер И. А. Дмитревский, А. С. и Д. И Хвостовы. В 1811 году кружок Державина превратился в «Беседу любителей российского слова» — официальное литературное общество, в котором состояли и александровские сановники П. В. Завадовский и А. К. Разумовский, куда, как во дворец, следовало являться в мундирах и орденах. В «Беседе» бывали и А. Н. Оленин, и И. А. Крылов, и Н. И. Гнедич.

Против «Беседы» выступил «Арзамас» — молодое содружество сторонников Карамзина, в кругу которого появился лицеист Пушкин. Державин, несмотря на свои личные симпатии к членам «Беседы», сохранял независимую позицию, понимая прогрессивное значение деятельности ее молодых противников. Еще в 1805 году он писал И. И. Дмитриеву по поводу комедии Шаховского «Новый Стерн», направленной против карамзинистов: «Предвижу я между Москвою и Петербургом великую литературную бурю. Твердят уже здесь на театре русского Штерна; тут-то полетят громы и молнии; штыки нового и старого штиля засверкают, меж коими я, прижавшись в уголку...»

В 1811—1812 годах Державин написал свои известные авто-

биографические «Записки» (1743—1812), появившиеся в печати лишь в 1859 году в журнале «Русская беседа». Публиковались они по рукописи, которую Державин собирался в дальнейшем перерабатывать. Написаны они тяжеловесной прозой без особой заботы о стиле и языке. Быть может, этот первоначальный вариант предназначался только для самого автора.

«Записки» Державина, подвергавшиеся резкой критике в 60-х и 80-х годах XIX века, «Записки», о которых можно сказать, что они «великолепный донос потомству на самого себя», явились одним из характернейших мемуарных документов эпохи. В них почти не отразился Державин-поэт. Мемуарист занят главным образом службой, чиновничьими отношениями, придворным кругом. В «Записках» сказалась горячая, тщеславная и вместе с тем наивная натура Державина, его страсть к чинам и милостям, его честность в делах службы.

В последние годы жизни Державин увлекался театром. Он написал ряд стихотворных трагедий, опер и комедий, он переводил трагедии Расина стихами. Пьесы Державина не стали значительным явлением в русской драматургии. Они не театральны, лишены подлинных характеров, ситуации в них поверхностны. Они напоминают представления середины века с музыкой и танцами, написанными к определенному случаю. Среди них следует упомянуть: театральное представление с музыкой в пяти действиях «Добрыня» (1804), «Пожарский или освобождение Москвы. Героическое представление в четырех действиях с хорами и речитативами» (1806), оперу в трех действиях «Рудокопы». Эти произведения — по существу либретто оперного характера, где в отдельных стихотворных отрывках сказывался поэтический талант Державина.

Державин умер 8 июля 1816 года в Званке. Его небывалый жизненный путь от солдата до поэта и министра, его жизненный опыт нашли отражение в его поэзии. Провинциальный дворянин, чиновник, государственный деятель, он был выразителем идей просвещенного абсолютизма в России; в его поэтическом творчестве, в его лирическом мире, глубоко индивидуальном, несмотря на рамки классицизма, светлом, солнечном, полном энергии и молодости, среди других тем звучали темы и мысли бурного века Просвещения, звучал его критический дух. Державин не только воспевал Екатеринин век, но с огромной поэтической силой критиковал его, и это критическое направление придавало крылья его поэзии.

2

Поэзия Державина формировалась в те годы, когда русский классицизм достиг своих вершин и появились первые признаки его увядания. Еще восхищались торжественными одами Ломоносова, еще аплодировали трагедиям Сумарокова; Херасков трудился над своей героической эпопеей «Россияда» (1779), которая должна была стать украшением классической поэзии, а в действительности, едва родившись, устарела. Учение Ломоносова о «трех штилях» — одна из основ русского классицизма, сыгравшая огромную прогрессивную роль в нормализации литературного языка, — все еще сохраняло непререкаемый авторитет. Как и в первой половине века, поклонялись античному искусству, источнику величайших образцов для подражания, и законодателю французского классицизма Буало. Литературные споры Ломоносова и Сумарокова при всем различии творческих устремлений по существу не выходили за пределы классицизма.

В Западной Европе в середине XVIII века классицизм еще сохранял свои эстетические нормы, но уже нес зрителю и читателю новые идеи, и это не могло не привести в конце концов к крушению стиля. В этом отношении особенно любопытен Вольтер — создатель философско-политической трагедии, воплощавшей новые идеи просветительства и сохранявшей вместе с тем старые формы. Всю жизнь он находился под обаянием Расина и в то же время восхищался Шекспиром, хотя и считал его гениальным варваром в области театра. Противоречивые вкусы Вольтера, его стремление «вывести трагедию из состояния вялой пошлости», то есть увести ее от стареющих традиций классического театра, как он писал своему другу д'Аржанталю в 1794 году, — все это отражало эволюцию стиля.

Европейский классицизм, связанный с придворной культурой, в XVII столетии сопутствовавший победам абсолютизма и централизованной государственной власти, эволюционировал по мере становления буржуазных отношений и буржуазных идей. На него влияло рождение нового сентиментального направления. И только революция во Франции на короткое время вдохнула в классицизм новую жизнь, воспользовавшись его строгими, возвышенными и отвлеченными формами, к которым обращались тогда представители всех родов искусства — от живописца Давида до автора трагедий и стихов Мари Жозефа Шенье.

В России политические идеи абсолютизма, на которые опирался классицизм, разрушала стихийная крестьянская война и вызванные ею к жизни новые настроения; эти идеи изменялись под влиянием многих социальных причин, в том числе уравнительной власти денег, власти «злата», о которой Херасков в оде «Злато» писал:

Оно земного язва круга,
В нем скрыта смерть и злость сама.

Менялись представления о человеке в самой общественной жизни, в философии, в искусстве. Все это подтачивало основы господствующего литературного направления. Однако в России классицизм продолжал существовать до конца XVIII столетия и позже, уже уступив первенство в борьбе новым литературным течениям, в известной мере влияя на них, передавая им и былые свои завоевания и свои исторически сложившиеся слабости.

В это бурное, стремительное время Державин попытался пойти по пути Ломоносова. Как и Ломоносов, он был патриот. Победы русского оружия его вдохновляли. Перед ним открывался путь одической поэзии. Однако он не пошел по этому пути. Как говорил о себе Державин, «он хотел подражать Ломоносову, но чувствовал, что талант его не был внушаем одинаковым гением, он хотел парить и не мог». Державин отказался от великолепия и пышности од Ломоносова. Гоголь в своей статье о русской поэзии писал, что мысль о сходстве Ломоносова с Державиным исчезнет, «как только всмотришься покрепче в Державина». Не было прямых связей и в творчестве Сумарокова и Державина.

Вместе с тем у Ломоносова Державин нашел краски для изображения, говоря словами Гоголя, «государственного величия России». У Сумарокова его несомненно привлекала известная простота стиха, обращение к среднему «штилю», песни и любовная лирика.

В 1779 году Державин, отказавшись от следования Ломоносову, избрал, как он сам говорил, совершенно особый путь, «будучи предводим наставлениями Баттё (теоретика классицизма. — *А. К.*) и советами друзей своих Н. А. Львова, В. В. Капниста и И. И. Хемницера».

В чем же заключались особенности державинского пути? Если вглядеться в мир поэзии Державина, в нем прежде всего замечаешь, как звучит то на один лад, то на другой тема высокого достоинства человека, одна из важнейших философских и

социальных тем времени. На эту тему, несомненно, говорили в кружке Державина, о ней писали в журналах, выступали с кафедры Московского университета; она волновала Новикова; она влекла к себе Радищева, и уже в ссылке в Илимске он берется за труд «О человеке, о его смертности и бессмертии». Эта тема разрабатывалась в самых различных аспектах — от тех, которые предлагали французские просветители-материалисты, до консервативно-религиозных построений правого крыла масонов. О правах человека размышляли представители всех сословий в то время, когда рушился феодальный порядок. Державин был первым русским поэтом, в творчестве которого с особенной силой отразилась антифеодальная борьба за человеческое достоинство.

В знаменитой в XVIII столетии оде «Бог» выражено деистическое представление о мире, в котором человеку отведено первое место. В оде «Бог» о человеке сказано:

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!

В этих стихах раскрыта безграничность человеческих возможностей. Чувство противоречивости жизни и поэтическое выражение ее противоречий было присуще таланту Державина. Но как ни глубоки социальные противоречия, как ни велико расстояние от царя до раба, — человек остается «связью миров» и «чертой начальна божества». Перифразируя слова Державина, сегодня он прах, а завтра — творец.

По поводу оды «Бог» В. К. Кюхельбекер записал в 1835 году в своем тюремном дневнике: «У Державина инде встречаются мысли столь глубокие, что приходишь в искушение спросить: понял ли сам он вполне то, что сказал».[1]

Поэт обращался к теме человека, утверждая равенство, присущее самой человеческой природе:

Владыки света люди те же,
В них страсти, хоть на них венцы.

---

[1] Дневник В. К. Кюхельбекера, изд. «Прибой», 1929, стр. 225.

В стихотворении «Властителям и судиям», одном из лучших своих произведений, Державин писал о равенстве царей и рабов перед неизбежностью смерти:

Цари! — Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья, —
Но вы, как я, подобно страстны
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

В обличительных строфах звучит утверждение того естественного равенства людей, о котором писали французские просветители и которое противопоставлялось социальному неравенству. Тема равенства естественно соединяется с темой свободы. В «Изображении Фелицы» Державин, обращаясь к Екатерине II, советовал: «Свободой бы рабов пленила И нарекла себе детьми». Державин в этих стихах не имел в виду свободу крестьян. Речь в них идет о свободной деятельности, ограниченной феодальными порядками.

В каких бы направлениях ни разрабатывалась тема, главное в ней — высокое звание «Человек». Даже для Екатерины не должно быть ничего выше: «Поднес бы титлы ей священны; Она б рекла: «Я человек».

О мудром и справедливом исполнителе власти писал Державин в стихотворении «Время», утверждая, что для него прежде всего важно быть человеком:

Им ни время не владеет,
Ниже злато, ни сребро;
Он порядку дел радеет,
Любит общее добро;
Убегая пышных вздоров
И блестящих мелочей,
Он во сане прокуроров,
Всех вельмож, судей, царей
Чтит лишь только человека
И желает сам им быть.

Эти мысли поднимали представление о человеческом и человеке на высоту, совершенно чуждую самодержавию. Вспомним, что «принцип монархии вообще — презираемый, презренный, *обесчело-*

веченный человек».[1] В свете этой мысли Маркса открывается гуманистическая и прогрессивная сила важнейшего лейтмотива державинской поэзии. Совершенно отчетливо сознавая эту тему как тему всей своей поэзии, Державин писал уже в конце литературного пути:

Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им,
Ум и сердце человечье
Были гением моим.

Тема человека, которому следует утвердить свое человеческое достоинство, а следовательно и права, переплеталась с темой служения просвещенному государству. Эта идея патриотически настроенного Державина жила во многих его стихах.

Прежде всего она связана с темой «общей пользы», отчетливо выраженной в песне «Любителю художеств». В песне развивается мысль о том, что холодные к искусству, не понимающие его эгоисты равнодушны и к общей пользе; от них боги отвращают свой взор, фурии влагают в их сердца черствый, грубый вкус и жажду злата, они враги общего добра. Таких

Ни слеза вдовиц не тронет,
Ни сирот несчастных стон;
Пусть в крови вселенна тонет,
Был бы счастлив только он...

В «Водопаде», говоря о государственном деятеле, Державин писал:

Блажен, когда, стремясь за славой,
Он пользу общую хранил...

С темой человеческого достоинства и служения «общей пользе» тесно связаны обличительные мотивы державинской поэзии. Державин не писал сатир. Он не шел дорогой Кантемира и Сумарокова, но в самой высокой и праздничной его оде неожиданно рождались бичующие строки.

Печальный опыт административной деятельности привел поэта к созданию оды «Вельможа». Некоторые стихи этого стихотворения стали крылатыми:

Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. I, стр. 374.

П. А. Вяземский называл «Вельможу» лирической сатирой. В стихотворении отчетлива направленность против потемкинской придворной черни. В пример вельможе-Потемкину, второму Сарданапалу, князю тьмы, как называли его противники деспотического самодержавия, Державин ставил Петра I, который,

Оставя скипетр, трон, чертог...
Блистал величеством в работе...

Пока вельможа спит и на его ложе блистают розы и лилеи, в передней дожидаются израненный герой, солдат, потерявший ногу в боях, вдова с младенцем.

Проснися, сибарит! — Ты спишь
Иль только в сладкой неге дремлешь,
Несчастных голосу не внемлешь, —

восклицает Державин, и эти строки предсказывают гневные стихи поэтов-декабристов против временщиков. В «Размышлениях у парадного подъезда» Некрасова неожиданно слышатся интонации, напоминающие «Вельможу». Воспевая по самым различным поводам и соображениям фаворитов Екатерины II и вельмож, Державин сквозь «мглистый фимиам» умел сказать и обличительное слово.

Пушкин назвал Державина «бичом вельмож, разоблачавшим горделивые кумиры». Однако не следует забывать, что обличал Державин с позиций сторонника просвещенного абсолютизма, что завоеватель Батый и республиканец Марат для него синонимы:

Батыев и Маратов слава
Во ужас дух приводит мой...

Но объективно звучание державинской гражданской поэзии оказалось значительно шире содержания, которое вкладывал в нее автор.

С новым, просветительским представлением о человеке, о его внесословной ценности тесно связано в поэзии Державина и утверждение в стихах лирического «я» поэта. Державин не стремился к утверждению субъективного, индивидуального начала в поэзии, как сознательно в борьбе с классицизмом стремился Карамзин. Но его стихи открыли Карамзину величайшее значение личности творца, его этических и духовных качеств. С рождением державинской лирики утверждается новое направление в русской поэзии, которое станет господствующим в XIX столетии и позже.

Объективный мир, к отражению которого в обобщенных и условных формах стремился классицизм, теперь сливается с субъективным миром поэта, и без их в каждом случае неповторимо своеобразного единства отныне не существует для читателя истинной поэзии.

В державинской поэзии лирическое «я» — это сам Державин. Сатирически ли описывал Державин вельмож, писал ли послания Храповицкому, Львову, Капнисту, художнику Рашету или своим соседям, — всегда в его стихах присутствовал и он сам, не сдерживавший ни своей откровенной мысли, ни «сгиба ума русского», как говорил Белинский; в его стихах присутствовал образ поэта-правдолюбца, образ непреклонного и независимого человека, бесстрашно вещающего истины царям. Он покорял современников: никого из поэтов так жадно не читали и не переписывали во всех уголках России в конце XVIII и начале XIX столетия, как Державина.

Разумеется, традиция классицизма вносила в державинские оды и риторичность и назидательность, но живой образ поэта утвердился в его поэзии. Особенно отчетливо он выступает в стихотворных одах-посланиях друзьям, в небольших лирических стихотворениях, в «Жизни званской», в любовных и анакреонтических стихах. Мир поэзии раздвигается, в него входит частная жизнь и конкретный, вещный, окружавший поэта мир.

Писатель классицизма рисовал героев как бы вне исторического времени, чаще всего носителями одной страсти, мысли, чувства — однолинейные образы добродетелей и пороков, — а в поэзии Державина появился его живой современник. Державин часто не решался сразу же публиковать только что написанные стихи, словно стремясь, чтобы время сгладило их интимно-домашний, частный или сатирически-злободневный характер. Иногда он из осторожности даже отказывался от своих стихов. Так было, по словам Бантыш-Каменского, «с едким сочинением «Вельможа», когда оно, задолго до публикации, появилось в списках: «Все целили в Державина, но он отпирался».

Несмотря на античные мотивы, иносказания и аллегорию, читатель без труда угадывал реальный подтекст державинской лирики. Читая в «Московском журнале» стихотворение «К Эвтерпе», читатели, конечно, догадывались о том, что Эвтерпа — М. Л. Нарышкина, дочь вельможи Л. А. Нарышкина, а Марс — Потемкин. Примечание в «Московском журнале», что стихи написаны по случаю пляски на мызе И. И. Шувалова

в августе 1789 года, придавало стихотворению особенную остроту. Любопытно, что Шувалов, как видно из письма Карамзина к Дмитриеву от 1791 года, «отрицал пляску на мызе», видимо не желая, чтобы его имя связывалось с отношениями Потемкина и Нарышкиной. А ведь стихотворение было опубликовано после события через два года.

Когда в 1796 году Карамзин издавал «Аониды», Державин послал ему стихотворение «Приглашение к обеду», обращенное к П. А. Зубову, И. И. Шувалову и А. А. Безбородко. Карамзин, нуждавшийся в стихах, все же отказался их напечатать — настолько частным и домашним делом Державина звучали они даже для Карамзина. Карамзина смущали возможные обиды задетых между строк вельмож и неприятности для него как для издателя. В стихотворении Державин прозрачно намекал на своих врагов — Гудовича, Завадовского, Тутолмина.

Для современника все намеки в стихах Державина были понятны. Не скрывала мысли и аллегорическая символика, характерная для классицизма. Но со временем эти особенности должны были отдалить державинскую лирику от ее жизненной основы. Державин этого опасался. Ему, первому русскому поэту, оценившему поэтическое значение индивидуальной связи поэта и жизни, необходимо было сохранить эту связь для читателя в стихах. Так родился в 1809 году подробнейший автокомментарий Державина — единственный в русской поэзии («Объяснения на сочинения Державина относительно темных мест, в них находящихся, собственных имен, иносказаний и двусмысленных речений, которых подлинная мысль автору токмо известна; также изъяснение картин, при них находящихся, и анекдоты, во время их сотворения случившиеся»).

Однако державинский стих жил и продолжает жить и без комментария. Он творил свой поэтический мир, в котором отразились и мысли и страсти людей его века. Комментарий, объяснявший отдельные частности, символику и злободневные намеки, оказался полезен главным образом историку, для понимания державинской поэзии.

3

В самом конце 70-х годов Державин, отказавшись от ломоносовской теории «штилей», смешал «высокий», «средний» и «низкий» стили в своей поэзии и создал свой новый «забавный» слог.

В стихотворении «Памятник» он по существу им объяснял свою славу:

Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,
Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.

«Забавный слог», казалось, не противоречил классицизму. Буало допускал в стихах переходы «от важного к нежному, от шутки к суровому» и писал об этом в «Поэтическом искусстве».

С одной стороны, «забавный слог» явился отражением контрастов жизни, о которых писал Белинский и о которых мы говорили выше, контрастов, заставлявших сплетать оду с сатирой, дворянские пиры с погребальными мотивами, успехи, славу, счастье — и смерть. С замечательной силой он обнаружил свое разрушающее классицизм своеобразие в оде «Фелица». С другой стороны, «забавный слог» отражал личность поэта — веселое простодушие его поэтического «я», его энергичный и деятельный темперамент, солнечную игру и пестроту красок его поэтического мира. Забавный слог был не только элементом стиля, но самой сутью державинской лирики.

И. Введенский, публицист, близкий к кругу Чернышевского, сказал в одной из любопытнейших статей о Державине, что если бы поэт ничего не написал кроме «Фелицы», то и тогда одним этим стихотворением он положил бы начало новой русской поэзии.

Державин ощущал новаторское значение этой оды. В письме О. П. Козодавлеву в мае 1783 года он писал: «Не знаю, как обществу покажется такого рода сочинение, какого на нашем языке еще не было». В «Фелице» Державин нарисовал властительницу России не со скипетром, как этого требовал классицизм, не с обязательной для высокой темы торжественностью и отвлеченностью, а в бытовой обстановке, среди атрибутов едва ли не пуританской жизни. И если это противоречило игре страстей и роскоши двора — что ж, это был его, Державина, идеал владыки, который он хотел бы видеть на престоле.

Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом...

. . . .
Читаешь, пишешь пред налоем
. . . .
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.

Шутливым пером, противоставляя добродетели Фелицы порокам ее слуг, Державин нарисовал образ поэта, живущего независимой жизнью, придав ему отдельные черты известных вельмож, чьи имена читатель угадывал по намекам. Поэт, выступающий в оде, это сам Державин. Он подробно, все в том же шутливом тоне говорит и о себе:

А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью
. . . .
Полкана и Бову читаю;
За библией, зевая, сплю.
. . . .
Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.

Трудно сказать, чего больше в последних строках: шутливого уничижения или гордости человека, который вправе похвастать тем, что на него весь свет похож. Шутки Державина приобретали своеобразный сатирический оттенок. Зевать над библией и предпочитать ей рыцарские повести — вольтерьянская вольность. И хотя Державин пояснял в своем комментарии, что строки о библии относятся к князю Вяземскому, заставлявшему его читать вслух о Бове и Полкане, существо дела не менялось. Отголоски тем, мыслей, идей просвещения звучали в поэзии Державина.

Державин превосходно ощущал контрасты своей оды. В цитированном выше письме к Козодавлеву он писал: «Я добродетели царевны противуположил моим глупостям».

Почти интимная откровенность с глазу на глаз и переходы от высокого поэтического тона к просторечию составляли особенность «забавного слога», сближая оду с сатирой.

В «Фелице» Державин рисовал Екатерину II покровительницей промышленности, инициативы, дворянской вольности. При Екатерине можно: «И, казни не боясь, в обедах За здравие царей не пить». Характер правления киргиз-кайсацкой царевны поэт связывал с царствованием Петра I и, следуя за Ломоносовым, писал: «Развязывая ум и руки, Велит любить торги, науки». В действительности Екатерина II была весьма далека от идеального поэтического образа, созданного Державиным.

В замечательном стихотворении 1779 года на смерть до того никому не ведомого князя Мещерского Державину (еще до «Фелицы») удалось передать то неизменное чувство противоречивости жизни, не покидавшее поэта, которое предопределило рождение «забавного слога».

В стихах на смерть неуместна шутка, они трагичны. Высоко и торжественно звучит в них зачин:

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает...

И вдруг в конце Державин с высоты оды переходит к тону почти дружеской застольной беседы:

Сей день иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам конечно:
Почто ж терзаться и скорбеть...

Контрасты, стремительные переходы от «высокого» стиля к «низкому», колебания тональности державинского стиха поражали современников. Казалось, ломается стих, исчезает связь мыслей. Один из переводчиков Державина, Дюпре де Сен-Мор, в 20-х годах XIX века попытался исправить этот «недостаток» в своем переводе на французский язык оды на смерть Мещерского и вызвал решительную отповедь. «Но в сих-то смелых переходах и заключается истинно лирическое достоинство», — писал критик П. А. Плетнев.

В этих небывалых до Державина колебаниях тональности стиха, связанных с разнообразием его интонаций, коренились истоки державинского стиля.

Как мы уже говорили, с появлением в печати «Фелицы» началась шумная слава Державина. Переводчик Костров отправил в журнал «Собеседник...», где в 1783 году была напечатана ода, послание, в котором восхищался прекрасной новизной «Фелицы». Поэт Козодавлев говорил, что Державин «проложил новый путь на Парнас». Николева, поэта и драматурга, автора тираноборческой трагедии «Сорена и Замир», на всю жизнь покорил «забавный русский слог» Державина.

Однако значение «Фелицы» для Державина было не в том, что ему, уже немолодому человеку, «солдату» и строптивому администратору, она принесла известность при дворе и поклонников и подражателей в литературе, а в том, что она доказала жизнеспособность и силу его «забавного слога».

После «Фелицы» новый слог Державина вошел в силу и заблистал всеми красками остроумия, неожиданными переходами от серьезности к шутке, от света к тени, от славянской стихии к просторечию, от одической гиперболизации к реалистической детали. В нем обнаружились и бурный темперамент и поэтическое своенравие поэта.

В знаменитых одах о Фелице, особенно таких, как «Видение Мурзы», «Изображение Фелицы», Державин теперь с полной свободой, уже не боясь никаких препятствий, утверждал свой «забавный слог».

Любопытно в этом отношении «Видение Мурзы». Ода была написана в защиту от упреков в лести. Державин нарисовал (именно нарисовал: в его поэзии всегда очень сильны пластические начала) дом, в котором все засыпают, и поэта, в тишине сочиняющего стихи. В это время расступаются стены, появляется Фелица. Екатерина нарисована, как ее изобразил художник Левицкий, по совету Н. А. Львова, возле жертвенника, на котором она сжигает красные маки. Поэт вложил в уста Фелицы свои мысли о человеческом достоинстве, о ничтожности лести, о поэзии.

В этом монологе Фелица и произносит заветную мысль поэта о том, что «владыки света люди те же». Защищаясь от упреков Фелицы, Державин отвечает с великолепной свободой, свойственной «забавному слогу»: он не льстит, а говорит правду, что бы ни утверждали придворные о его стихах. В конце беседы неожиданно появляются басенные, поговорочные по всему своему складу строки:

И словом: тот хотел арбуза,
А тот соленых огурцов...

В доказательство серьезности своего шутливого разговора Державин писал о делах Фелицы:

Я пел, пою и петь их буду
И в шутках правду возвещу...

Шутливый слог был связан и с народным юмором и с народными словечками в стихах поэта.

Характерным примером победы нового слога явилась ода «На Счастие». В основе ее лежали популярные в XVIII веке стихи Ж. Б. Руссо о скоротечности и превратности счастья, которые переводили и Ломоносов и Сумароков. Державин, соревнуясь, обратился к тому же источнику.

Стихи, которые написал Державин, задумавшись над одой

Руссо и переложениями своих предшественников, оказались на пределе возможностей шутливого слога. Как бы оправдывая характер своей оды, он в рукописи сделал приписку: «Писано на Масленой, когда и сам автор был под хмельком». Ода создавалась весной 1789 года, когда во Франции началась революция и вся Европа обсуждала французские дела. Она была «полна ярмарочного шутовства по поводу серьезнейших дел».[1] Это — довольно точная характеристика стилистической природы «забавного слога»: стихи оды отражали веселое презрение к общепринятым истинам.

В стихах «На Счастие» множество намеков на русский и европейский дворы, где

На пышных карточных престолах
Сидят мишурные цари.

В этих стихах, полных масленичного веселья, проглядывает и трагическая сторона феодального крепостного мира, еще могучего, еще победного, но катящегося, как это кажется Державину, неведомо куда. И тогда счастье — случай — «на казнь выводит королей» и «раба творит владыкой миру».

Гоголь с особенной силой ощущал своеобразие слога Державина. «Слог у него так крупен, как ни у кого из наших поэтов. Разъяв анатомическим ножом, увидишь, что это происходит от необыкновенного соединения самых высоких слов с самыми низкими и простыми, на что бы никто не отважился, кроме Державина. Кто бы посмел, кроме его, выразиться так, как выразился он в одном месте о том же своем величественном муже, в ту минуту, когда он все уже исполнил, что нужно на земле:

И смерть, как гостью, ожидает,
Крутя задумавшись усы.

Кто, кроме Державина, осмелился бы соединить такое дело, каково ожидание смерти, с таким ничтожным действием, каково кручение усов?»[2] — писал Гоголь.

В этих беглых замечаниях Гоголь коснулся сочетания в поэзии Державина великого и малого, резкого перехода от одного тона к другому — того, что можно назвать поэзией контрастов, проникавшей самое существо державинской лирики.

---

[1] Павел Антокольский. Испытание временем, «Советский писатель», М., 1945, стр. 51.

[2] Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., изд. АН СССР, 1952, т. VIII, стр. 374.

Если в «Фелице» сразу же открылась читателям важнейшая особенность державинской поэзии — «забавный слог», то в оде «Властителям и судиям» обнаружилась другая столь же существенная особенность творчества Державина — гражданский пафос его поэзии. Стихи «Властителям и судиям» положили начало этой линии в державинской лирике. Ода была написана через пять лет после крестьянской войны и явилась как бы размышлением поэта по поводу недавних событий. Социальная тема оды хоть и зашифрована канвой псалма, положенного в основу стихотворения, но все же достаточно прозрачна. Вот почему напечатанное во второй редакции в «СПб. вестнике» в 1780 году стихотворение было по требованию цензуры вырезано из журнала, но с опозданием: часть тиража, видимо, разошлась. Четверостишие:

Не внемлют: грабежи, коварства,
Мучительства и бедных стон
Смущают, потрясают царства
И в гибель повергают трон... —

как бы объясняло с позиций просвещенного абсолютизма причины недавних событий. Прошло еще семь лет, и стихотворение снова появилось в печати, на этот раз в окончательной редакции, в журнале просветительского направления «Зеркало света», и не вызвало возражений: былые ассоциации развеялись.

А в 1795 году, включенное в рукописный сборник, поднесенный Екатерине II, оно принесло автору обвинение в якобинстве: таковы были политическое звучание и емкость образного строя стихотворения. Следует отметить непосредственную связь оды с языком оды «Вольность» Радищева, написанной в 1781—1783 годах.[1] Радищева несомненно должно было привлечь стихотворение Державина остротой политической мысли.

Ода «Властителям и судиям» явилась предтечей декабристской поэзии. Стихи против неправедных владык и призыв «от сильных защищать бессильных, исторгнуть бедных из оков» в мире, где «неправда зыблет небеса», были восприняты в годы французской революции как революционные. Быть может, в этом и следует искать объяснение тому, что Радищев послал Державину

[1] См.: Г. П. Макогоненко. Радищев и его время, 1956, стр. 361—417.

свое «Путешествие из Петербурга в Москву», хотя они, видимо, и не были знакомы.

Державина всегда удивляло толкование стихотворения «Властителям и судиям». Он писал возражения, оправдывался. Но вопреки намерениям автора, стихи жили едва ли не жизнью революционной поэзии.

Поистине многосторонне отразил Державин жизнь своего времени. Длительные войны за выходы к Черному морю, за торговые пути на восток, за украинский юг, подвергавшийся набегам крымских татар, потребовавшие огромных народных усилий, героизма солдат и полководческих талантов, нашли в нем своего певца. Он писал оды: «На победы Екатерины II над турками» (1772), «На приобретение Крыма» (1784), «На взятие Измаила» (1790), «На взятие Варшавы» (1794), «На переход Альпийских гор» (1799).

Военные оды Державина в значительной мере и риторичны и торжественны, в них жива традиция Ломоносова и вместе с тем они изображают жизнь по-державински, с переходами от величавости и витийственности к естественности. В них в центре не придворный, не вельможа, а Росс — собирательный образ народа, и ему посвящены лучшие строфы.

К числу лучших, хотя для нашего слуха несколько громоздких и тяжеловесных, относятся его стихи «На взятие Измаила» «На переход Альпийских гор», а также стихи, посвященные Суворову. В них гражданские мотивы о человеческом достоинстве органически вытекают из патриотического мироощущения поэта.

Отношение Державина к Суворову — также выражение его высоких патриотических и гражданских чувств. Он пел полководца и в годы его опалы и ссылки. Их знакомство относится еще ко времени крестьянской войны. Переписка между поэтом и полководцем началась в 1793 году. В 1795 году Державин побывал у Суворова в Таврическом дворце. Когда полководец вернулся из Итальянского похода, они увиделись вновь в 1799 году. После смерти Суворова Державин писал Н. А. Львову: «Вот урок, вот что есть человек!» Суворов любил державинскую поэзию; ему, умевшему при случае в беседе неожиданно приплести соленую народную присловицу, должны были нравиться соединение лиры и гудка и победительная смелость поэзии Державина. В ответ на присланные поэтом стихи он писал 21 декабря 1794 года: «Песни

ваши как важностию предмета, равно и красотою искусства, возгремят в наипозднейших временах, пленяя сердце... душу... разум». [1]

Одно из лучших стихотворений Державина «Снигирь» написано на смерть опального Суворова. В стихах звучит чувство невозместимости утраты, высказанное со всей силой темперамента поэта:

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари...

Вглядываясь в судьбу полководца, Державин с сожалением, пораженный несправедливостью жизни, восклицает: «Скиптры давая, зваться рабом». В заключительной интонации стихотворения звучит отчаяние:

Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! — что воевать?

Стихотворение примечательно глубокой жизненностью и естественностью красок и силой чувства.

Следует упомянуть о знаменитой оде Державина «Водопад», где говорится о другом полководце — Потемкине. В ней выражена неизменная тема державинской поэзии — мысли о превратности человеческой судьбы. Сам образ водопада — символ времени, уносящего честолюбивые помыслы и всю суету человеческой жизни. Навеянная неожиданной смертью Потемкина на дороге, в степи, ода — поток лирических мыслей поэта о всесильном вельможе. Державин отдает должное его дарованиям, и все же его слава канет в вечность, ее унесет водопад времени. И только истинная слава, рожденная верностью долгу и «общей пользе», такая, как слава Румянцева и Суворова, будет блистать «из мрака веков».

В оде есть строфы, рисующие водопад Кивач на реке Суне среди гор и лесов, в пустынной и дикой местности, написанные в духе раннего романтизма. Державин создает торжественный и таинственный мир, окружающий смерть человека повелевавшего, а теперь обратившегося в прах. Вся ода пронизана множеством символов, раскрытием которых Державин настойчиво занимается

---

[1] Г. Р. Державин, Соч. под ред. Я. Грота, т. VI, стр. 23. Об отношениях Суворова и Державина см. статью С. А. Щеглова в Ученых записках Саратовского пединститута, Саратов, 1948, вып. 12.

в своем комментарии. Так, например, из авторского примечания к строкам «И ты, о водопадов мать! Река на севере гремяща, О Суна!..» мы узнаем, что «водопадов мать» относится к Екатерине, «которая делала водопады, то есть сильных людей, и блистала чрез них военными делами, или победами». Уже в первой половине XIX века эти символы стали зыбкими, исчезали, стихи обретали новую жизнь. Композиция оды сложна и запутанна, но это не столько недостаток, сколько особенность самого жанра. Уяснить своеобразие композиции оды помогают соображения Державина. В «Рассуждении о лирической поэзии, или об оде» он писал: «...ода плана не терпит. Но беспорядок сей есть высокий беспорядок, или беспорядок правильный. Между периодов, или строф, находится тайная связь... Лирик в пространном кругу своего светлого воображения видит вдруг тысячи мест, от которых... достичь ему предмета, им преследуемого; но их нарочно пропускает или, так сказать, совмещает в одну совокупность, чтоб скорее до него долететь».

В коротенькой заметке «О вдохновении и восторге» (1824) Пушкин назвал «Водопад» лучшим произведением Державина, хотя и лишенным, как это свойственно оде, ясного плана. А в другой заметке «О смелости выражений» (1827) привел строфу «Алмазна сыплется гора» в пример высшей поэтической смелости, поставив ее рядом с поэтической смелостью Шекспира, Данте и Гете.

Разрушая все традиционные представления о жанрах, Державин соединял хвалебную оду с сатирой и философскую — со стихами, посвященными праздникам и пирам.

«...роскошь, прохлады, пиры, казалось, составляли цель и разгадку жизни. Со всеми своими благоразумными толками об «умеренности» Державин невольно, может быть часто бессознательно, вдохновляется восторгом при изображении картин такой жизни...» — писал Белинский.[1] И впрямь, в этих описаниях он подробен и живописен, как голландские и фламандские художники XVII века, изображавшие на своих натюрмортах плоды, дичь и вино, играющее в хрустале. Державинское слово образно, зримо передавало этот дворянский пир. Молодой К. Н. Батюшков, перечитав описание потемкинского праздника, писал 1 ноября 1809 года Н. И. Гнедичу, что стихи его поразили и он увидел

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI, 1955, стр. 625—626.

словно наяву «толпу людей, свечки, апельсины, бриллианты, царицу». «Какие стихи! Прочитай, прочитай, бога ради со вниманием: ничем, никогда я так поражен не был!» — писал Батюшков. [1]

Вот описание пира в стихах «К первому соседу»:

Гремит музы́ка, слышны хоры
Вкруг лакомых твоих столов;
Сластей и ананасов горы,
И множество других плодов
Прельщают чувствы и питают;
Младые девы угощают,
Подносят вина чередой,
И алиатико с шампанским,
И пиво русское с британским,
И мозель с зельцерской водой.

В этой строфе поэтическая и музыкальная игра названий вин передает праздничный блеск пира. А как живописно описание обеда в «Жизни званской»:

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь, — икра, и с голубым пером
Там щука пестрая — прекрасны!

М. А. Дмитриев записал несколько рассказов своего дяди, поэта И. И. Дмитриева. Однажды Державин за столом долго смотрел на щуку и сказал, обратясь к Дмитриеву: «Я думаю, что очень хорошо будет в стихах «и щука с голубым пером». [2] Она появилась в «Жизни званской».

Державин изображал то, что видел вокруг себя: он любуется прелестью и красками пира, облаками над сжатым полем, голубой жилкой на виске своей Плениры. Все эти детали — отдельные впечатления, открытия, — проблески его гения, побеждающие одический стих, витийственность и подводящие читателя к действительности. Он любуется всеми этими подробностями и подыскивает им характеристику в слове. Он любит сложные определения: Параша — сребро-розова лицом, ласточка — милосизая птичка. Он весь охвачен пафосом утверждения в поэзии конкретного, зримого мира. И. И. Дмитриев рассказал К. Н. Батюшкову, как он однажды целый день прождал Державина, обе-

---

[1] К. Н. Батюшков. Собр. соч., под ред. Л. Н. Майкова, т. III, 1886, стр. 53.

[2] М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти, М., 1869, стр. 35.

щавшего приехать, и, обеспокоенный, отправился к нему. Он застал поэта погруженным в чтение Сокольничьего устава, изданного при царе Алексее Михайловиче.[1] В этой книге множество специальных охотничьих необыкновенно звучащих слов привлекало Державина.

В одах и трагедиях классицизма почти не существовало бытовой сферы жизни человека. Быт противоречил нормам эстетики. А Державин вносил в свои оды картины дружеских пиров и сельского счастья, и сатиру, и поговорку, а главное, изображал частную жизнь. Сама ода под пером Державина становилась прямым разговором с читателем, была полна блеска, праздников, изобилия, роскоши, так поразивших Батюшкова. Одно из самых солнечных и жизнеутверждающих произведений в этом роде — послание, написанное в старости: «Евгению. Жизнь званская» (1807). Поэт описал в нем день своей жизни в сельском уединении, вдали от дел и придворного круга. Он толкует с плутоватым старостой и лекарем, катается по Волхову, любуется жнецами, возвращающимися с полей, ловит рыбу на удочку, «дичь громит свинцом», радуясь приволью и обилью Званки, ее пчельникам и птичникам, «пурпуру ягод», «бархату грибов», перед ужином играет степенно в карты — «в ерошки, в фараон, по грошу в долг и без отдачи», смотрит представление своих домашних актеров или картинки в волшебном фонаре. Так катится день, и обо всех сопутствующих ему трудах, прелестях и радостях рассказано без каких-либо одических украшений, с величайшей простотой и вниманием ко всем подробностям сельской жизни. Лишь одной черты нет в этой идиллии — неволи, темноты и горя крепостного труда, которые так волновали и мучили Радищева. В одной строке, поистине с небрежностью Горация, творившего во времена рабства, Державин пишет: «Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут». Державину ничто не резало слух в этой строчке. Любопытно, что молодой Пушкин, когда писал «Деревню», видимо вспоминал «Жизнь званскую», но это был спор, полемика, а не увлечение. Первые восемь строк «Деревни» перекликаются с началом державинского послания, а вся вторая часть стихотворения, ходившая только в списках при жизни Пушкина, — обличение помещичьей жизни, «жизни званской», где «рабство тощее влачится по браздам».

---

[1] К. Н. Батюшков. Сочинения, ГИЗ, 1955, стр. 404.

Пушкинский взгляд, взгляд декабристов, был чужд Державину, но, как великий поэт, он отразил в своих праздничных стихах не только прелести, богатство, великолепие дворянской жизни. В солнечных описаниях дворянского безоблачного благополучия у Державина неожиданно появлялась скорбная нота о превратности счастья и конечности, мимолетности земных радостей.

«Приглашение к обеду» начинается одной из самых щедрых картин роскошного обеденного стола:

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят;
В крафинах вина, пунш, блистая
То льдом, то искрами, манят...

Там «смеются плоды в корзинах», и хозяйка, статная, молодая, протягивает руку гостю, приглашая его поесть, попить, повеселиться. Но поэт неожиданно вспоминает: «Что лишь младенчество проводим — Уже ко старости приходим, И смерть к нам смотрит чрез забор». А из послания Перфильеву («На смерть князя Мещерского») мы узнаем, что она

Глядит на всех — и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и сребре кумиры;
Глядит на прелесть и красы...
. . . .
И точит лезвие косы.

В «Приглашении к обеду» печальные размышления Державин заключает стихами:

Доколе не пришли морозы,
В саду благоухают розы,
Мы поспешим их обонять.

Мысли о смерти ложатся как тень на всю картину праздничного бытия. Первым эту черту подметил Пушкин, назвав Державина в поэме «Езерский» «певцом и свадеб, и обедов, и похорон, сменявших пир». Белинский также обратил внимание на эту особенность державинской поэзии и видел в ней отражение «духа» русского XVIII столетия.

Какие жизненные процессы и явления рождали эту тему? Эпикурейская усталость от пиров, для которых тоже приходит

конец? Круг религиозных представлений? Но многочисленные оды на религиозные темы, представляющие наиболее слабую сторону в творчестве поэта, говорят о том, что материализм просветителей и вольтеровский деизм были ему чужды. Несмотря на удивительно глубокие отдельные строфы в оде «Бог», как и большинство людей его времени и круга, Державин, по-вольтеровски несколько демонстративно зевавший над библией в «Фелице», был религиозен. Но религиозные чувства сами по себе не рождали темы смерти и пессимистического взгляда на жизнь у поэта столь неоспоримого душевного здоровья. Скорее всего ее рождало ощущение несовершенного устройства жизни, когда господствует самовластье и большая часть народа, крестьянство, ненавидит своих господ. Державин считал справедливым крепостной труд, в дворянстве он видел цвет народа. И все же, как великий поэт, в годы, когда побеждала французская революция, он не мог не замечать зыбкости дворянского благополучия, и эти мысли не могли не подмешать горечи к его праздничным стихам. Соединение мотивов пира, света, довольства и бренности бытия — своеобразная особенность державинской поэзии.

Державин одним из первых русских поэтов раскрыл свои стихи для природы, для русского пейзажа. П. А. Вяземский поэтически и проницательно охарактеризовал мир природы державинской поэзии: «Державин смотрел на природу быстрым и светозарным взором поэта-живописца. Ломоносов медленным взглядом наблюдателя. Пиитическая природа Державина есть природа живая: тот же в ней пламень, те же краски, то же движение».[1]

Об «Осени во время осады Очакова» Белинский писал, что Державин «дерзнул, вопреки всем понятиям того времени о благородной и украшенной природе в искусстве, говорить о зайцах, о голодных волках, о медведях, о русском мужике и его добрых щах и пиве, дерзнул назвать зиму седою чародейкой, которая машет косматым рукавом».[2] В поэзии Державина «уже слышатся и чуются звуки и картины русской природы», — писал он в другой статье.[3]

А между тем в годы, когда творил Державин, художниками и поэтами классицизма предпочиталась природа, упорядоченная рукой садовника. Вместо картин природы, как в эмблематической живописи XVII века, художник первой половины XVIII столе-

---

[1] «Вестник Европы», 1816, № 15, стр. 230.
[2] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, 1954, стр. 534.
[3] Там же, т. VI, стр. 605.

тия продолжал еще рисовать в углу своего холста, если хотел изобразить ветреное небо, бога северного ветра Борея. Условный аллегорический стиль классицизма, поддержанный традицией, спорил с новым взглядом на мир, ограничивавшим условности и символику. Сам Державин не отказывался от аллегорического стиля. Античные мотивы вносили аллегорию в его поэзию. Например, в кантате «Персей и Андромеда» присутствовал едва зримый сегодня, но очень важный с точки зрения современников аллегорический смысл. Титаническая борьба Персея с чудовищем за прикованную к скале Андромеду символизировала борьбу коалиции европейских государств против Наполеона, за освобождение Европы.

За аллегорическими образами стояли живые лица. В стихотворении «К Эвтерпе», как уже говорилось, Эвтерпа — М. Л. Нарышкина, а Марс — Потемкин; в стихотворении «Развалины» Киприда — Екатерина II; в стихотворении «Геба» Геба — Екатерина Павловна, дочь Павла I, она же Амфитрита в «Шествии по Волхову Российской Амфитриты». Но не всегда аллегория связана с античными мотивами. Стихотворение «К Музе» рисует наступление весны. Это одно из самых поэтичных и живописных описаний весны у Державина. Но последняя строфа иносказательно говорит о коронации Павла I весной 1797 года, и все стихотворение приобретает аллегорический смысл: весна символизирует начало нового царствования. Аллегоризм, мотивы античности, своеобразный иносказательный язык, помогавший затушевать то, о чем не хотелось говорить в стихах открыто, — все это были черты классицизма, органически свойственные державинской лирике.

Олицетворения — живописные символы природы классицизма — оживают в державинской поэзии. Древние боги Олимпа в его одах по закону «забавного слога» ведут себя с человеческим простодушием. В стихах на рождение «порфирородного отрока» «лихой старик» превратил землю в камень — это Борей, бог северного ветра. В описании зимней природы державинского мира

Засыпали нимфы с скуки
Средь пещер и камышей,
Согревать сатиры руки
Собирались вкруг огней.

Греческие боги среди русской зимы, у костров, а рядом — строки простые и ясные, поэтичные в своей почти детской наивности:

Убегали звери в норы,
Рыбы крылись в глубинах,
Петь не смели птичек хоры,
Пчелы прятались в дуплах...

В «Осени во время осады Очакова» — такое же столкновение традиции классицизма и стремления рисовать точно и правдиво окружающий мир. С помощью метонимий и метафор поэт создает неожиданные и глубоко индивидуальные образы. Осень и роскошь приобретают черты олицетворения и как бы входят в сонм олимпийских богов:

Уже румяна Осень носит
Снопы златые на гумно,
И Роскошь винограду просит
Рукою жадной на вино.

И рядом простые, тщательно следующие натуре картины:

Уже стада толпятся птичьи,
Ковыл сребрится по степям;
Шумящи красно-желты листьи
Расстлались всюду по тропам

В опушке заяц быстроногий,
Как холпик поседев, лежит;
Ловецки раздаются роги,
И выжлиц лай и гул гремит.
Запасшися крестьянин хлебом,
Ест добры щи и пиво пьет...

Иногда стихами, соединяющими античные мотивы и вещный державинский мир — мир «живой природы», управляет «забавный слог». В этом отношении характерно позднее стихотворение «Шествие по Волхову Российской Амфитриты»:

Что сияет от заката
В полнощь полудневный свет?
Средь багряна сткляна злата
Кто по Волхову плывет?
Полк тритонов трубит в трубы;
Рыб на дне сребрится бег;
Пляшут холмы, скачут дубы,
С плеском рук бежит в след брег,
И шумят струи жемчужны?

В веселых праздничных стихах появляется олицетворение пляшущих холмов и скачущих дубов.

Наряду с античными мотивами, равноправно, а иногда и побеждая их, в державинской поэзии появляются и национальные, народные краски, еще неведомые русской поэзии. Иногда это образы славянской мифологии, иногда ритмы народной песни, иногда образы и сравнения из былин, иногда это особенности народного языка, как в стихах «Атаману и войску Донскому» или в шуточных произведениях поэта.

Во второй половине 90-х годов XVIII века определилось новое направление в державинском творчестве. Оно было связано с разочарованием поэта в возможности осуществить в России свой идеал просвещенной монархии. В начале XIX века Державин уже не писал гражданских од, хотя слава его как поэта-гражданина в передовых кругах общества росла. Теперь он все больше склоняется к изображению частной жизни. Возрастает его увлечение Горацием, воспевавшим в своих стихах сельскую уединенную жизнь и сельские радости вдали от городской суеты. Еще в 1792 году Державин писал Львову: «Ужель тебе то неизвестно, Что ослепленным жизнью дворской Природа самая мертва?»

Настроения русского дворянского сентиментализма побеждали Державина. В стихотворении «К лире» он дал объяснение этой перемене:

Петь Румянцова сбирался,
Петь Суворова хотел;
Гром от лиры раздавался,
И со струн огонь летел;
Но завистливой судьбою
Задунайский кончил век,
А Рымникский скрылся тьмою,
Как неславный человек.
Что ж? Приятна ли им будет,
Лира! днесь твоя хвала?
Мир без нас не позабудет
Их бессмертные дела.
Так не надо звучных строев,
Переладим струны вновь;
Петь откажемся героев,
А начнем мы петь любовь.

Эти настроения сказались в державинском кружке; они вели к анакреонтическим темам. В 1794 году Н. А. Львов издал сборник своих переводов анакреонтических стихотворений с греческими подлинниками. Увлечение державинского кружка Горацием, кото-

рого всю жизнь с любовью переводил В. В. Капнист, и позже анакреонтикой именно в эти последние годы XVIII столетия нашло особенно горячий отклик у Державина.

В 1804 году он собрал сборник — «Анакреонтические песни» — девяносто четыре стихотворения. Непосредственных переводов в книжке немного; даже те стихи, в которых Державин точно следовал за содержанием оригинала и переводом Львова, далеки от подлинника. Рифма, которую внес поэт в свою анакреонтику, удаляла ее от античного стиха, не знавшего рифмы.

В эту книжку вошли самые разные стихотворения, но все они отличались легкостью, «забавным слогом», искренностью и были явлением новым и необычайным в русской поэзии.

В предисловии к «Анакреонтическим песням» Державин писал: «Для забавы в молодости, в праздное время, и, наконец, в угождение моим домашним писал я сии песни. По любви к отечественному слову желал я показать его изобилие, гибкость, легкость и вообще способность к выражению самых нежнейших чувствований... По неважности своей достойны бы они были забвения; но как многие из них письменные ходят по рукам, а некоторые и напечатанные без моего позволения перепорчены, то чтоб показать истинные, собрал я их и исправил».

Любовная лирика XVIII столетия была значительным явлением в русской литературе, значительным потому, что сквозь пасторальные декорации и украшения прорывалось чувство. И тогда у пастушков и пастушек появлялись живые человеческие черты, а в языке — почти разговорная естественность. Вот почему сегодня из всей поэзии XVIII столетия эти стихи кажутся словно рожденными более близким и понятным нам временем. В особенности это относится к державинской легкой поэзии, определившей в известной мере лирику Карамзина, Дмитриева, многое подсказавшей Батюшкову, а в дальнейшем и Пушкину лицеисту.

Можно ли говорить об условностях классицизма в таком стихотворении, как «Желание» (1797):

К богам земным сближаться
Ничуть я не ищу,
И больше возвышаться
Никак я не хощу.

Души моей покою
Желаю только я:
Лишь будь всегда со мною
Ты, Дашенька моя!

Дашенька — не отвлеченный образ, это Дарья Алексеевна Державина. Стихи — частный домашний разговор поэта, который по всем законам классицизма вообще не мог существовать в литературе. Но в том-то и была могучая сила перемен, внесенных в русскую поэзию лирикой Державина, что стихотворный «разговор с Дашенькой» становился фактом литературы.

Одна из особенностей анакреонтической лирики Державина — юмор и шутка, присущие «забавному русскому слогу». Стихотворение «Пламиде» начинается признанием в любви:

Не сожигай меня, Пламида,
Ты тихим голубым огнем
Очей твоих; от их я вида
Не защищусь теперь ничем.

А заключается иронически:

Но слышу, просишь ты, Пламида,
В задаток несколько рублей:
Гнушаюсь я торговли вида,
Погас огонь в душе моей.

Стихи пародируют возвышенную любовную поэзию, рассказывая в шестнадцати строках коротенькую житейскую историю.

Но в большинстве анакреонтических стихотворений Державин вдохновлен молодостью, любовью, русской красотой. В стихотворении «Дар» поэт говорит Аполлону, давшему ему лиру и совет петь любовь, покой, «приятство»:

Я доволен, света бог!
Даром сим твоим небесным.
Я богатым быть не мог,
Но я мил женáм прелестным.

В известных стихах «Русские девушки» Державин изобразил деревенскую пляску под свирель. Все здесь естественно, полно национальной прелести и грации, восхищающей поэта. Он спрашивает Тиского певца — Анакреонта, — видел ли тот пляску русских девушек:

Как, склонясь главами, ходят,
Башмаками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят
И плечами говорят?
. . . .
Как сквозь жилки голубые
Льется розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь?

«Коль бы видел дев сих красных, Ты б гречанок позабыл», — говорит Анакреонту поэт, заканчивая стихотворение.

В. К. Кюхельбекер в дневнике, который мы уже цитировали, заметил: «...гораздо более удивляюсь ему в его безделках, нежели в больших одах». Этот отзыв поэта-декабриста перекликается с оценкой Белинского, считавшего, что анакреонтическая лирика «больше, нежели все прочее, служит ручательством громадного таланта» Державина.

Мы говорили о темах и стиле державинской поэзии. Нельзя не упомянуть еще об одной ее черте — богатстве ритмов и разнообразии интонационного рисунка стиха.

Ритмы Державина связаны с разговорной интонацией, в этом их своеобразие и прелесть, именно благодаря этой особенности поэт от риторики в высоких одах непринужденно переходит к шутке, к поговорке. Эмоциональный, взволнованный, в высшей степени непосредственный, Державин не в ладу с традиционными размерами классицизма, он разрешает себе вольности и отступления. Замечательно в этом отношении стихотворение «Ласточка» и характерно отношение к нему державинского кружка. Карамзин, напечатав «Ласточку» в «Московском журнале», указал на смешение в стихотворении размеров и отметил при этом, что «сие смешение мер может быть очень приятно». Однако Капнист, Львов и Дмитриев были иного мнения о «смешении мер». Капнист предложил Державину свой вариант стихотворения, переписав его гладким ямбом. Сравнение хотя бы четырех первых строк оригинала и варианта показывает, в какой мере «упорядоченный» Капнистом стих утерял свое своеобразие и музыкальную прелесть:

Державин

О домовитая Ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь красно-бела, касаточка,
Летняя гостья, певичка!

Вариант Капниста

О домовита сиза птичка,
Любезна ласточка моя!
Весення гостья и певичка!
Опять тебя здесь вижу я.

Державин отверг труд своих друзей и опубликовал «Ласточку» без исправлений.

Смелым, нетрадиционным ритмам сопутствовала и смелая неточная рифма, отражавшая своеобразие и самобытность державинского стиха. Никто до Державина в русской литературе XVIII века так глубоко не оценил музыкальную природу лири-

ческой поэзии. Он в совершенстве владел звучанием стиха. Сколько звуковой игры в его военных одах, описании грозы, бури, боя. Приведу только два примера: «За громом громы ударяют, Гул за гулами ревет»; «Бурно бурей буреванье». Но в такой же мере, как и громом оды, он владел легким музыкальным стихом. В предисловии к «Анакреонтическим песням» поэт перечислял стихотворения, которые он, стремясь передать «мягкость и нежность языку», написал без буквы «р». Музыкальность стиха сопутствовала его живописности, пластичности.

Особенные трудности для поэта второй половины XVIII столетия представлял поэтический язык, огражденный правилами, условностями, эстетическими нормами классицизма. Одним языком следовало писать оду, другим комедию. Поэзия Державина опровергала все эти правила, утверждая эстетическое равенство и равноправие слов. В новом подходе к языку была огромная положительная сила. Поэтический язык предстал перед поэтом вне жанровых разграничений. Теперь он был способен вобрать и городское просторечие и крестьянские и областные словечки. С полным равнодушием к общепризнанным правилам Державин сталкивал, смешивал самые разные языковые стихии: церковнославянские и русские слова, старинные и современные. Стихотворение «Кружка», ода «На Счастие», даже «Фелица», не говоря уже о шуточных стихах, свидетельствуют об этом. Новый словарь придавал подчас пестроту, неуклюжесть и тяжеловесность лирике Державина, а иногда одаривал удивительными открытиями и находками. А какие новые, иной раз странные, слова и словечки творил Державин: слово *багрянец*, живущее и сейчас, и ушедшее *бегатель* от слова бегать, *ожурчаемый* от слова журчать, глагол *рабствовать*, прилагательные *стальночешуйчатый*, *серпокогтистый*, *краезлатый*, *огнезвездный*. Далеко не все они продолжают жить, но все говорят о могучем даре словотворчества. Все в державинском языке было пестро, громоздко, непривычно. Потребовалась огромная работа Карамзина в области литературного языка. Она ограничила и очистила словарный и фразеологический состав литературного языка второй половины XVIII столетия. Вместе с тем Карамзин стремился приспособить русскую литературу к вкусам дворянского салона и на основе эстетики русского сентиментализма накладывал новые ограничения, вводил новые условности, которые навсегда были сняты уже позже Крыловым и Пушкиным.

Хаотическое богатство словаря и фразеологии державинской поэзии после реформы Карамзина ощущалось уже не столько новаторским, сколько архаическим. Чрезвычайно интересна в этом отношении позиция Пушкина. В лицейские годы он уже понимал необработанность, хаотичность языка поэзии Державина, недостатки ее громоздкой формы и композиции стиха, лишенного стройности и ясности, он видел просчеты его вкуса, изъяны литературного воспитания. Но вместе с тем Державин для Пушкина — величайший поэт, и в лицейских стихах можно обнаружить отголоски державинской поэзии. Множество отзывов подтверждают сложное, противоречивое отношение Пушкина к Державину. Но что бы ни говорил Пушкин и как бы резко он ни говорил, в его отзывах утверждается державинский гений: оды Державина, «несмотря на неправильности слога, исполнены порывами гения, его смелость — высшая смелость». Пушкин восхищается державинским описанием Кавказа в оде «На возвращение графа Зубова из Персии» и приводит в доказательство две строфы державинского стихотворения в примечаниях к «Кавказскому пленнику». В беглых, брошенных мимоходом отзывах Пушкин всегда оттенял значение Державина. На полях статьи П. А. Вяземского он просит автора «уважать отца Державина». В письме к А. А. Бестужеву (1825) он замечает, что Крылов, «столь же выше Лафонтена, как Державин выше Ж. Б. Руссо». Как и для поэтов-декабристов, для Пушкина первостепенное значение имел поэтический образ Державина — бича вельмож и поборника правды.

Наряду с доказательствами уважения и признания можно привести и примеры суровой критики. Один из самых суровых отзывов — в письме к Дельвигу от июня 1825 года. Впервые его опубликовал Анненков в «Материалах для биографии Пушкина» (1855). Письмо особенно напугало цензуру, оберегавшую, разумеется, певца Екатерины. Между тем и в этом письме звучит признание державинской гениальности.

Вот что писал Пушкин: «По твоем отъезде перечел я Державина всего, и вот мое окончательное мнение. Этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка... Он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии — ни даже о правилах стихосложения. Вот почему он и должен бесить всякое разборчивое ухо. Он не только не выдерживает *оды*, но не может выдержать и строфы (исключая чего знаешь). Что ж в нем: *мысли, картины и движения истинно поэтические;* читая его, кажется,

читаешь дурной, вольный перевод с какого-то чудесного подлинника. Ей-богу, его гений думал по-татарски — а русской грамоты не знал за недосугом».[1]

Пестрый поэтический язык XVIII века вел Державина к дурному переводу с «гениального подлинника». Пушкин ценил у Державина и его гражданственную сатиру, и легкую анакреонтику, и черты национальной самобытности. А. А. Бестужев спрашивал в обзоре русской словесности в «Полярной звезде» за 1825 год: «Отчего у нас нет гениев и мало талантов?» А Пушкин отвечал ему в письме: «Во-первых, у нас Державин и Крылов...» «Кумир Державина 1/4 золотой, 3/4 свинцовый», и еще не оцененный, как писал Пушкин в том же письме, был для него, без сомнения, кумиром.

Читателю приходится примиряться с тем, что рядом с превосходной строкой режущим диссонансом звучит тяжеловесная, запутанная, темная. Пушкинский взгляд разделял и Гоголь. Державин был и для Гоголя кумиром, «чьи исполинские свойства вдруг превращаются в неряшество, как только оставляет его одушевление». «Придай полное воспитание такому мужу — не было бы поэта выше Державина», — писал Гоголь. Белинский именно в связи с пестротой языка державинской поэзии говорил о стихотворении «Рождение Красоты»: «Вот уж подлинно глыба грубой руды с яркими блестками чистого самородного золота».[2]

Однако поэтический язык Державина и в начале XIX столетия продолжал напоминать о богатстве народного языка. С удивлением писал П. А. Плетнев в статье «О народности в литературе» о языке Державина: «Откуда он извлек этот неслыханный, но понятный всем язык?»[3]

Высокая библейская и гражданственная лексика поэтов-декабристов Рылеева, Кюхельбекера восходила не только к Радищеву, но и к Державину.

Творчество Державина было значительно демократичнее салонной литературы конца XVIII и начала XIX веков. «Оды его

---

[1] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., изд. АН СССР, 1949, т. X, стр. 148.

[2] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, 1954, стр. 253.

[3] П. А. Плетнев. О народности в литературе. — Журнал Министерства нар. просв., 1834, ч. 1, стр. 1.

обращаются уже к людям всех сословий и должностей», — писал Гоголь.

Критика деспотического самодержавия в сатирических одах развенчивала вельмож. Она предвещала декабристские настроения. Между тем сам автор, особенно под конец литературного пути, ужаснулся бы звучанию своей поэзии. Поэтическое наследие Державина в годы расцвета идей и деятельности декабристов неожиданно оказалось в лагере политически прогрессивной литературы, и выход собрания его сочинений (1808—1816) сыграл в этом отношении значительную роль.

Никита Муравьев в своем «Донесении тайной следственной комиссии по делу декабристов» указал на ряд имен, с которыми были связаны мысли и чаяния декабристов. Среди этих имен — Новиков, Радищев, Княжнин, Капнист и Державин.[1]

Для Рылеева Державин — величайший гражданский поэт, который «Всю жизнь вел борьбу с пороком», «И был в родной своей стране Органом истины священной».

В думе «Державин» Рылеев восторженно писал о своем герое, ставя его в пример поэтам декабристского круга:

Он выше всех на свете благ
Общественное благо ставил
И в огненных своих стихах
Святую добродетель славил.

В свою думу Рылеев включает полностью 9-ю строфу «Вельможи» и перифразирует 2-ю и 3-ю строфы из «Властителям и судиям».

С пониманием природы творчества Державина писал декабрист А. А. Бестужев в 1823 году в «Полярной звезде»: «К славе народа и века явился Державин... Лирик-философ, он нашел искусство с улыбкою говорить царям истину... Его слог неуловим, как молния... Но часто восторг его упреждал в полете правила языка и с красотами вырывались ошибки... Современники и потомки с изумлением взирают на... певца «Водопада», «Фелицы» и «Бога». Так драгоценный алмаз долго еще горит во тьме, будучи напоен лучом солнечным; так курится под снежною корой... Везувий после извержения, и путник в густом дыме его видит

---

[1] См.: М. С. Лунин. Разбор донесения тайной следственной комиссии в 1826 г. Никиты Муравьева. — «Библиотека декабристов», вып. 5, 1904, стр. XIV, XXI.

предтечу новой бури!»[1] Загадочен намек на «предтечу новой бури». Может быть, для декабристов Державин и был таким предтечей. Как на предтечу, но уж не бурь, а новой русской литературы смотрел на него Белинский. Поэзия Державина была итогом русской лирики XVIII столетия и предвестником пушкинской поэзии.

А. Кучеров

---

[1] А. А. Бестужев. Взгляд на старую и новую словесность в России. — «Полярная звезда», 1823, стр. 13.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МОНУМЕНТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

1 Хотя смерть ко́су поднимает
Ра̀вно и на владык земных,
Но вечно память пребывает
В сердцах людских царей благих.

2 Твоя пребудет добродетель,
О Петр! любезна всем векам;
Храни, храни всегда, содетель,
Его в преемниках ты нам!

3 Нерон, Калигула, Коммоды
Когда на тронах где сидят,
Хоть поздные их помнят роды,
Но помнят так, как мор и глад.

4 Твоя пребудет добродетель,
О Петр! любезна всем векам;
Храни, храни всегда, содетель,
Его в преемниках ты нам!

5 Пускай в подсолнечную трубит
Тиран своим свирепством страх, —
Когда кого народ не любит,
Полки его и деньги — прах.

6 Твоя пребудет добродетель,
О Петр! любезна всем векам;
Храни, храни всегда, содетель,
Его в преемниках ты нам!

7 Когда царя народ прославит,
Вселенна подтверждает то ж;
Когда царя ласкатель хвалит,
Потомство презирает ложь.

8 Твоя пребудет добродетель,
О Петр! любезна всем векам;
Храни, храни всегда, содетель,
Его в преемниках ты нам!

9 Вовек, вовек вы незабвенны,
Петра Великого дела!
Петром беседы украшенны,
Петру дела его хвала.

10 Твоя пребудет добродетель,
О Петр! любезна всем векам;
Храни, храни всегда, содетель,
Его в преемниках ты нам!

11 Кто был в трудах неутомленный,
Прямой отечества отец?
Великие цари вселенны!
В Петре ваш зрите образец.

12 Твоя пребудет добродетель,
О Петр! любезна всем векам;
Храни, храни всегда, содетель,
Его в преемниках ты нам!

1776

НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ МЕЩЕРСКОГО

1 Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает,
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет — и к гробу приближает.
Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет
И дни мои, как злак, сечет.

2 Ничто от роковых когтей,
Никая тварь не убегает:
Монарх и узник — снедь червей,
Гробницы злость стихий снедает;
Зияет время славу стерть:
Как в море льются быстры воды,
Так в вечность льются дни и годы;
Глотает царства алчна смерть.

3 Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся;
Приемлем с жизнью смерть свою,
На то, чтоб умереть, родимся.
Без жалости всё смерть разит:
И звезды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всем мирам она грозит.

4 Не мнит лишь смертный умирать
И быть себя он вечным чает;
Приходит смерть к нему, как тать,
И жизнь внезапу похищает.
Увы! где меньше страха нам,
Там может смерть постичь скорее;
Ее и громы не быстрее
Слетают к гордым вышинам.

5 Сын роскоши, прохлад и нег,
Куда, Мещерский! ты сокрылся?
Оставил ты сей жизни брег,
К брегам ты мертвых удалился;
Здесь персть твоя, а духа нет.
Где ж он? — Он там. — Где там? — Не знаем.
Мы только плачем и взываем:
«О, горе нам, рожденным в свет!»

6 Утехи, радость и любовь
Где купно с здравием блистали,
У всех там цепенеет кровь
И дух мятется от печали.
Где стол был яств, там гроб стоит;
Где пиршеств раздавались лики,
Надгробные там воют клики,
И бледна смерть на всех глядит.

7 Глядит на всех — и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и сребре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны
И точит лезвие косы.

8 Смерть, трепет естества и страх!
Мы гордость, с бедностью совместна;
Сегодня бог, а завтра прах;
Сегодня льстит надежда лестна,
А завтра — где ты, человек?

Едва часы протечь успели,
Хаоса в бездну улетели,
И весь, как сон, прошел твой век.

9 Как сон, как сладкая мечта,
Исчезла и моя уж младость;
Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,
Не столько легкомыслен ум,
Не столько я благополучен;
Желанием честей размучен,
Зовет, я слышу, славы шум.

10 Но так и мужество пройдет
И вместе к славе с ним стремленье;
Богатств стяжание минет,
И в сердце всех страстей волненье
Прейдет, прейдет в чреду свою.
Подите счастьи прочь возможны,
Вы все пременны здесь и ложны:
Я в дверях вечности стою.

11 Сей день иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам конечно:
Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

1779

КЛЮЧ

1 Седящ, увенчан осокою,
В тени развесистых древес,
На урну облегшись рукою,
Являющий лице небес
Прекрасный вижу я источник.

2 Источник шумный и прозрачный,
Текущий с горной высоты,
Луга поящий, долы злачны,
Кропящий перлами цветы,
О, коль ты мне приятен зришься!

3 Ты чист — и восхищаешь взоры,
Ты быстр — и утешаешь слух;
Как серна скачуща на горы,
Так мой к тебе стремится дух,
Желаньем петь тебя горящий.

4 Когда в дуги твои сребристы
Глядится красная заря,
Какие пурпуры огнисты
И розы пламенны, горя,
С паденьем вод твоих катятся!

5 Гора в день стадом покровенну
Себя в тебе любуясь зрит;
В твоих водах изображенну
Дуброву ветерок струит,
Волнует жатву золотую.

6 Багряным брег твой становится,
Как солнце катится с небес;
Лучом кристалл твой загорится,
В дали начнет синеться лес,
Туманов море разольется.

7 О! коль ночною темнотою
Приятен вид твой при луне,
Как бледны холмы над тобою
И рощи дремлют в тишине,
А ты один, шумя, сверкаешь!

8 Сгорая стихотворства страстью,
К тебе я прихожу, ручей:
Завидую пиита счастью,
Вкусившего воды твоей,
Парнасским лавром увенчанна.

9 Напой меня, напой тобою,
Да воспою подобно я,
И с чистою твоей струею
Сравнится в песнях мысль моя,
А лирный глас с твоим стремленьем.

10 Да честь твоя пройдет все грады,
Как эхо с гор сквозь лес дремуч:
Творца бессмертной Россиады,
Священный Гребеневский ключ,
Поил водой ты стихотворства.

1779

К ПЕРВОМУ СОСЕДУ

1 Кого роскошными пирами
На влажных Невских островах,
Между тенистыми древами,
На мураве и на цветах,
В шатрах персидских, златошвенных,
Из глин китайских драгоценных,
Из венских чистых хрусталей,
Кого толь славно угощаешь
И для кого ты расточаешь
Сокровищи казны твоей?

2 Гремит музы́ка, слышны хоры
Вкруг лакомых твоих столов;
Сластей и ананасов горы,
И множество других плодов
Прельщают чувствы и питают;
Младые девы угощают,
Подносят вина чередой,
И алиатико с шампанским,
И пиво русское с британским,
И мозель с зельцерской водой.

3 В вертепе мраморном, прохладном,
В котором льется водоскат,
На ложе роз благоуханном,
Средь лени, неги и отрад,
Любовью распаленный страстной,

С младой, веселою, прекрасной
И нежной нимфой ты сидишь;
Она поет, ты страстью таешь,
То с ней в весельи утопаешь,
То, утомлен весельем, спишь.

4 Ты спишь, — и сон тебе мечтает,
Что ввек благополучен ты,
Что само небо рассыпает
Блаженства вкруг тебя цветы,
Что парка дней твоих не косит,
Что откуп вновь тебе приносит
Сибирски горы серебра
И дождь златый к тебе лиется.
Блажен, кто поутру проснется
Так счастливым, как был вчера!

5 Блажен, кто может веселиться
Беспрерывно в жизни сей!
Но редкому пловцу случится
Безбедно плавать средь морей:
Там бурны дышут непогоды,
Горам подобны гонят воды
И с пеною песок мутят.
Петрополь сосны осеняли, —
Но вихрем пораженны пали,
Теперь корнями вверх лежат.

6 Непостоянство доля смертных,
В пременах вкуса счастье их;
Среди утех своих несметных
Желаем мы утех иных.
Придут, придут часы те скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанут грации трепать;
И, может быть, с тобой в разлуке
Твоя уж Пенелопа в скуке
Ковер не будет распускать.

7 Не будет, может быть, лелеять
Судьба уж более тебя

И ветр благоприятный веять
В твой парус: береги себя!
Доколь текут часы златые
И не приспели скорби злые,
Пей, ешь и веселись, сосед!
На свете жить нам время срочно;
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коим нет.

1780

НА НОВЫЙ ГОД

1 Рассекши огненной стезею
Небесный синеватый свод,
Багряной облечен зарею,
Сошел на землю Новый год;
Сошел, — и гласы раздалися,
Мечты, надежды понеслися
Навстречу божеству сему.

2 Гряди, сын вечности прекрасный!
Гряди, часов и дней отец!
Зовет счастливый и несчастный:
Подай желаниям венец!
И са́мого среди блаженства
Желаем блага совершенства
И недовольны мы судьбой.

3 Еще вельможа возвышаться,
Еще сильнее хочет быть;
Богач богатством осыпаться
И горы злата накопить;
Герой бессмертной жаждет славы,
Корысти льстец, Лукулл забавы
И счастия игрок в игре.

4 Мое желание: предаться
Всевышнего во всем судьбе,
За счастьем в свете не гоняться,
Искать его в самом себе.

Меня здоровье, совесть права,
Достаток нужный, добра слава
Творят счастливее царей.

5 А если милой и приятной
Любим Пленирой я моей
И в светской жизни коловратной
Имею искренних друзей,
Живу с моим соседом в мире,
Умею петь, играть на лире, —
То кто счастливее меня?

6 От должностей в часы свободны
Пою моих я радость дней;
Пою творцу хвалы духовны
И добрых я пою царей.
Приятней гласы становятся,
И слезы нежности катятся,
Как Россов матерь я пою.

7 Петры, и Генрихи, и Титы
В народных век живут сердцах;
Екатерины не забыты
Пребудут в тысящи веках.
Уже я вижу монументы,
Которых свергнуть элементы
И время не имеют сил.

1781

НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ МЕЦЕНАТА

1 Кровавая луна блистала
Чрез покровенный ночью лес,
На море мрачном простирала
Столбом багровый свет с небес.
По огненным зыбям мелькая,
Я видел, в лодке некто плыл;
Тут ветер, страшно завывая,
Ударил в лес — и лес завыл;
Из бездн восстали пенны горы,
Брега пустили томный стон;
Сквозь бурные стихиев споры
Зияла тьма со всех сторон.

2 Ко брегу лодка приплывала,
Приближилась она ко мне;
Тень белая на ней мелькала,
Как образ мраморный во тьме.
Утих шум рощ, умолк рев водный,
Лишь стонут в тишине часы;
Стремится пот по мне холодный
И дыбом восстают власы;
На брег из лодки вылезает
Старик угрюмый и седой
И, озираясь, подпирает
Себя ужасною косой.

3 Тогда по брегу раздалися
Надгробный плач и вой людей,

Отвсюду к старику сошлися
Бесчисленны толпы теней;
Прискорбны, бледны и безгласны,
Они, потупя взоры, шли;
Цепями фурии ужасны
К морскому брегу их вели.
Старик кровавыми когтями
К себе на лодку их влечет:
Богач и нищ, рабы с царями,
Все ра́вно оставляют свет.

4 Уж в лодке многие мечтались
Знакомые и мне черты,
Другие к оной приближались;
Меж их, Шувалов! был и ты.
И ты, друг муз, друг смертных роду,
Фарос младых вельмож и мой!
И ты Коцита зрел уж воду;
Коса смертельна над тобой,
Рассекши мрак густой, сверкала,
Подобно как перун с небес;
Эреба бездна уж зияла,
И ногу в вечность ты занес.

5 Болезнь и страх неизреченный
Тогда стеснили грудь мою:
«Кем добродетели почтенны,
Кто род, и сан, и жизнь свою
Старался тем единым славить,
Чтоб ближнему благотворить,
Потомству храм наук оставить,
Тому ли век толь краткий жить?
Ужель враг чести и пороку,
И злой и добрый человек,
Единому подвластны року?
О боже праведный!» — я рек.

6 Но вдруг средь облака златого,
На крыльях утренней зари,
Во зраке божества младого,
Которого рабы, цари,

Къ царевнѣ Фелицѣ

Богоподобная Царевна
Киргизкайсацкія орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды,
Царевичу младому Хлору [6]
взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ:
Она мой духъ и умъ плѣняетъ,
Подай, найти ее, совѣтъ.

Страница рукописного тома стихотворений Г. Р. Державина, поднесенного автором Екатерине II в 1795 г.

Все люди равномерно любят,
Но все не равно берегут,
Которого лень, роскошь губят,
Крепят умеренность и труд, —
Здоровье — дар небес бесценный —
Слетело в твой чертог и, взяв
В златом сосуде сок врачебный,
Кропя тебя, рекло: «Будь здрав!»

7 Ты здрав! Хор муз, тебе любезных,
Драгую жизнь твою любя,
Наместо кипарисов слезных
Венчают лаврами тебя.
Прияв одна трубу златую,
Другая строя лирный глас,
Та арфу, та свирель простую,
Воспели, — и воспел Парнас:
«Живи, наукам благодетель!
Твоя жизнь ввек цвести должна;
Не умирает добродетель,
Бессмертна музами она».

8 Бессмертны музами Периклы,
И Меценаты ввек живут.
Подобно память, слава, титлы
Твои, Шувалов, не умрут.
Великий Петр к нам ввел науки,
А дщерь его ввела к нам вкус;
Ты, к знаньям простирая руки,
У ней предстателем был муз;
Досель гремит нам в Илиаде
О Несторах, Улиссах гром, —
Равно́ бессмертен в Петриаде
Ты Ломоносовым пером.

1781

ФЕЛИЦА

1 Богоподобная царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает:
Она мой дух и ум пленяет,
Подай, найти ее, совет.

2 Подай, Фелица! наставленье:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненье
И счастливым на свете быть?
Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын препровождает;
Но им последовать я слаб.
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб.

3 Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем

И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.

4 Не слишком любишь маскарады,
А в клоб не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнасска не седлаешь,
К духа́м в собранье не въезжаешь,
Не ходишь с трона на Восток, —
Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душою
Полезных дней проводишь ток.

5 А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преобращая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан.

6 Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол сребром и златом,
Где тысячи различных блюд:
Там славный окорок веетфальской,
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят;
Шампанским вафли запиваю
И всё на свете забываю
Средь вин, сластей и аромат.

7 Или средь рощицы прекрасной
В беседке, где фонтан шумит,

При звоне арфы сладкогласной,
Где ветерок едва дышит,
Где всё мне роскошь представляет,
К утехам мысли уловляет,
Томит и оживляет кровь,
На бархатном диване лежа,
Младой девицы чувства нежа,
Вливаю в сердце ей любовь.

8 Или великолепным цугом
В карете англинской, златой,
С собакой, шутом, или другом,
Или с красавицей какой
Я под качелями гуляю;
В шинки пить меду заезжаю;
Или, как то наскучит мне,
По склонности моей к премене,
Имея шапку набекрене,
Лечу на резвом бегуне.

9 Или музыкой и певцами,
Органом и волынкой вдруг,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой дух;
Или, о всех делах заботу
Оставя, езжу на охоту
И забавляюсь лаем псов;
Или над Невскими брегами
Я тешусь по ночам рогами
И греблей удалых гребцов.

10 Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки резвимся порой;
То в свайку с нею веселюся,
То ею в голове ищуся;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю,
Полкана и Бову читаю;
За библией, зевая, сплю.

11 Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.
Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь.
Не ходим света мы путями,
Бежим разврата за мечтами.
Между лентяем и брюзгой,
Между тщеславья и пороком
Нашел кто разве ненароком
Путь добродетели прямой.

12 Нашел, — но льзя ль не заблуждаться
Нам, слабым смертным, в сем пути,
Где сам рассудок спотыкаться
И должен вслед страстям идти;
Где нам ученые невежды,
Как мгла у путников, тмят вежды?
Везде соблазн и лесть живет;
Пашей всех роскошь угнетает.
Где ж добродетель обитает?
Где роза без шипов растет?

13 Тебе единой лишь пристойно,
Царевна! свет из тьмы творить;
Деля Хаос на сферы стройно,
Союзом целость их крепить;
Из разногласия — согласье
И из страстей свирепых счастье
Ты можешь только созидать.
Так кормщик, через понт плывущий,
Ловя под парус ветр ревущий,
Умеет судном управлять.

14 Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачествы сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьем правишь,
Как волк овец, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их.
Царей они подвластны воле, —

Но богу правосудну боле,
Живущему в законах их.

15 Ты здраво о заслугах мыслишь,
Достойным воздаешь ты честь;
Пророком ты того не числишь,
Кто только рифмы может плесть,
А что сия ума забава —
Калифов добрых честь и слава.
Снисходишь ты на лирный лад:
Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

16 Слух и́дет о твоих поступках,
Что ты нимало не горда;
Любезна и в делах и в шутках,
Приятна в дружбе и тверда;
Что ты в напастях равнодушна,
А в славе так великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорят неложно,
Что будто завсегда возможно
Тебе и правду говорить.

17 Неслыханное также дело,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смело
О всем, и въявь и под рукой,
И знать и мыслить позволяешь
И о себе не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самым крокодилам,
Твоих всех милостей зоилам,
Всегда склоняешься простить.

18 Стремятся слез приятных реки
Из глубины души моей.
О! коль счастливы человеки
Там до́лжны быть судьбой своей,
Где ангел кроткий, ангел мирной,

Сокрытый в светлости порфирной,
С небес ниспослан скиптр носить!
Там можно пошептать в беседах
И, казни не боясь, в обедах
За здравие царей не пить.

19 Там с именем Фелицы можно
В строке описку поскоблить
Или портрет неосторожно
Ее на землю уронить.
Там свадеб шутовских не парят,
В ледовых банях их не жарят,
Не щелкают в усы вельмож;
Князья наседками не клохчут,
Любимцы въявь им не хохочут
И сажей не марают рож.

20 Ты ведаешь, Фелица! правы
И человеков и царей;
Когда ты просвещаешь нравы,
Ты не дурачишь так людей;
В твои от дел отдохновеньи
Ты пишешь в сказках поученьи
И Хлору в азбуке твердишь:
«Не делай ничего худого,
И самого сатира злого
Лжецом презренным сотворишь».

21 Стыдишься слыть ты тем великой,
Чтоб страшной, нелюбимой быть;
Медведице прилично дикой
Животных рвать и кровь их пить.
Без крайнего в горячке бедства
Тому ланцетов нужны ль средства,
Без них кто обойтися мог?
И славно ль быть тому тираном,
Великим в зверстве Тамерланом,
Кто благостью велик, как бог?

22 Фелицы слава — слава бога,
Который брани усмирил;

Который сира и убога
Покрыл, одел и накормил;
Который оком лучезарным
Шутам, трусáм, неблагодарным
И праведным свой свет дарит;
Равно всех смертных просвещает,
Больных покоит, исцеляет,
Добро лишь для добра творит.

23 Который даровал свободу
В чужие области скакать,
Позволил своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрешает
И лес рубить не запрещает;
Велит и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая ум и руки,
Велит любить торги, науки
И счастье дома находить.

24 Которого закон, десница
Дают и милóсти и суд. —
Вещай, премудрая Фелица!
Где отличён от честных плут?
Где старость пó миру не бродит?
Заслуга хлеб себе находит?
Где месть не гонит никого?
Где совесть с правдой обитают?
Где добродетели сияют? —
У трона разве твоего!

25 Но где твой трон сияет в мире?
Где, ветвь небесная, цветешь?
В Багдаде? Смирне? Кашемире? —
Послушай, где ты ни живешь:
Хвалы мои тебе приметя,
Не мни, чтоб шапки иль бешметя
За них я от тебя желал.
Почувствовать добра приятство
Такое есть души богатство,
Какого Крез не собирал.

Прошу великого пророка,
Да праха ног твоих коснусь,
Да слов твоих сладчайша тока
И лицезренья наслаждусь!
Небесные прошу я силы,
Да их простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранят
От всех болезней, зол и скуки;
Да дел твоих в потомстве звуки,
Как в небе звезды, возблестят.

1782

БЛАГОДАРНОСТЬ ФЕЛИЦЕ

1 Предшественница дня златого,
Весення утрення заря,
Когда из понта голубого
Ведет к нам звездного царя,
Румяный взор свой осклабляет
На чёла гор, на лоно вод,
Багряным златом покрывает
Поля, леса и неба свод.

2 Крылаты кони по эфиру
Летят и рассекают мрак,
Любезное светило миру
Пресветлый свой возносит зрак,
Бегут толпами тени черны:
Какое зрелище очам!
Там блещет брег в реке зеленый,
Там светят перлы по лугам.

3 Там степи, как моря, струятся,
Седым волнуясь ковылём;
Там тучи журавлей стадятся,
Валторн с высот пуская гром;
Там небо всюду лучезарно
Янтарным пламенем блестит, —
Мое так сердце благодарно
К тебе усердием горит.

4 К тебе усердием, Фелица,
О кроткий ангел во плоти!

Которой разум и десница
Нам кажут к счастию пути.
Когда тебе в нелицемерном
Угодна слоге простота,
Внемли. — Но в чувствии безмерном
Мои безмолвствуют уста.

5 Когда поверх струистой влаги
Благоприятный дунет ветр,
Попутны вострепещут флаги
И ляжет между водных недр
За кораблем сребро грядою, —
Тогда испустят глас пловцы
И с восхищенною душою
Вселенной полетят в концы.

6 Когда небесный возгорится
В пиите огнь, он будет петь;
Когда от бремя дел случится
И мне свободный час иметь, —
Я праздности оставлю узы,
Игры, беседы, суеты;
Тогда ко мне приидут музы,
И лирой возгласишься ты.

1783

РЕШЕМЫСЛУ

1 Веселонравная, младая,
Нелицемерная, простая,
Подруга Флаккова и дщерь
Природой данного мне смысла!
Приди ко мне, приди теперь,
О Муза! славить Решемысла.

2 Приди, иль в облаке спустися,
Или хоть в санках прикатися
На легких, резвых, шестерней,
Оленях белых, златорогих,
Как ездят барыни зимой
В странах сибирских, хладом строгих.

3 Приди, и на своей свиреле
Не оного пой мужа, древле
Служившего царице той,
Которая в здоровье малом
Блистала славой и красой
Под соболиным одеялом.

4 Но пой, ты пой здесь Решемысла,
Великого вельможу смысла,
Наперсника царицы сей,
Которая сама трудится
Для блага области своей
И спать в полудни не ложится;

5 Которая законы пишет,
Любовию к народу дышет,
Пленит соседей без оков,
Военны отвращая звуки;
Дарит и счастье и покров
И не сидит поджавши руки.

6 Сея царицы всепочтенной,
Великой, дивной, несравненной,
Сотрудников достойно чтить;
Достойно честью и хвалами
Ее вельмож превозносить
И осыпать их вкруг цветами.

7 Ты, Муза! с самых древних веков
Великих, сильных человеков
Всегда умела поласкать;
Ты можешь в былях, небылицах
И в баснях правду представлять, —
Представь мне Решемысла в лицах.

8 Скажи, скажи о сем герое:
Каков в войне, каков в покое,
Каков умом, каков душой,
Каков и всякими делами? —
Скажи, и ничего не скрой:
Не хочешь прозой, так стихами.

9 Бывали прежде дни такие,
Что люди самые честные
Страшилися близ трона быть,
Любимцев царских убегали
И не могли тех змей любить,
Которые их кровь сосали.

10 А он, хоть выше всех главою,
Как лавр цветет над муравою,
Но всюду всем бросает тень:
Одним он мил, другим любезен;
Едва прохаживал ли день,
Кому бы не был он полезен.

11 Иной ползет, как черепаха,
Другому мил топор да плаха, —
А он парит как бы орел
И всё с высот далече видит;
Он в сердце злобы не имел
И даже мухи не обидит.

12 Он сердцем царский трон объемлет,
Душой народным нуждам внемлет
И правду между их хранит;
Отечеству он верно служит,
Монаршу волю свято чтит,
А о себе никак не тужит.

13 Не ищет почестей лукавством,
Мздоимным не прельщен богатством,
Не жаждет тщетно сан носить;
Но тщится тем себя лишь славить,
Что любит он добро творить
И может счастие доставить.

14 Закону божию послушен,
Чувствителен, великодушен,
Не горд, не подл и не труслив,
К себе строжае, чем к другому,
К поступкам хитрым не ревнив,
Идет лишь по пути прямому.

15 Не празден, не ленив, а точен;
В делах и скор, и беспорочен,
И не кубарит кубарей;
Но столько же велик и дома,
В деревне, хижине своей,
Как был когда метатель грома.

16 Глубок, и быстр, и тих, и сме́тлив,
При всей он важности приветлив,
При всей он скромности шутлив;
В миру он кажется роскошен;
Но в самой роскоши ретив,
И никогда он не оплошен.

17 Хотя бы возлежал на розах,
Но в бурях, зноях и морозах
Готов он с лона неги встать;
Готов среди своей забавы
Внимать, судить, повелевать
И молнией лететь в храм славы.

18 Друг честности и друг Минервы,
Восшед на степень к трону первый,
И без подпор собою тверд;
Ходить умеет по паркету
И, устремяся славе в след,
Готовит мир и громы свету.

19 Без битв, без браней побеждает,
Искусство уловлять он знает;
Своих, чужих сердца пленит.
Я слышу плеск ему сугубый:
Он вольность пленникам дарит,
Героям шьет коты́ да шубы.

20 Но, Муза! вижу, ты лукава;
Ты хочешь быть пред светом права,
Ты Решемысловым лицом
Вельможей должность представляешь:
Конечно, ты своим пером
Хвалить достоинства лишь знаешь.

1783

БОГ

1 О ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем — бог!

2 Измерить океан глубокий,
Сочесть пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий, —
Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,
От света твоего рожденны,
Исследовать судеб твоих:
Лишь мысль к тебе взнестись дерзает, —
В твоем величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.

3 Хаоса бытность довременну
Из бездн ты вечности воззвал,
А вечность, прежде век рожденну,
В себе самом ты основал:
Себя собою составляя,
Собою из себя сияя,

Ты свет, откуда свет истек.
Создавый всё единым словом,
В твореньи простираясь новом,
Ты был, ты есть, ты будешь век!

4 Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертию живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Так солнцы от тебя родятся;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют, —
Так звезды в безднах под тобой.

5 Светил возжженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампады,
Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры —
Перед тобой — как нощь пред днем.

6 Как капля в море опущенна,
Вся твердь перед тобой сия.
Но что мной зримая вселенна?
И что перед тобою я?
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров, — и то,
Когда дерзну сравнить с тобою,
Лишь будет точкою одною:
А я перед тобой — ничто.

7 Ничто! — Но ты во мне сияешь
Величеством твоих доброт;

Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чает,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь — конечно есть и ты!

8 Ты есть! — Природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть — и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

9 Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе происшел? — безвестен;
А сам собой я быть не мог.

10 Твое созданье я, создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! в бессмертие твое.

11 Неизъяснимый, непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

1780—1784

ВИДЕНИЕ МУРЗЫ

На темно-голубом эфире
Златая плавала луна;
В серебряной своей порфире
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем.
Сон томною своей рукою
Мечты различны рассыпал,
Кропя забвения росою,
Моих домашних усыплял.
Вокруг вся область почивала,
Петрополь с башнями дремал,
Нева из урны чуть мелькала,
Чуть Бельт в брегах своих сверкал;
Природа, в тишину глубоку
И в крепком погруженна сне,
Мертва казалась слуху, оку
На высоте и в глубине;
Лишь веяли одни зефиры,
Прохладу чувствам принося.
Я не́ спал — и, со звоном лиры
Мой тихий голос согласяѕ,
«Блажен, — воспел я, — кто доволен
В сем свете жребием своим,
Обилен, здрав, покоен, волен
И счастлив лишь собой самим;

Кто сердце чисто, совесть праву
И твердый нрав хранит в свой век
И всю свою в том ставит славу,
Что он лишь добрый человек;
Что карлой он и великаном
И дивом света не рожден
И что не создан истуканом
И оных чтить не принужден;
Что все сего блаженствы мира
Находит он в семье своей;
Что нежная его Пленира
И верных несколько друзей
С ним могут в час уединенный
Делить и скуку и труды! —
Блажен и тот, кому царевны
Какой бы ни было орды
Из теремов своих янтарных
И сребро-розовых светлиц,
Как будто из улусов дальных,
Украдкой от придворных лиц,
За россказни, за растабары,
За вирши, иль за что-нибудь,
Исподтишка драгие дары
И в досканцах червонцы шлют;
Блажен!» — Но с речью сей незапно
Мое всё зданье потряслось,
Раздвиглись стены, и стократно
Ярчее молний пролилось
Сиянье вкруг меня небесно;
Сокрылась, побледнев, луна.
Виденье я узрел чудесно:
Сошла со облаков жена, —
Сошла — и жрицей очутилась
Или богиней предо мной.
Одежда белая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главе корона,
Сиял при персях пояс злат;
Из черно-огненна виссона,
Подобный радуге, наряд
С плеча десного полосою

Висел на левую бедру;
Простертой на алтарь рукою
На жертвенном она жару
Сжигая маки благовонны
Служила вышню божеству.
Орел полунощный, огромный,
Сопутник молний торжеству,
Геройской провозвестник славы,
Сидя пред ней на груде книг,
Священны блюл ее уставы;
Потухший гром в когтях своих
И лавр с оливными ветвями
Держал, как будто бы уснув.
Сафиро-светлыми очами,
Как в гневе иль в жару, блеснув,
Богиня на меня воззрела.
Пребудет образ ввек во мне,
Она который впечатлела!
«Мурза! — она вещала мне, —
Ты быть себя счастливым чаешь,
Когда по дням и по ночам
На лире ты своей играешь
И песни лишь поешь царям.
Вострепещи, Мурза несчастный!
И страшны истины внемли,
Которым стихотворцы страстны
Едва ли верят на земли;
Одно к тебе лишь доброхотство
Мне их открыть велит. — Когда
Поэзия не сумасбродство,
Но вышний дар богов, — тогда
Сей дар богов лишь к чести
И к поученью их путей
Быть должен обращен, не к лести
И тленной похвале людей.
Владыки света люди те же,
В них страсти, хоть на них венцы;
Яд лести их вредит не реже, —
А где поэты не льстецы?
И ты сирен поющих грому
В вред добродетели не строй;

Благотворителю прямому
В хвале нет нужды никакой.
Хранящий муж честные нравы,
Творяй свой долг, свои дела,
Царю приносит больше славы,
Чем всех пиитов похвала.
Оставь нектаром наполненну
Опасну чашу, где скрыт яд». —
«Кого я зрю столь дерзновенну
И чьи уста меня разят?
Кто ты? Богиня или жрица?» —
Мечту стоящу я спросил.
Она рекла мне: «Я Фелица!»
Рекла — и светлый облак скрыл
От глаз моих ненасыщенных
Божественны ее черты;
Курение мастик бесценных
Мой дом, и место то цветы
Покрыли, где она явилась.
Мой бог! мой ангел во плоти!..
Душа моя за ней стремилась,
Но я за ней не мог идти.
Подобно громом оглушенный,
Бесчувствен я, безгласен был.
Но, током слезным орошенный,
Пришел в себя и возгласил:
«Возможно ль, кроткая царевна!
И ты к Мурзе чтоб своему
Была сурова столь и гневна,
И стрелы к сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
К себе и ты не одобряла?
Довольно без тебя людей,
Довольно без тебя поэту
За кажду мысль, за каждый стих
Ответствовать лихому свету
И от сатир щититься злых!
Довольно золотых кумиров,
Без чувств мои что песни чли;
Довольно кадиев, факиров,

Которы в зависти сочли
Тебе их неприличной лестью;
Довольно нажил я врагов!
Иной отнес себе к бесчестью,
Что не дерут его усов;
Иному показалось больно,
Что он наседкой не сидит;
Иному — очень своевольно
С тобой Мурза твой говорит;
Иной вменял мне в преступленье,
Что я посланницей с небес
Тебя быть мыслил в восхищенье
И лил в восторге токи слез.
И словом: тот хотел арбуза,
А тот соленых огурцов, —
Но пусть им здесь докажет муза,
Что я не из числа льстецов;
Что сердца моего товаров
За деньги я не продаю
И что не из чужих анбаров
Тебе наряды я крою.
Но, венценосна добродетель!
Не лесть я пел и не мечты,
А то, чему весь мир свидетель, —
Твои дела суть красоты.
Я пел, пою и петь их буду
И в шутках правду возвещу;
Татарски песни из-под спуду,
Как луч, потомству сообщу;
Как солнце, как луну, поставлю
Твой образ будущим векам;
Превознесу тебя, прославлю;
Тобой бессмертен буду сам».

1783—1784

ВЛАСТИТЕЛЯМ И СУДИЯМ

1 Восстал всевышний бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

2 Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

3 Ваш долг: спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

4 Не внемлют! — видят и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

5 Цари! — Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья, —
Но вы, как я, подобно страстны
И так же смертны, как и я.

6 И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!

И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

7 Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых
И будь един царем земли!

Ок. 1780 ⟨1787⟩

НА СМЕРТЬ ГРАФИНИ РУМЯНЦОВОЙ

1 Не беспрестанно дождь стремится
На класы с черных облаков,
И море не всегда струится
От пременяемых ветров;
Не круглый год во льду спят воды,
Не всякий день бурь слышен свист,
И с скучной не всегда природы
Падет на землю желтый лист.

2 Подобно и тебе крушиться
Не должно, ⟨Дашкова⟩, всегда,
Готово ль солнце в бездну скрыться
Иль паки утру быть треда;
Ты жизнь свою в тоске проводишь,
По англинским твоим коврам,
Уединясь, в смущеньи ходишь
И волю течь даешь слезам.

3 Престань! и равнодушным оком
Воззри на оный кипарис,
Который на брегу высоком
На Невские струи навис
И мрачной тени под покровом,
Во дремлющих своих ветвях,
Сокрыл недавно в гробе новом
Румянцовой почтенный прах.

4 Румянцовой! — Она блистала
Умом, породой, красотой
И в старости любовь снискала
У всех любезною душой;
Она со твердостью смежила
Супружний взор, друзей, детей;
Монархам осьмерым служила,
Носила знаки их честей.

5 И зрела в торжестве и славе
И в лаврах сына своего;
Не изменялась в сердце, нраве
Ни для кого, ни для чего;
А доброе и злое купно
Собою испытала всё,
И как вертится всеминутно
Людской фортуны колесо.

6 Воззри на памятник сей вечной
Ты современницы твоей,
В отраду горести сердечной,
К спокойствию души своей,
Прочти: «Сия гробница скрыла
Затмившего мать лунный свет;
Смерть добродетели щадила,
Она жила почти сто лет».

7 Как солнце тускло ниспущает
Последние свои лучи,
По небу, по водам блистает
Румяною зарей в ночи, —
Так с тихим вздохом, взором ясным
Она оставила сей свет;
Но именем своим прекрасным
Еще, еще она живет.

8 И ты, коль победила страсти,
Которы трудно победить;
Когда не ищешь вышней власти
И первою в вельможах быть;

Когда не мстишь, и совесть права,
Не алчешь злата и сребра,
Какого же, коль телом здрава,
Еще желаешь ты добра?

9 Одно лишь в нас добро прямое,
А прочее всё в свете тлен;
Почиет чья душа в покое,
Поистине тот есть блажен.
Престань же ты умом крылатым
По треволнению летать;
С убогим грузом иль богатым
Всяк должен к вечности пристать.

10 Пожди, — и сын твой с страшна бою
Иль на щите, иль со щитом,
С победой, с славою, с женою,
С трофеями приедет в дом;
И если знатности и злата
Невестка в дар не принесет, —
Благими нравами богата,
Прекрасных внучат приведет.

11 Утешься — и в объятьи нежном
Облобызай своих ты чад;
В семействе мирном, безмятежном,
Фессальский насаждая сад,
Живи и распложай науки;
Живи и обессмерть себя,
Да громогласной лиры звуки
И музы воспоют тебя.

12 Седый собор Ареопага,
На истину смотря в очки,
На счет общественного блага
Нередко ей давал щелчки;
Но в век тот Аристиды жили,
Сносили ссылки, казни, смерть;
Когда судьбы благоволили,
Не должно ли и нам терпеть?

13 Терпи! — Самсон сотрет льву зубы,
А Нáвин потемнит луну;
Румянцов молньи дхнет сугубы,
Екатерина — тишину;
Меня ж ничто вредить не может,
Я злобу твердостью сотру;
Врагов моих червь кости сгложет, —
А я Пиит — и не умру.

1788

ОСЕНЬ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ОЧАКОВА

1 Спустил седой Эол Борея
С цепей чугунных из пещер;
Ужасные криле расширя,
Махнул по свету богатырь;
Погнал стадами воздух синий,
Сгустил туманы в облака,
Давнул, — и облака расселись,
Пустился дождь и восшумел.

2 Уже румяна Осень носит
Снопы златые на гумно,
И Роскошь винограду просит
Рукою жадной на вино.
Уже стада толпятся птичьи,
Ковыл сребрится по степям;
Шумящи красно-желты листьи
Расстлались всюду по тропам.

3 В опушке заяц быстроногий,
Как колпик поседев, лежит;
Ловецки раздаются роги,
И выжлиц лай и гул гремит.
Запасшися крестьянин хлебом,
Ест добры щи и пиво пьет;
Обогащенный щедрым небом,
Блаженство дней своих поет.

4 Борей на Осень хмурит брови
И Зиму с севера зовет:
Идет седая чародейка,
Косматым машет рукавом;
И снег, и мраз, и иней сыплет
И воды претворяет в льды;
От хладного ее дыханья
Природы взор оцепенел.

5 Наместо радуг испещренных
Висит по небу мгла вокруг,
А на коврах полей зеленых
Лежит рассыпан белый пух.
Пустыни сетуют и долы,
Голодны волки воют в них;
Древа стоят и холмы голы,
И не пасется стад при них.

6 Ушел олень на тундры мшисты,
И в логовище лег медведь;
По селам нимфы голосисты
Престали в хороводах петь;
Дымятся серым дымом домы,
Поспешно едет путник в путь,
Небесный Марс оставил громы
И лег в туманы отдохнуть.

7 Российский только Марс, Потемкин,
Не ужасается зимы:
По развевающим знаменам
Полков, водимых им, орел
Над древним царством Митридата
Летает и темнит луну;
Под звучным крил его мельканьем
То черн, то бледн, то рдян Эвксин.

8 Огонь, в волнах неугасимый,
Очаковские стены жрет,
Пред ними Росс непобедимый
И в мраз зелены лавры жнет;

Седые бури презирает,
На льды, на рвы, на гром летит,
В водах и в пламе помышляет:
Или умрет, иль победит.

9 Мужайся, твердый Росс и верный,
Еще победой возблистать!
Ты не наемник — сын усердный;
Твоя Екатерина мать,
Потемкин — вождь, бог — покровитель;
Твоя геройска грудь — твой щит,
Честь — мзда твоя, вселенна — зритель,
Потомство плесками гремит.

10 Мужайтесь, росски Ахиллесы,
Богини северной сыны!
Хотя вы в Стикс не погружались,
Но вы бессмертны по делам.
На вас всех мысль, на вас всех взоры,
Дерзайте ваших вслед отцов!
И ты спеши скорей, Голицын!
Принесть в твой дом с оливой лавр.

11 Твоя супруга златовласа,
Пленира сердцем и лицом,
Давно желанного ждет гласа,
Когда ты к ней приедешь в дом;
Когда с горячностью обнимешь
Ты семерых твоих сынов,
На матерь нежны взоры вскинешь
И в радости не сыщешь слов.

12 Когда обильными речами
Потом восторг свой изъявишь,
Бесценными побед венцами
Твою супругу удивишь;
Геройские дела расскажешь
Ее ты дяди и отца,
И дух и ум его докажешь
И как к себе он влек сердца.

13 Спеши, супруг, к супруге верной,
Обрадуй ты, утешь ее;
Она задумчива, печальна,
В простой одежде, и, власы
Рассыпав по челу нестройно,
Сидит за столиком в софе;
И светло-голубые взоры
Ее всечасно слезы льют.

14 Она к тебе вседневно пишет:
Твердит то славу, то любовь,
То жалостью, то негой дышет,
То страх ее смущает кровь;
То дяде торжества желает,
То жаждет мужниной любви,
Мятется, борется, вещает:
«Коль долг велит, ты лавры рви!»

15 В чертоге вкруг ее безмолвном
Не смеют нимфы пошептать;
В восторге только музы томном
Осмелились сей стих бряцать. —
Румяна Осень! — радость мира!
Умножь, умножь еще твой плод!
Приди, желанна весть! — и лира
Любовь и славу воспоет.

1788

НА СЧАСТИЕ

1 Всегда прехвально, препочтенно,
Во всей вселенной обоженно
И вожделенное от всех,
О ты, великомощно Счастье!
Источник наших бед, утех,
Кому и в вёдро и в ненастье
Мавр, лóпарь, пастыри, цари,
Моляся в кущах и на троне,
В воскликновениях и стоне,
В сердцах их зиждут алтари!

2 Сын время, случая, судьбины
Иль недоведомой причины,
Бог сильный, резвый, добрый, злой!
На шаровидной колеснице,
Хрустальной, скользкой, роковой,
Вослед блистающей греннице
Чрез горы, степь, моря, леса
Вседневно ты по свету скачешь,
Волшебною ширинкой машешь
И производишь чудеса.

3 Куда хребет свой обращаешь,
Там в пепел грады претворяешь,
Приводишь в страх богатырей;
Султанов заключаешь в клетку,
На казнь выводишь королей;
Но если ты ж, хотя в издевку,

Осклабишь взор свой на кого, —
Раба творишь владыкой миру,
Наместо рубища порфиру
Ты возлагаешь на него.

4 В те дни людского просвещенья,
Как нет кикиморов явленья,
Как ты лишь всем чудотворишь:
Девиц и дам магнизируешь,
Из камней золото варишь,
В глаза патриотизма плюешь,
Катаешь кубарем весь мир;
Как резвости твоей примеров,
Полна земля вся кавалеров,
И целый свет стал бригадир.

5 В те дни, как всюду скороходом
Пред русским ты бежишь народом
И лавры рвешь ему зимой,
Стамбулу бороду ерошишь,
На Тавре едешь чехардой,
Задать Стокгольму перцу хочешь,
Берлину фабришь ты усы,
А Темзу в фижмы наряжаешь,
Хохол Варшаве раздуваешь,
Коптишь голландцам колбасы.

6 В те дни, как Вену ободряешь,
Парижу пукли разбиваешь,
Мадриту поднимаешь нос,
На Копенгаген иней сеешь,
Пучок подносишь Гданску роз,
Венецьи, Мальте не радеешь,
А Греции велишь зевать,
И Риму, ноги чтоб не пухли,
Святые оставляя туфли,
Царям претишь их целовать.

7 В те дни, как всё везде в разгулье:
Политика и правосудье,

Ум, совесть, и закон святой,
И логика пиры пируют,
На карты ставят век златой,
Судьбами смертных пунтируют,
Вселенну в трантелево гнут;
Как полюсы, меридианы,
Науки, музы, боги — пьяны,
Все скачут, пляшут и поют.

8 В те дни, как всюду ерихонцы
Не сеют, но лишь жнут червонцы,
Их денег куры не клюют;
Как вкус и нравы распестрились,
Весь мир стал полосатый шут;
Мартышки в воздухе явились,
По свету светят фонари,
Витийствуют уранги в школах;
На пышных карточных престолах
Сидят мишурные цари.

9 В те дни, как мудрость среди тронов
Одна не месит макаронов,
Не ходит в кузницу ковать;
А разве временем лишь скучным
Изволит муз к себе пускать
И перышком своим искусным,
Не ссоряся ни как, ни с кем,
Для общей и своей забавы,
Комедьи пишет, чистит нравы
И припевает *хем, хем, хем.*

10 В те дни, ни с кем как не сравненна,
Она с тобою сопряженна, —
Нельзя ни в сказках рассказать,
Ни написать пером красиво, —
Как милость любит проливать,
Как царствует она правдиво,
Не жжет, не рубит без суда;
А разве кое-как вельможи,
И так и сяк, нахмуря рожи,
Тузят иного иногда.

11 В те дни, как мещет всюду взоры
Она вселенной на рессоры
И весит скипетры царей,
Следы орлов парящих видит
И пресмыкающихся змей;
Разя врагов, не ненавидит,
А только пресекает зло;
Без лат богатырям и в латах
Претит давить лимоны в лапах:
А хочет, чтобы все цвело.

12 В те дни, как скипетром любезным
Она перун к стра́нам железным
И гром за тридевять земель
Несет на лунно государство
И бомбы сыплет будто хмель;
Свое же ублажая царство,
Покоит, греет и живит;
В мороз камины возжигает,
Дрова и сено запасает,
Бояр и чернь благотворит.

13 В те дни и времена чудесны
Твой взор и на меня всеместный
Простри, о над царями царь!
Простри и удостой усмешкой
Презренную тобою тварь;
И если я не создан пешкой,
Валяться не рожден в пыли,
Прошу тебя моим быть другом;
Песчинка может быть жемчу́гом,
Погладь меня и потрепли.

14 Бывало, ты меня к боярам
В любовь введешь: беру всё даром,
На вексель, в долг без платежа;
Судьи, дьяки и прокуроры,
В передней про себя брюзжа,
Умильные мне мещут взоры
И жаждут слова моего, —
А я всех мимо по паркету

Бегу, нос вздернув, к кабинету
И в грош не ставлю никого.

15 Бывало, под чужим нарядом
С красоткой чернобровой рядом
Иль с беленькой, сидя со мной,
Ты в шашки, то в картеж играешь;
Прекрасною твоей рукой
Туза червонного вскрываешь,
Сердечный твой тем кажешь взгляд;
Я к крале короля бросаю,
И ферзь к ладье я придвигаю,
Даю марьяж иль шах и мат.

16 Бывало, милые науки
И музы, простирая руки,
Позавтракать ко мне придут
И всё мое усядут ложе;
А я, свирель настроя тут,
С их каждой лирой то же, то же
Играю, что вчерась играл.
Согласна трель! взаимны тоны!
Восторг всех чувств! За вас короны
Тогда бы взять не пожелал.

17 А ныне пятьдесят мне било;
Полет свой счастье пременило,
Без лат я горе-богатырь;
Прекрасный пол меня лишь бесит,
Амур без перьев нетопырь,
Едва вспорхнет — и нос повесит.
Сокрылся и в игре мой клад;
Не страстны мной, как прежде, музы;
Бояра понадули пузы,
И я у всех стал виноват.

18 Услышь, услышь меня, о Счастье!
И солнце как сквозь бурь, ненастье,
Так на меня и ты взгляни;
Прошу, молю тебя умильно,
Мою ты участь премени;

Ведь всемогуще ты и сильно
Творить добро из самых зол;
От божеской твоей десницы
Гудок гудит на тон скрыпицы
И вьется локоном хохол.

19 Но ах! как некая ты сфера
Иль легкий шар Монгольфиера,
Блистая в воздухе, летишь;
Вселенна длани простирает,
Зовет тебя — ты не глядишь;
Но шар твой часто упадает
По прихоти одной твоей
На пни, на кочки, на колоды,
На грязь и на гнилые воды;
А редко, редко на людей.

20 Слети ко мне, мое драгое,
Серебряное, золотое,
Сокровище и божество!
Слети, причти к твоим любимцам!
Я храм тебе и торжество
Устрою, и везде по крыльцам
Твоим рассыплю я цветы;
Возжгу куреньи благовонны
И буду ездить на поклоны,
Где только обитаешь ты.

21 Жить буду в тереме богатом,
Возвышусь в чин, и знатным браком
Горацию в родню причтусь;
Пером моим славно-школярным
Рассудка выше вознесусь
И, став тебе неблагодарным,
«*Беатус* брат мой, на волах
Собою сам поля орющий
Или стада свои пасущий!» —
Я буду восклицать в пирах.

22 Увы! еще ты не внимаешь,
О Счастие! моей мольбе,

Мои обеты презираешь;
Знать, неугоден я тебе.
Но на софах ли ты пуховых,
В тенях ли миртовых, лавровых
Иль в золотой живешь стране,
Внемли, — шепни твоим любимцам,
Вельможам, королям и принцам:
Спокойствие мое во мне!

1789

ПРАВЕДНЫЙ СУДИЯ

1 Я милость воспою и суд
И возглашу хвалу я богу;
Законы, поученье, труд,
Премудрость, добродетель строгу
И непорочность возлюблю.

2 В моем я доме буду жить
В согласьи, в правде, в преподобьи;
Как чад, рабов моих любить,
И сердца моего в незлобьи
Одни пороки истреблю.

3 И мысленным очам моим
Не предложу я дел преступных;
Ничем не приобщуся к злым,
Возненавижу я распутных
И отвращуся от льстецов.

4 От своенравных уклонюсь,
Не прилеплюсь в совет коварных,
От порицаний устранюсь,
Наветов, наущений тайных,
И изгоню клеветников.

5 За стол с собою не пущу
Надменных, злых, неблагодарных;
Моей трапе́зой угощу

Правдивых, честных, благонравных,
К благим и добрым буду добр.

6 И где со мною ни сойдутся
Лжецы, мздоимцы, гордецы, —
Отвсюду мною изженутся
В дальнейшие земны концы,
Иль казнь повергнет их во гроб.

1789

ИЗОБРАЖЕНИЕ ФЕЛИЦЫ

1 Рафа́эль! живописец славный,
Творец искусством естества!
Рафа́эль чудный, бесприкладный,
Изобразитель божества!
Умел ты кистию свободной
Непостижимость написать, —
Умей моей богоподобной
Царевны образ начертать.

2 Изобрази ее мне точно
Осанку, возраст и черты,
Чтоб в них я видел и заочно
Ее и сердца красоты,
И духа чувствы возвышенны,
И разума ее дела:
Фелица, ангел воплощенный,
В твоей картине бы жила.

3 Небесно-голубые взоры
И по ланитам нежна тень
Сквозь мрак времен, стихиев споры
Блистали бы, как ясный день;
Как утрення заря весення,
Так улыбалась бы она;
Как пальма, в рае насажденна,
Так возвышалась бы стройна.

4 Как пальма клонит благовонну
Вершину и лице свое, —

Так тиху, важну, благородну
Ты поступь напиши ее.
Коричными чело власами,
А перлом перси осени;
Премудрость и любовь устами,
Как розы дышут, изъясни.

5 Представь в лице ее геройство,
В очах величие души;
Премилосердо, нежно свойство
И снисхожденье напиши.
Не позабудь приятность в нраве
И кроткий глас ее речей;
Во всей изобрази ты славе
Владычицу души моей.

6 Одень в доспехи, в брони златы
И в мужество ее красы:
Чтоб шлем блистал на ней пернатый,
Зефиры веяли власы;
Чтоб конь под ней главой крутился
И бурно бразды опенял;
Чтоб Норд седый ей удивился
И обладать собой избрал.

7 Избрал — и, падши на колена,
Поднес бы скиптр ей и венец;
Она, мольбой его смягченна
И став владычицей сердец,
Бесстрашно б узы разрешила
Издревле скованных цепьми,
Свободой бы рабов пленила
И нарекла себе детьми.

8 Престол ее на Скандинавских,
Камчатских и Златых горах,
От стран Таймурских до Кубанских
Поставь на сорок двух столпах;
Как восемь бы зерцал стояли
Ее великие моря;

С полнеба звезды освещали,
Вокруг багряная заря.

9 Средь дивного сего чертога
И велелепной высоты
В величестве, в сияньи бога,
Ее изобрази мне ты;
Чтоб, сшед с престола, подавала
Скрыжаль заповедей святых;
Чтобы вселенна принимала
Глас божий, глас природы в них.

10 Чтоб дики люди, отдаленны,
Покрыты шерстью, чешуей,
Пернатых перьем испещренны,
Одеты листьем и корой,
Сошедшися к ее престолу
И кротких вняв законов глас,
По желто-смуглым лицам долу
Струили токи слез из глаз.

11 Струили б слезы — и, блаженство
Своих проразумея дней,
Забыли бы свое равенство
И были все подвластны ей:
Финн в море, бледный, рыжевласый,
Не разбивал бы кораблей,
И узкоглазый гунн жал класы
Среди седых, сухих зыбей.

12 Припомни, чтоб она вещала
Бесчисленным ее ордам:
«Я счастья вашего искала,
И в вас его нашла я вам;
Став сами вы себе послушны,
Живите, славьтеся в мой век
И будьте столь благополучны,
Колико может человек.

13 Я вам даю свободу мыслить
И разуметь себя ценить,

Не в рабстве, а в подда́нстве числить
И в ноги мне челом не бить.
Даю вам право без препоны
Мне ваши нужды представлять,
Читать и знать мои законы
И в них ошибки замечать.

14 Даю вам право собираться
И в думах золото копить,
Ко мне послами отправляться
И не всегда меня хвалить.
Даю вам право беспристрастно
В судьи друг друга выбирать,
Самим дела свои всевластно
И начинать и окончать.

15 Не воспрещу я стихотворцам
Писать и чепуху и лесть;
Халдеям, новым чудотворцам,
Махать с духа́ми, пить и есть;
Но я во всем, что лишь не злобно,
Потщуся равнодушной быть,
Великолепно и спокойно
Мои благодеянья лить».

16 Рекла, — и взор бы озарился
Величеством ее души,
Хаос на сферы б разделился
Ее рукою, — напиши.
Чтоб солнцы в путь свой покатились
И тысящи вкруг их планет;
Из праха грады возносились,
Восстали царствы, — и был свет.

17 Изобрази мне мир сей новый
В лице младого летня дня;
Как рощи, холмы, башни, кровы,
От горнего златясь огня,
Из мрака восстают, блистают
И смотрятся в зерцало вод;

Все новы чувства получают,
И движется всех смертных род.

18 Представь мне лучезарны храмы
И ангелов поющих лик,
И благовонны фимиамы
Как облака б носились в них;
И чтоб царевна, умиленна,
Вперя свой взор на небеса,
Слезами зрелась окропленна,
Блистающими как роса.

19 Как с синей крутизны эфира
Лучам случится ниспадать, —
От вседержителя так мира
Чтоб к ней сходила благодать
И в виде счастия земного
Чтоб сыпала пред ней цветы,
И купно века бы драгого
Катилися часы златы.

20 Чтоб видел я в рога зовущих
Там пастухов стада на луг;
На рощах липовых, цветущих,
Рои жужжащих пчел вокруг;
Шумя, младых бы класов волны
Переливались ветерком,
Граненых бриллиантов холмы
В след сыпались за кораблем.

21 Чтобы с ристалища мне громы
И плески доходили в слух,
И вихрем всадники несомы
Поспешно б натягали лук,
И стрелу, к облакам пущенну,
Пересекали бы другой;
И всю в стязаньи бы вселенну
Я пред Фелицей зрел младой.

22 И зрел бы я ее на троне
Седящу в утварях царей:

„Наставь меня, міровъ Содѣтель!
„Да волѣ слѣдуя Твоей,
„Тебя люблю и добродѣтель,
„И зижду щастіе людей;
„Да вѣкъ мой на дѣла полезны
„И славу ихъ я посвящу;
„Самодержавства скиптръ железный
„Моей щедротой позлащу.

*

„Да удостоенна любови,
„Надзрѣнія Твоихъ очесъ,
„Чтобъ я за кажду каплю крови,
„За всякую бы каплю слезъ,
„Народа моего пролитыхъ,
„Тебѣ отвѣтствовать могла,
„И чувствъ души моей сокрытыхъ
„Тебя свидѣтелемъ звала."

*

Представь, чтобъ тутъ кидала взоры
Со отвращеніемъ Она
На тѣ ужасны приговоры,
Гдѣ смерть написана, война;

Страница 107-я издания «Сочинения Державина» 1798 г., где рукою поэта в оду «Изображение Фелицы» вписаны строки, выброшенные цензурой.

В порфире, бармах и короне,
И взглядом вдруг одним очей
Объемлющу моря и сушу
Во всем владычестве своем,
Всему дающу жизнь и душу
И управляющую всем.

23 Чтоб свыше ею вдохновенны
Мурзы, паши и визири,
Сединой мудрости почтенны,
В диване зрелись как цари;
Закон бы свято сохраняли
И по стезям бы правды шли,
Носить ей скипетр пособляли
И пользу общую блюли.

24 Она б пред ними председала,
Как всемогущий царь царей,
Свои наказы подтверждала
Для благоденствия людей.
Рекла б: «Почто писать уставы,
Коль их в диванах не творят?
Развратные вельможей нравы —
Народа целого разврат.

25 Ваш долг монарху, богу, царству
Служить, и клятвой не играть;
Неправде, злобе, мзде, коварству
Пути повсюду пресекать;
Пристрастный суд разбоя злее, —
Судьи враги, где спит закон:
Пред вами гражданина шея
Протянута без оборон».

26 Представь, чтоб глас сей светозарный,
Как луч с небес, проник сердца,
Извлек бы слезы благодарны,
И все монарха, и отца,
И бога бы в Фелице зрели,
Который праведен и благ;
Из уст бы громы лишь гремели,
Которы у нее в руках.

27 Соделай, чтоб судебны храмы
Ее лугами обросли,
Весы бы в них стояли прямы
И редко к ним бы люди шли;
Чтоб совесть всюду председала
И обнимался с ней закон,
Чтоб милость истину лобзала
И миру поставляла трон.

28 Представь, чтоб все царевна средствы
В пособие себе брала
Предупреждать народа бедствы
И сохранять его от зла;
Чтоб отворила всем дороги
Чрез почту письма к ней писать,
Велела бы в свои чертоги
Для объясненья допускать.

29 Как молния, ее бы взоры
Сверкали быстро в небесах,
Проникнуть мысли были скоры
И в самых скрытнейших сердцах;
Чтоб издалече познавала
Она невинного ни в чем,
Как ангел бы к нему блистала
Благоволения лицем.

30 Дерзни мне кистию волшебной
Святилище изобразить,
Где взора смертных удаленной
Благоволит Фелица быть;
Где тайна перстом помавает
И на уста кладет печать,
Где благочестье председает
И долг велит страстям молчать.

31 Представь ее облокоченну
На Зороастров истукан,
Смотрящу там на всю вселенну,
На огнезвездный океан,
Вещающу: «О ты, превечный!

Который волею своей
Колеса движешь быстротечны
Вратящейся природы всей!

32 Когда ты есть душа едина
Движенью сих огромных тел, —
То ты ж, конечно, и причина
И нравственных народных дел;
Тобою царствы возрастают,
Твое орудие цари;
Тобой они и померцают,
Как блеск вечерния зари.

33 Наставь меня, миров содетель!
Да воле следуя твоей,
Тебя люблю и добродетель
И зижду счастие людей;
Да век мой на дела полезны
И славу их я посвящу,
Самодержавства скиптр железный
Моей щедротой позлащу.

34 Да удостоенна любови,
Надзрения твоих очес,
Чтоб я за кажду каплю крови,
За всякую бы каплю слез
Народа моего пролитых
Тебе ответствовать могла
И чувств души моей сокрытых
Тебя свидетелем звала».

35 Представь, чтоб тут кидала взоры
Со отвращением она
На те ужасны приговоры,
Где смерть написана, война
Свинцова грифеля чертами,
И медленно б крепила их, —
И тут же горькими слезами
Смывала бы слова все с них.

36 Но милости б определяла
Она с смеющимся лицом,

Златая бы струя бежала
За скоропишущим пером
И проливалась бы с престолу
В несчетных тысящах прохлад,
Как в ясный день с крутых гор долу
Лучистый с шумом водопад.

37 Чтоб сей рекой благодеяний
Покрылась вся ее страна;
Я зрел бы цепь пространных зданий,
Где пользует больных она,
Где бедных пищей насыщает,
Где брошенных берет сирот,
Где их лелеет, возращает,
Где просвещает свой народ.

38 Представь мне, в мысли восхищенной,
Сходила бы с небес она;
Как солнце грудь, в ткани зеленой,
Рукой метала семена;
Как искры огненны дождились
Златые б зерна в снедь птенцам;
Орлы младые разбудились
И воскрилялись бы к лучам.

39 Яви искусством чудотворным,
Чтоб льды прияли вид лилей;
Весна дыханьем теплотворным
Звала бы с моря лебедей;
Летели б с криком вереницы,
Звучали б трубы с облаков, —
Так в царство бы текли Фелицы
Народы из чужих краев.

40 Не позабудь ее представить,
Как, вместо алтарей себе,
Царя великого поставить
Велела на мольбу Орде;
Как всюду раздалися клики
И громы света по конец:

«Предстал нам Зороастр великий,
Воскрес отечества отец!»

41 Изобрази и то в картине,
Чтоб сей подобный грому клик
В безмерной времени долине,
Как будто бы катясь, затих;
Фелицы ж славою удвоен,
Громчай в потомстве возгласил:
«Велик, кто алтарей достоен,
Но их другому посвятил!»

42 Представь, сей славой возбужденны,
Чтоб зреть ее цари пришли
И как бы древле, удивленны,
В ней Соломона вновь нашли;
Народ счастливый и блаженный
Великой бы ее нарек,
Поднес бы титлы ей священны;
Она б рекла: «Я человек».

43 Возвысь до облак лавр зеленый,
И чтоб он на полях стоял;
Под ним бы, тенью прохлажденный,
Спокойно Исполин дремал;
Как мрамор бела б грудь блистала,
Ланиты бы цвели зарей, —
Фелица так бы услаждала
Полсвета под своей рукой.

44 И, здравие его спасая,
Без ужаса пила бы яд;
От твердости ее смерть злая
Свой отвратила б смутный взгляд;
Коса ее дала бы звуки,
Преткнувшись о великий дух;
На небеса воздели б руки
Младенцев миллионы вдруг.

45 Супругов чувствы благодарны
За оживленье их детей,

Как бы пылинки лучезарны,
Огнистой от стекла струей
Отпрянув, в воздухе сверкали,
Являли б пламень их сердец:
«Мы зрим в Фелице, — восклицали, —
Твое подобие, творец!»

46 Изобрази ты мне царевну
Еще и в подвигах других:
Стоглаву гидру разъяренну
И фуриев с земель своих
Чтобы гнала она геройски;
Как мать, — своих спасала б чад;
Как царь, — на гордость двигла войски;
Как бог, — свергала злобу в ад.

47 На сребролунно государство
Простри крылатый, сизый гром;
В железно-каменное царство
Брось молньи — и поставь вверх дном;
Орел царевнин бы ногою
Вверху рога луны сгибал,
Тогда ж бы на земле другою
У гладна льва он зев сжимал.

48 Чтобы ее бесстрашны войски
От колыбели до седин
Носили дух в себе геройский,
И отрок будто б исполин
Врагам в сражениях казался;
Их пленник бы сказал о них:
«Никто в бою им не равнялся,
Кроме души великой их».

49 Чтобы вселенныя владыки
И всяк ту истину узнал:
Где войски Зороастр великий
Образовал и учреждал
И где великую в них душу
Великая Фелица льет, —
Те войски горы, море, сушу
Пройдут — и им препоны нет.

50 Чтоб грозный полк их представлялся
Как страшна буря вдалеке,
И Мир в порфире приближался
Тогда б к царевниной руке.
Она б его облобызала
И ветвь его к себе взяла,
«Да будет тишина!» — сказала,
И к нам бы тишина пришла.

51 Как ангел в синеве эфира
И милосердия в лице,
Со кротостью в душе зефира,
С сияньем тихим звезд в венце,
Благолюбивая б царевна
В день зрелась мирна торжества;
Душа моя бы восхищенна
Была делами божества.

52 Из уст ее текла бы сладость
И утишала стон вдовиц;
Из глаз ее блистала б радость
И освещала мрак темниц;
Рука ее бы награждала
Прямых отечества сынов;
Душа ее в себе прощала
Неблагодарных и врагов.

53 Приятность бы сопровождала
Ее беседу, дружбу, власть;
Приветливость ее равняла
С монархом подданного часть.
Повсюду музы, в восхищенье,
Ей сыпали б цветы сердец,
И самое Недоуменье
Ей плесков поднесло б венец.

54 Черты одной — красот ей ложно
Блюдися приписать в твой век;
Представь, каков, коль только можно,
Богоподобный человек!
Исполнь ее величеств, власти,

Бессмертных мудрости даров,
Вдохни, вдохни ей также страсти:
Щедроту, славу и любовь.

55 И славу моему ты взору
Ее представь как бы в ночи
Возжженну бриллиантов гору,
От коей бы лились лучи
И живо в вечности играли;
На светлу оной крутизну
Калифы многие желали —
Ползли — скользили — пали в тьму.

56 Как огненн столп на понте, взорам
К горе сей колебался б путь;
Фелица бы внушала Хлорам:
«Там розы без шипов растут».
Мурза б, в восторге, в удивленьи,
Под золотым ее щитом
В татарском упражнялся пеньи
И восклицал открытым ртом:

57 «Бросай, кто хочет: остры стрелы
От чистой совести скользят;
Имея сердце, руки белы,
Мне стыдно мстить, стыднее лгать;
Того стыднее — в дни блаженны
За истину страшиться зла:
Моей царевной восхищенный,
Я лишь ее пою дела».

58 Но что, Рафáэль! что ты пишешь?
Кого ты, где изобразил?
Не на холсте, не в красках дышешь,
И не металл ты оживил;
Я в сердце зрю алмазну гору,
На нем божественны черты
Сияют исступленну взору:
На нем в лучах — Фелица, ты!

1789

НА ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА

О, коль монарх благополучен,
Кто знает Россами владеть!
Он будет в свете славой звучен
И всех сердца в руке иметь.

Ода г. Ломоносова

1 Везувий пламя изрыгает,
Столп огненный во тьме стоит,
Багрово зарево зияет,
Дым черный клубом вверх летит;
Краснеет понт, ревет гром ярый,
Ударам вслед звучат удары;
Дрожит земля, дождь искр течет;
Клокочут реки рдяной лавы, —
О Росс! таков твой образ славы,
Что зрел под Измаилом свет!

2 О Росс! о род великодушный!
О твердокаменная грудь!
О исполин, царю послушный!
Когда и где ты досягнуть
Не мог тебя достойной славы?
Твои труды — тебе забавы;
Твои венцы — вкруг блеск громов:
В полях ли брань — ты тмишь свод звездный;
В морях ли бой — ты пенишь бездны, —
Везде ты страх твоих врагов!

3 На подвиг твой вождя веленьем
Ты идешь, как жених на брак.
Марс видит часто с изумленьем,
Что и в беда́х твой весел зрак:
Где вкруг драконы медны ржали,
Из трех сот жерл огнем дышали,
Ты там прославился днесь вновь.
Вождь рек: «Се стены Измаила!
Да сокрушит твоя их сила!..»
И воскипела бранна кровь.

4 Как воды, с гор весной в долину
Низвержась, пенятся, ревут,
Волнами, льдом трясут плотину, —
К твердыням Россы так текут.
Ничто им путь не воспящает;
Смертей ли бледных полк встречает
Иль ад скрежещет зевом к ним, —
Идут, как в тучах скрыты громы,
Как двигнуты безмолвны холмы;
Под ними стон, — за ними дым.

5 Идут в молчании глубоком,
Во мрачной, страшной тишине,
Собой пренебрегают, роком;
Зарница только в вышине
По их оружию играет;
И только их душа сияет,
Когда на бой, на смерть идет.
Уж блещут молнии крылами,
Уж осыпаются громами;
Они молчат — идут вперед.

6 Не бард ли древний, исступленный,
Волшебным их ведет жезло́м?
Нет! свыше пастырь вдохновенный
Пред ними идет со крестом;
Венцы нетленны обещает
И кровь пролить благословляет
За честь, за веру, за царя;
За ним вождей ряд пред полками,

Как бурных дней пред облаками
Идет огнистая заря.

7 Идут. — Искусство зрит заслугу,
И сколь их дух был тут велик
Вещает слух земному кругу;
Но мне их раздается крик:
По лествицам на град, на стогны,
Как шумны волны через волны,
Они возносятся челом;
Как угль их взоры раскаленны,
Как львы на тигров устремленны, —
Бегут, стеснясь, на огнь, на гром.

8 О! что за зрелище предстало?
О пагубный, о страшный час!
Злодейство что ни вымышляло,
Поверглось, Россы, все на вас!
Зрю камни, ядра, вар и бревны, —
Но чем герои устрашенны?
Чем может отражен быть Росс? —
Тот лезет по бревну на стену;
А тот летит с стены в геенну;
Всяк Курций, Деций, Буароз!

9 Всяк помнит должность, честь и веру,
Всяк душу и живот кладет.
О Россы! нет вам, нет примеру,
И смерть сама вам лавр дает.
Там в грудь, в сердца лежат пронзенны,
Без сил, без чувств, полмертвы, бледны;
Но мнят еще стерть вражий рог:
Иной движеньем ободряет,
А тот с победой восклицает:
«Екатерина! — с нами бог!»

10 Какая в войсках храбрость рьяна!
Какой великий дух в вождях!
В одних душа рассудком льдяна,
У тех пылает огнь в сердцах.
В зиме рожденны под снегами,

Под молниями, под громами,
Которых с самых юных дней
Питала слава, верность, вера, —
Где можно вам сыскать примера?
Не посреди ль стихийных прей?

11 Представь: по светлости лазуря,
По наклонению небес
Взошла черно-багрова буря
И грозно возлегла на лес;
Как страшна нощь, надулась чревом,
Дохнула с свистом, воем, ревом,
Помчала воздух, прах и лист;
Под тяжкими ее крылами
Упали кедры вверх корнями
И затрещал Ливан кремнист.

12 Представь последний день природы,
Что пролилася звезд река;
На огнь пошли стеною воды,
Бугры взвились за облака;
Что вихри тучи к тучам гнали,
Что мрак лишь молньи освещали,
Что гром потряс всемирну ось,
Что солнце, мглою покровенно,
Ядро казалось раскаленно:
Се вид, как вшел в Измаил Росс!

13 Вошел! Не бойся, рек, — и всюды
Простер свой троегранный штык:
Поверглись тел кровавы груды,
Напрасно слышен жалоб крик;
Напрасно — бранны человеки! -
Вы льете крови вашей реки,
Котору должно бы беречь, —
Но с самого веков начала
Война народы пожирала,
Священ стал долг: рубить и жечь!

14 Тот мыслит овладеть всем миром,
Тот не принять его оков;

Вселенной царь стал врану пиром,
Герои — снедию волков.
Увы! пал крин, и пали терны.
Почто ж? — Судьбы небесны темны:
Я здесь пою лишь браней честь.
Нас горсть, — но полк лежит пред нами;
Нас полк, — но с тысячьми и тьмами
Мы низложили город в персть.

15 И се уже шумя стремится
Кровавой пены полн Дунай,
Пучина черная багрится,
Спершись от трупов, с краю в край;
Уже бледнеюща Мармора
Дрожит пловуща к ней позора,
Костры тел видя за костром!
Луна полна на башнях крови,
Поникли гордой Мекки брови;
Стамбул склонился вниз челом.

16 О! ежели издревле миру
Побед славнейших звук гремит
И если приступ славен к Тиру, —
К Измайлу больше знаменит.
Там был вселенной покоритель,
Машин и башен сам строитель,
Горой он море запрудил, —
А здесь вождя одно веленье
Свершило храбрых Россов рвенье;
Великий дух был вместо крыл.

17 Услышь, услышь, о ты, вселенна!
Победу смертных выше сил;
Внимай, Европа удивленна,
Каков сей Россов подвиг был.
Языки, знайте, вразумляйтесь,
В надменных мыслях содрогайтесь;
Уверьтесь сим, что с нами бог;
Уверьтесь, что его рукою
Один попрет вас Росс войною,
Коль встать из бездны зол возмог!

18 Я вижу страшную годину:
Его три века держит сон,
Простертую под ним долину
Покрыл везде колючий терн;
Лице туман подернул бледный,
Ослабли мышцы удрученны,
Скатилась в мрак глава его;
Разбойники вокруг суровы
Взложили тяжкие оковы,
Змия на сердце у него.

19 Он спит! — и насекомы гады
Румяный потемняют зрак,
Войны́ опустошают грады,
Раздоры пожирают злак;
Чуть зрится блеск его короны,
Страдает вера и законы,
И ты, к отечеству любовь!
Как зверь, его Батый рвет гладный,
Как змей, сосет лжецарь коварный:
Повсюду пролилася кровь!

20 Лежал он во своей печали,
Как темная в пустыне ночь;
Враги его рукоплескали,
Друзья не мыслили помочь,
Соседи грабежом алкали;
Князья, бояра в неге спали
И ползали в пыли, как червь, —
Но бог, но дух его великий
Сотряс с него беды толики,
Расторгнул лев железну вервь!

21 Восстал! — как утром холм высокой
Встает, подъемляся челом
Из мглы широкой и глубокой,
Разлитой вкруг его, — и гром
Поверх главы в ничто вменяя,
Ногами волны попирая,
Пошел, — и кто возмог проти́в?
От шлема молнии скользили,

И океаны уступили,
Стопам его пути открыв.

22 Он сильны о́рды пхнул ногою,
Края азийски потряслись;
Упали царствы под рукою,
Цари, царицы в плен влеклись;
И победителей разитель,
Монархий света разрушитель,
Простерся под его пятой:
В Европе грады брал, тряс троны,
Свергал царей, давал короны
Могущею своей рукой.

23 Где есть народ в краях вселенны,
Кто б столько сил в себе имел:
Без помощи, от всех стесненный,
Ярем с себя низвергнуть смел
И, вырвав бы венцы лавровы,
Возверг на тех самих оковы,
Кто столько свету страшен был?
О Росс! твоя лишь добродетель
Таких великих дел содетель;
Лишь твой орел луну затмил.

24 Лишь ты, простря твои победы,
Умел щедроты расточать:
Поляк, турк, перс, прусс, хин и шведы
Тому примеры могут дать.
На тех ты зришь спокойно стены,
Тем паки отдал грады пленны;
Там унял прю, тут бунт смирил;
И сколь ты был их победитель,
Не меньше друг, благотворитель,
Свое лишь только возвратил.

25 О кровь славян! Сын предков славных!
Несокрушаемый колосс!
Кому в величестве нет равных,
Возросший на полсвете Росс!

Твои коль славны древни следы!
Громчай суть нынешни победы:
Зрю вкруг тебя лавровый лес;
Кавказ и Тавр ты преклоняешь,
Вселенной на среду ступаешь
И досязаешь до небес.

26 Уже в Эвксине с полунощи
Меж вод и звезд лежит туман,
Под ним плывут дремучи рощи;
Средь них как гор отломок льдян
Иль мужа нека тень седая
Сидит, очами озирая:
Как полный месяц — щит его,
Как сосна — рында обожженна,
Глава до облак вознесенна, —
Орел над шлемом у него.

27 За ним златая колесница
По розовым летит зарям;
Седящая на ней царица,
Великим равная мужам,
Рукою держит крест одною,
Возжженный пламенник другою
И сыплет блески на Босфор;
Уже от северного света
Лице бледнеет Магомета,
И мрачный отвратил он взор.

28 Не вновь ли то Олег к Востоку
Под парусами флот ведет
И Ольга к древнему потоку
Занятый ею свет лиет?
Иль Россов идет дух военный,
Христовой верой провожденный,
Ахеян спасть, агарян стерть? —
Я слышу, громы ударяют,
Пророки, камни, возглашают:
«То будет ныне или впредь!»

29 О вы, что в мыслях суетитесь
Столь славный Россу путь претить,

Помочь врагу Христову тщитесь
И вере вашей изменить!
Чем столько поступать неправо,
Сперва исследуйте вы здраво
Свой путь, цель Росса, суд небес;
Исследуйте и заключите:
Вы с кем и на кого хотите?
И что ваш року перевес?

30 Ничто; коль Росс рожден судьбою
От варварских хранить вас уз,
Темиров попирать ногою,
Блюсть ваших от Омаров муз,
Отмстить крестовые походы,
Очистить иордански воды,
Священный гроб освободить,
Афинам возвратить Афину,
Град Константинов Константину
И мир Афету водворить.

31 Афету мир? — О труд избранный!
Достойнейший его детей,
Великими людьми желанный,
Свершишься ль ты средь наших дней?..
Доколь, Европа просвещенна,
С перуном будешь устремленна
На кровных братиев своих?
Не лучше ль внутрь раздор оставить
И с Россом грудь одну составить
На общих супостат твоих?

32 Дай руку! — и пожди спокойно;
Сие и Росс один свершит,
За беспрепятствие достойно
Тебя трофеем наградит.
Дай руку! — дай залог любови!
Не лей твоей и нашей крови,
Да месть всем в грудь нам не взойдет;
Пусть только ум Екатерины,
Как Архимед, создаст машины;
А Росс вселенной потрясет.

33 Чего не может род сей славный,
Любя царей своих, свершить?
Умейте лишь, главы венчанны!
Его бесценну кровь щадить.
Умейте дать ему вы льготу,
К делам великим дух, охоту
И правотой сердца пленить.
Вы можете его рукою
Всегда, войной и не войною,
Весь мир себя заставить чтить.

34 Война — как северно сиянье,
Лишь удивляет чернь одну:
Как светлой радуги блистанье,
Всяк мудрый любит тишину.
Что благовонней аромата?
Что слаще меда, краше злата
И драгоценнее порфир?
Не ты ль — которого всем взгляды
Лиют обилие, прохлады —
Прекрасный и полезный мир?

35 Приди, о кроткий житель неба,
Эдемской гражданин страны!
Приди! — и, как сопутник Феба,
Дух теплотворный, бог весны,
Дохни везде твоей душою!
Дохни, — да расцветет тобою
Рой сладости в домах, в сердцах!
Под сению Екатерины
Венчанны лавром исполины
Возлягут на своих громах.

36 Премудрость царствы управляет;
Крепит их вера, правый суд;
Их труд и мир обогащает,
Любовию они цветут.
О пол прекрасный и почтенный,
Кем Россы рождены, кем пленны!
И вам днесь предлежат венцы.
Плоды побед суть звуки славы,

Побед основа тверды нравы,
А добрых нравов вы творцы!

37 Когда на брани вы предметов
Лишилися любви своей,
И если без войны, наветов
Полна жизнь наша слез, скорбей, —
Утешьтесь! — Ветры в ветры дуют,
Стихии меж собой воюют;
Сей свет — училище терпеть.
И брань коль восстает судьбою,
Сын Россиянки среди бою
Со славой должен умереть.

38 А слава тех не умирает,
Кто за отечество умрет;
Она так в вечности сияет,
Как в море ночью лунный свет.
Времен в глубоком отдаленьи
Потомство тех увидит тени,
Которых мужествен был дух.
С гробов их в души огнь польется,
Когда по рощам разнесется
Бессмертной лирой дел их звук.

1790

ЛЮБИТЕЛЮ ХУДОЖЕСТВ

Сойди, любезная Эрата!
С горы зеленой, двухолмистой,
В одежде белой, серебристой,
Украшенна венцом и поясом из злата,
С твоею арфой сладкогласной!
Сойди, утех собор,
И брось к нам нежнострастной
С улыбкою твой взор
И царствуй вечно в доме сем
На берегах Невы прекрасных!
Любителю наук изящных
Мы песнь с тобою воспоем.

«Небеса, внемлите
Чистый сердца жар
И с высот пошлите
Песен сладкий дар.
О! мольба прилежна,
Как роса, взнесись:
К нам ты, муза нежна,
Как зефир спустись!»

Как легкая серна́
Из дола в дол, с холма на холм
Перебегает;
Как белый голубок, она
То вниз, то вверх под облачком
Перелетает;

С небесных светлых гор дорогу голубую
Ко мне в минуту перешла
И арфу золотую
С собою принесла;
Резвилась вкруг меня, ласкалася, смотрела
И, будто ветерочек, села
На лоне у меня.
Тут вдруг, веселый вид на важный пременя.
Небесным жаром воспылала,
На арфе заиграла.

Ее белорумяны пе́рсты
По звучным бегают струнам;
Взор черно-огненный, отверстый,
Как молния вослед громам,
Блистает, жжет и поражает
Всю внутренность души моей;
Томит, мертвит и оживляет
Меня приятностью своей.

«Боги взор свой отвращают
От нелюбящего муз,
Фурии ему влагают
В сердце черство грубый вкус,
Жажду злата и сребра.
Враг он общего добра!

Ни слеза вдовиц не тронет,
Ни сирот несчастных стон;
Пусть в крови вселенна тонет,
Был бы счастлив только он;
Больше б со́брал серебра.
Враг он общего добра!

Напроти́в того, взирают
Боги на любимца муз,
Сердце нежное влагают
И изящный нежный вкус;
Всем душа его щедра.
Друг он общего добра!

Отирает токи слезны,
Унимает скорбный стон;
Сиротам отец любезный,
Покровитель музам он;
Всем душа его щедра.
Друг он общего добра!»

О день! о день благоприятный!
Несутся ветром голоса,
Курятся крины ароматны,
Склонились долу небеса;
Лазурны тучи, краезлаты,
Блистающи рубином сквозь,
Как испещренный флот богатый,
Стремятся по эфиру вкось;
И плавая туда,
Сюда,
Спускаются пред нами.
На них сидит небесных муз собор,
Вкруг гениев крылатых хор, —
Летят, в след тянутся цепями,
Как бы весной
Разноперистых птичек рой
Вьет воздух за собою
Кристальною струею
И провождает к нам дев горних красный лик!
Я слышу вдалеке там резкий трубный зык;
Там бубнов гром,
Там стон
Валторн
Созвучно в воздух ударяет;
Там глас свирелей
И звонких трелей
Сквозь их изрéдка пробегает,
Как соловьиный свист сквозь шум падущих вод.
От звука разных голосов,
Встречающих полубогов
На землю сход,
По рощам эхо как хохочет,
По мрачным, горным дебрям ропчет,

И гул глухой в глуши гудет.
Я слышу, сонм небесных дев поет:

«Науки смертных просвещают,
Питают, облегчают труд;
Художествы их украшают
И к вечной славе их ведут.
Благополучны те народы,
Которы красотам природы
Искусством могут подражать,
Как пчелы мед с цветов сбирать.
Блажен тот муж, блажен стократно,
Кто покровительствует им!
Вознаградят его обратно
Они бессмертием своим».

Наполнил грудь восторг священный,
Благоговейный обнял страх,
Приятный ужас потаенный
Течет во всех моих костях;
В весельи сердце утопает,
Как будто бога ощущает,
Присутствующего со мной!
Я вижу, вижу Аполлона
В тот миг, как он сразил Тифона
Божественной своей стрелой:
Зубчата молния сверкает,
Звенит в руке священный лук;
Ужасная змия зияет
И вмиг свой испущает дух,
Чешуйчатым хвостом песок перегребая
И черну кровь ручьем из раны испуская.
Я зрю сие — и вмиг себе представить мог,
Что так невежество сражает света бог.

Полк бледных теней окружает
И ужасает дух того,
Кто кровью руки умывает
Для властолюбья своего;
И черный змей то сердце гложет,
В ком зависть, злость и лесть живет

И кто своим добром жить может,
Но для богатства мзду берет.
Порок спокоен не бывает;
Нрав варварский его мятет,
Наук, художеств не ласкает,
И света свет ему не льет.
Как зверь — он ищет места темна;
Как змей — он ползая шипит;
Душа, коварством напоенна,
Глазами прямо не глядит.

«Черные мраки,
Злые призраки
Ужасных страстей!
Бегите из града,
Сокройтесь в дно ада
От наших вы дней!
Света перуны,
Лирные струны,
Минервин эгид!
Сыпьте в злость стрелы,
Брань за пределы
От нас да бежит!»

Как солнце гонит нощи мрак
И от его червлена злата
Румянится природы зрак,
Весело-резвая Эрата!
Ты ходишь по лугам зеленым
И рвешь тогда себе цветы,
Свободным духом, восхищенным,
Поёшь свои утехи ты;
Вослед тебе забав собор,
Певиц приятных хор,
Наяды пляшут и фауны;
Составь же ты, прелестно божество!
И нам теперя торжество,
Да сладкогласной лиры струны,
Твоею движимы рукой,
Манят нас к пляскам пред тобой.

«Радостно, весело в день сей
Вместе сбирайтеся, други!
Бросьте свои недосуги,
Скачите, пляшите смелей:
Бейте в ладоши руками,
Щелкайте громко перстами,
Черны глаза поводите,
Станом вы всем говорите;
Фертиком руки вы в боки,
Делайте легкие скоки;
Чобот о чобот стучите,
С наступью смелой свищите,
Молвьте спасибо душею
Мужу тому, что снисходит
Лаской, любовью своею,
Всем нам веселье находит.
Здравствуй же, муз днесь любитель!
Здравствуй, их всех покровитель!»

1791

ПРОГУЛКА В САРСКОМ СЕЛЕ

В прекрасный майский день,
В час ясныя погоды,
Как всюду длинна тень,
Ложась в стеклянны воды,
В их зеркале брегов
Изображала виды
И как между столпов
И зданиев Фемиды,
Сооруженных ей
Героев росских в славу,
При гласе лебедей,
В прохладу и забаву,
Вечернею порой
От всех уединяясь,
С Пленирою младой
Мы, в лодочке катаясь,
Гуляли в озерке;
Она в корме сидела,
А посредине я.
За нами вслед летела
Жемчужная струя,
Кристалл шумел от весел.
О, сколько с нею я
В прогулке сей был весел!
Любезная моя! —
Я тут сказал, — Пленира!
Тобой пленен мой дух,
Ты дар всего мне мира.
Взгляни, взгляни вокруг

И виждь, красы природы
Как бы стеклись к нам вдруг:
Сребром сверкают воды,
Рубином облака,
Багряным златом кровы,
Как огненна река;
Свет ясный, пурпуровый
Объял все воды вкруг;
Смотри в них рыб плесканье,
Плывущих птиц на луг
И крыл их трепетанье.

Весна во всех местах
Нам взор свой осклабляет,
В зеленых муравах
Ковры нам подстилает;
Послушай рога рев,
Там эха хохотанье;
Тут шепоты ручьев,
Здесь розы воздыханье!
Се ветер помавал
Крылами тихо слуху.

Какая пища духу! —
В восторге я сказал, —
Коль красен взор природы
И памятников вид,
Они где зрятся в воды
И соловей сидит
Где близ и воспевает,
Зря розу иль зарю!
Он будто изъявляет
И богу и царю
Свое благодаренье:
Царю — за память слуг;
Творцу — что влил стремленье
К любви всем тварям в дух.
И ты, сидя при розе,
Так, дней весенних сын,
Пой, Карамзин! — И в прозе
Глас слышен соловьин.

1791

ВОДОПАД

1 Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами,
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.

2 Шумит — и средь густого бора
Теряется в глуши потом;
Луч чрез поток сверкает скоро;
Под зыбким сводом древ, как сном
Покрыты, волны тихо льются,
Рекою млечною влекутся.

3 Седая пена по брегам
Лежит буграми в дебрях темных;
Стук слышен млатов по ветрам,
Визг пил и стон мехов подъемных:
О водопад! в твоем жерле
Все утопает в бездне, в мгле!

4 Ветрами ль сосны пораженны? —
Ломаются в тебе в куски;
Громами ль камни отторженны? —
Стираются тобой в пески;
Сковать ли воду льды дерзают? —
Как пыль стеклянна ниспадают.

5 Волк рыщет вкруг тебя и, страх
В ничто вменяя, станови́тся;
Огонь горит в его глазах,
И шерсть на нем щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Он воет согласясь с тобой.

6 Лань и́дет робко, чуть ступает,
Вняв вод твоих падущих рев,
Рога на спину приклоняет
И быстро мчится меж дерев;
Ее страшит вкруг шум, бурь свист
И хрупкий под ногами лист.

7 Ретивый конь, осанку горду
Храня, к тебе порой идет;
Крутую гриву, жарку морду
Подняв, храпит, ушми прядет;
И подстрекаем быв, бодрится,
Отважно в хлябь твою стремится.

8 Под наклоненным кедром вниз,
При страшной сей красе природы,
На утлом пне, который свис
С утеса гор на яры воды,
Я вижу — некий муж седой
Склонился на руку главой.

9 Копье, и меч, и щит великой,
Стена отечества всего,
И шлем, обвитый повиликой,
Лежат во мху у ног его.
В броне блистая златордяной,
Как вечер во заре румяной, —

10 Сидит — и, взор вперя к водам,
В глубокой думе рассуждает:
«Не жизнь ли человеков нам
Сей водопад изображает? —
Он также блеском струй своих
Поит надменных, кротких, злых.

11 Не так ли с неба время льется,
Кипит стремление страстей,
Честь блещет, слава раздается,
Мелькает счастье наших дней,
Которых красоту и радость
Мрачат печали, скорби, старость?

12 Не зрим ли всякий день гробов,
Седин дряхлеющей вселенной?
Не слышим ли в бою часов
Глас смерти, двери скрып подземной?
Не упадает ли в сей зев
С престола царь и друг царев?

13 Падут — и вождь непобедимый,
В Сенате Цезарь средь похвал,
В тот миг, желал как диадимы,
Закрыв лице плащом, упал;
Исчезли замыслы, надежды,
Сомкнулись алчны к трону вежды.

14 Падут — и несравненный муж
Торжеств несметных с колесницы,
Пример великих в свете душ,
Презревший прелесть багряницы,
Пленивший Велизар царей
В темнице пал, лишен очей.

15 Падут. — И не мечты прельщали,
Когда меня, в цветущий век,
Давно ли города встречали,
Как в лаврах я, в оливах тек?
Давно ль? — Но ах! теперь во брани
Мои не мещут молний длани!

16 Ослабли силы, буря вдруг
Копье из рук моих схватила;
Хотя и бодр еще мой дух,
Судьба побед меня лишила».
Он рек — и тихим позабылся сном.
Морфей покрыл его крылом.

17 Сошла октябрьска нощь на землю,
На лоно мрачной тишины;
Нигде я ничего не внемлю,
Кроме ревущия волны,
О камни с высоты дробимой
И снежною горою зримой.

18 Пустыня, взор насупя свой,
Утесы и скалы дремали;
Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробегали,
Из коих трепетна, бледна
Проглядывала вниз луна.

19 Глядела, и едва блистала,
Пред старцем преклонив рога,
Как бы с почтеньем познавала
В нем своего того врага,
Которого она страшилась,
Кому вселенная дивилась.

20 Он спал, — и чудотворный сон
Мечты ему являл геройски:
Казалося ему, что он
Непобедимы водит войски;
Что вкруг его перун молчит,
Его лишь мановенья зрит;

21 Что огнедышущи за перстом
Ограды вслед его идут;
Что в поле гладком, вкруг отверстом,
По слову одному растут
Полки его из скрытых станов,
Как холмы в море из туманов;

22 Что только по траве росистой
Ночные знать его шаги;
Что утром пыль, под твердью чистой,
Уж поздо зрят его враги;
Что остротой своих зениц
Блюдет он их, как ястреб птиц;

23 Что, положа чертеж и меры,
Как волхв невидимый, в шатре,
Тем кажет он в долу химеры,
Тем в тиграх агнцев на горе,
И вдруг решительным у́мом
На тысячи бросает гром;

24 Что орлю дерзость, гордость лунну,
У черных и янтарных волн,
Смирил Колхиду златорунну,
И белого царя урон
Рая́ вечерня пред границей
Отмстил победами сторицей;

25 Что, как румяной луч зари,
Страну его покрыла слава;
Чужие во́жди и цари,
Своя владычица, держава,
И все везде его почли,
Триумфами превознесли;

26 Что образ, имя и дела
Цветут его средь разных глянцев;
Что верх сребристого чела
В венце из молненных румянцев
Блистает в будущих родах,
Отсвечиваяся в сердцах;

27 Что зависть, от его сиянья
Свой бледный потупляя взор,
Среди безмолвного стенанья
Ползет и ищет токмо нор,
Куда бы от него сокрыться,
И что никто с ним не сравнится.

28 Он спит — и в сих мечтах веселых
Внимает завыванье псов,
Рев ветров, скрып дерев дебелых,
Стенанье филинов и сов,
И вещих глас вдали животных,
И тихий шорох вкруг бесплотных.

29 Он слышит: сокрушилась ель,
Станица вранов встрепетала,
Кремнистый холм дал страшну щель,
Гора с богатствами упала;
Грохочет эхо по горам,
Как гром гремящий по громам.

30 Он зрит одету в ризы черны
Крылату некую жену,
Власы имевшу распущенны,
Как смертну весть, или войну,
С косой в руках, с трубой стоящу,
И слышит он: «проснись!» гласящу.

31 На шлеме у нее орел
Сидел с перуном помраченным,
В нем герб отечества он зрел;
И, быв мечтой сей возбужденным,
Вздохнул и, испустя слез дождь,
Вещал: «Знать, умер некий вождь!

32 Блажен, когда, стремясь за славой,
Он пользу общую хранил,
Был милосерд в войне кровавой
И самых жизнь врагов щадил:
Благословен средь поздных веков
Да будет друг сей человеков!

33 Благословенна похвала
Надгробная его да будет,
Когда всяк жизнь его, дела
По пользам только помнить будет;
Когда не блеск его прельщал
И славы ложной не искáл!

34 О слава, слава в свете сильных!
Ты точно сей есть водопад.
Он вод стремлением обильных
И шумом льющихся прохлад
Великолепен, светл, прекрасен,
Чудесен, силен, громок, ясен;

35 Дивиться вкруг себя людей
Всегда толпами собирает, —
Но если он водой своей
Удобно всех не напояет,
Коль рвет брега и в быстротах
Его нет выгод смертным, — ах!

36 Не лучше ль менее известным,
А более полезным быть;
Подобясь ручейкам прелестным,
Поля, луга, сады кропить
И тихим вдалеке журчаньем
Потомство привлекать с вниманьем?

37 Пусть на обросший дерном холм
Приидет путник и воссядет
И, наклонясь своим челом
На подписанье гроба, скажет:
«Не только славный лишь войной,
Здесь скрыт великий муж душой».

38 О! будь бессмертен, витязь бранный,
Когда ты весь соблюл свой долг!» —
Вещал сединой муж венчанный
И, в небеса воззрев, умолк.
Умолк, — и глас его промчался,
Глас мудрый всюду раздавался.

39 Но кто там идет по холмам,
Глядясь, как месяц, в воды черны?
Чья тень спешит по облакам
В воздушные жилища горны?
На темном взоре и челе
Сидит глубока дума в мгле!

40 Какой чудесный дух крылами
От севера парит на юг?
Ветр медлен течь его стезями,
Обозревает царствы вдруг;
Шумит, и как звезда блистает,
И искры в след свой рассыпает.

41 Чей труп, как на распутьи мгла,
Лежит на темном лоне нощи?
Простое рубище чресла,
Два лепта покрывают очи,
Прижаты к хладной груди персты,
Уста безмолвствуют отверсты!

42 Чей одр — земля, кров — воздух синь,
Чертоги — вкруг пустынны виды?
Не ты ли, счастья, славы сын,
Великолепный князь Тавриды?
Не ты ли с высоты честей
Незапно пал среди степей?

43 Не ты ль наперсником близ трона
У северной Минервы был;
Во храме муз друг Аполлона;
На поле Марса вóждем слыл;
Решитель дум в войне и мире,
Могущ — хотя и не в порфире?

44 Не ты ль, который взвесить смел
Мощь Росса, дух Екатерины
И, опершись на них, хотел
Вознесть твой гром на те стремнины,
На коих древний Рим стоял
И всей вселенной колебал?

45 Не ты ль, который орды сильны
Соседей хищных истребил,
Пространны области пустынны
Во грады, в нивы обратил,
Покрыл Понт Черный кораблями,
Потряс среду земли громами?

46 Не ты ль, который знал избрать
Достойный подвиг росской силе,
Стихии самые попрать
В Очакове и в Измаиле,
И твердой дерзостью такой
Быть дивом храбрости самой?

47 Се ты, отважнейший из смертных!
Парящий замыслами ум!
Не шел ты средь путей известных,
Но проложил их сам — и шум
Оставил по себе в потомки;
Се ты, о чудный вождь Потемкин!

48 Се ты, которому врата
Торжественные созидали;
Искусство, разум, красота
Недавно лавр и мирт сплетали;
Забавы, роскошь вкруг цвели,
И счастье с славой следом шли.

49 Се ты, небесного плод дара
Кому едва я посвятил,
В созвучность громкого Пиндара
Мою настроить лиру мнил,
Воспел победу Измаила,
Воспел, — но смерть тебя скосила!

50 Увы! и хоров сладкий звук
Моих в стенанье превратился;
Свалилась лира с слабых рук,
И я там в слезы погрузился,
Где бездны разноцветных звезд
Чертог являли райских мест.

51 Увы! — и громы онемели,
Ревущие тебя вокруг;
Полки твои осиротели,
Наполнили рыданьем слух;
И всё, что близ тебя блистало,
Уныло и печально стало.

52 Потух лавровый твой венок,
Гранена булава упала,
Меч в полножны войти чуть мог,
Екатерина возрыдала!
Полсвета потряслось за ней
Незапной смертию твоей!

53 Оливы свежи и зелены
Принес и бросил Мир из рук;
Родства и дружбы вопли, стоны
И муз ахейских жалкий звук
Вокруг Перикла раздается:
Марон по Меценате рвется,

54 Который почестей в лучах,
Как некий царь, как бы на троне,
На сребро-розовых конях,
На златозарном фаэтоне,
Во сонме всадников блистал
И в смертный черный одр упал!

55 Где слава? Где великолепье?
Где ты, о сильный человек?
Мафусаила долголетье
Лишь было б сон, лишь тень наш век;
Вся наша жизнь не что иное,
Как лишь мечтание пустое.

56 Иль нет! — тяжелый некий шар,
На нежном волоске висящий,
В который бурь, громов удар
И молнии небес ярящи
Отвсюду беспрестанно бьют,
И ах! зефиры легки рвут.

57 Единый час, одно мгновенье
Удобны царствы поразить,
Одно стихиев дуновенье
Гигантов в прах преобразить;
Их ищут места — и не знают:
В пыли героев попирают!

58 Героев? — Нет! Но их дела
Из мрака и веков блистают;
Нетленна память, похвала
И из развалин вылетают,
Как холмы, гробы их цветут;
Напишется Потемкин труд.

59 Театр его — был край Эвксина,
Сердца обязанные — храм;
Рука с венцом — Екатерина;
Гремяща слава — фимиам;
Жизнь — жертвенник торжеств и крови,
Гробница — ужаса, любови.

60 Когда багровая луна
Сквозь мглу блистает темной нощи,
Дуная мрачная волна
Сверкает кровью, и сквозь рощи
Вкруг Измаила ветр шумит,
И слышен стон, — что турок мнит?

61 Дрожит, — и во очах сокрытых
Еще ему штыки блестят,
Где сорок тысяч вдруг убитых
Вкруг гроба Вейсмана лежат.
Мечтаются ему их тени
И Росс в крови их по колени!

62 Дрожит, — и обращает взгляд
Он робко на окрестны виды;
Столпы на небесах горят
По суше, по морям Тавриды!
И мнит, в Очакове что вновь
Течет его и мерзнет кровь.

63 Но в ясный день, средь светлой влаги,
Как ходят рыбы в небесах
И вьются полосаты флаги,
Наш флот на вздутых парусах
Вдали белеет на лиманах, —
Какое чувство в россиянах?

64 Восторг, восторг они, — а страх
И ужас турки ощущают;
Им мох и терны во очах,
Нам лавр и розы расцветают
На мавзолеях у вождей,
Властителей земель, морей.

65 Под древом, при заре вечерней,
Задумчиво Любовь сидит,
От цитры ветерок весенний
Ее повсюду голос мчит;
Перлова грудь ее вздыхает,
Геройский образ оживляет.

66 Поутру солнечным лучом
Как монумент златый зажжется,
Лежат объяты серны сном
И пар вокруг холмов виется.
Пришедши старец надпись зрит:
«Здесь труп Потемкина сокрыт!»

67 Алцибиадов прах! — И смеет
Червь ползать вкруг его главы?
Взять шлем Ахиллов не робеет,
Нашедши в поле, Фирс? — Увы!
И плоть и труд коль истлевает,
Что ж нашу славу составляет?

68 Лишь истина дает венцы
Заслугам, кои не увянут;
Лишь истину поют певцы,
Которых вечно не престанут
Греметь перуны сладких лир;
Лишь праведника свят кумир.

69 Услышьте ж, водопады мира!
О славой шумные главы!
Ваш светел меч, цветна порфира,
Коль правду возлюбили вы,
Когда имели только мету,
Чтоб счастие доставить свету.

70 Шуми, шуми, о водопад!
Касаяся странам воздушным,
Увеселяй и слух и взгляд
Твоим стремленьем светлым, звучным
И в поздной памяти людей
Живи лишь красотой твоей!

71 Живи! — и тучи пробегали
Чтоб редко по водам твоим,
В умах тебя не затмевали
Разжженный гром и черный дым;
Чтоб был вблизи, вдали любезен
Ты всем; сколь дивен, столь полезен.

72 И ты, о водопадов мать!
Река, на Севере гремяща,
О Суна! коль с высот блистать
Ты можешь — и, от зарь горяща,
Кипишь и сеешься дождем
Сафирным, пурпурным огнем, —

73 То тихое твое теченье —
Где ты сама себе равна,
Мила, быстра и не в стремленье,
И в глубине твоей ясна,
Важна без пены, без порыву,
Полна, велика без разливу,

74 И без примеса чуждых вод
Поя златые в нивах бреги,
Великолепный свой ты ход
Вливаешь в светлый сонм Онеги —
Какое зрелище очам!
Ты тут подобна небесам.

1791—1794

КО ВТОРОМУ СОСЕДУ

1 Не кость резная Колмогор,
Не мрамор Тифды и Рифея,
Не Невски зеркала, фарфор,
Не шелк Баки, не глазумея
Благоуханные пары
Вельможей делают известность,
Но некий твердый дух и честность,
А паче муз дары.

2 Почто же, мой вторый сосед,
Столь зданьем пышным, столь отличным
Мне солнца застеняя свет,
Двором межуешь безграничным
Ты дому моего забор?
Ужель полей, прудов и речек
Тьмы скупленных тобой местечек
Твой не насытят взор?

3 В тот миг, как с пошвы до конька
И около, презренным взглядом,
Мое строение слегка
С своим обозревая рядом,
Ты в гордости своей с высот
На низменны мои мнишь кровы
Навесить темный сад кедровый
И шумны токи вод, —

4 Кто весть, что рок готовит нам?
Быть может, что сии чертоги,

Назначенны тобой царям,
Жестоки времена и строги
Во стойлы conски обратят.
За счастие поруки нету,
И чтоб твой Феб светил век свету,
Не бейся об заклад.

5 Так, так! — но примечай, как день,
Увы! ночь темна затмевает;
Луну скрывает облак, тень;
Она растет иль убывает:
С сумой не ссорься и тюрьмой.
Хоть днесь к звездам ты высишь стены,
Но знай: ты прах одушевленный
И скроешься землей.

6 Надежней гроба дома нет,
Богатым он отверст и бедным;
И царь и раб в него придет:
К чему ж с столь рвеньем ты безмерным
Свой постоялый строишь двор,
И ах! сокровищи Тавриды
На барках свозишь в пирамиды
Средь полицейских ссор?

7 Любовь граждан и слава нам
Лишь воздвигают прочны домы;
Они, подобно небесам,
Стоят и презирают громы.
Зри, хижина Петра до днесь,
Как храм, нетленна средь столицы!
Свят дом, под кой народ гробницы
Матвееву принес!

8 Рабочих в шуме голосов,
Машин во скрыпе, во стенаньи,
Средь громких песен и пиров
Трудись, сосед, и строй ты зданьи;
Но мой не отнимай лишь свет.
А то оставь молве правдивой
Решить: чей дом скорей крапивой
Иль плющем зарастет?

1791; 1798 (?)

НА УМЕРЕННОСТЬ

1 Благополучнее мы будем,
Коль не дерзнем в стремленье волн,
Ни в вихрь, робея, не принудим
Близ берега держать наш челн.
Завиден тот лишь состояньем,
Кто среднею стезей идет,
Ни благ не восхищен мечтаньем,
Ни тьмой не ужасаем бед;
Умерен в хижине, чертоге,
Равен в покое и тревоге.

2 Собрать не алчет миллионов,
Не скалится на жирный стол;
Не требует ничьих поклонов
И не лощит ничей сам пол;
Не вьется в душу к царску другу,
Не ловит таинств и не льстит;
Готов на труд и на услугу
И добродетель токмо чтит.
Хотя и царь его ласкает,
Он носа вверх не поднимает.

3 Он видит, что и дубы мшисты
Кряхтят, падут с вершины гор,
Перун дробит бугры кремнисты
И пожигает влажный бор.
Он видит, с белыми горами
Вверх скачут с шумом корабли;

Ревут, и черными волнами
Внутрь погребаются земли;
Он видит — и, судьбе послушен,
В пременах света равнодушен.

4 Он видит — и, душой мужаясь,
В несчастии надежды полн;
Под счастьем же, не утомляясь,
В беспечный не вдается сон;
Себя и ближнего покоя,
Чтит бога, веру и царей;
Царств метафизикой не строя,
Смеется, зря на пузырей,
Летящих флотом к небу с грузом,
И вольным быть не мнит французом.

5 Он ведает: доколе страсти
Волнуются в людских сердцах,
Нет вольности, нет равной части
Царю в венце, рабу в цепях;
Несет свое всяк в свете бремя,
Других всяк жертва и тиран,
Течет в свое природа стремя;
А сей закон коль ввек ей дан,
Коль ввек мы под страстьми стенаем,
Каких же дней златых желаем?

6 Всяк долгу раб. — Я не мечтаю
На воздухе о городах;
Всем счастливых путей желаю
К фортуне по льду на коньках.
Пускай Язон с Колхиды древней
Златое сбрил себе руно,
Крез завладел чужой деревней,
Марс откуп взял, — мне все равно,
Я не завидлив на богатство
И царских сумм на святотатство.

7 Когда судьба качает в люльке,
Благословляю часть мою;
Нет дел — играю на бирюльке,

Средь муз с Горацием пою.
Но если б царь где доброй, редкой
Велел мне грамотки писать,
Я б душу не вертел рулеткой,
А стал бы пнем — и стал читать
Равно о людях, о болванах,
О добродетелях в карманах.

8 А ежели б когда й скушно
Меня изволил он принять,
Любя его, я равнодушно
И горесть стал бы ощущать,
И шел к нему опять со вздором
Суда и милости просить.
Равно когда б и светлым взором
Со мной он вздумал пошутить
И у меня просить прощенья, —
Не заплясал бы с восхищенья,

9 Но с рассужденьем удивлялся
Великодушию его,
Не вдруг на похвалы пускался;
А в жаре сердца моего
Воспел его бы без притворства
И в сказочке сказал подчас:
«Ты громок браньми — для потомства,
Ты мил щедротами — для нас,
Но славы и любви содетель
Тебе твоя лишь добродетель».

10 Смотри и всяк, хотя б чрез шашни
Фортуны стал кто впереди,
Не сплошь спускай златых змей с башни
И, глядя в небо, не пади;
Держися лучше середины
И ближнему добро твори;
Назавтра крепостей с судьбины
Бессильны сами взять цари.
Есть время, — сей, оно превратно;
Прошедше не придет обратно.

11 Хоть чья душа честна, любезна,
Хоть бескорыстен кто, умен, —
Но коль умеренность полезна
И тем, кто славою пленен!
Умей быть без обиды скромен,
Осанист, тверд, но не гордец;
Решим без скорости, спокоен,
Без хитрости ловец сердец;
Вздув в ясном паруса́ лазуре,
Умей их не сронить и в буре.

1792

К Н. А. ЛЬВОВУ

1 Стократ благословен тот смертный,
Кого не тяготит печаль,
Ни зависть потаенным вздохом,
Ни гордость громогласным смехом
Не жмут, не гонят от двора.

2 Сокрыта жизнь твоя в деревне
Течет теперь, о милый Львов!
Как светлый меж цветов источник
В лесу дремучем. — Пусть другие,
Взмостясь, из терема глядят:

3 Как на златые колесницы
Зевает чернь, как ратный строй
В глаза ей мещет блеск от ружей,
И как она, волнам подобно
От бурь, от всадников бежит;

4 Как витязи в веках позднейших
В меди́ иль в мраморе себя
Со удивленьем созерцают
И плещут уж заране в длани,
Что их народ боготворит, —

5 Но ты умен; ты постигаешь,
Что тот любимец лишь небес,
Который под шумком потока

Иль сладко спит, иль воспевает
О боге, дружбе и любви.

6 Восток и запад расстилают
Ему свой пурпур по путям;
Ему благоухают травы,
Древесны помавают ветви
И свищет громко соловей.

7 За ним раскаянье не ходит
Ни между нив, ни по садам,
Ни по холмам, покрытым стадом,
Ни меж озер и кущ приятных, —
Но всюду радость и восторг.

8 Труды крепят его здоровье;
Как воздух, кровь его легка;
Поутру, как зефир, летает
Веселы обозреть работы,
А завтракать спешит в свой дом.

9 Тут нежна, милая супруга —
Как лен пушист ее власы —
Снегоподобною рукою
Взяв шито, брано полотенце,
Стирает пот с его чела.

10 Целуя раскрасневши щеки,
На пяльцы посмотреть велит,
Где по соломе разной шерстью
Луга, цветы, пруды и рощи
Градской своей подруге шьет.

11 «О! если бы, — она вещает, —
Могло искусство, как природа,
Вливать в сердца свою приятность, —
Сии картины наши сельски
К нам наших созвали б друзей!

12 Моя подруга черноброва,
Любезна, мила горожанка,

На нивах златом здесь пленившись,
Престала б наряжать в шумиху
Свой в граде храмовидный дом».

13

«Ах, милая! — он отвечает
С улыбкой и со вздохом ей, —
Ужель тебе то неизвестно,
Что ослепленным жизнью дворской
Природа самая мертва?»

1792

ХРАПОВИЦКОМУ

1

Товарищ давний, вновь сосед,
Приятный, острый Храповицкой!
Ты умный мне даешь совет,
Чтобы владычице киргизской
Я песни пел
И лирой ей хвалы гремел.

2

Так, так, — за средственны стишки
Монисты, гривны, ожерелья,
Бесценны перстни, камешки
Я брал с нее бы за безделья
И был — гудком —
Давно Мурза с большим усом.

3

Но ежели наложен долг
Мне от судеб и вышня трона,
Чтоб не лучистый милый бог
С высот лазурна Геликона
Меня внушал,
Но я экстракты б сочинял,

4

Был чтец и пономарь Фемиды
И ей служил пред алтарем;
Как омофором от обиды
Одних покрыв, других мечом
Своим страшит
И счастье всем она дарит, —

5 То как Я⟨кобия⟩ оставить,
Которого весь мир теснит?
Как Л⟨огинова⟩ дать оправить,
Который золотом гремит?
Богов певец
Не будет никогда подлец.

6 Ты сам со временем осудишь
Меня за мглистый фимиам;
За правду ж чтить меня ты будешь,
Она любезна всем векам;
В ее венце
Светлее царское лице.

1793

ГОРЕЛКИ

1 На поприще сей жизни склизком
Все люди бегатели суть:
В теченьи дальном или близком
Они к мете своей бегут.

2 И сильный тамо упадает,
Свой кончить бег где не желал:
Лежит; но спорника, мечтает,
Коль не споткнулся бы, — догнал.

3 Надеждой, самолюбья дщерью,
Весь возбуждается сей свет;
Всяк рвенье прилагает к рвенью,
Чтоб у передних взять перед.

4 Хоть детской сей игре, забаве
И насмехается мудрец,
Но гордый дух летит ко славе,
И свят ему ее венец.

5 Сие ристалище отличий,
Соревнование честей —
Источник и творец величий
И обожения людей;

6 Оно изящного содетель,
Великолепен им сей свет:
Превозможенье, добродетель
Лишь им крепится и растет.

7 О! вы, рожденные судьбою
Вождями росским вождям быть,
Примеры подавать собою
И плески мира заслужить!

8 Дерзайте! рвение полезно,
Где предстоит вам славы вид;
Но больше праведно, любезно,
Кто милосердьем знаменит.

9 Екатерине подражая,
Ее стяжайте вы венец;
Она, добротами пленяя,
Царица подданных сердец.

1793

КОЛЕСНИЦА

Течет златая колесница
По расцветающим полям;
Седящий, правящий возница,
По конским натянув хребтам
Блестящи вожжи, держит стройно,
Искусством сравнивая их,
И в дальнем поприще спокойно
Осаживая скок одних,
Других же, к бегу побуждая,
Прилежно взорами блюдет;
К одной мете их направляя,
Грозит бичом иль им их бьет.

Животные, отважны, горды,
Под хитрой ездока уздой
Лишенны дикия свободы
И сопряженны меж собой,
Едину волю составляют,
Взаимной силою везут;
Хоть под ярмом себя считают,
Но, ставя славой общий труд,
Дугой нагнув волнисты гривы,
Бодрятся, ре́звятся, бегут,
Великолепный и красивый
Вид колеснице придают.

Возница вожжи ослабляет,
Смиренством коней убедясь,

Вздремал. — И тут врасплох мелькает
Над ними черна тень, виясь,
Коварных вранов, своевольных:
Кричат — и, потемняя путь,
Пужают ко́ней толь покойных. —
Дрожат, храпят, ушми прядут
И, стиснув сталь во рту зубами,
Из рук возницы вожжи рвут,
Бросаются, и прах ногами
Как вихорь под собою вьют;
Как стрелы, из лука пущенны,
Летят они во весь опор.
От сна возница возбужденный
Поспешно открывает взор.

Уже колеса позлащенны
Как огнь, сквозь пыль кружась, гремят:
Ездок, их шумом устрашенный,
Вращая побледнелый взгляд,
Хватает вожжи, но уж поздно;
Зовет по именам коней,
Кричит и их смиряет грозно;
Но уж они его речей
Не слушают, не понимают,
Не знают голоса того,
Кто их любил, кормил, — пыхают
И зверски взоры на него
Бросают страшными огнями.
Уж дым с их жарких морд валит,
Со ребр лиется пот реками,
Со спин пар облаком летит,
Со бразд кровава пена клубом
И волны от копыт текут.

Уже, в жару ярясь сугубом,
Друг друга жмут, кусают, бьют
И, по распутьям мчась в расстройстве,
Как бы волшебством обуяв,
Рвут сбрую в зло́бном своевольстве;
И, цели своея не знав,
Крушат подножье, ось, колеса,

Возница падает под них.
Без управленья, перевеса,
И колесница вмиг,
Как лодка, бурей устремленна,
Без кормщика, снастей, средь волн,
Разломанна и раздробленна
В ров мрачный вержется вверх дном.

Рассбруенные Буцефалы,
Томясь от жажды, от алчбы,
Чрез камни, пни, бугры, забралы
Несутся, скачут на дыбы, —
И что ни встретят, сокрушают.
Отвсюду слышен вопль и стон,
Кровавы реки протекают,
По стогнам мертвых миллион!
И в толь остервененьи лютом,
Все силы сами потеряв,
Падут стремглав смердящим трупом,
Безумной воли жертвой став.

Народ устроенный, блаженный
Под царским некогда венцом,
Чей вкус и разум просвещенный
Европе были образцом;
По легкости своей известный,
По остроте своей любим,
Быв добрый, верный, нежный, честный
И преданный царям своим, —
Не ты ли в страшной сей картине
Мне представляешься теперь?
Химер опутан в паутине,
Из человека лютый зверь!

Так, ты! о Франция несчастна,
Пример безверья, безначальств,
Вертеп убийства преужасна,
Гнездо безнравья и нахальств.
Так, ты, на коей тяжку руку
Мы зрим разгневанных небес,
Урок печальный и науку,

Свет изумляющие весь.
От философов просвещенья,
От лишней царской доброты,
Ты пала в хаос развращенья
И в бездну вечной срамоты.

О вы, венчанные возницы,
Бразды держащие в руках,
И вы, царств славных колесницы
Носящи на своих плечах!
Учитесь из сего примеру
Царями, подданными быть,
Блюсти законы, нравы, веру
И мудрости стезей ходить.
Учитесь, знайте: бунт народный
Как искра чуть сперва горит,
Потом лиет пожара волны,
Которых берег небом скрыт.

1793; 1804

МЕРКУРИЮ

1 Почто меня от Аполлона,
Меркурий! ты ведешь с собой,
Средь пышного торговли трона
Мне кажешь ворох золотой?
Сбирать, завидовать — измлада
Я не привык, и не хочу.
Богатство ль старику награда?
Давно с презреньем я топчу
Его всю прелесть равнодушно.

2 Коль я здоров, хлеб-соль имею,
И дар мне дан судьи, певца,
И челобитчиков я смею
Встречать с переднего крыльца,
И к небогатому богатый
За ну́ждою ко мне идет,
За храм — мои просты палаты,
За золото — солому чтет, —
На что же мне твоя излишность?

3 Но ах! когда я стал послушен
Тебе, мой вождь и бог златой, —
То будь и ты великодушен
И мой не отними покой;
Но хлопотать когда устану,
Весь день быв жертвой и игрой
Среброчешуйну океану, —

Позволь, как грянет гром, домой
Пришедшему обнять мне музу.

4 Да вместо виста и бостону
Я с ней на лире порезвлюсь,
Монаршу, божеску закону,
Суду и правде поучусь;
Не дам волкам овечки скушать;
А ты, коль хочешь одолжить,
Приди моей сей песни слушать,
Посеребрить, позолотить
Мою трубу Екатерине.

1794

БУРЯ

1 Судно, по морю носимо,
Реет между черных волн;
Белы горы идут мимо,
В шуме их — надежд я полн.

2 Кто из туч бегущий пламень
Гасит над моей главой?
Чья рука за твердый камень
Малый челн заводит мой?

3 Ты, творец, господь всесильный,
Без которого и влас
Не погибнет мой единый,
Ты меня от смерти спас!

4 Ты мне жизнь мою пробавил,
Весь мой дух тебе открыт;
В сонм вельмож меня поставил, —
Будь средь них мой вождь и щит.

1794

ВЕЛЬМОЖА

1 Не украшение одежд
Моя днесь муза прославляет,
Которое, в очах невежд,
Шутов в вельможи наряжает;
Не пышности я песнь пою;
Не истуканы за кристаллом,
В кивотах блещущи металлом,
Услышат похвалу мою.

2 Хочу достоинствы я чтить,
Которые собою сами
Умели титлы заслужить
Похвальными себе делами;
Кого ни знатный род, ни сан,
Ни счастие не украшали;
Но кои доблестью снискали
Себе почтенье от гражда́н.

3 Кумир, поставленный в позор,
Несмысленную чернь прельщает;
Но коль художников в нем взор
Прямых красот не ощущает, —
Се образ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, без благости душевной,
Не все ль, вельможи, таковы?

4 Не перлы перские на вас
И не бразильски звезды ясны, —

Для возлюбивших правду глаз
Лишь добродетели прекрасны,
Они суть смертных похвала.
Калигула! твой конь в Сенате
Не мог сиять, сияя в злате:
Сияют добрые дела.

5 Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.
О! тщетно счастия рука,
Против естественного чина,
Безумца рядит в господина
Или в шумиху дурака.

6 Каких ни вымышляй пружин,
Чтоб мужу бую умудриться,
Не можно век носить личин,
И истина должна открыться.
Когда не сверг в боях, в судах,
В советах царских, сопостатов, —
Всяк думает, что я Чупятов
В марокковых лентах и звездах.

7 Оставя скипетр, трон, чертог,
Быв странником, в пыли и в поте,
Великий Петр, как некий бог,
Блистал величеством в работе:
Почтен и в рубище герой!
Екатерина в низкой доле
И не на царском бы престоле
Была великою женой.

8 И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла б ум надменный, —
Что наше благородство, честь,
Как не изящности душевны?
Я князь — коль мой сияет дух;
Владелец — коль страстьми владею;

Болярин — коль за всех болею,
Царю, закону, церкви друг.

9 Вельможу до́лжны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья;
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть — польза, слава, честь.

10 А ты, вторый Сарданапал!
К чему стремишь всех мыслей беги?
На то ль, чтоб век твой протекал
Средь игр, средь праздности и неги?
Чтоб пурпур, злато всюду взор
В твоих чертогах восхищали,
Картины в зеркалах дышали,
Мусия, мрамор и фарфор?

11 На то ль тебе пространный свет,
Простерши раболепны длани,
На прихотливый твой обед
Вкуснейших яств приносит дани,
Токай — густое льет вино,
Левант — с звездами кофе жирный,
Чтоб не хотел за труд всемирный
Мгновенье бросить ты одно?

12 Там воды в просеках текут
И, с шумом вверх стремясь, сверкают;
Там розы средь зимы цветут
И в рощах нимфы воспевают
На то ль, чтобы на всё взирал
Ты оком мрачным, равнодушным,
Средь радостей казался скучным
И в пресыщении зевал?

13 Орел, по высоте паря,
Уж солнце зрит в лучах полдневных, —

Но твой чертог едва заря
Румянит сквозь завес червленных;
Едва по зыблющим грудям
С тобой лежащия Цирцеи
Блистают розы и лилеи,
Ты с ней покойно спишь, — а там?

14 А там израненный герой,
Как лунь во бранях поседевший,
Начальник прежде бывший твой, —
В переднюю к тебе пришедший
Принять по службе твой приказ, —
Меж челядью твоей златою,
Поникнув ла́вровой главою,
Сидит и ждет тебя уж час!

15 А там — вдова стоит в сенях
И горьки слезы проливает,
С грудным младенцем на руках,
Покрова твоего желает.
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
В тебе его знав прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.

16 А там — на лестничный восход
Прибрел на костылях согбенный
Бесстрашный, старый воин тот,
Тремя медальми украшенный,
Которого в бою рука
Избавила тебя от смерти:
Он хочет руку ту простерти
Для хлеба от тебя куска.

17 А там, — где жирный пес лежит,
Гордится вратник галунами, —
Заимодавцев полк стоит,
К тебе пришедших за долгами.
Проснися, сибарит! — Ты спишь
Иль только в сладкой неге дремлешь,

Несчастных голосу не внемлешь
И в развращенном сердце мнишь:

18 «Мне миг покоя моего
Приятней, чем в исторьи веки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей уметь пить реки,
Лишь ветром плыть, гнесть чернь ярмом;
Стыд, совесть — слабых душ тревога!
Нет добродетели! нет бога!» —
Злодей, увы! — И грянул гром.

19 Блажен народ, который полн
Благочестивой веры к богу,
Хранит царев всегда закон,
Чтит нравы, добродетель строгу
Наследным перлом жен, детей,
В единодушии — блаженство,
Во правосудии — равéнство,
Свободу — во узде страстей!

20 Блажен народ! — где царь главой,
Вельможи — здравы члены тела,
Прилежно долг все правят свой,
Чужого не касаясь дела;
Глава не ждет от ног ума
И сил у рук не отнимает,
Ей взор и ухо предлагает, —
Повелевает же сама.

21 Сим твердым ýзлом естества
Коль царство лишь живет счастливым, —
Вельможи! — славы, торжества
Иных вам нет, как быть правдивым;
Как блюсть народ, царя любить,
О благе общем их стараться;
Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

22 О росский бодрственный народ,
Отечески хранящий нравы!

Когда расслаб весь смертных род,
Какой ты не причастен славы?
Каких в тебе вельможей нет? —
Тот храбрым был средь бранных звуков;
Здесь дал бесстрашный Долгоруков
Монарху грозному ответ.

23 И в наши вижу времена
Того я славного Камилла,
Которого труды, война
И старость дух не утомила.
От грома звучных он побед
Сошел в шалаш свой равнодушно,
И от сохи опять послушно
Он в поле Марсовом живет.

24 Тебе, герой! желаний муж!
Не роскошью вельможа славный;
Кумир сердец, пленитель душ,
Вождь, лавром, ма́слиной венчанный!
Я праведну здесь песнь воспел.
Ты ею славься, утешайся,
Борись вновь с бурями, мужайся,
Как юный возносись орел.

25 Пари — и с высоты твоей
По мракам смутного эфира
Громовой пролети струей
И, опочив на лоне мира,
Возвесели еще царя. —
Простри твой поздный блеск в народе,
Как отдает свой долг природе
Румяна вечера заря.

1794

МОЙ ИСТУКАН

1 Готов кумир, желанный мною,
Рашет его изобразил!
Он хитрою своей рукою
Меня и в камне оживил.
Готов кумир! — И будет чтиться
Искусство Праксителя в нем, —
Но мне какою честью льститься
В бессмертном истукане сем?
Без славных дел, гремящих в мире,
Ничто и царь в своем кумире.

2 Ничто! и не живет тот смертный,
О ком ни малой нет молвы,
Ни злом, ни благом не приметный,
Во гробе погребен живый.
Но ты, о зверских душ забава!
Убийство! — я не льщусь тобой,
Батыев и Маратов слава
Во ужас дух приводит мой;
Не лучше ли мне быть забвенну,
Чем узами сковать вселенну?

3 Злодейства малого мне мало,
Большого делать не хочу;
Мне скиптра небо не вручало,
И я на небо не ропчу.
Готов я управляться властью;
А если ею и стеснюсь

Чрез зло, — моей я низкой частью
С престолом света не сменюсь.
Та мысль всех казней мне страшнее:
Представить в вечности злодея!

4 Злодей, который самолюбью
И тайной гордости своей
Всем жертвует; его орудью
Преграды нет, алчбе цепей;
Внутрь совестью своей размучен,
Вне с радостью губит других;
Пусть дерзостью, удачей звучен,
Но не велик в глазах моих.
Хотя бы богом был он злобным,
Быть не хочу ему подобным.

5 Легко злом мир греметь заставить,
До Герострата только шаг;
Но трудно доблестью прославить
И воцарить себя в сердцах:
Век должно добрым быть нам тщиться,
И плод нам время даст одно;
На зло лишь только бы решиться,
И вмиг содělано оно.
Редка на свете добродетель,
И редок благ прямых содетель.

6 Он редок! — Но какая разность
Меж славой доброй и худой?
Чтоб имя приобресть нам, знатность,
И той греметь или другой,
Не все ль равно? — Когда лишь будет
Потомство наши знать дела,
И злых и добрых не забудет.
Ах, нет! — природа в нас влила
С душой и отвращенье к злобе,
Любовь к добру — и сущим в гробе.

7 Мне добрая приятна слава,
Хочу я человеком быть,
Которого страстей отрава

Бессильна сердце развратить;
Кого ни мзда не ослепляет,
Ни сан, ни месть, ни блеск порфир;
Кого лишь правда научает,
Любя себя, любить весь мир
Любовью мудрой, просвещенной,
По добродетели священной.

8 По ней, котора составляет
Вождей любезных и царей;
По ней, котора извлекает
Сладчайши слезы из очей.
Эпаминонд ли защититель
Или благотворитель Тит,
Сократ ли, истины учитель,
Или правдивый Аристид, —
Мне все их имена почтенны
И истуканы их священны.

9 Священ мне паче зрак героев,
Моих любезных сограждáн,
Пред троном, на суде, средь боев
Душой великих Россиян.
Священ! — Но если здесь я чести
Совре́менных не возвещу,
Боясь подозренья в лести, —
То вас ли, вас ли умолчу,
О праотцы! делами славны,
Которых вижу истуканы?

10 А если древности покровом
Кто предо мной из вас и скрыт,
В венце оливном и лавровом
Великий Петр как жив стоит;
Монархи мудры, милосерды,
За ним отец его и дед;
Отечества подпоры тверды,
Пожарский, Минин, Филарет,
И ты, друг правды, Долгоруков!
Достойны вечной славы звуков.

11 Достойны вы! — Но мне ли права
Желать — быть с вами на ряду?
Что обо мне расскажет слава,
Коль я безвестну жизнь веду?
Не спас от гибели я царства,
Царей на трон не возводил,
Не стер терпением коварства,
Богатств моих не приносил
На жертву, в подкрепленье трона,
И защитить не мог закона.

12 Увы! — Почто ж сему болвану
На свете место занимать,
Дурную, лысу обезьяну
На смех ли детям представлять,
Чтоб видели меня потомки
Под паутиною в пыли,
Рабы ступали на обломки
Мои, лежащи на земли?
Нет! лучше быть от всех забвенным,
Чем брошенным и ввек презренным.

13 Разбей же, мой вторый создатель,
Разбей мой истукан, Рашет!
Румянцова лица ваятель
Себе мной чести не найдет;
Разбей! — Или постой немного;
Поищем, нет ли дел каких,
По коим бы, хотя не строго
Судя о качествах моих,
Ты мог ответствовать вселенной
За труд, над мною понесенной.

14 Поищем! — Нет. — Мои безделки
Безумно столько уважать,
Дела обыкновенны мелки,
Чтоб нас заставить обожать;
Хотя б я с пленных снял железы,
Закон и правду сохранил,
Отер сиротски, вдовьи слезы,
Невинных оправдатель был,

Орга́н монарших благ и мира, —
Не стоил бы и тут кумира.

15 Не стоил бы: все знаки чести,
Дозволенны самим себе,
Плоды тщеславия и лести,
Монарх! постыдны и тебе.
Желает хвал, благодаренья
Лишь низкая себе душа,
Живущая из награжденья, —
По смерти слава хороша;
Заслуги в гробе созревают,
Герои в вечности сияют.

16 Но если дел и не имею,
За что б кумир мне посвятить, —
В достоинство вменить я смею,
Что знал достоинствы я чтить,
Что мог изобразить Фелицу,
Небесну благость во плоти,
Что пел я Россов ту царицу,
Какой другой нам не найти
Ни днесь, ни впредь в пространстве мира!
Хвались моя, хвались тем, лира!

17 Хвались! — и образ мой скудельной
В храм славы возноси с собой;
Ты можешь быть столь дерзновенной,
Коль тихой некогда слезой
Ты взор кропя Екатерины
Могла приятною ей быть;
Взносись, и достигай вершины,
Чтобы на ней меня вместить,
Завистников моих к досаде,
В ее прекрасной колоннаде.

18 На твердом мраморном помосте,
На мшистых сводах меж столпов,
В меди, в величественном росте,
Под сенью райских вкруг дерев,
Поставь со славными мужами!

Я стану с важностью стоять;
Как от зарей всяк день лучами,
От светлых царских лиц блистать,
Не движим вихрями, ни громом,
Под их божественным покровом.

19 Прострется облак благовонный,
Коврами вкруг меня цветы. —
Постой, пиит, восторга полный!
Высоко залетел уж ты;
В пыли валялись и Омиры.
Потомство — грозный судия:
Оно рассматривает лиры,
Услышит глас и твоея,
И пальмы взвесит и перуны,
Кому твои гремели струны.

20 Увы! легко случиться может,
Поставят и тебя льстецом;
Кого днесь тайно злоба гложет,
Тот будет завтра въявь врагом;
Трясут и троны люди злые:
То, может быть, и твой кумир
Через решетки золотые
Слетит и рассмешит весь мир,
Стуча с крыльца ступень с ступени,
И скатится в древесны тени.

21 Почто ж позора ждать такого?
Разбей, Рашет, мои черты!
Разбей! — Нет, нет; еще помедлю.
Позволь сказать себе мне ты.
Пусть тот, кто с бóльшим дарованьем
Мог добродетель прославлять,
С усерднейшим, чем я, стараньем
Желать добра и исполнять,
Пусть тот, не медля, и решится, —
И мой кумир им сокрушится.

22 Я рад отечества блаженству:
Дай больше, небо, таковых,

Российской силы к совершенству,
Сынов ей верных и прямых!
Определения судьбины
Тогда исполнятся во всем;
Доступим мира мы средины,
С Гангеса злато соберем;
Гордыню усмирим Китая,
Как кедр, наш корень утверждая.

23 Тогда, каменосечец хитрый!
Кумиры твоего резца
Живой струей испустят искры
И в внучатах возжгут сердца.
Смотря на образ Марафона,
Зальется Фемистокл слезой,
Отдаст Арману Петр полтрона,
Чтоб править научил другой:
В их урнах фениксы взродятся
И в след их славы воскрылятся.

24 А ты, любезная супруга!
Меж тем возьми сей истукан;
Спрячь для себя, родни и друга
Его в серпяный твой диван;
И с бюстом там своим, мне милым,
Пред зеркалом их в ряд поставь,
Во знак, что с сердцем справедливым
Не скрыт наш всем и виден нрав.
Что слава? — Счастье нам прямое
Жить с нашей совестью в покое.

1794

ЛАСТОЧКА

О домовитая Ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь красно-бела, касаточка,
Летняя гостья, певичка!
Ты часто по кровлям щебечешь,
Над гнездышком сидя поешь,
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчиком в горлышке бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
В нем смелые кру́ги даешь;
Иль стелешься долу, несешься,
Иль в небе простряся плывешь.
Ты часто во зеркале водном
Под рдяной играешь зарей,
На зыбком лазуре бездонном
Тенью мелькаешь твоей.
Ты часто, как молния, реешь
Мгновенно туды и сюды;
Сама за собой не успеешь
Невидимы видеть следы, —
Но видишь там всю ты вселенну,
Как будто с высот на ковре:
Там башню, как жар позлащенну,
В чешуйчатом флот там сребре;
Там рощи в одежде зеленой,
Там нивы в венце золотом,
Там холм, синий лес отдаленной,
Там мошки толкутся столпом;

Там гнутся с утеса в понт воды,
Там ластятся струи к брегам.
Всю прелесть ты видишь природы,
Зришь лета роскошного храм;
Но видишь и бури ты черны
И осени скучной приход;
И прячешься в бездны подземны,
Хладея зимою, как лед.
Во мраке лежишь бездыханна, —
Но только лишь приде́т весна
И роза вздохнет лишь румяна,
Встаешь ты от смертного сна;
Встанешь, откроешь зеницы
И новый луч жизни ты пьешь;
Сизы расправя косицы,
Ты новое солнце поешь.

Душа моя! гостья ты мира:
Не ты ли перната сия? —
Воспой же бессмертие, лира!
Восстану, восстану и я, —
Восстану — и в бездне эфира
Увижу ль тебя я, Пленира?

1792; 1794

НА СМЕРТЬ КАТЕРИНЫ ЯКОВЛЕВНЫ, 1794 ГОДУ ИЮЛЯ 15 ДНЯ ПРИКЛЮЧИВШУЮСЯ

1 Уж не ласточка сладкогласная,
Домовитая со застрехи,
Ах! моя милая, прекрасная
Прочь отлетела, — с ней утехи.

2 Не сияние луны бледное
Светит из облака в страшной тьме,
Ах! лежит ее тело мертвое
Как ангел светлый во крепком сне.

3 Роют псы землю, вкруг завывают,
Воет и ветер, воет и дом;
Мою милую не пробуждают;
Сердце мое сокрушает гром!

4 О ты, ласточка сизокрылая!
Ты возвратишься в дом мой весной;
Но ты, моя супруга милая,
Не увидишься век уж со мной.

5 Уж нет моего друга верного
Уж нет моей доброй жены,
Уж нет товарища бесценного,
Ах, все они с ней погребены.

6 Все опустело! Как жизнь мне снести?
Зельная меня съела тоска.
Сердца, души половина, прости,
Скрыла тебя гробова доска.

1794

К ЛИРЕ

1 Звонкоприятная лира!
В древни златые дни мира
Сладкою силой твоей
Ты и богов, и царей,
Ты и народы пленяла.

2 Глас тихострунный твой, звоны,
Сердце прельщающи тоны
С дебрей, вертепов, степей
Птиц созывали, зверей,
Холмы и дубы склоняли.

3 Ныне железные ль веки?
Тверже ль кремней человеки?
Сами не знаясь с тобой,
Свет не пленяют игрой,
Чужды красот доброгласья.

4 Доблестью чужды плениться,
К злату, к сребру лишь стремятся,
Помнят себя лишь одних;
Слезы не трогают их,
Вопли сердец не доходят.

5 Души все льда холоднее.
В ком же я вижу Орфея?
Кто Аристон сей младой?

Нежен лицом и душой,
Нравов благих преисполнен?

6 Кто сей любитель согласья?
Скрытый зиждитель ли счастья?
Скромный смиритель ли злых?
Дней гражданин золотых,
Истый любимец Астреи!

1794

СОЛОВЕЙ

1 На хо́лме, сквозь зеленой рощи,
При блеске светлого ручья,
Под кровом тихой майской нощи,
Вдали я слышу соловья.
По ве́трам легким, благовонным
То свист его, то звон летит,
То, шумом заглушаем водным,
Вздыханьем сладостным томит.

2 Певец весенних дней пернатый,
Любви, свободы и утех!
Твой глас отрывный, перекаты
От грома к нежности, от нег
Ко плескам, трескам и перунам,
Средь поздних, ранних красных зарь,
Раздавшись неба по лазурям,
В безмолвие приводят тварь.

3 Молчит пустыня, изумленна,
И ловит гром твой жадный слух
На крыльях эха раздробленна
Пленяет песнь твоя всех дух.
Тобой цветущий дол смеется,
Дремучий лес пускает гул;
Река бегущая чуть льется,
Стоящий холм чело нагнул.

4 И, свесясь со скалы кремнистой,
Густокудрява мрачна ель

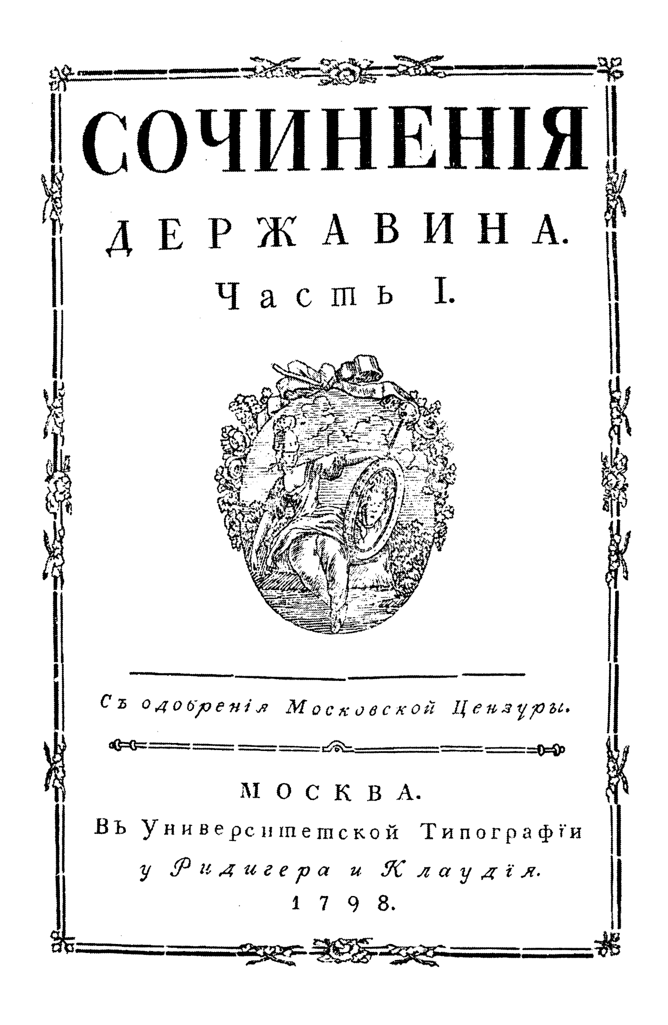
Напев твой яркий, голосистой
И рассыпную звонку трель,
Как очарованна, внимает.
Не смеет двигнуться луна
И свет свой слабо ниспускает;
Восторга мысль моя полна!

5 Какая громкость, живость, ясность
В созвучном пении твоем,
Стремительность, приятность, каткость
Между колен и перемен!
Ты щелкаешь, крути́шь, поводишь,
Журчишь и стонешь в голосах;
В забвенье души ты приводишь
И отзываешься в сердцах.

6 О! если бы одну природу
С тобою взял я в образец,
Воспел богов, любовь, свободу, —
Какой бы славный был певец!
В моих бы песнях жар и сила
И чувствы были вместо слов;
Картину, мысль и жизнь явила
Гармония моих стихов.

7 Тогда б, подобно Тимотею,
В шатре персидском я возлег
И сладкой лирою моею
Царево сердце двигать мог:
То, вспламеня любовной страстью,
К Таисе бы его склонял;
То, возбудя грозой, напастью,
Копье ему на брань вручал.

8 Тогда бы я между прудами
На мягку мураву воссел
И арфы с тихими струнами
Приятность сельской жизни пел;
Тогда бы нимфа мне внимала,
Боясь в зерцало вод взглянуть;



СОЧИНЕНІЯ

ДЕРЖАВИНА.

Часть I.

Съ одобренія Московской Цензуры.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографїи

у Ридигера и Клаудїя.

1798.

Титульный лист издания сочинений Г. Р. Державина 1798 г.

Сквозь дымку бы едва дышала
Ее высока, нежна грудь.

9 Иль храбрых Россиян делами
Пленясь бы, духом возлетал,
Героев полк над облаками
В сияньи звезд я созерцал;
О! коль бы их воспел я сладко,
Гремя поэзией моей
Отважно, быстро, плавно, кратко,
Как ты, о дивный соловей!

1794

НА КОНЧИНУ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ОЛЬГИ ПАВЛОВНЫ

1 Ночь лишь седьмую
Мрачного трона
Степень прешла,
С росска Сиона
Звезду златую
Смерть сорвала.
Луч, покатяся
С синего неба,
В бездне погас!

2 Утрення, ясна,
Тень золотая!
Краток твой блеск.
Ольга прекрасна,
Ольга драгая!
Тень твой был век.
Что твое утро
В вечности целой?
Меней, чем миг!

3 Юная роза
Лишь развернула
Алый шипок,
Вдруг от мороза
В лоне уснула,
Свянул цветок:
Так и с царевной;

Нет уж в ней жизни,
Смерть на челе!

4 К отчему лону,
К матери нежной,
К братьям, сестра́м,
К скипетру, трону,
К бабке любезной,
К верным рабам,
Милый младенец!
Ты уж с улыбкой
Рук не прострешь.

5 Лик полутонный,
Тихое пенье,
Мрачность одежд,
Вздохи и стоны,
Слезно теченье,
В дыме блеск свеч,
Норда царицы
Бледность, безмолвье —
Страшный позор!

6 Где вы стеснились?
Что окружили?
Чей видим труп?
Иль вы забылись,
В гроб положили
Спящего тут
Ангела в теле? —
Ольга прекрасна
Ангел был наш.

7 Вижу в сиянье
Грады эфира,
Солнцы кругом!
Вижу собранье
Горнего мира;
Ангелов сонм,
Руки простерши,

Ольгу приемлют
В светлый свой полк.

8 Вижу блаженну
Чистую душу
Всю из огня,
В свет облеченну!
В райскую кущу
Идет дитя;
Зрит на Россию,
Зрит на Петрополь,
Зрит на родных,

9 Зрит на пииту,
Жизнь и успенье
Кто ее пел,
Чей в умиленье
Дождь на ланиту
Искрой летел;
Слышит звук лиры,
Томные гласы
Песни моей.

10 Мира содетель,
Святость и прочность
Царства суть чьи!
Коль добродетель
И непорочность
Слуги твои,
Коих ко смертным
Ты посылаешь
Стражами быть, —

11 Даждь, да над нами
Ольги блаженной
Плавает дух;
Чтоб, как очами,
Над полвселенной
Неба сей друг
Зрел нас звездами,

Дланью багряной
Сыпал к нам свет.

12 Племя Петрово,
Екатерины
Здравьем чело,
Сень бы лаврова,
Мирные крины —
Всё нам цвело;
Дни бы златые,
Сребряны росы
С облак лились.

13 Не было б царства
В свете другого
Сча́стливей нас;
Яда коварства,
Равенства злого,
Буйства зараз,
Вольности мнимой,
Ангел хранитель,
Нас ты избавь!

14 И средь эфира,
В дебри тьмозвездной,
В райской тиши,
Где днесь Пленира,
Друг мой любезной,
Сердца, души
В ней половину,
Гений России,
Призри мою!

1795

ПРИГЛАШЕНИЕ К ОБЕДУ

1 Шекснинска стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят;
В крафинах вина, пунш, блистая
То льдом, то искрами, манят;
С курильниц благовоньи льются,
Плоды среди корзин смеются,
Не смеют слуги и дохнуть,
Тебя стола вкруг ожидая;
Хозяйка статная, младая
Готова руку протянуть.

2 Приди, мой благодетель давный,
Творец чрез двадцать лет добра!
Приди — и дом, хоть не нарядный,
Без ре́зьбы, злата и сребра,
Мой посети; его богатство —
Приятный только вкус, опрятство
И твердый мой, нельстивый нрав;
Приди от дел попрохладиться,
Поесть, попить, повеселиться,
Без вредных здравию приправ.

3 Не чин, не случай и не знатность
На русский мой простой обед
Я звал, одну благоприятность;
А тот, кто делает мне вред,
Пирушки сей не будет зритель.
Ты, ангел мой, благотворитель!

Приди — и насладися благ;
А вражий дух да отженется,
Моих порогов не коснется
Ничей недоброхотный шаг!

4 Друзьям моим я посвящаю,
Друзьям и красоте сей день;
Достоинствам я цену знаю
И знаю то, что век наш тень;
Что лишь младенчество проводим —
Уже ко старости приходим,
И смерть к нам смотрит чрез забор.
Увы! — то как не умудриться
Хоть раз цветами не увиться
И не оставить мрачный взор?

5 Слыхал, слыхал я тайну эту,
Что иногда грустит и царь;
Ни ночь, ни день покоя нету,
Хотя им вся покойна тварь.
Хотя он громкой славой знатен,
Но, ах! — и трон всегда ль приятен
Тому, кто век свой в хлопота́х?
Тут зрит обман, там зрит упадок:
Как бедный часовой тот жалок,
Который вечно на часах!

6 Итак, доколь еще ненастье
Не помрачает красных дней,
И приголубливает счастье,
И гладит нас рукой своей;
Доколе не пришли морозы,
В саду благоухают розы,
Мы поспешим их обонять.
Так! будем жизнью наслаждаться
И тем, чем можем, утешаться,
По платью ноги протягать.

7 А если ты иль кто другие
Из званых милых мне гостей,

Чертоги предпочтя златые
И яствы сахарны царей,
Ко мне не срядитесь откушать, —
Извольте мой вы толк прослушать:
Блаженство не в лучах порфир,
Не в вкусе яств, не в неге слуха,
Но в здравьи и спокойстве духа, —
Умеренность есть лучший пир.

1795

ФЛОТ

1 Он, белыми взмахнув крылами
По зыблющей равнине волн,
Пошел, — и следом пена рвами
И с страшным шумом искры, огнь
Под ним в пучине загорелись,
С ним рядом тень его бежит;
Ширинки с шлемов распростерлись,
Горé пред ним орел парит.

2 Водим Екатерины духом,
Побед и славы громкий сын,
Ступай еще, и землю слухом
Наполнь, о росский исполин!
Ты смело Сциллы и Харибды
И свет весь прежде проходил:
То днесь препятств какие виды?
И кто тебе их положил?

3 Ступай — и стань средь океана,
И брось твоих гортаней гром:
Европа, злобой обуянна,
И гидр лилейных бледный сонм
От гроз твоих да потрясется,
Проснется Людвиг звуком лир!
Та дщерью божьей наречется,
Кто даст смущенным царствам мир.

1795

ПАВЛИН

1 Какое гордое творенье,
Хвост пышно расширяя свой,
Черно-зелены в искрах перья
Со рассыпною бахромой
Позадь чешуйной груди кажет,
Как некий круглый, дивный щит?

2 Лазурно-сизы-бирюзовы
На каждого конце пера,
Тенисты круги, волны новы
Струиста злата и сребра:
Наклонит — изумруды блещут!
Повéрнет — яхонты горят!

3 Не то ли славный царь пернатый?
Не то ли райска птица *Жар*,
Которой столь убор богатый
Приводит в удивленье тварь?
Где ступит — радуги играют!
Где станет — там лучи вокруг!

4 Конечно, сила и паренье
Орлиные в ее крылах,
Глас трубный, лебедино пенье
В ее пресладостных устах;
А пеликана добродетель
В ее и сердце и душе!

Но что за чудное явленье?
Я слышу некий странный визг!
Сей Феникс опустил вдруг перья,
Увидя гнусность ног своих. —
О пышность! как ты ослепляешь!
И барин без ума — павлин.

1795

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ТВОРЧЕСКОГО БЫТИЯ

1 Небеса вещают божью славу,
Рук его творенье твердь;
День за днем течет его уставу,
Нощи нощь приносит весть.

2 Не суть речи то иль гласы лиры,
Не доходит всем чей звон;
Но во все звучит глагол их миры,
В безднах раздается тон.

3 Се чертог горит в зыбях эфира,
Солнце блещет как жених,
Как герой грядет к победам мира,
Мещет огнь очей своих.

4 С одного края́ небес лишь сходит,
Уж сретается в другом.
Нет вертепов, он куда не вводит
Теплоты своим лучом.

5 Всем закон природы зримый ясный
Может смертным доказать:
Без творца столь стройный мир, прекрасный
Сей не может пребывать.

⟨*1796*⟩

НА РОЖДЕНИЕ ЦАРИЦЫ ГРЕМИСЛАВЫ

Л. А. НАРЫШКИНУ

1 Живи и жить давай другим,
Но только не на счет другого;
Всегда доволен будь своим,
Не трогай ничего чужого, —
Вот правило, стезя прямая
Для счастья каждого и всех!

2 Нарышкин! коль и ты приветством
К веселью всем твой дом открыл,
Таким любезным, скромным средством
Богатых с бедными сравнил, —
Прехвальна жизнь твоя такая,
Блажен творец людских утех!

3 Пускай богач там, по расчету
Назнача день, зовет гостей,
Златой родни, клиентов роту
Прибавит к пышности своей;
Пускай они, пред ним став строем,
Кадят, вздыхают — и молчат.

4 Но мне приятно там откушать,
Где дружеский незваный стол;
Где можно говорить и слушать
Тара-бара про хлеб и соль;
Где гость хозяина покоем,
Хозяин гостем дорожат;

5 Где скука и тоска забыта,
Семья учтива, не шумна;
Важна хозяйка, домовита,
Досужа, ласкова, умна;
Где лишь приязнью, хлебосольством
И взором ищут угождать.

6 Что нужды мне, кто по паркету
Подчас и кубари спускал;
Смотрел в толкучем рынке свету,
Народны мысли замечал
И мог при случае посольством,
Пером и шпагою блистать!

7 Что нужды мне, кто всё, зефиром
С цветка лишь на цветок летя,
Доволен был собою, миром,
Шутил, резвился, как дитя,
Но если он с толь легким нравом
Всегда был добрый человек!

8 Всегда жил весело, приятно
И не гонялся за мечтой,
Жалел о тех, кто жил развратно,
Плясал и сам под тон чужой.
Хвалю тебя, ты в смысле здравом
Пресчастливо провел свой век.

9 Какой театр! как всю вселенну,
Ядущих и ядому тварь,
За твой я вижу стол вмещенну,
И ты сидишь, как сирский царь
В соборе целыя природы!
В семье твоей — как Авраам!

10 Оставя короли престолы
И ханы у тебя гостят:
Киргизцы, немчики, моголы
Салму и соусы едят, —
Какие разные народы,
Язык, одежда, лицы, стан!

11 Какой предмет! как на качелях
Пред дом твой соберется чернь
На светлых праздничных неделях!
Вертится в воздухе весь день,
Покрыта площадь пестротою,
Чепцов и шапок миллион!

12 Какой восторг! Как всё играет!
Всё скачет, пляшет и поет,
Всё в улице твоей гуляет,
Кричит, смеется, ест и пьет!
И ты народной сей толпою
Так весел, горд, как Соломон!

13 Блажен и мудр, кто в ближних ставит
Блаженство купно и свое,
Свою по ветру лодку правит,
И непорочно житие
О камень зол не разбивает,
И к пристани без бурь плывет!

14 Лев именем — звериный царь;
Ты родом — богатырь, сын барский;
Ты сердцем — стольник, хлебодарь;
Ты должностью — конюший царский;
Твой дом утехой расцветает,
И всяк под тень его идет.

15 Идут прохладой насладиться,
Музыкой душу напитать;
То тем, то сем повеселиться,
В бостон и в шашки поиграть;
И словом: радость всю, забаву
Столицы ты к себе вместил.

16 Бывало, даже сами боги,
Наскуча жить в своем раю,
Оставя радужны чертоги,
Заходят в храмину твою:
О, если б ты и Гремиславу
К себе царицу заманил!

17 И ей в забаву, хоть тихонько,
Осмелился в ушко сказать:
Кто век провел столь славно, громко,
Тот может в праздник погулять
И зреть людей блаженных чувство
В ее пресветло рождество.

18 В цветах другой нет розы в мире:
Такой царицы мир не зрит!
Любовь и власть в ее порфире
Благоухает и страшит.
Так знает царствовать искусство
Лишь в Гремиславе — божество.

1796

АФИНЕЙСКОМУ ВИТЯЗЮ

1
Сидевша об руку царя
Чрез поприще на колеснице,
Державшего в своей деснице
С оливой гром, иль чрез моря
Протекшего в венце Нептуна,
Или с улыбкою Фортуна
Кому жемчужный не́ктар свой
Носила в чаше золотой —
Блажен! кто путь устлал цветами,
И окурил алоем вкруг,
И лиры громкими струнами
Утешил, бранный славя дух.

2
Испытывал своих я сил
И пел могущих человеков;
А чтоб в дали грядущих ве́ков
Ярчей их в мраке блеск светил
И я не осуждался б в лести,
Для прочности, к их громкой чести
Примешивал я правды глас;
Звучал моей трубой Парнас.
Но ах! познал, познал я смертных,
Что и великие из них
Не могут снесть лучей небесных:
Мрачит бог света очи их.

3
Так пусть Фортуны чада,
Возлегши на цветах,

Среди обилий сада,
Курений в облаках,
Наместо чиста злата
Шумихи любят блеск;
Пусть лира торовата
Их умножает плеск, —
Я руки умываю
И лести не коснусь,
Власть сильных почитаю,
Богов в них чтить боюсь.

4 Я славить мужа днесь избрал,
Который сшел с театра славы,
Который удержал те нравы,
Какими древний век блистал;
Не горд — и жизнь ведет простую,
Не лжив — и истину святую,
Внимая, исполняет сам;
Почтен от всех не по чинам.
Честь, в службе снисканну, свободой
Не расточил, а приобрел;
Он взглядом, мужеством, породой,
Заслугой, силою — орел.

5 Снискать я от него
Не льщусь ни хвал, ни уваженья;
Из одного благодаренья,
По чувству сердца моего,
Я песнь ему пою простую,
Ту вспоминая быль святую,
В его как богатырски дни,
Лет несколько назад, в тени
Премудрой той жены небесной,
Которой бодрый дух младой
Садил в Афинах сад прелестной,
И век катился золотой,

6 Как мысль моя, подобно
Пчеле, полна отрад,
Шумливо, но не злобно
Облетывала сад

Предметов ей любезных
И, взяв с них сок и цвет,
Искусством струн священных
Преобращала в мед:
Текли восторгов реки
Из чувств души моей,
Все были человеки
В стране счастливы сей, —

7 На бурном видел я коне
В ристаньи моего героя;
С ним брат его, вся Троя,
Полк витязей являлись мне!
Их брони, шлемы позлащенны,
Как лесом, перьем осененны,
Мне тмили взор. — А с копий их, с мечей
Сквозь пыль сверкал пожар лучей;
Прекрасных вслед Пентезилее
Строй дев их украшали чин;
Венцы, Ахилла мой бодрее,
Низал на дротик исполин.

8 Я зрел, как жилистой рукой
Он шесть коней на ипподроме
Вмиг осаждал в бегу; как в громе
Он, колесницы с гор бедрой
Своей препнув склоненье,
Минерву удержал в паденье;
Я зрел, как в дыме пред полком
Он в ранах светел, бодр лицом,
В единоборстве хитр, проворен,
На огнескачущих волнах
Был в мрачной буре тих, спокоен,
Горела молния в очах.

9 Его покой — движенье,
Игра — борьба и бег;
Забавы — пляска, пенье
И сельских тьма утех
Для укрепленья тела.
Его был дом — друзей.
Кто приходил для дела,

Не запирал дверей;
Души и сердца пища
Его — несчастным щит;
Не пышные жилища —
В них он был знаменит.

10 Я зрел в Ареопаге сонм
Богатырей, ему подобных,
Седых, правдивых, благородных,
Весы державших, пальму, гром.
Они, восседши за зерцалом,
В великом деле или малом,
Не зря на власть, богатств покров,
Произрекали суд богов;
А где рукой и руку мыли,
Желая сильному помочь,
Дьяки, взяв шапку, выходили
С поклоном от неправды прочь.

11 Тогда не прихоть чли — закон,
Лишь благу общему радели;
Той подлой мысли не имели,
Чтоб только свой набить мамон.
Венцы стяжали, звуки славы,
А деньги берегли и нравы,
И всякую свою ступень
Не оценяли всякий день;
Хоть был и недруг кто друг другу,
Усердие вело, не месть:
Умели чтить в врагах заслугу
И отдавать достойным честь.

12 Тогда по счетам знали,
Что́ десять и что́ ноль;
Пиявиц унимали,
На них посыпав соль;
В день ясный не сердились,
Зря на небе пятно,
С ладьи лишь торопились
Снять вздуто полотно;
Кубарить не любили
День со́ дня на другой;

Что можно, вмиг творили,
Оставя свой покой.

13 Тогда кулибинский фонарь,
Что светел издали, близ темен,
Был не во всех местах потребен;
Горел кристалл, — горел от зарь;
Стоял в столпах гранит средь дома:
Обрись на них — и не солома.
В спартанской коже персов дух
Не обаял сердца и слух;
Не по опушке добродетель,
Не по ходулям великан:
Так мой герой был благодетель
Не по улыбке — по делам.

14 О ты, что правишь небесами
И манием колеблешь мир,
Подъемлешь скиптр на злых с громами,
А добрым припасаешь пир,
Юпитер! — О Нептун, что бурным,
Как скатертям, морям лазурным
Разлиться по земле велел,
Брега поставив им в предел! —
И ты, Вулкан, что пред горнами
В дне ада молнию куешь! —
И ты, о Феб, что нам стрелами
Златыми свет и жизнь лиешь!

15 Внемлите все молитву,
О боги! вы мою:
Зверей, рыб, птиц ловитву
И благодать свою
На нивы там пошлите,
Где отставной герой
Мой будет жить. — Продлите
Век, здравье и покой
Ему вы безмятежной.
И ты, о милый Вакх!
Подчас у нимфы нежной
Позволь спать на грудях.

1796

ПАМЯТНИК

1 Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

2 Так! — весь я не умру; но часть меня большая,
От тлена убежав, по сме́рти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.

3 Слух про́йдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

4 Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.

5 О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И пре́зрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей бессмертия венчай.

⟨1795⟩

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ГРАФА ЗУБОВА ИЗ ПЕРСИИ

1 Цель нашей жизни — цель к покою:
Проходим для того сей путь,
Чтобы от мразу иль от зною
Под кровом нощи отдохнуть.
Здесь нам встречаются стремнины,
Там терны, там ручьи в тени;
Там мягкие луга, равнины,
Там пасмурны, там ясны дни;
Сей с холма в пропасть упадает,
А тот взойти спешит на холм.

2 Кого же разум почитает
Из всех, идущих сим путем,
По самой истине счастливым?
Не тех ли, что, челом к звездам
Превознесяся горделивым,
Мечтают быть равны богам;
Что в пурпуре и на престоле
Превыше смертных восседят?
Иль тех, что в хижине, в юдоле,
Смиренно на соломе спят?

3 Ах, нет! — не те и не другие
Любимцы прямо суть небес,
Которых мучат страхи злые,
Прельщают сны приятных грез, —
Но тот блажен, кто не боится
Фортуны потерять своей,

За ней на высоту не мчится,
Идет середнею стезей,
И след во всяком состояньи
Цветами усыпает свой;

4 Кто при конце своих ристаний
Вдали зреть может за собой
Аллею подвигов прекрасных;
Дав совести своей отчет
В минутах светлых и ненастных,
С улыбкою часы те чтет,
Как сам благими насладился,
Как спас других от бед, от нужд,
Как быть всем добрым торопился,
Раскаянья и вздохов чужд.

5 О юный вождь! Сверша походы,
Прошел ты с воинством Кавказ,
Зрел ужасы, красы природы:
Как, с ребр там страшных гор лиясь,
Ревут в мрак бездн сердиты реки;
Как с чел их с грохотом снега
Падут, лежавши целы веки;
Как серны, вниз склонив рога,
Зрят в мгле спокойно под собою
Рожденье молний и громов.

6 Ты зрел — как ясною порою
Там солнечны лучи, средь льдов,
Средь вод, играя, отражаясь,
Великолепный кажут вид;
Как, в разноцветных рассеваясь
Там брызгах, тонкий дождь горит;
Как глыба там сизо-янтарна,
Навесясь, смотрит в темный бор;
А там заря злато-багряна
Сквозь лес увеселяет взор.

7 Ты видел — Каспий, протягаясь,
Как в камышах, в песках лежит,
Лицом веселым осклабляясь,
Пловцов ко плаванью манит;

И вдруг как, бурей рассердяся,
Встает в упор ее крылам,
То скачет в твердь, то, в ад стремяся,
Трезубцем бьет по кораблям;
Столбом власы седые вьются,
И глас его гремит в горах.

8 Ты видел — как во тьме секутся
С громами громы в облаках,
Как бездны пламень извергают,
Как в тучах роет огнь бразды,
Как в воздухе пары сгорают,
Как светят свеч в лесах ряды.
Ты видел, — как в степи средь зною
Огромных змей стога кишат,
Как блещут пестрой чешуею
И льют, шипя, друг в друга яд.

9 Ты домы зрел царей, — вселенну,
Внизу, вверху, ты видел всё;
Упадшу спицу, вознесенну,
Вертяще мира колесо.
Ты зрел — и как в Вратах Железных
(О! вспомни ты о сем часе!)
По духу войск, тобой веденных,
По младости твоей, красе,
По быстром персов покореньи
В тебе я Александра чтил!

10 О! вспомни, как в том восхищеньи,
Пророча, я тебя хвалил:
«Смотри, — я рек, — триумф минуту,
А добродетель век живет».
Сбылось! — Игру днесь счастья люту
И как оно к тебе хребет
Свой с грозным смехом повернуло,
Ты видишь, — видишь, как мечты
Сиянье вкруг тебя заснуло,
Прошло, — остался только ты.

11 Остался ты! — и, та прекрасна
Душа почтенна будет век,

С которой ты внимал несчастна
И был в вельможе человек,
Который с сердцем откровенным
Своих и чуждых принимал,
Старейших вкруг себя надменным
Воззрением не огорчал.
Ты был что есть, — и не страшися
Объятия друзей своих.

12 Приди ты к ним! Иль уклонися
Познать премудрость царств иных.
Учиться никогда не поздно,
Исправь проступки юных лет;
То сердце прямо благородно,
Что ищет над собой побед.
Смотри, как в ясный день, как в буре
Суворов тверд, велик всегда!
Ступай за ним! — небес в лазуре
Еще горит его звезда.

13 Кто был на тысяще сраженьях
Не победим, а победил,
Нет нужды в блесках, в украшеньях
Тому, кто царство покорил!
Умей лишь сделаться известным
По добродетелям своим
И не тужи по снам прелестным,
Мечтавшимся очам твоим:
Они прошли — и возвратятся;
Пройти вновь могут — и прийти.

14 Как страннику в пути встречаться
Со многим должно, и идти,
И на горах и под горами,
Роскошничать и глад терпеть, —
Бывает так со всеми нами,
Премены рока долг наш зреть.
Но кто был мужествен душою,
Шел равнодушней сим путем,
Тот ближе был к тому покою,
К которому мы все идем.

1797

ХРАПОВИЦКОМУ

1 Храповицкий! дружбы знаки
Вижу я к себе твои;
Ты ошибки, лесть и враки
Кажешь праведно мои, —
Но с тобой не соглашуся
Я лишь в том, что я орел.

2 А по-твоему коль станет,
Ты мне путы развяжи;
Где свободно гром мой грянет,
Ты мне небо покажи;
Где я в поприще пущуся
И препон бы не имел?

3 Где чертог найду я правды?
Где увижу солнце в тьме?
Покажи мне те ограды
Хоть близ трона в вышине,
Чтоб где правду допущали
И любили бы ее.

4 Страха связанным цепями
И рожденным под жезлом,
Можно ль орлими крылами
К солнцу нам парить умом?
А хотя б и возлетали, —
Чувствуем ярмо свое.

5 До́лжны мы всегда стараться,
Чтобы сильным угождать,
Их любимцам покланяться,
Словом, взглядом их ласкать.
Раб и похвалить не может,
Он лишь может только льстить.

6 Извини ж, мой друг, коль лестно
Я кого где воспевал;
Днесь скрывать мне тех бесчестно,
Раз кого я похвалял.
За слова — меня пусть гложет,
За дела — сатирик чтит.

1797

КАПНИСТУ

1 Спокойства просит от небес
Застиженный в Каспийском море,
Коль скоро ни луны, ни звезд
За тучами не зрит, и вскоре
Ждет корабельщик бед от бурь.
Спокойства просит перс пужливый,
Турк гордый, росс властолюбивый
И в ризе шелковой манжур.

2 Покою, мой Капнист! покою,
Которого нельзя купить
Казной серебряной, златою
И багряницей заменить.
Сокровищми всея вселенной
Не может от души смятенной
И самый царь отгнать забот,
Толпящихся вскруг ворот.

3 Счастли́в тот, у кого на стол,
Хоть не роскошный, но опрятный,
Родительские хлеб и соль
Поставлены, и сон приятный
Когда не отнят у кого
Ни страхом, ни стяжаньем подлым:
Кто малым может быть довольным,
Богаче Креза самого.

4 Так для чего ж в толь краткой жизни
Метаться нам туды, сюды,

В другие земли из отчизны
Скакать от скук или беды
И чуждым солнцем согреваться?
От пепелища удаляться,
От родины своей кто мнит, —
Тот самого себя бежит.

5 Заботы наши и беды́
Везде последуют за нами,
На кораблях чрез волны, льды
И конницы за торока́ми;
Быстрей оленей и погод,
Стадами облаки женущих,
Летят они, и всюду сущих
Терзают человеков род.

6 О! будь судьбе твоей послушным,
Престань о будущем вздыхать;
Веселым нравом, равнодушным
Умей и горесть услаждать.
Довольным быть, неприхотливым,
Сие то есть, что быть счастливым:
А совершенных благ в сей век
Вкушать не может человек.

7 Век Задунайского увял,
Достойный в памяти остаться!
Рымникского печален стал;
Сей муж, рожденный прославляться,
Проводит ныне мрачны дни:
Чего ж не приключится с нами?
Что мне предписано судьбами,
Тебе откажут в том они.

8 Когда в Обуховке стремятся
Твоей стада, блея, на луг,
С зеленого холма глядятся
В текущий стекляный Псёл вокруг;
Когда волы и кобылицы,
Четвероместной колесницы

гдѣ чертогъ найду я правды?
гдѣ увижу солнце въ тьмѣ?
покажи ты мнѣ образы
хоть близъ Трона въ вышнихъ
въ пышныхъ ~~правду~~ отпущали ~~[illegible]~~
и любимъ бы Её.

Страха связаны цѣпями,
и рожденны быть рабомъ,
можно ль Орлими крылами
къ солнцу намъ парить умомъ?
а хотябъ и возлетали;
но чувствуемъ свое.

должны, должны мы стараться
чтобъ царямъ лишь угождать,
ихъ любимцамъ покланяться
словомъ, ~~дѣломъ~~ въ угожденіе ихъ ласкать,
~~раб~~ хвалить ~~царя~~ не милость;
онъ лишь милость только льстить.

Автограф стихотворения «Храповицкому»
(«Храповицкий! дружбы знаки...»).

Твоей краса и честь плугов,
Блестят, и сад твой — тьмой плодов;

9 Когда тебя в темно-зелену,
Подругу в пу́рпурову шаль
Твою я вижу облеченну,
И прочь бежит от вас печаль;
Как вкруг вас радости и смехи,
Невинны сельские утехи,
И хоры дев поют весну, —
То скука вас не шлет ко сну.

10 А мне Петрополь населять
Когда велит судьба с Миленой:
К отраде дом дала и сад,
Сей жизни скучной, развлеченной,
И некую поэта тень, —
Да правду возглашу святую:
Умей презреть и ты златую,
Злословну, площадную чернь.

1797

УРНА

1 Сраженного косой Сатурна,
Кого средь воющих здесь рощ
Печальная сокрыла урна
Во мрачну, непробудну нощь?
Кому на ней чудес картина
Во мраморе изражена?
Крылатый жезл, котурн, личина,
Резец и с лирой кисть видна!

2 Над кем сей мавзолей священный
Вкруг отеняет кипарис
И лира гласы шлет плачевны?
Кто, Меценат иль Медицис,
Тут орошается слезами?
Чьи бледные лица черты
Луной блистают меж ветвями?
Кто зрится мне? — Шувалов, ты!

3 Ах, ты! — могу ль тебя оставить
Без благодарной песни я?
Тебя ли мне, тебя ль не славить?
Я твой питомец и — судья.
О нет! — уж муза возлетает
Моя ко облакам златым,
Вслед выспренних певцов дерзает
Воспеть тебе надгробный гимн.

4 Смерть мужа праведна — прекрасна!
Как умолкающий орган,
Как луч последний солнца ясна
Блистает, тонет в океан, —
Подобно в неизмерны бездны,
От мира тленного спеша,
Летит сквозь мириады звездны
Блаженная твоя душа.

5 Или как странник, путь опасный
Прошедший меж стремнин и гор,
Змей слыша свист, львов рев ужасный
Позадь себя во тьме, и взор
От зуб их отвратя, взбегает
С весельем на высокий холм, —
От мира дух твой возлетает
Так вечности в прекрасный дом.

6 Коль тень и прообразованье
Небесного сей дольний мир,
С высот лазурных восклицанье
И сладкое согласье лир
Я слышу, — вижу, душ блаженных
Полки встречать тебя идут!
В эфирных ризах, позлащенных,
Торжественную песнь поют:

7 «Гряди к нам, новый неба житель!
И, отрясая прах земной,
Войди в нетленную обитель
И с высоты ее святой
Воззри на дол твой смертный, слезный,
На жизнь твою, и наконец
За подвиги твои полезны
Прими возмездия венец!

8 Ты бедных был благотворитель, —
И вечных насладися благ.
Ты просвещенья был любитель, —
И божества сияй в лучах.

Ты поощрял петь славу Россов,
Ты чтил Петра, Елисавет, —
Внимай, как звучно Ломоносов
Здесь славу вечную поет!»

9 Поэзии бессмертно пенье
На небесах и на земли;
Тот будет гроб у всех в почтенье.
Над коим лавры расцвели.
Науки сеял благотворной
Рукой и возращал любя, —
Свет от лампады благовонной
Возблещет вечно чрез тебя.

10 Планета ты, — что с солнца мира
Лучи бросала на других:
Ты в славе не являл кумира,
Ты видел смертных, слышал их.
Картина ты, — которой тени
Не рама в золоте — хвала;
Великолепие — для черни;
Для благородных душ — дела.

11 Но мрачен, темен сердца свиток,
В нем скрыты наших чувств черты:
Оселок честности — прибыток;
На нем блистал, как злато, ты.
Как полное мастик кадило,
Горя, другим ты запах дал;
Как полное лучей светило,
Ты дарованья озарял.

12 О! сколько юношей тобою
Познания прияли свет!
Какою пламенной струею
Сей свет в потомство протечет!
Над царедворцевой могилой,
Над во́ждем молненосных гроз,
Когда раздастся вздох унылой,
Сверкнет здесь искра нежных слез.

13 Стой, урна, вечно невредима,
Шувалова являя вид!
Будь лирами пиитов чтима,
В тебе предстатель их сокрыт.
Внуши, тверди его доброты
Сей надписью вельможам в слух:
«Он жил для всенародной льготы
И покровительства наук».

1797

О УДОВОЛЬСТВИИ

1 Прочь буйна чернь, непросвещенна
И презираемая мной!
Прострись вкруг тишина священна!
Пленил меня восторг святой!
Высоку песнь и дерзновенну,
Неслыханну и не внушенну,
Я слабым смертным днесь пою:
Всяк преклони главу свою.

2 Сидят на тронах возвышенны
Над всей вселенною цари,
Ужасной стражей окруженны,
Подъемля скиптры, судят при;
Но бог есть вышний и над ними:
Блистая молньями своими,
Он сверг гигантов с горних мест
И перстом водит хоры звезд.

3 Пусть занял юными древами
Тот область целую под сад;
Тот горд породою, чинами;
Пред тем полки рабов стоят;
А сей звучит трубой военной.
Но в урне рока неизмерной
Кто мал и кто велик забвен:
Своим всяк жребьем наделен.

4 Когда меч острый, обнаженный,
Злодея над главой висит,

Обилием отягощенный
Его стол вкусный не прельстит;
Ни нежной цитры глас звенящий,
Ни птиц весенних хор гремящий
Уж чувств его не усладят
И крепка сна не возвратят.

5 Сон сладостный не презирает
Ни хижин бедных поселян,
Ниже́ дубрав не убегает,
Ни низменных, ни тихих стран,
На коих по колосьям нивы
Под тенью облаков игривый
Перебирается зефир,
Где царствует покой и мир.

6 Кто хочет только, что лишь нужно,
Тот не заботится никак,
Что море взволновалось бурно;
Что, огненный вращая зрак,
Медведица нисходит в бездны;
Что Лев, на свод несяся звездный,
От гривы сыплет вкруг лучи;
Что блещет молния в ночи.

7 Не беспокоится, что градом
На холмах виноград побит;
Что проливных дождей упадом
Надежда цвет полей не льстит;
Что жрет и мраз и зной жестокий
Поля, леса; а там в глубоки
Моря отломки гор валят
И рыб в жилищах их теснят.

8 Здесь тонут зиждущих плотину
Работников и зодчих тьма,
Затем, что стали властелину
На суше скучны терема, —
Но и средь волн в чертоги входит
Страх; грусть и там вельмож находит;
Рой скук за кораблем жужжит
И вслед за всадником летит.

9 Когда ни мраморы прекрасны
Не утоляют скорби мне,
Ни пурпур, что, как облак ясный,
На светлой блещет вышине;
Ни грозды, соком наполненны,
Ни вина, вкусом драгоценны,
Ни благовонья аромат
Минуты жизни не продлят, —

10 Почто ж великолепьем пышным,
Удобным зависть возрождать,
По новым чертежам отличным
Огромны зданья созидать?
Почто спокойну жизнь, свободну,
Мне всем приятну, всем довольну,
И сельский домик мой — желать
На светлый блеск двора менять?

1798

НА ВОРОЖБУ

1 Не любопытствуй запрещенным
Халдейским мудрованьем знать:
Какая есть судьба рожденным
И сколь нам долго проживать?
Полезнее о том не ведать
И не гадать, что будет впредь;
Ни лиха, ни добра не бегать,
А принимать, что ни придет.

2 Пусть боги свыше посылают
Жестокий зной иль лютый мраз;
Пусть бури грозы повторяют
Иль грянет гром в последний раз, —
Что нужды? — Будь мудрей, чем прежде,
Впрок вин не запасай драгих;
Обрезывай крыле надежде
По краткости ты дней своих.

3 Так! — Время злое быстротечно,
Летит меж тем, как говорим;
Щипли ж веселие сердечно
С тех роз, на кои мы глядим;
Красуйся дня сего благими,
Пей чашу радости теперь;
Не льстись горами золотыми
И будущему дню не верь.

1798

ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

1 Блажен! кто, удалясь от дел,
Подобно смертным перворо́дным,
Орет отеческий удел
Не откупным трудом, свободным,
На собственных своих волах.

2 Кого ужасный глас, от сна
На брань, трубы не возбуждает,
Морская не страшит волна,
В суд ябеда не призывает;
И господам не бьет челом,

3 Но садит он в саду своем
Кусты и овощи цветущи;
Иль диких древ, кривым ножом
Обрезав пни, и плод дающи
Черенья прививает к ним.

4 Иль зрит вдали ходящий скот,
Рычащий в вьющихся долинах;
Иль перечищенную льет
И прячет патоку в кувшинах,
Или стрижет своих овец.

5 Но осень как главу в полях,
Гордясь, с плодами возвышает, —
Как рад, что рвет их на ветвях,
Привитых им, — и посвящает
Дар богу, пурпура красней.

6 На бреге ли в траве густой,
Под дуб ли древний он ложится, —
В лесу гам птиц, с скалы крутой
Журча к нему ручей стремится,
И всё наводит сладкий сон.

7 Когда ж гремящий в тучах бог
Покроет землю всю снегами,
Зверей он ищет след и лог;
Там зайца гонит, травит псами,
Здесь ловит волка в тенета.

8 Иль тонкие в гумнах силки
На куропаток расставляет,
На рябчиков в кустах пружки, —
О, коль приятну получает
Награду за свои труды!

9 Но будет ли любовь при том
Со прелестьми ее забыта,
Когда прекрасная лицом
Хозяйка мила, домовита,
Печется о его детях?

10 Как ею, русских честных жен
По древнему обыкновенью,
Весь быт хозяйский снаряжен:
Дом тепл, чист, светл, и к возвращенью
С охоты мужа стол накрыт.

11 Бутылка доброго вина,
Впрок пива русского варена,
С гренками коновка полна,
Из коей клубом лезет пена,
И се уже обед готов.

12 Горшок горячих, добрых щей,
Копченый окорок под дымом;
Обсаженный семьей моей,
Средь коей сам я господином,
И тут-то вкусен мне обед!

13 А как жаркой еще баран
Младой, к Петрову дню блюденный,
Капусты сочныя кочан,
Пирог, груздями начиненный,
И несколько молочных блюд, —

14 Тогда-то устрицы, го-гу,
Всех мушелей заморских грузы,
Лягушки, фрикасе, рагу,
Чем окормляют нас французы,
И уж ничто не вкусно мне.

15 Меж тем приятно из окна
Зреть карду с тучными волами;
Кобыл, коров, овец полна,
Двор резвыми кишит рабами —
Как весел таковый обед!

16 Так откупщик вчерась судил,
Сбираясь быть поселянином, —
Но правежом долги лишь сбрил,
Остался паки мещанином,
А ныне деньги отдал в рост.

1798

ПОХВАЛА ЗА ПРАВОСУДИЕ

Кто сей из смертных дерзновенной,
За правый суд что возжелал
Венца от истины священной
И лиры моея похвал?
Кто сей, стяжал который право
Людей сердечны сгибы знать:
Что свято в них и что лукаво
Во внутренности душ читать?
Кто думает на лицы сильных
Не зреть, и на мольбы друзей?
От красоты очес умильных
Щититься должности броней?
Кто блеском не прельстился злата,
В груди сияющей звездой?
Кому взгляд царский, их палата
Магнитной не были стрелой?
Кто забывал врагов обиды,
От мести отвращал свой взор,
Противны, благосклонны виды
Кому не вкрались в приговор?
Кто хладно зрел на пир, забаву,
Под сенью роскоши не млел,
Заслуживать мирскую славу
И презирать ее умел;
Здоровья не щадя, сквозь ночи
Просиживал за грудой книг;
Отер невинных слезны очи
И путь пресек ко злобе злых?

Кто, слабость смертных ощущая,
Соблюл законов строгий долг,
Себя во ближнем осуждая,
Был вкупе человек и бог?
Не он ли есть зерцало чести?
Не он ли образец судей?
Премудр, и глух ко гласу лести,
Не просит похвалы ничьей. —
Так, князь! держись и ты сих правил
И верь, что похвала мечта:
Счастли́в, коль отличает Павел
И совесть у тебя чиста!

1798

НА ПОБЕДЫ В ИТАЛИИ

1 Ударь во сребряный, священный,
Далекозвонкий, валка, щит!
Да гром твой, эхом повторенный,
В жилище бардов восшумит.
Встают. — Сто арф звучат струнами,
Пред ними сто дубов горят,
От чаши круговой зарями
Седые чела в тьме блестят.

2 Но кто там белых волн туманом
Покрыт по персям, по плечам,
В стальном доспехе светит рдяном,
Подобно синя моря льдам?
Кто, на копье склонясь главою,
Событье слушает времен?
Не тот ли, древле что войною
Потряс парижских твердость стен?

3 Так; он пленяется певцами,
Поющими его дела,
Смотря, как блещет битв лучами
Сквозь тьму времен его хвала.
Так, он! — Се Рюрик торжествует
В Валкале звук своих побед
И перстом долу показует
На Росса, что по нем идет.

4 «Се мой, — гласит он, — воевода!
Воспитанный в огнях, во льдах,

Вождь бурь полночного народа,
Девятый вал в морских волнах,
Звезда, прешедша мира тропы,
Которой след огня черты,
Меч Павлов, щит царей Европы,
Князь славы!» — Се, Суворов, ты!

5 Се ты, веков явленье чуда!
Сбылось пророчество, сбылось!
Луч, воссиявший из-под спуда,
Герой мой, вновь свой лавр вознёс!
Уже вступил он в славны следы,
Что древний витязь проложил;
Уж водит за собой победы
И лики сладкогласных лир.

1799

Его Сиятельству

Милостивому Государю

Графу Александру Васильевичу

Суворову Рымникскому ~~во знак~~ душев…

моего высокопочитания

к его особе.

Гавриил Державин

Дарственная надпись на книге «Сочинения Державина» 1798 г., поднесенная автором А. В. Суворову.

НА ПЕРЕХОД АЛЬПИЙСКИХ ГОР

1 Сквозь тучи вкруг лежащи, черны,
Твой горний кроющи полет,
Носящи страх нам, скорби зельны,
Ты грянул наконец! — И свет,
От молнии твоей горящий,
Сердца Альпийских гор потрясший,
Струей вселенну пролетел;
Чрез неприступны переправы
На высоте ты новой славы
Явился, северный орел!

2 О радость! — Муза! дай мне лиру,
Да вновь Суворова пою!
Как слышен гром за громом миру,
Да слышит всяк так песнь мою!
Побед его плененный слухом,
Лечу моим за ним я духом
Чрез долы, холмы и леса;
Зрю, близ меня зияют ады,
Над мной шумящи водопады,
Как бы склонились небеса.

3 Идет в веселии геройском
И тихим манием руки,
Повелевая сильным войском,
Сзывает вкруг себя полки.
«Друзья! — он говорит, — известно,
Что Россам мужество совместно;

Но нет теперь надежды вам.
Кто вере, чести друг неложно,
Умреть иль победить здесь должно».
«Умрем!» — клик вторит по горам.

4 Идет, — о, зрелище прекрасно,
Где прямо, верностью горя,
Готово войско в брань бесстрашно!
Встает меж их любезна пря:
Все движутся на смерть послушно,
Но не хотят великодушно
Идти за во́ждем назади;
Сверкают копьями, мечами.
Как холм, объемляся волнами,
Идет он с шумом — впереди.

5 Ведет в пути непроходимом
По темным дебрям, по тропам,
Под заревом, от молньи зримом,
И по бегущим облакам;
День — нощь ему среди туманов,
Нощь — день от громовых пожаров;
Несется в бездну по вервям,
По камням лезет вверх из бездны,
Мосты ему — дубы зажженны,
Плывет по скачущим волнам.

6 Ведет под снегом, вихрем, градом,
Под ужасом природы всей;
Встречается спреди и рядом
На каждом шаге с тьмой смертей;
Отвсюду окружен врагами:
Водой, горами, небесами
И воинством противных сил.
Вблизи падут со треском холмы,
Вдали там гулы ропчут, громы,
Скрежещет бледный голод в тыл.

7 Ведет — и некая громада,
Гигант пред ним восстал в пути,

Главой небес, ногами ада
Касаяся, претит идти.
Со ребр его шумят вниз реки,
Пред ним мелькают дни и веки,
Как вкруг волнующийся пар;
Ничто его не потрясает,
Он гром и бури презирает —
Нахмурясь смотрит Сен-Готар.

8 А там волшебница седая
Лежит на высоте холмов,
Дыханьем солнце отражая,
Блестит вдали огнями льдов,
Которыми одета зрится:
Она на всю природу злится
И в страшных инистых скалах,
Нависнутых снегов слоями,
Готова задавить горами
Иль в хладных задушить когтях.

9 А там, невидимой рукою
Простертое с холма на холм,
Чудовище, как мост длиною,
Рыгая дым и пламень ртом,
Бездонну челюсть разверзает,
В единый миг полки глотает;
А там — пещера черна спит
И смертным мраком взоры кроет,
Как бурею, гортанью воет:
Пред ней Отчаянье сидит.

10 Пришедши к чудам сим природы,
Чтó б славный учинил Язон?
Составила б Медея воды,
А он на них навел бы сон.
Но в Россе нет коварств примера;
Крыле его суть должность, вера
И исполинской славы труд.
Корабль на парусах как в бурю
По черному средь волн лазурю,
Так он летит в опасный путь.

11 Уж тучи супостат засели
По высотам, в ущельях гор,
Уж глыбы, громы полетели
И осветили молньи взор;
Власы у храбрых встали дыбом,
И к сей отваге, страшной дивом,
Склонился в помощь свод небес.
С него зря бедствия толики,
Трепещет в скорби Петр Великий:
«Где Росс мой?» — след и слух исчез.

12 Но что! не дух ли Оссиана,
Певца туманов и морей,
Мне кажет под луной Морана,
Как шел он на царя царей?
Нет, зрю, Массена под землею
С Рымникским в тьме сошлися к бою:
Чело с челом, глаза горят —
Не громы ль с громами дерутся? —
Мечами о мечи секутся,
Вкруг сыплют огнь, — хохочет ад.

13 Ведет туда, где ветр не дышит
И в высотах и в глубинах,
Где ухо льдов лишь гулы слышит,
Катящихся на крутизнах.
Ведет — и скрыт уж в мраке гроба,
Уж с хладным смехом шепчет злоба:
«Погиб средь дерзких он путей!»
Но Россу где и что преграда?
С тобою бог! — И гор громада
Раздвиглась силою твоей.

14 Как лев могущий, отлученный
Ловцов коварством от детей,
Забрал препятством раздраженный,
Бросая пламя из очей,
Вздымая страшну гриву гневом,
Крутя хвостом, рыкая зевом
И прескача преграды, вдруг
Ломает копья, луки, стрелы, —

Чрез непроходны так пределы,
Тебя, герой! провел твой дух.

15 Или Везувия в утробе
Как, споря, океан с огнем
Спирают в непрерывной злобе
Горящу лаву с вечным льдом,
Клокочут глухо в мраке бездны;
Но хлад прорвет как свод железный,
На воздух льется пламень, дым,—
Таков и Росс средь горных споров;
На Галла стал ногой Суворов,
И горы треснули под ним.

16 Дадите ль веру вы, потомки,
Толь страшных одоленью сил?
Дела героев древних громки,
До волн Средьземных доходил
Алкид и знак свой там поставил
На то, чтоб смертный труд оставил
И дале не дерзал бы взор, —
Но, сильный Геркулес Российский!
Тебе столпы его, знать, низки;
Шагаешь ты чрез цепи гор.

17 Идет — одет седым туманом —
По безднам страшный Исполин;
За ним летит в доспехе рдяном
Вослед младый птенец орлин.
Кто витязь сей багрянородный,
Соименитый и подобный
Владыке византийских стран?
Еще Росс выше вознесется,
Когда и впредь не отречется
Несть Константин воинский сан.

18 Уж сыплются со скал безмерных
Полки сквозь облаков, как дождь!
Уж мечутся в врагов надменных:
В душах их слава, бог и вождь;
К отечеству, к царю любовью,

Или врожденной бранной кровью,
Иль к вере верой всяк крылат.
Не могут счесть мои их взоры,
Ни всех наречь: как молньи скоры,
Вокруг я блеском их объят.

19 Не Гозано́ ль там, богом данный,
Еще с чудовищем в реке
На смертный бой, самоизбранный,
Плывет со знаменем в руке?
Копье и меч из твердой стали,
О чешую преломшись, пали:
Стал безоружен и один.
Но, не уважа лютым жалом,
Разит он зверя в грудь кинжалом —
Нет, нет, се ты, Россиянин!

20 О, сколько храбрости российской
Примеров видел уже свет!
Европа и предел азийской
Тому свидетельствы дает.
Кто хочет, стань на холм высоко
И кинь со мной в долину око
На птиц, на сей парящих стан.
Зри: в воздухе склубясь волнистом,
Как грудью бьет соко́л их с свистом, —
Стремглав падет сраженный вран.

21 Так козни зла все упадают,
О Павел, под твоей рукой!
Народы длани простирают,
От бед спасенные тобой.
Но были б счастливей стократно,
Коль знали бы ценить обратно
Твою к ним милость, святость крыл;
Во храме ж славы письменами
Златыми, чтимыми веками,
Всем правда скажет: «Царь ты сил!»

22 Из мраков восстают стигийских
Евгений, Цесарь, Ганнибал,

Проход чрез Альпы войск российских
Их души славой обуял.
«Кто, кто, — вещают с удивленьем, —
С такою смелостью, стремленьем,
Прешел против природы сил
И вражьих тьмы попрал затворов?
Кто больше нас?» — Твой блеск, Суворов!
Главы их долу преклонил.

23 Возьми кто летопись вселенной,
Геройские дела читай,
Ценя их истиной священной,
С Суворовым соображай;
Ты зришь тех слабость, сих пороки
Поколебали дух высокий, —
Но он из младости спешил
Ко доблести простерть лишь длани;
Куда ни послан был на брани,
Пришел, увидел, победил.

24 О ты, страна, где были нравы,
В руках оружье, в сердце бог!
На поприще которой славы
Могущий Леопольд не мог
Сил капли поглотить сил морем,
Где жизнь он кончил бедством, горем!
Скажи, скажи вселенной ты,
Гельвеция! быв наш свидетель:
Чья Россов тверже добродетель?
Где больше духа высоты?

25 Промчи ж, о Русса! ты Секване,
Скорей дух русский, Павла мочь,
Цареубийц в вертепе, в стане
Ближайшу возвещая ночь.
Скажи: в руках с перуном Павел
Или хранитель мира, ангел,
Гремит, являя власть свою;
Престаньте нарушать законы
И не трясите больше троны,
Внемлите истину сию:

26 Днесь зверство ваше стало наго,
Вы рветесь за прибыток свой, —
Воюет Росс за обще благо,
За свой, за ваш, за всех покой.
Вы жертва лжи и своевольства,
Он жертва долга и геройства;
В вас равенства мечта — в нем чин;
Суля вы вольность — взяли дани;
В защиту царств простер он длани;
Вы чада тьмы, — он света сын.

27 Вам видим бег светил небесных,
Не правит ли их ум един?
В словесных тварях, бессловесных
У всех есть вождь иль господин;
Стихиев разность — разнострастье,
Верховный ум — их всех согласье;
Монарша цепь есть цепь сердец.
Царь мнений связь, всех действ причина,
И кротка власть отца едина —
Живого бога образец.

28 Где ж скрыта к правде сей дорога,
Где в вольнодумном сердце мнят:
«Нет царской степени, нет бога», —
Быть тщетно счастливы хотят.
Ищай себе в народе власти,
Попри свои всех прежде страсти:
А быв глава, будь всем слугой.
Но где ж, где ваши Цинциннаты?
Вы мните только быть богаты;
Корысти чужд прямой герой.

29 О, доблесть воинов избранных,
Собравших лавры с тьмы побед,
Бессмертной славой осиянных,
Какой не видывал сей свет!
Вам предоставлено судьбами
Решить спор ада с небесами:
Собщать ли солнцу блеск звездáм,
Законам естества ль встать новым,

Стоять ли алтарям Христовым
И быть или не быть царям?

30 По доблести — царям сокровный;
По верности — престолов щит;
По вере — камень царств угольный;
Вождь — знаньем бранным знаменит,
В котором мудрость с добротою,
Терпенье, храбрость с быстротою
Вместились всех изящных душ!
Сражаясь веры со врагами
И небо поддержав плечами,
Дерзай! великий богом муж.

31 Дерзайте! — вижу, с вами ходит
Тот об руку во всех путях,
Что перстом круги звездны водит
И молнию на небесах.
Он рек — и тучи удалились;
Велел — и холмы уклонились;
Блеснул на ваших луч челах.
Приятна смерть Христа в любови,
И капли вашей святы крови:
Еще удар — и где наш враг?

32 Услышьте! — вам соплещут други,
Поет Христова церковь гимн:
За ваши для царей заслуги
Цари вам данники отнынь.
Доколь течет прозрачна Рона,
Потомство поздно без урона
Узрит в ней ваших битв зари;
Отныне горы ввек Альпийски
Пребудут Россов обелиски,
Дымящи холмы — алтари.

1799

УТРО

Огнистый Сириус сверкающие стрелы
Метал еще с небес в подлунные пределы,
Лежала на холмах вкруг нощь и тишина,
Вселенная была безмолвия полна;
А только ветров свист, лесов листы шептали,
Шум бьющих в камни волн, со скал потоков рев
И изредка вдали рычащий лев
Молчанье прерывали.
Клеант, проснувшийся в пещере, встал
И света дожидался.
Но говор птиц едва помалу слышен стал,
Вкруг по брегам раздался
И вскликнул соловей;
Тумана, света сеть по небу распростерлась,
Сокрылся Сириус за ней,
И нощь бегущая чуть зрелась.
Мудрец восшел на вышний холм
И там, седым склонясь челом,
Воссел на мшистый пень под дубом многолетным
И вниз из-под ветвей пустил свой взор
На море, на леса, на сини цепи гор
И зрел с восторгом благолепным
От сна на восстающий мир.
Какое зрелище! какой прекрасный пир
Открылся всей ему природы!
Он видел землю вдруг, и небеса, и воды,
И блеск планет,

Тонущий тихо в юный, рдяный свет.
Он зрел: как солнцу путь заря уготовляла,
Лиловые ковры с улыбкой расстилала,
Врата востока отперла,
Крылатых коней запрягла
И звезд царя, сего венчанного возницу,
Румяною рукой взвела на колесницу;
Как, хором утренних часов окружена,
Подвигнулась в свой путь она,
И восшумела вслед с колес ее волна;
Багряны вожжи напряглися
По конским блещущим хребтам;
Летят, вверх пышут огнь, свет мещут по странам,
И мглы под ними улеглися;
Туманов реки разлилися,
Из коих зыблющих седин,
Челом сверкая золотым,
Восстали горы из долин,
И воскурился сверх их тонкий дым.
Он зрел: как света бог с морями лишь сравнялся,
То алый луч по них восколебался,
Посыпались со скал
Рубины, яхонты, кристалл,
И бисеры перловы
Зажглися на ветвях;
Багряны тени, бирюзовы
Слилися с златом в облаках;
И всё — сияние покрыло!
Он видел: как сие божественно светило
На высоту небес взнесло свое чело,
И пропастей лице лучами расцвело!
Открылося морей огнисто протяженье:
Там с холма вниз глядит, навесясь, темный кедр,
Там с шумом вержет кит на воздух рек стремленье,
Там челн на парусах бежит средь водных недр;
Там, выплыв из пучины,
Играют, ре́звятся дельфины,
И рыб стада сверкают чешуей,
И блещут чуды чрева белизной.
А там среди лесов гора переступает,
Подъемлет хобот слон и с древ плоды снимает.

Здесь вместе два холма срослись
И на верблюде поднялись;
Там конь, пустя по ветру гриву,
Бежит и мнет волнисту ниву.
Здесь кролик под кустом лежит,
Глазами красными блестит;
Там серны, прядая с холма на холм стрелами,
Стоят на крутизнах, висят под облаками;
Тут, взоры пламенны вверх устремляя к ним,
На лапах жилистых сидит зубастый скимн;
Здесь пестрый алчный тигр в лес кра́дется
дебристый
И ищет, где залег олень роговетвистый;
Там к плещущим ключам в зеленый мягкий лог
Стремится в жажде пить единорог;
А здесь по воздуху витает
Пернатых, насекомых рой,
Леса, поля, моря и холмы населяет
Чудесной пестротой:
Те в злате, те в сребре, те в розах, те в багрянцах,
Те в светлых заревах, те в желтых, сизых глянцах
Гуляют по цветам вдоль рек и вкруг озер;
Над ними в высоте ширяется орел!
А там с пологих гор сёл кровы, башен спицы,
Лучами отразясь, мелькают на водах.
Тут слышен рога зов, там эхо от цевницы,
Блеянье, ржанье, рев и топот на лугах;
А здесь сквозь птичий хор и шум от водопада
Несутся громы в слух с великолепна града
И изъявляют зодчих труд.
Там поселяне плуг влекут,
Здесь сети рыболов кидает,
На уде блещет серебро;
Там огнь с оружья войск сверкает. —
И всё то благо, всё добро!

Клеант, на всё сие взирая,
Был вне себя природы от чудес,
Верховный ум творца воображая,
Излил потоки сладких слез.

«Всё дело рук твоих!» — вскричал во умиленьи
И арфу в восхищеньи
Прияв, благоговенья полн,
В фригический настроя тон,
Умолк. — Но лишь с небес, сквозь дуба свод лиственный
Проникнув, на него пал свет багряный,
Брада сребристая, чело
Зардевшися, как солнце, расцвело, —
Ударил по струнам, и от холма с вершин
Как искр струи в дол быстро покатились,
Далеко звуки разгласились,
Воспел он богу гимн.

1800

СНИГИРЬ

1 Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый Снигирь?
С кем мы пойдем войной на гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.

2 Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов
С горстью Россиян всё побеждать?

3 Быть везде первым в мужестве строгом;
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и богом;
Скиптры давая, зваться рабом;
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?

4 Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, Снигирь!
Бранна музыка днесь не забавна,
Слышен отвсюду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! — что воевать?

1800

* * *

1 Вcторжествовал — и усмехнулся
Внутри души своей тиран,
Что гром его не промахнулся,
Что им удар последний дан
Непобедимому герою,
Который в тысящи боях
Боролся твердой с ним душою
И презирал угрозы страх.

2 Нет, не тиран, не лютый рок,
Не смерть Суворова сразила:
Венцедаятель, славы бог
Архистратига Михаила
Послал, небесных вождя сил,
Да приведет к нему вождя земного,
Приять возмездия венец,
Как луч от свода голубого...

1800

К ЦАРЕВИЧУ ХЛОРУ

1 Прекрасный Хлор! Фелицын внук,
Сын матери премилосердной,
Сестер и братьев нежный друг,
Супруг супруге милый, верный —
О ты! чей рост, и взор, и стан
Есть витязя, породы царской,
Который больше друг, чем хан
Орды, страны своей татарской!
Послушай, неба серафим,
Ниспосланный счастливить смертных,
Что пишет солнцев сын, брамин,
Желая благ тебе несметных!

2 Достиг незапно громкий слух
До нас, живущих в Кашемире,
Что будто Зороастров дух
Воскрес в подлунном здешнем мире
И, воплотясь в тебе, о Хлор!
Воссел на некоем престоле,
Дабы расцвел доброт собор
На нем, неслыханных дотоле.

3 Так точно, говорят, что ты
Какой-то чудный есть владетель;
Души и тела красоты
Совокупя на добродетель,
Быть хочешь всех земных владык
Страшней не страхом, — но любовью,

Блаженством подданных велик,
Не покореньем царств и кровью.

4 Так шепчут: будто саму власть,
В твоих руках самодержавну,
Господства беспредельну страсть,
Ты чтишь за власть самоуправну;
Что будто мудрая та блажь
Нередко в ум тебе приходит:
Что царь законов только страж,
Что он лишь в действо их приводит
И ставит в том в пример себя;
Что ты живешь лишь для народов,
А не народы для тебя,
И что не свыше ты законов;
А тех пашей, эмиров, мурз
Не любишь и не терпишь точно,
Что, сами ползая средь уз,
Мух давят в лапах полномочно
И бить себе велят челом;
Что ты не кажешься им богом,
Не ездя на царях верхом;
Сидишь и ходишь в ряд с народом;
Что, не стирая с туфлей прах
У муфтьев, дервишей, иманов,
В седых считаешь бородах
Их глас за глас ты алкоранов;
Что, чувствуя в себе одном
Ты власть небес, а слабость смертных,
Им разбирать себя судом
Велишь чрез граждан частных, честных
Раздоры миром прекращать,
Закону с совестью поладить
И, больше шерсть чтоб не терять,
Овцам в репейники не лазить.

5 Еще толкуют тож: что глас
К тебе народа тайно входит,
Что тысячью ты смотришь глаз
И в шапке-невидимке бродит
Везде твой дух, — и на коврах

Летает будто самолетах,
В чалмах, жупанах, чеботах;
А нужно где, то и в жилетах,
Чтоб как-нибудь невинность спасть!
И словом: многими путями
Ты кротку простирая власть,
Как солнце, греешь мир лучами.

6 И даже будто бы с собой
Даешь ты случай всем встречаться,
Писать на голубях, с тобой
Так-сяк и лично объясняться;
И злость и глупость на позор,
Печатав, выставлять листами,
Молоть языком всякий вздор
И в лавках торговать умами;
И будто ты, увидя раз
Лису иль волка в агнчей коже,
Вмиг от своих сгоняешь глаз,
Хотя б их зрел в каком вельможе.

7 А наконец, хотя и хан,
Но так ты чудно, странно мыслишь,
Что будто на себе кафтан
Народу подлежащим числишь;
Пиров богатых не даешь,
Убранство, роскошь презираешь,
В чертогах низменных живешь,
Царицу четверней катаешь;
И хóдя иногда пешком,
Ты по садам цветы срываешь,
Но злата не соришь мешком;
Торопишься в делах не скоро,
Так шьешь, чтоб после не пороть;
Мнишь, не доходом в доме споро,
А где умеренный расход.

8 И подлинно, весьма чудесный
Бывал ли где такой султан?
Да Оромаз блюдет небесный
Тебя, гарем, седой диван

И всю твою орду татарску!
Да ангел сам Инсфендармас,
Покрыв главу крылами ханску,
С своих тебя не спустит глаз
И узел укрепит священный
На поясе твоем всегда!
Да ароматом растворенный
Твой огнь не гаснет никогда,
И я дивлюсь и восхищаюсь
Лишь добродетелям твоим,
Как той звезде, что поклоняюсь
И коей подношу здесь гимн!
В хвалу тебе и в присвоенье
Ее красот и всех потреб,
Да имя Хлор твое, правленье
Напишется на дске судеб.

9 Когда же подлая и даже подкупная,
Прищуря мрачный взор, где зависть или злость
На нас прольет свой яд, — простим им грех, вздыхая;
Не пре́йдут, бедные, чрез Ариманов мост.

1802

ПАМЯТЬ ДРУГУ

1 Плакущие березы воют,
На черну наклоняся тень;
Унылы ветры воздух роют;
Встает туман по всякий день —
Над кем? — Кого сия могила,
Обросши повиликой вкруг,
Под медною доской сокрыла?
Кто тут? Не муз ли, вкуса друг?

2 Друг мой! — Увы! озлобясь, Время
Его спешило в гроб сокрыть,
Что сея он познаний семя
Мнил веки пользой пережить;
Воздвигнув из земли громады
И зодчества блестя челом,
Трудился, чтоб полнощи чады
Искусств покрылися венцом.

3 Встань, дух поэзьи русской древней,
С кем, вторя, он Добрыню пел,
Меж завтреней и меж обедней,
Взмахнув крыла, в свирель гремел;
И лебедь солнца как при всходе,
Под красный вечер на водах,
Раздавшись кликами в природе,
Вещай, тверди: Тут Л⟨ьвова⟩ прах.

4 Довольны ль эхом сим, хариты,
Чтоб персть вам милую найти?
Таланты редки знамениты,
Вокруг пестреют их цветы, —
Облаговоньте ж возлияньем
Сердец вы друга своего,
Изящным, легким дарованьем
Теките, музы! в след его.

5 Но кто ж моей гитары струны
На нежный будет тон спущать,
Фивейски молньи и перуны
Росой тиисской упоять?
Кто памятник над мной поставит,
Под дубом тот сумрачный свод,
В котором мог меня бы славить,
Играя с громами, Эрот?

6 Уж нет тебя! уж нет! — Придите
Сюда вы, дружба и любовь!
Печаль и вздохи съедините,
Где скрыт под пеленою Л⟨ьвов⟩.
Ах! плачьте, чада, плачьте, други!
Целуй последний раз, краса!
Уж слезы Лизы и супруги
Как пламенна горят роса.

1804

ФОНАРЬ

1 Гремит орган на стогне трубный,
Пронзает нощь и тишину;
Очаровательный огнь чудный
Малюет на стене луну.
В ней ходят тени разнородны:
Волшебник мудрый, чудотворный,
Жезла движеньем, уст, очес
То их творит, то истребляет;
Народ толпами поспешает
Смотреть к нему таких чудес.

2 Явись!
И бысть.
Пещеры обитатель дикий,
Из тьмы ужасной превеликий
Выходит лев.
Стоит, — по гриве лапой кудри
Златые чешет, вьет хвостом;
И рев
И взор его, как в мраке бури,
Как яры молнии, как гром,
Сверкая, по лесам грохочет.
Он рыщет, скачет, пищи хочет
И, меж древес
Озетя агницу смиренну,
Прыгну́в, разверз уж челюсть гневну..
Исчезнь! Исчез.

3 Явись!
И бысть.
Средь гладких океана сткляных,
Зарею утренней румяных,
Спокойных недр
Голубо-сизый, солнцеокой,
Усатый, тучный, рыбий князь,
Осетр,
Из влаги появясь глубокой,
Пернатой лыстью вкруг струясь,
Сквозь водну дверь глядит, гуляет, —
Но тут ужасный зверь всплывает
К нему из бездн:
Стремит в свои вод реки трубы
И как серпы занес уж зубы...
Исчезнь! Исчез.

4 Явись!
И бысть.
С долины мирныя, зелены
В полудни лебедь, вознесенный
Под облака,
Веселый глас свой ниспускает;
Его долина, роща, холм,
Река
Стократно эхом повторяет, —
Но тут, как быстрый с свистом гром,
На рамена его сребристы
Орел прожорливый, когтистый
Упал с небес.
Клюет, терзает, бьет крылами,
И пух летит, как снег полями...
Исчезнь! Исчез.

5 Явись!
И бысть.
Спустилось солнце, — вечер темный
Открыл на небе миллионы
Горящих звезд.
Огнисты, легки метеоры
Слетают блещущим клубком

От мест
Превыспренних — и в мраке взоры,
Как искры, веселят огнем;
Одна на дом тут упадает,
Раздута ветром, зажигает,
И в пламе город весь!
Столбом дым, жупел в воздух вьется,
Пожар, как рдяны волны, льется...
Исчезнь! Исчез.

6 Явись!
И бысть.
Торговый гость, смотря на счеты,
От жажды к злату и заботы
Хотя дрожит
Товарищей над барышами,
В паи деля товары их;
Но бдит
И ползает над чертежами
Всечасно странствиев морских.
В очках его всезряще око
Уж судно зрит в морях далеко
Сквозь сладких слез;
На нем вздут парус, флаг, дым, пламень,
Близ пристани подводный камень...
Исчезнь! Исчез.

7 Явись!
И бысть.
Оратай нив трудолюбивый,
Богобоязный, терпеливый,
Пролив свой пот,
Ходя под зноем за сохою
И туком угобзя бразды,
Ждет год
От брошенных его рукою
Семян собрать себе плоды.
Златым колосья соком полны,
Уже колеблются, как волны,
И тень небес
Его труд правый осеняет, —

Но град из тучи упадает...
Исчезнь! Исчез.

8 Явись!
И бысть.
Чета младая новобрачных —
В златых, блистающих, безмрачных
Цепях своих —
Любви в блаженстве утопает;
Преодолев препятства все,
Жених
От радости в восторге тает
И, в плен отдавшися красе,
Забыв на ложе прежни скуки,
В уста ее целует, в руки
И средь завес
Коснулся уж забав рукою, —
Но блещет смерть над ним косою...
Исчезнь! Исчез.

9 Явись!
И бысть.
Отважный, дерзкий вождь, счастливый,
Чрез свой пронырливый, кичливый
И твердый дух
Противны разметав знамены,
И на чело свое собрав
Вокруг
С народов многих лавр зеленый,
И царские права поправ,
В чаду властолюбивой страсти
У всей народной силы, власти
Взял перевес;
Граждан не внемлет добрых стону,
Простер десницу на корону...
Исчезнь! Исчез.

10 Не обавательный ль, волшебный,
Магический сей мир фонарь?
Где видны тени переменны,
Где, веселяся ими, царь

Иль маг какой, волхв непостижный,
В своих намереньях обширный,
Планет круг тайно с высоты
Единым перстом обращает
И земнородных призывает
Мечтами быть иль зреть мечты!

11 Почто ж, о смертный дерзновенный,
Невежда средь своих наук!
Летая мыслями надменный
Иль ползая в пыли, как жук,
Бежишь ты счастья за мечтами,
Толь преходящими пред нами,
Быв гостем, позванным на пир?
Не лучше ль блеском их не льститься,
Но зодчему тому дивиться,
Кто создал столь прекрасный мир?

12 Так будем, будем равнодушно
Мы зрительми его чудес;
Что рок велит, творить послушно,
Забавой быв других очес;
Пускай тот управляет нами,
Кто движет солнцами, звездами;
Он знает их и наш конец!
Велит — я возвышаюсь.
Речет — я понижаюсь.
Сей мир — мечты; их бог творец!

1804

МУЖЕСТВО

1 Что привлекательней очам,
Как не огня во тьме блистанье?
Что восхитительнее нам,
Когда не солнечно сиянье?
Что драгоценней злата есть
Средь всех сокровищ наших тленных?
Меж добродетелей отменных
Чья мужества превыше честь?

2 В лучах, занятых от порфир,
Видал наперсников я счастья;
Зрел удивляющие мир
Могущество и самовластье;
Сребра зрел горы на столах,
Вельмож надменность, роскошь, пышность,
Прельщающую сердце лишность, —
Но ум прямых не зрел в них благ.

3 При улыбаньи красоты,
Под сладкогласием музыки,
Волшебных игр и див мечты
Меня пленяли, пляски, лики, —
Но посреди утех таких,
Как чувства в неге утопали,
Мои желания искали
Каких-то общих благ — моих.

4 Пальмиры пышной и Афин
Где были празднествы, позоры,
Там ныне средь могил, пустынь
Следы зверей встречают взоры.
Увы! в места унынья, скук
Что́ красны зданья превратило?
Уединенье водворило
Что́ в храмах вкуса и наук?

5 Не злым ли зубом стер их Крон?
Не хищны ль варваров набеги?
Нет! нет! — великих душ урон.
Когда в объятья вверглись неги,
Ко злату в цепи отдались, —
Вмиг доблести презренны стали,
Под тяжестью пороков пали,
Имперьи в прахе погреблись.

6 О! если б храбрый Леонид
Поднесь и Зинобия жили,
Не пременился б царств их вид,
Величия б примером были, —
Но жар как духа потушен,
Как бедность пресмыкаться стала,
Увидели Сарданапала
На троне с пряслицей меж жен.

7 Итальи честь, художеств цвет,
Остатки древностей бесценны!
Без римлян, побеждавших свет,
Где вы? Где? — Галлом похищенны!
Без бодрственной одной главы,
Чем вознеслась Собийсков слава,
Став жен Цитерою, Варшава
Уж не соперница Москвы.

8 Укрась чело кто звезд венцом
И обладателем будь мира,
Как радуга сияй на нем
Багряновидная порфира, —
Но если дух в нем слаб — полков,

Когорт его все громы мертвы;
Вожди без духа — страхов жертвы
И суть рабы своих рабов.

9 Так доблесть, сердца правота,
Огонь души небес священный,
Простейших нравов высота,
Дух крепкий, сильный, но смиренный —
Творец величеств на земли!
Тобою вои побеждают,
Судьи законы сохраняют,
Счастливо царствуют цари.

10 Тобой преславный род славян
Владыкой сделался полсвета,
Господь осьми морей, тьмы стран;
Душа его, тобой нагрета,
Каких вновь див не сотворит?
Там Гермоген, как Регул, страждет;
Ильин, как Деций, смерти жаждет;
Резанов Гаму заменит.

11 Одушевляй российску грудь
Всегда, о мужество священно!
Присутственно и впредь нам будь
Во время скромно, время гневно;
Взлетим коль оперенны мы
Твоими страшными крылами, —
Кто встанет против нас? — Бог с нами!
Мы вспеним понт, тряхнем холмы.

1797; 1804

ВОЛХОВ КУ́БРЕ

1 Напрасно, Ку́бра дорогая,
Поешь о славе ты моей;
Прелестна девушка, младая!
Мне петь бы о красе твоей.

2 Хотя угрюм и важен взором
И седина на волосах, —
Но редко бурями и громом
В моих бушую я лесах.

3 Я мирный гражданин, торговый,
И беспрестанно в хлопота́х;
За старым караваном новый
Ношу лениво на плечах.

4 Наполнен барками, судами,
На парусах и бечевой,
Я русских песен голосами
Увеселяю слух лишь свой.

5 Меж холмиков, дубков саженых
Ведет полога мурава
Моих в сне путников наемных,
Плывущих спу́стя рукава.

6 Иль видят золотые нивы,
То пестроту цветов в лугах;
То луч с серпов и кос игривый
В муравленых горит водах.

7 Шумящи перловы пороги
Им слабо преграждают путь:
Премудро, справедливо боги
Богатство за труды дают.

8 И бард мой с арфой ветхострунной
Хоть сидя на холму поет,
Но, представляя вечер лунной,
Он тихий голос издает.

9 Увы! — сколь парусом пробегших,
На лямках шедших зрел ладей!
И сколько под луной умерших
Он духом зрит своих друзей!

10 Уже и вождь, ногой железной
Ступавший Александра в след,
Прекрасный человек, любезной,
Луч бедных — блещет между звезд.

11 И ты, в наядах быв известной,
Не завсегда волной шуми;
Но розовой рукой прелестной,
Вздохнув, Меналька обойми.

12 С Бионом, Геснером, Мароном,
Потомства позднего в уме
Твердясь пастушьим, сельским тоном,
С кузнечиком светись во тьме.

1804

ОЛЕНИНУ

1 Обычьев русских, вида, чувства,
Моей поэзьи изограф,
Чьего и славный бритт искусства
Не снес, красе возревновав;
В чьем рашкуле, мелу, чернилах
Видна так жизнь, как в пантоминах,
Оленин милый! — вспомяни
Твое мне слово — и черкни.

2 Представь мне воина, идуща
С прямым бесстрашием души
На явну смерть и смерть несуща,
И словом, Росса напиши:
Как ржет пред ним Везувий ярый,
Над ним дождь искр, громов удары,
За ним — скрыл мрак его стопы —
Лежат Ираклов столпы!

3 Тебе, — так Россу только можно
Отечества представить дух;
Услуги верной ждать не должно
От иностранных слабых рук.
И впрямь: огромность исполина
Кто облечет, окроме сына
Его, и телом и душой?
Нам тесен всех других покрой.

4 Когда наука иль природа
Дадут и дух, и ум, и вкус,
Ни чин, ни должность, ни порода
Быть не претят друзьями муз.
И только ль в поле на сраженьи
И за зерца́лом дел в вершеньи
Сыновий нужен царству жар? —
Нет! — проклят всяк сокрывший дар.

5 Три дщери своего рожденья
Судили небеса послать,
Чтоб свет, красу и утешенье
На землю мрачну проливать;
Схватясь красавицы руками
С улыбкой тихими стопами
Проходят мир — и се в наш век
Пришли в полнощь, как Петр предрек.

6 Пусть дух Поэта сотворяет,
Вливает Живописец жизнь,
А чувства Музыкант вдыхает
К образованью их отчизн;
И нас коль гении вдыхают,
От сна с зарею возбуждают, —
Не стыдно ль негу обнимать?
Пойдем Сатурна побеждать!

1804

ЛЕБЕДЬ

1 Необычайным я пареньем
От тленна мира отделюсь,
С душой бессмертною и пеньем,
Как лебедь, в воздух поднимусь.

2 В двояком образе нетленный,
Не задержусь в вратах мытарств;
Над завистью превознесенный,
Оставлю под собой блеск царств.

3 Да, так! Хоть родом я не славен,
Но, будучи любимец муз,
Другим вельможам я не равен,
И самой смертью предпочтусь.

4 Не заключит меня гробница,
Средь звезд не превращусь я в прах,
Но, будто некая цевница,
С небес раздамся в голосах.

5 И се уж кожа, зрю, перната
Вкруг стан обтягивает мой;
Пух на груди, спина крылата,
Лебяжьей лоснюсь белизной.

6 Лечу, парю — и под собою
Моря, леса, мир вижу весь;
Как холм, он высится главою,
Чтобы услышать богу песнь.

7 С Курильских островов до Буга,
От Белых до Каспийских вод
Народы, света с полукруга,
Составившие Россов род,

8 Со временем о мне узнают:
Славяне, гунны, скифы, чудь,
И все, что бранью днесь пылают,
Покажут перстом — и рекут:

9 «Вот тот летит, что, строя лиру,
Языком сердца говорил
И, проповедуя мир миру,
Себя всех счастьем веселил».

10 Прочь с пышным, славным погребеньем,
Друзья мои! Хор муз, не пой!
Супруга! облекись терпеньем!
Над мнимым мертвецом не вой.

1804

ВРЕМЯ

1 О Д⟨ьяко́в⟩! Д⟨ьяко́в⟩! как время
Быстро в вечность всё несет!
Будто море смертных племя:
За волной волна течет.
Ни поклонов счет молебных,
Ни посты, ни тяжкий труд
Старостью напечатленных
Лба морщин уж не сотрут;
Не удержат дней летящих,
Люту смерть не воспятят.

2 Так, мой друг! — хотя адепты
Пьют бессмертья эликсир,
В ризы воздуха одеты,
Ангельский составят мир, —
Но до оного мы время
Все под плотию живем,
Носим разрушенья бремя
И, конечно, все помрем;
Лишь божественная искра
Вечно будет жить — наш дух.

3 Дух! — и те дела не у́мрут,
Производят что добро;
Жить они за гробом будут,
Лавром нам увьют чело.
Что ж в сей жизни потеряем,
Что нам сделают беды,

Если мы награды чаем
Там за здешние труды?
Только нужно запастися
Котомою добрых дел.

4 Так, — едина добродетель
Здесь и там счастливит нас.
Если совесть наш свидетель,
Не ужасен смертный час;
Не ужасен рев гоненья,
И коварство не хитро;
Длинно время для терпенья,
Для веселия быстро́, —
Но премудрый проживает
Равнодушно весь свой век.

5 Им ни время не владеет,
Ниже злато, ни сребро;
Он порядку дел радеет,
Любит общее добро;
Убегая пышных вздоров
И блестящих мелочей,
Он во сане прокуроров,
Всех вельмож, судей, царей
Чтит лишь только человека
И желает сам им быть.

6 Коль с невинных снял железы,
Ускори́л коль правый суд;
Коль отер сиротски слезы,
Не брал лихвы, не был плут,
Делал то, что делать должно, —
И без чина ты почтен.
Напроти́в, — живя безбожно,
Всеми временщик презрен;
Утесняя добродетель,
Сам он тмит свой светлый сан.

1804

ВЕСНА

1 Тает зима дыханьем Фавона,
Взгляда бежит прекрасной весны;
Мчится Нева к Бельту на лоно,
С брега суда спущены.

2 Снегом леса не блещут, ни горы,
Стогнов согреть не пышет огонь;
Ломят стада, играя, затворы,
Рыща, ржет на́ поле конь.

3 Нимфы в лугу, под лунным сияньем,
Став в хоровод, вечерней зарей,
В песнях поют весну с восклицаньем,
Пляшут, топочут стопой.

4 Солнце лучом лиловым на взморье
Бросит как огнь, Петрополь вкушать
Свежий зефир валит в лукоморье:
Едешь и ты там гулять.

5 Едешь — и зришь злак, небо, лес, воды,
Милу жену, вкруг рощу сынов;
Прелесть всю зришь с собой ты природы,
Счастлив сим, счастлив ты, Л⟨ьвов⟩!

6 Что ж ты стоишь так мало утешен?
Плюнь на твоих лихих супостат,
Если прибыток оный безгрешен,
Ревель что дал и Кронштадт!

7 Выкати, дай, ты дай непременно
Бочку скорей нам устриц на стол;
Портер, вино, что искрами пенно,
Каплет что златом, как смоль;

8 В толстом стекле что выжимки силы,
В свертках травы что слаще сота́;
Сок нам подай, что молнией в жилы,
Быстро летит что в уста!

9 Выставь нам всё. — Так, время приятно,
До́лжно твоих друзей угощать.
Дышут пока сады ароматно,
Розы спеши собирать.

10 Видишь, мой друг, и сам ты вседневно,
Миг что один не сходен с другим;
В мире земном всё, видишь, пременно:
Гладкий понт часто холмим.

11 Самый твой торг — империй цвет, слава —
Первый к вреду, растлению шаг;
Блага лишь суть: здоровье, забава,
Честность, — все прочее прах.

1804

ЛЕТО

1 Знойное Лето весна увенчала
Розовым, алым по кудрям венцом;
Липова роща, как жар, возблистала
Вкруг меда листом.

2 Желтые грозды, сквозь лист продираясь,
Запахом, рдянцем нимф сельских манят;
Травы и нивы, косой озаряясь,
Как волны шумят.

3 Сткляные реки лучом полудневным
Жидкому злату подобно текут,
Кравы и овцы с млеко́м накопленным
Под кущи бегут.

4 Сизые враны, орлы быстропарны,
Крылья спустивши, под хврастом сидят;
Тучная роскошь в тени сок прохладный
Пьет, ищет отрад.

5 Видишь ли, Д⟨митрев⟩! всего изобилье,
Самое благо быть может нам злом;
Счастье и нега разума крылья
Сплошь давят ярмом.

6 В доме жив летом, в раю ты небесном,
В славном поместье Сызранском с отцом,
Мышлю, ленишься петь в хоре прелестном,
Цвесть муз под венцом.

1804

ОСЕНЬ

1 На скирдах молодых сидючи Осень
И в полях зря вокруг год плодоносен,
С улыбкой свои всем дары дает,
Пестротой по лесам живо цветет,
Взор мой дивит!

2 Разных птиц голоса вьющихся тучи,
Шум снопов, бег телег, оси скрыпучи,
Стук цепов по токам, в рощах лай псов,
Жниц, с знамем идущих, гул голосов
Слух мой пленит.

3 Как мил сей природы радостный образ!
Как тварей довольных сладостен возглас!
Где Осень обилье рукою ведет,
Царям и червям всем пищу дает
Общий отец.

4 Но что же вдруг, Я⟨рцов⟩! черные бури,
Грохоча так, кроют неба лазури?
Здесь тихий ток с ревом роет волна,
Там в бледных туманах ржет нам война:
Благ ли творец?

5 Ах! благ всех зиждитель, я слышу, ты рек:
«Невежда продерзкий лишь ты, человек,
Не видишь, не знаешь пользы своей;
Сам часто своих ты ищешь сетей:
Хранит только бог».

6 О! правда то, правда! — Смирим же пред ним
Наш глупый мы ропот и волю дадим
Всемощной деснице солнце водить;
Бег мира превратна станем сносить,
Чтящи свой рок.

7 Так если с Урала златые ключи
В царский лил кладезь, их сам не пьючи;
Я дни мнил Астреи, мир и покой
Ввесть распрей в вертеп, и с чистой душой
Благ всем желал, —

8 Но то коль не надо, — оставим судьбам
Премудрым дать лучший здесь жребий людям;
Сев, сами прикажем в нашем гнезде
Осени доброй нам дать по труде
Счастья покал.

1805

ЗИМА

Поэт

1 Что ты, Муза, так печальна,
Пригорюнившись, сидишь?
Сквозь окошечка хрустальна,
Склоча волосы, глядишь;
Цитры, флейты и скрыпицы
В белы руки не берешь;
Ни божественной Фелицы,
Ни Плениры не поешь?

Муза

2 Что мне петь? — Ах! где хариты?
И друзей моих уж нет!
Л⟨ьвов⟩, Х⟨емницер⟩ в гробе скрыты,
За Днепром К⟨апнист⟩ живет.
В⟨ельяминов⟩, лир любитель,
Богатырь, певец в кругу,
Беззаботный света житель,
Согнут скорбями в дугу.

Поэт

3 Да! Фелицы нет, Плениры,
Нет харит и нет друзей:
Звук торжественныя лиры
Посвятишь кому твоей?
Посвятишь ли в честь ты Хлору
Иль Добраде в славу ты?

Труб у них не слышно хору,
Дни их тихи, как листы.

Муза

4 Тот сидит всегда за делом,
Та покоит вдов, сирот;
В покрывале скромном, белом
Так Зима готовит плод.
Не видать ее работы,
Не слыхать ее машин,
Но по скуке — зрятся льготы,
И земля цветет как крин.

Поэт

5 Между тем к нам, В⟨ельями⟩нов,
Ты приди хотя согбен,
Огнь разложим средь каминов,
Милых сердцу соберем;
И под арфой тихогласной,
Наливая алый сок,
Воспоем наш хлад прекрасной:
Дай Зиме здоровье, бог!

1805

ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА

1 Как светятся блески
На розе росы, —
Так милы усмешки
Невинной красы.
Младенческий образ —
Вид в капле зари.

2 А быстро журчащий
Меж роз и лилей,
Как перлом блестящий
По лугу ручей, —
Так юности утро,
Играя, течет.

3 Река ж или взморье
Полдневной порой
Как в дол иль на взгорье
Несется волной, —
Так мужество бурно
Страстями блестит.

4 Но озеро стекляно,
Утихнув от бурь,
Как тихо и важно
Чуть кажет лазурь, —
Так старость под вечер
Стоит на клюке.

Сколь счастлив, кто в жизни
Все возрасты вёл,
Страшась укоризны
Внутрь совести, зол!
На запад свой ясный
Он весело зрит.

1805

ЛИРИК

1 Трубит — и глас его несется
С Невы до Лены берегов.
Летит — и дол под ним смеется,
Как эхом тысячи громов.
Пятою — черны бездны давит,
Чело — касается звездам;
Дивит кого, страшит иль славит, —
Комета, метеор векам.
Возносит персть богов к престолу
И вержет истуканов долу.

2 Тромпетин, Арфин или Лирин,
Кто сей столь дерзостный певец?
Как молния полет эфирен,
Как буря света по конец.
Как водопад, с горы крутыя
Низвергшись, вдалеке ревет,
Как ключ из челюсти земныя,
Сверкая, в воздух блески льет.
Всяк, внемля, зря его, дивится,
Восторжен, очарован зрится.

3 Не он ли струн своих движеньем
Вкруг холмы и леса́ скликал,
Согласным оных удареньем
Чудесно город созидал?
Не персты ли его проворны,
По гуслям прыгав золотым,

Владыки мрачного дух томный
Прогнали пением своим,
И пастырь быв, своим восторгом
Стал царь — с самим стязался богом?

1805 (?)

ОБЛАКО

1 Из тонкой влаги и паров
Исшед невидимо, сгущенно,
Помалу, тихо вознесенно
Лучом над высотой холмов,
Отливом света осветяся,
По бездне голубой носяся,
Гордится облако собой,
Блистая солнца красотой.

2 Или прозрачностью сквозясь
И в разны виды пременяясь,
Рубином, златом испещряясь
И багряницею стелясь,
Струясь, сбираясь в сизы тучи
И вдруг схолмяся в холм плавучий,
Застенивает солнца зрак;
Забыв свой долг и благодарность,
Его любезну светозарность
Сокрыв от всех, — наводит мрак.

3 Или не долго временщик
На светлой высоте бывает,
Но, вздувшись туком, исчезает
Скорей, чем сделался велик.
Под лучезнойной тяготою
Разорван молнии стрелою,
Обрушась, каплями падет, —
И уж его на небе нет!

4 Хотя ж он в чадах где своих,
Во мглах, в туманах возродится
И к выспренностям вновь стремится,
Но редко достигает их:
Давленьем воздуха гнетомый
И влагой вниз своей влекомый,
На блаты, тундры опустясь,
Ложится в них, — и зрится грязь.

5 Не видим ли вельмож, царей
Живого здесь изображенья?
Одни — из праха, из презренья
Пренизких возводя людей
На степени первейших санов,
Творят богов в них, истуканов,
Им вверя власть и скипетр свой;
Не видя, их что ослепляют,
Любезной доброты лишают,
Темня своею чернотой.

6 Другие — счастья быв рабы,
Его рукою вознесенны,
Сияньем ложным украшенны,
Страстей не выдержав борьбы
И доблестей путь презря, правды,
Превесясь злом, как водопады
Падут стремглав на низ во мглах:
Быв идолы — бывают прах.

7 Но добродетель красотой
Своею собственной сияет;
Пускай несчастье помрачает,
Светла она сама собой.
Как Антонины на престоле,
Так Эпиктиты и в неволе
Почтенны суть красой их душ.
Пускай чей злобой блеск затмится, —
Но днесь иль завтра прояснится
Бессмертной правды солнца луч.

8 О вы, имеющи богов
В руках всю власть и всю возможность,

В себе же смертного ничтожность,
Ввергающую бедствий в ров!
Цари! От вас ваш трон зависит
Унизить злом, добром возвысить;
Имейте вкруг себя людей,
Незлобьем, мудростью младенцев;
Но бойтесь счастья возведенцев,
Ползущих пестрых вкруг вас змей.

9 И вы, наперсники царей,
Друзья, цветущи их красою!
Их пишущи жизнь, смерть рукою
Поверх земель, поверх морей!
Познайте: с вашим всем собором
Вы с тем равны лишь метеором,
Который блещет от зари;
А сами по себе — пары.

10 И ты, кто потерял красу
Наружну мрачной клеветою!
Зри мудрой, твердою душою:
Подобен мир сей колесу.
Се спица вниз и вверх вратится,
Се капля мглой иль тучей зрится:
Так что ж снедаешься тоской?
В кругу творений обращаясь,
Той вниз, другою вверх вздымаясь, —
Умей и в прахе быть златой.

1806

ГРОМ

1 В тяжелой колеснице грома
Гроза, на тьме воздушных крыл,
Как страшная гора несома,
Жмет воздух под собой, — и пыль
И понт кипят, летят волнами,
Древа вверх вержутся корнями,
Ревут брега, и воет лес.
Средь тучных туч, раздранных с треском,
В тьме молнии багряным блеском
Чертят гремящих след колес.

2 И се, как ночь осення, темна,
Нахмурясь надо мной челом,
Хлябь пламенем расселась черна,
Сверкнул, взревел, ударил гром;
И своды потряслися звездны:
Стократно отгласились бездны,
Гул восшумел, и дождь и град,
Простерся синий дым полетом,
Дуб вспыхнул, холм стал водометом,
И капли радугой блестят.

3 Утихло дуновенье бурно,
Чуть слышен шум и серный смрад;
Пространство воздуха лазурно
И чёла в злате гор горят.
Природе уж не страшны грозы,

Дыхают ароматом розы,
Пернатых раздается хор;
Зефиры легки, насекомы
Целуют злаков зыбки холмы,
И путник осклабляет взор.

4 Кто сей, который тучи гонит
По небу, как стада овнов,
И перстом быстры реки водит
Между гористых берегов?
Кто море очертил в пределы,
На шумны, яры волны белы
Незримы наложил бразды?
Чьим манием ветр вземлет крыла,
Стихиев засыпает сила,
Блеск в хаосе возник звезды?

5 И в миг единый миллионы
Кто дланию возжег планет?
О боже! — се твои законы,
Твой взор миры творит, блюдет.
Как сталью камень сыплет искры,
Так от твоей струятся митры
В мрак солнцы средь безмерных мест.
Ты дхнешь — как прах, вновь сферы встанут;
Ты прервешь дух — как злак, увянут;
Твои следы суть бездны звезд.

6 О вы, безбожники! не чтущи
Всевышней власти над собой,
В развратных мыслях тех живущи,
Что случай всё творит слепой,
Что ум лишь ваш есть царь вселенной, —
Взгляните в буйности надменной
На сей ревущий страшный мрак,
На те огнем блестящи реки, —
И верьте, дерзки человеки,
Что всё величье ваше — прах.

7 Но если вы и впрямь всемочны,
Почто ж вам грома трепетать?

Нет! — Гордости пути порочны
Бог правды должен наказать.
Где ваша мочь тогда, коварствы,
Вновь созданны цари и царствы,
Как рок на вас свой склонит перст?
Огонь и воды съединятся,
Земля и небо ополчатся,
И меч и лук сотрется в персть.

8 Но тот, кто почитает бога,
Надежду на него кладет,
Сей не боится время строга,
Как холм средь волн не упадет.
Пусть зельна буря устремится; —
Душой всех превзойти он тщится,
Бесстрашен, мужествен средь бед;
И под всесильным даже гнёвом,
Под зыблющим, падущим небом,
Благословя творца, уснет.

9 Труба величья сил верховных,
Вития бога и посол!
О гром! гроза духо́в тех гордых,
Кем колебался звезд престол!
Земли ты чрево растворяешь
И плодородьем мир венчаешь, —
Но твой же может бросить тул
И жуплов тьмы на князя ада.
Встань! грянь! — и вслед его упада
По безднам возгрохочет гул.

1806

РАДУГА

1 Взглянь, Апеллес! взглянь в небеса!
В сумрачном облаке там,
Видишь, какая из лент полоса,
Огненна ткань блещет очам,
Склонясь над твоею главою
Дугою!

2 Пурпур, лазурь, злато, багрянец,
С зеленью тень, слиясь с серебром,
Чудный, отливный, блещущий глянец
Сыплют вокруг, тихим лучом
Зениц к утешенью сияют,
Пленяют!

3 Где красота, блеск разноцветных
Камней драгих, светлость порфир,
Прелести красок ярких, несметных,
Чем завсегда славится мир,
Чем могут монархи хвалиться,
Светиться?

4 О Апеллес! взявши орудье,
Кисти свои, — дерзкой рукой
С разных цветов вмиг полукружье
Сделай, составь твердой чертой, —
Составь — и сзови зреть Афины
Картины.

5 Нет, изограф! — хоть превосходишь
Всех мастерством дивным твоим,
Вижу, что средств ты не находишь
С мастером в том спорить таким,
Чей взгляд всё один образует,
Рисует.

6 Только одно солнце лучами
В каплях дождя, в дол отразясь,
Может писать сими цветами
В мраке и мгле, вечно светясь.
Умей подражать ты ему,
Лей свет в тьму.

7 Зри, как оно лишь отвращает
Светлый свой взор с облака вспять,
Живость цветов вмиг исчезает,
Краски картин тмятся опять:
Беги ты такого труда
От стыда.

8 Может ли кто в свете небесном
Чтиться равно солнцу тому,
В сердце моем мрачном, телесном
Что озарив тяжкую тьму,
Творит его радугой мира?
Пой, лира! —

9 Бога воспой, — смелым пареньем
Чистого внутрь сердца взноси
Дух мой к нему утренним пеньем,
Чтобы творец, вняв с небеси,
Влиял чувств моих в глубину
Тишину.

10 Светлая чтоб радуга мира,
В небе явясь в цвете зарей,
Стала в залог тихих дней мира,
К счастью всех царств и царей.
Он всех их один просветит,
Примирит.

1806

ГРАФУ СТЕЙНБОКУ

1 Кого на бреге моря бурна
Близ ветхих града стен, в тени,
Жизнь не богата, но не скудна
Течет, и он приятно дни
Проводит, избежав столицы,
Желаниев своих в границы
Умеренность постановив,
А малый домик окружив
Свой садом, нивами, стадами,
В семье, с супругой и друзьями,
Ничем внутрь сердца не смущен, —
Тот мудр — и истинно блажен!

2 Так, милый граф! волненье Бельта —
Быстротекущих образ лет;
Вид Гапсаля — вид тленна света,
Что скоро рушится, падет;
Древесны тени, птичек пенья —
Спокойной совести, смиренья
И добродетели удел.
Когда твой труд плодом поспел,
И нив колосья золотые
Возблещут в поле, и младые
Взыграют агнцы на лугу, —
Что знатных блеск сих благ в кругу?

3 Ничто. — И так, наскучат грады
И их когда забавы нам,

Пойдем искать утех, проклады
Мы к злачным Волхова брегам
Или в твоем поместье новом,
Во храме восседя Петровом,
Что в честь ему ты мнишь вознесть,
Велим хор муз к себе привесть;
И Ве́рушку с Люси так сладим,
Что пламенной их пляской сгладим
С седых морщины наших лбов,
Обрезав крылья у годов.

4 Часы веселия суть кратки,
Минута скуки — целый век:
Ах! для чего же люди падки
К заботам? — Страждет человек
Не для того ль, что ищет части
Своей всяк в гордости и власти,
Сам мучась, мучит и других
Насчет крылатых дней своих?
Престанем же к звездам моститься;
А лучше с серном льву резвиться,
С державой яхонту блистать:
Придет к нам зависть танцевать.

1807

ПЕРСЕЙ И АНДРОМЕДА

Прикованна цепьми к утесистой скале,
Огромной, каменной, досягшей тверди звездной,
Нахмуренной над бездной,
Средь яра рева волн, в нощи, во тьме, во мгле,
Напасти Андромеда жертва,
По ветру распустя власы,
Трепещуща, бледна, чуть дышаща, полмертва,
Лишенная красы,
На небо тусклый взор вперя, ломая персты,
Себе ждет скорой смерти;
Лия потоки слез, в рыдании стенет
И тако вопиет:

«Ах! кто спасет несчастну?
Кто гибель отвратит?
Прогонит смерть ужасну,
Которая грозит?

Чье мужество, чья сила,
Чрез меч и крепкий лук,
Покой мне возвратила
И оживила б дух?

Увы! мне нет помоги,
Надежд, отрады нет;
Прогневалися боги,
Скрежеща рок идет.

Чудовище... Ах! вскоре
Сверкнет зубов коса.
О, горе мне! о, горе!
Избавьте, небеса!»

Но небеса к ее молению не склонны.
На скачущи вокруг седые, шумны волны
Змеями молнии летя из мрачных туч
Жгут воздух, пламенем горюч,
И рдяным заревом понт синий обагряют.
За громом громы ударяют,
Освечивая в тьме бездонну ада дверь,
Из коей дивий вол, иль преисподний зверь,
Стальночешуйчатый, крылатый,
Серпокогтистый, двурогатый,
С наполненным зубов-ножей разверстым ртом,
Стоящим на хребте щетинным тростником,
С горящими, как угль, кровавыми глазами,
От коих по водам огнь стелется струями,
Между раздавшихся воспененных валов,
Как остров между стен, меж синих льда бугров
Восстал, плывет, на брег заносит лапы мшисты,
Колеблет холм кремнистый
Прикосновением одним.
Прочь ропщущи бегут гнетомы волны им.

Печальная страна
Вокруг молчит,
Из облаков луна
Чуть-чуть глядит;
Чуть дышут ветерки,
Чуть слышен стон
Царевниной тоски
Сквозь смертный сон;
Никто ей не дерзает
Защитой быть:
Чудовище зияет,
Идет сглотить.

Но внемлет плач и стон Зевес
Везде без помощи несчастных.

Вскрыл вежды он очес
И всемогущий скиптр судеб всевластных
Подъял. — И се герой
С Олимпа на коне крылатом,
Как быстро облако, блестяще златом,
Летит на дол, на бой,
Избавить страждущую деву;
Уже не внемлет он его гортани реву,
Ни свисту бурных крыл, ни зареву очей,
Ни ужасу рогов, ни остроте когтей,
Ни жалу, издали смертельный яд точащу,
Всё в трепет приводящу.
Но светлы звезды как чрез сине небо рея,
Так стрелы быстрые, копье стремит на змея.

Частая сеча меча
Сильна могуща плеча,
Стали о плиты стуча,
Ночью блеща, как свеча,
Эхо за эхами мча,
Гулы сугубит, звуча.

Уж чувствует дракон, что сил его превыше
Небесна воя мочь;
Он становится будто тише
И удаляется коварно прочь, —
Но, кольцами склубясь, вдруг с яростию злою,
О бездны опершись изгибистым хвостом,
До звезд восстав, как дуб, ветвистою главою,
Он сердце раздробить рогатым адским лбом
У витязя мечтает;
Бросается — и вспять от молний упадает
Священного меча,
Чуть движа по земле свой труп, в крови влача.
От воя зверя вкруг вздрогнули черны враны,
Шумит их в дебрях крик: сокрыло море раны,
Но чермна кровь его по пенным вод буграм
Как рдяный блеск видна пожара по снегам.

Вздохи и стоны царевны
Сердца уж больше не жмут;

Трубят тритоны, сирены,
Музы и нимфы поют.
Вольность поют Андромеды,
Храбрость Персея гласят;
Плеск их и звук про победы
Холмы и долы твердят.

Победа! Победа!
Жива Андромеда!
Живи, о Персей,
Век славой твоей!

Не зрим ли образа в Европе Андромеды,
Во Россе бранный дух — Персея славны следы,
В Губителе мы баснь живого Саламандра,
Ненасытима кровью?
Во плоти божества могуща Александра?
Полн милосердием, к отечеству любовью,
Он рек: «Когда еще злодею попущу,
Я царства моего пространна не сыщу,
И честолюбию вселенной недостанет.
Лети, Орел! — да гром мой грянет!»

Грянул меж Бельта заливов,
Вислы и Шпреи брегов;
Галлы средь жарких порывов
Зрели, дух Русских каков!
Знайте, языки, страшна колосса:
С нами бог, с нами; чтите все Росса!

Весело Росс проливает
Кровь за закон и царя;
Страху в бою он не знает,
К ним лишь любовью горя.
Знайте, языки, страшна колосса:
С нами бог, с нами; чтите все Росса!

Росс добродетель и славу
Чтит лишь наградой своей;
Труд и походы в забаву,
Ищет побед иль смертей.

Знайте, язы́ки, страшна колосса:
С нами бог, с нами; чтите все Росса!

Жизнь тех прославим полезну,
Кто суть отчизны щитом:
Слава монарху любезну!
Слава тебе, Бенингсон!
Знайте, язы́ки, страшна колосса:
С нами бог, с нами; чтите все Росса!

Повеся шлем на меч, им в землю водруженной,
Пред воинства лицем хвалу творцу вселенной,
Колено преклоня с простертьем рук, воспел
На месте брани вождь, — в России гром взгремел.

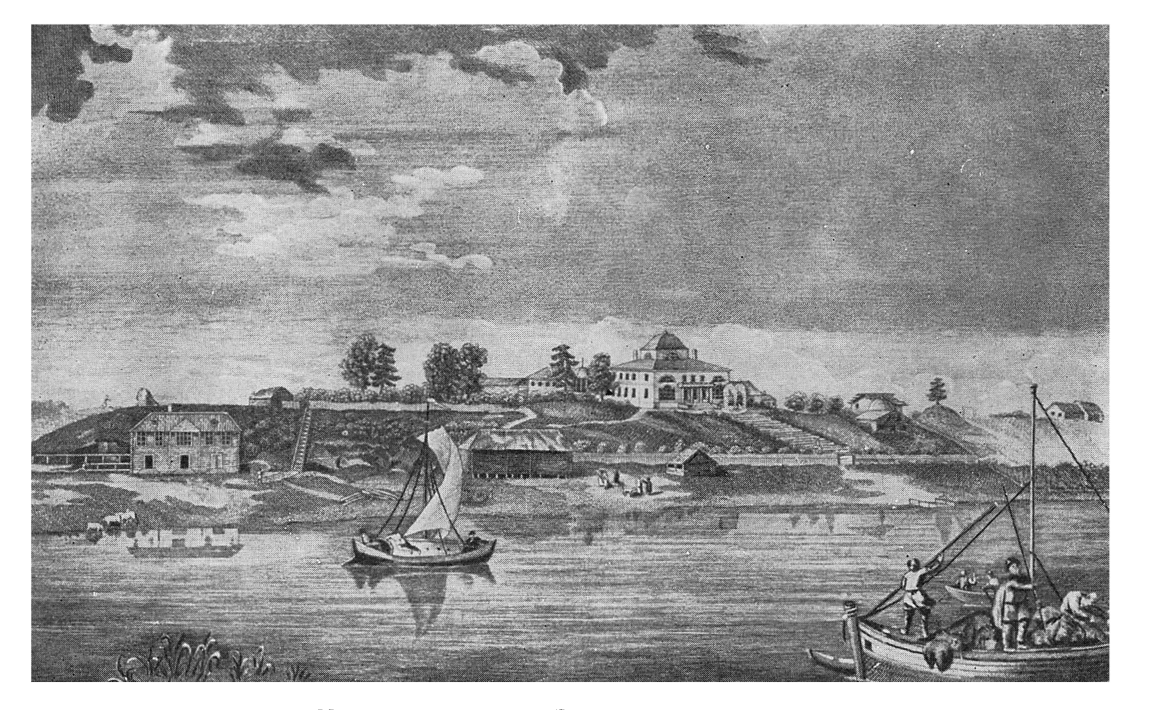
1807

АТАМАНУ И ВОЙСКУ ДОНСКОМУ

1 Платов! Европе уж известно,
Что сил Донских ты страшный вождь.
Врасплох, как бы колдун, всеместно
Падешь как снег ты с туч иль дождь.
По черных воронов полету,
По дыму, гулу, мхам, звездáм,
По рыску волчью, видя мету,
Подходишь к вражьим вдруг носам;
И, зря на туск, на блеск червонца,
По солнцу, иль проти́ву солнца,
Свой учреждаешь ертаул
И тайный ставишь караул.

2 В траве идешь — с травою равен;
В лесу — и равен лес с главой;
На конь вскокнешь — конь тих, не нравен,
Но вихрем мчится под тобой.
По камню ль черну змеем черным
Ползешь ты в ночь — и следу нет.
По влаге ль белой гусем белым
Плывешь ты в день — лишь струйка след.
Орлом ли в мгле паришь сгущенной —
Стрелу сечешь ей в след пущенной
И, брося петли округ шей,
Фазанов удишь, как ершей.

3 Разил ты Льва, Луне гнул ро́ги,
Ходил противу Солнца в бой;



Имение Державина «Званка» на реке Волхове

Гравюра с акварели секретаря Державина Е. М. Абрамова

Медведей, тигров средь берлоги
Могучей задушал рукой:
Почто ж вепря́ щетино-черна,
Залегшего в лесах средь блат,
С клыков которого кровь, пена
Течет — зловоние и яд —
От рыла взрыты вкруг могилы,
От взоров пламенны светилы
Край заревом покрыли весь,
Арканом не схватил по днесь?

4 Что ж стал? — Борза ль коня не стало?
Возьми ковер свой самолет.
Ружейного ль снаряду мало?
Махни ширинкой — лес падет.
Запаса ли не видишь хлебна?
Гложи железны просфиры́.
Жупан ли, епанча ль потребна?
Сам невидимкой всё бери.
Сапог нет? — сту̀пни самоходны
Надень, перчатки самородны
И дуй на огнь, на мраз, на глад:
Российской силе нет преград.

5 Бывало, ведь и в прежни годы
Взлетала саранча на Русь,
Многообразные уроды
Грозили ей налогом уз.
Был грех, от свар своих кряхтели,
Теряли янством и главы, —
Но лишь на бога мы воззрели,
От сна вспрянули будто львы.
Был враг чипчак — и где чипчаки?
Был недруг лях — и где те ляхи?
Был сей, был тот — их нет; а Русь?..
Всяк знай, мотай себе на ус.

6 Да как же это так случалось?
Заботились, как днесь, цари;
Премудро всё распоряжалось,
Водили рать богатыри;

При Святославиче Добрыня
Убил дракона в облаках;
Чернец Донского — исполина
Татарского поверг во прах.
Голицын, Шереметев львовы
Крушили зубы в дни Петровы;
Побед Екатерины лавр —
Чесма, Кагул, Крым, Рымник, Тавр.

7 Неужто Альпы в мире шашка?
Там молньи Павла видел галл;
На кляче белая рубашка
Не раз его в усы щелка́л, —
Или теперь у Александра
При войске нету молодца?
С крестом на адска Саламандра
Ужель не сыщется бойца?
Внемли же моему ты гласу:
Усердно помоляся Спасу,
В четыре стороны поклон —
И из ножон булат твой вон!

8 И с свистом звонким, молодецким,
Разбойника сбрось *Соловья*
С дубов копьем вновь мурзавецким
И будь у нас второй Илья;
И, заперши в железной клетке,
Как желтоглазого сыча,
Уранга, сфинкса на веревке
Примчи, за плечьми второча.
Иль двадцать молодцов отборных,
Лицом, летами, ростом сходных,
Пошли ты за себя за злым;
Двадцатый хоть — приедет с ним.

9 Для лучшей храбрых душ поджоги
Ты расскажи им русску быль,
Что старики, быв в службе строги,
Все невозможности чли в пыль:
Сжигали грады воробьями,
Ходили в лодках по земле,

Топили вражий стан прудами,
Имели пищу в киселе,
Спускались в мрачны подземелья,
Живот считали за безделья;
К отчизне ревностью горя,
За веру мерли и царя.

10 Однако ж, чтоб не быть и жертвой,
Ты меч им кла́денец отдай,
Живой водой их спрысни, мертвой
И горы злата обещай;
Черкесенок, грузинок милых,
У коих зарьные уста,
Бровь черна, жил по телу синих
Сквозь виден огнь и красота;
А на грудях, как пух зыбучих,
Лилей кусты и роз пахучих
Манят к себе и старцев длань, —
Ты, словом, всё сули им в дань.

11 Я дочь свою и сам крестову,
Красотку юную, во брак
Отдам тому, кто грудь орлову
На славный сей отважит шаг;
Денисовым и Краснощоким,
Орловым, Иловайским вслед,
По безднам, по горам высоким
В дом отчий лавр кто принесет;
Девицы, барыни донские,
Вздев платья русские, златые,
Введут его в крестов чертог
И воспоют: «Велик наш бог!»

12 Под вечер, утром, на зарянке,
Сей радостный услыша глас,
Живя уединенным в Званке,
Так-сяк взбреду я на Парнас
И песню войску там Донскому,
Тебе на гуслях пробренчу:
Да белому царю, младому,
В венце алмазы расцвечу.

Пусть звук ужасных днешних бóев
Сподвижников его героев
Мой повторяет холм и лес,
И гул шумит, как гром небес!

1807

ЕВГЕНИЮ.
ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ

1 Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,
Не ищет при дворе ни злата, ни честей
И чужд сует разнообразных!

2 Зачем же в Петрополь на вольну ехать страсть,
С пространства в тесноту, с свободы за затворы,
Под бремя роскоши, богатств, сирен под власть
И пред вельможей пышны взоры?

3 Возможно ли сравнять что с вольностью златой,
С уединением и тишиной на Званке?
Довольство, здравие, согласие с женой,
Покой мне нужен — дней в останке.

4 Восстав от сна, взвожу на небо скромный взор;
Мой утренюет дух правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудес, красот позор
Открыл мне в жизни толь блаженной.

5 Пройдя минувшую и не нашедши в ней,
Чтоб черная змия мне сердце угрызала,
О! коль доволен я, оставил что людей
И честолюбия избег от жала!

6 Дыша невинностью, пью воздух, влагу рос,
Зрю на багрянец зарь, на солнце восходяще,
Ищу красивых мест между лилей и роз,
Средь сада храм жезлом чертяще.

7 Иль, накормя моих пшеницей голубей,
Смотрю над чашей вод, как вьют под небом круги;
На разноперых птиц, поющих средь сетей,
На кроющих, как снегом, луги.

8 Пастушьего вблизи внимаю рога зов,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашков в воздухе, в кустах свист соловьев,
Рев крав, гром жолн и коней ржанье.

9 На кровле ж зазвенит как ласточка, и пар
Повеет с дома мне манжурской иль левантской,
Иду за круглый стол: и тут-то раздобар
О снах, молве градской, крестьянской;

10 О славных подвигах великих тех мужей,
Чьи в рамах по стенам златых блистают лицы.
Для вспоминанья их деяний, славных дней,
И для прикрас моей светлицы,

11 В которой поутру иль ввечеру порой
Дивлюся в Вестнике, в газетах иль журналах,
Россиян храбрости, как всяк из них герой,
Где есть Суворов в генералах;

12 В которой к госпоже, для похвалы гостей,
Приносят разные полотна, сукна, ткани,
Узорны образцы салфеток, скатертей,
Ковров, и кружев, и вязани;

13 Где с скотен, пчельников, и с птичен, и прудов
То в масле, то в сотах зрю злато под ветвями,
То пурпур в ягодах, то бархат-пух грибов,
Сребро, трепещуще лещами;

14 В которой, обозрев больных в больнице, врач
Приходит доносить о их вреде, здоровье,
Прося на пищу им: тем с по́ливкой калач,
А тем лекарствица, в подспорье;

15 Где также иногда по биркам, по костям,
Усастый староста, иль скопидом брюхатой,

Дает отчет казне, и хлебу, и вещам,
С улыбкой часто плутоватой.

16 И где, случается, художники млады
Работы кажут их на древе, на холстине
И получают в дар подачи за труды,
А в час и денег по полтине.

17 И где до ужина, чтобы прогна́ть как сон,
В задоре иногда в игры зело горячи
Играем, в карты мы, в ерошки, в фараон,
По грошу в долг и без отдачи.

18 Оттуда прихожу в святилище я муз
И с Флакком, Пиндаром, богов восседши в пире,
К царям, к друзьям моим иль к небу возношусь
Иль славлю сельску жизнь на лире;

19 Иль в зеркало времен, качая головой,
На страсти, на дела зрю древних, новых веков,
Не видя ничего, кроме любви одной
К себе, — и драки человеков.

20 «Всё суета сует! — я, воздыхая, мню;
Но, бросив взор на блеск светила полудневна, —
О, коль прекрасен мир! Что ж дух мой бременю?
Творцом содержится вселенна.

21 Да будет на земли и в небесах его
Единого во всем вседействующа воля!
Он видит глубину всю сердца моего,
И строится моя им доля».

22 Дворовых между тем, крестьянских рой детей
Сбирается ко мне не для какой науки,
А взять по нескольку баранок, кренделей,
Чтобы во мне не зрели буки.

23 Письмоводитель мой тут должен на моих
Бумагах мараных, пастух как на овечках,
Репейник вычищать, — хоть мыслей нет больших,
Блестят и жу́чки в епанечках.

24 Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут;
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором.
Я озреваю стол — и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором.

25 Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь — икра, и с голубым пером
Там щука пестрая — прекрасны!

26 Прекрасны потому, что взор манят мой, вкус;
Но не обилием иль чуждых стран приправой:
А что опрятно всё и представляет Русь,
Припас домашний, свежий, здравой.

27 Когда же мы донских и крымских кубки вин,
И липца, воронка и чернопенна пива
Запустим несколько в румяный лоб хмелин, —
Беседа за сластьми шутлива.

28 Но молча вдруг встаем — бьет, искрами горя,
Древ русских сладкий сок до подвенечных бревен:
За здравье с громом пьем любезного царя.
Цариц, царевичей, царевен.

29 Тут кофе два глотка; схрапну минут пяток;
Там в шахматы, в шары иль из лука стрелами,
Пернатый к потолку лаптой мечу леток
И тешусь разными играми.

30 Иль из кристальных вод, купален, между древ,
От солнца, от людей под скромным осененьем,
Там внемлю юношей, а здесь плесканье дев,
С душевным неким восхищеньем.

31 Иль в стекла оптики картинные места
Смотрю моих усадьб; на свитках грады, царства,
Моря, леса, —лежит вся мира красота
В глазах, искусств через коварства.

32 Иль в мрачном фонаре любуюсь, звезды зря
Бегущи в тишине по синю волн стремленью:

Так солнцы в воздухе, я мню, текут горя,
Премудрости ко прославленью.

33 Иль смотрим, как вода с плотины с ревом льет
И, движа ма́шину, древа на доски делит;
Как сквозь чугунных пар столпов на воздух бьет,
Клокоча огнь, толчет и мелет.

34 Иль любопытны, как бумажны руны волн
В лотки сквозь игл, колес, подобно снегу, льются
В пушистых локонах, и тьмы вдруг веретен
Марииной рукой прядутся.

35 Иль как на лен, на шелк цвет, пестрота и лоск,
Все прелести, красы, берутся с поль царицы;
Сталь жесткая, глядим, как мягкий, алый воск,
Куется в бердыши милицы.

36 И сельски ратники как, царства став щитом,
Бегут с стремленьем в строй во рыцарском убранстве,
«За веру, за царя мы, — говорят, — помрем,
Чем у французов быть вподда́нстве».

37 Иль в лодке вдоль реки, по брегу пеш, верхом,
Качусь на дрожках я соседей с вереницей;
То рыбу удами, то дичь громим свинцом,
То зайцев ловим псов станицей.

38 Иль стоя внемлем шум зеленых, черных волн,
Как дерн бугрит соха, злак трав падет косами,
Серпами злато нив, — и ароматов полн
Порхает ветр меж нимф рядами.

39 Иль смотрим, как бежит под черной тучей тень
По ко́пнам, по снопам, коврам желто-зеленым
И сходит солнышко на нижнюю степень
К холмам и рощам сине-темным.

40 Иль, утомясь, идем скирдов, дубов под сень;
На бреге Волхова разводим огнь дымистый;
Глядим, как на воду ложится красный день,
И пьем под небом чай душистый.

41 Забавно! в тьме челнов с сетьми как рыбаки,
Ленивым строем плыв, страшат тварь влаги стуком;
Как парусы суда и лямкой бурлаки
Влекут одним под песнью духом.

42 Прекрасно! тихие, отлогие брега
И редки холмики, селений мелких полны,
Как, полосаты их клоня поля, луга,
Стоят над током струй безмолвны.

43 Приятно! как вдали сверкает луч с косы
И эхо за́ лесом под мглой гамит народа,
Жнецов поющих, жниц полк и́дет с полосы,
Когда мы едем из похода.

44 Стекл заревом горит мой храмовидный дом,
На гору желтый всход меж роз осиявая,
Где встречу водомет шумит лучей дождем,
Звучит музы́ка духовая.

45 Из жерл чугунных гром по праздникам ревет;
Под звездной молнией, под светлыми древами
Толпа крестьян, их жен вино и пиво пьет,
Поет и пляшет под гудками.

46 Но скучит как сия забава сельска нам,
Внутрь дома тешимся столиц увеселеньем;
Велим талантами родных своих детям
Блистать: музы́кой, пляской, пеньем.

47 Амурчиков, харит плетень иль хоровод,
Заняв у Талии игру и Терпсихоры,
Цветочные венки пастух пастушке вьет, —
А мы на них и пялим взоры.

48 Там с арфы звучныя порывный в души гром,
Здесь *тихогрома* с струн смягченны, плавны тоны
Бегут, — и в естестве согласия во всем
Дают нам чувствовать законы.

49 Но нет как праздника, и в будни я один,
На возвышении сидя столпов перильных,
При гуслях под вечер, челом моих седин
Склонясь, ношусь в мечтах умильных, —

50 Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Мимолетящи суть все времени мечтаньи:
Проходят годы, дни, рев морь и бурей шум
И всех зефиров повеваньи.

51 Ах! где ж, ищу я вкруг, минувший красный день?
Победы слава где, лучи Екатерины?
Где Павловы дела? — Сокрылось солнце, — тень!..
Кто весть и впредь полет орлиный?

52 Вид лета красного нам Александров век;
Он сердцем нежных лир удобен двигать струны;
Блаженствовал под ним в спокойстве человек,
Но мещет днесь и он перуны.

53 Умолкнут ли они? — Сие лишь знает тот,
Который к одному концу все правит сферы;
Он перстом их своим как строй какой ведет,
Ко благу общему склоняя меры.

54 Он корни помыслов, он зрит полет всех мечт
И поглумляется безумству человеков:
Тех освещает мрак, тех помрачает свет,
И днешних и грядущих веков.

55 Грудь Россов утвердил, как стену, он в отпор
Темиру новому под Пультуском, Прейсш-лау;
Младых вождей расцвел победами там взор,
А скрыл орла седого славу.

56 Так самых светлых звезд блеск меркнет от нощей.
Что жизнь ничтожная? Моя скудельна лира!
Увы! и даже прах спахнет моих костей
Сатурн крылами с тленна мира.

57 Разрушится сей дом, засохнет бор и сад,
Не воспомянется нигде и имя Званки;
Но сов, сычей из дупл огнезеленый взгляд
И разве дым сверкнет с землянки.

58 Иль нет, Евгений! ты, быв некогда моих
Свидетель песен здесь, взойдешь на холм тот страшный,
Который тощих недр и сводов внутрь своих
Вождя, волхва, гроб кроет мрачный,

59 От коего как гром катается над ним
С булатных ржавых врат, и сбруи медной гулы
Так слышны под землей, как грохотом глухим
В лесах трясясь звучат стрел тулы.

60 Так, разве ты, отец! святым твоим жезлом
Ударив об доски, заросши мхом, железны,
И свитых вкруг моей могилы змей гнездом
Прогонишь — бледну зависть — в бездны;

61 Не зря на колесо веселых, мрачных дней,
На возвышение, на пониженье счастья,
Единой правдою меня в умах людей
Чрез Клии воскресишь согласья.

62 Так, в мраке вечности она своей трубой
Удобна лишь явить то место, где отзывы
От лиры моея шумящею рекой
Неслись чрез холмы, долы, нивы.

63 Ты слышал их, — и ты, будя твоим пером
Потомков ото сна, близ Севера столицы,
Шепнешь в слух страннику, в дали как тихий гром:
«Здесь бога жил певец, Фелицы».

1807

КРЕСТЬЯНСКИЙ ПРАЗДНИК

1 Горшки не боги обжигают,
Не всё пьют пиво богачи.
Пусть, Муза! нас хоть осуждают,
Но ты днесь в кобас пробренчи
И, всшед на холм высокий, званский,
Прогаркни праздник сей крестьянский,
Который господа дают, —
Где все молодки с молодцами,
Под балалайками, гудками,
С парнями, с девками поют.

2 Поют под пляской в песнях сельских,
Что можно и крестьянам быть
По упражненьях деревенских
Счастливым, радостным — и пить.
Раздайтесь же, круги, пошире,
И на преславном этом пире
Гуляй, удала голова!
Ничто теперь уже не диво:
Коль есть в глазах вино и пиво.
Всё, братцы, в свете трын-трава.

3 Гуляйте, бороды с усами,
Купайтесь по уши в чанах,
И вы, повойники с чепцами,
Не оставайтесь на дрожжах,
Но кто что хочет, то тяните,
Проказьте, вздорьте, курамшите;

Тут нет вины, где пир горой;
Но, в домы вшед, питьем не лейтесь,
С женой муж яицами бейтесь
Или скачите чехардой.

4 Но только, встав поутру рано,
Перекрестите шумный лоб,
Умыв водой лицо багряно;
С похмелья чару водки троп —
Уж не влекитесь больше к пьянству,
Здоровью вредну, христианству
И разорительну всем вам;
А в руки взяв серп, соху, косу,
Пребудьте, не поднявши носу,
Любезны богу, господам.

5 Не зря на ветреных французов,
Что мнили равны быть царям,
А, не подняв их вздорных грузов,
Спустилися в навоз к скотам
И днесь, как звери, с ревом, с воем
Пьют кровь немецкую разбоем,
Мечтав и Русь что мишура;
Но вы не трусы ведь, ребята,
Штыками ваша грудь рогата;
В милицьи гаркнете: ура!

6 Ура, российские крестьяне,
В труде и в бое молодцы!
Когда вы в сердце християне,
Не вероломцы, не страмцы, —
То всех пред вами див явленье,
Бесов французских наважденье
Пред ветром убежит как прах.
Вы всё на свете в грязь попрёте,
Вселенну кулаком тряхнёте,
Жить славой будете в веках.

1807

К ПРАВДЕ

Слуга, сударыня, покорный!
Пускай ты божеская дочь,
Я стал уж человек придворный
И различу, что день, что ночь.
Лет шестьдесят с тобой водился,
Лбом за тебя о стены бился,
Чтоб в верных слыть твоих слугах;
Но вижу, неба дщерь прекрасна,
Что верность та моя напрасна:
С тобой я в чистых дураках!..

1808

* * *

Уж я стою при мрачном гробе,
И полно умницей мне слыть;
Дай в пищу зависти и злобе
Мои все глупости открыть:
Я разум подклонял под веру,
Любовью веру возрождал,
Всему брал совесть в вес и меру
И мог кого прощать — прощал.
Вот в чем грехи мои, недуги,
Иль лучше пред людьми прослуги.

1808 (?)

ГЕБА

1 Из опалового неба
Со Олимпа высоты,
Вижу, и́дет юна Геба
Лучезарны красоты!
Из сосуда льет златого
В чашу злату — снедь орлу.

2 Зоблет молний царь, пернатых
Пук держа в когтях громов,
Ветр с рамен его крылатых
Вкруг шумит меж облаков.
Черно-пламенные очи
Мещет Геба на него,

3 И, улыбкою Авроры
Бранный умягчая дух,
Муз его клоня на хоры
Нежимый, палимый слух,
Вьет орел гнездо на лоне,
Оперяются птенцы!

4 Что таинственна картина?
Что явленье девы сей?
По челу — Екатерина;
По очам — огнь Павлов в ней;
По душе она — Мария,
Александр, Елисавет.

5 Так, она ему сестрою,
Искренний ее быв друг,
Будет верности душою
То творить, что и супруг,
И, царю служа полсвета,
Будет подданных пример.

6 О изящна добродетель!
О великих образ жен!
Кто, быть могши сам владетель,
Но став волей унижен,
Блеск отринул царской власти,
Чтоб отечеству служить!

7 Сим одним, Екатерина,
Именем своим одним
Ты повергла исполина
Росса ко стопам твоим.
Чем любовь твою заплатим? —
Лишь любовию одной.

8 Со Георгием на брани,
В поприще с тобой наук,
Мы сберем трофеев дани:
Грянет Александров звук!
Славься сим, Екатерина,
Славься Россиянкой быть!

1809

ШЕСТВИЕ ПО ВОЛХОВУ РОССИЙСКОЙ АМФИТРИТЫ

1 Что сияет от заката
В полнощь полудневный свет?
Средь багряна сткляна злата
Кто по Волхову плывет?
Полк тритонов трубит в трубы;
Рыб на дне сребрится бег;
Пляшут холмы, скачут ду́бы,
С плеском рук бежит вслед брег,
И шумят струи жемчужны?

2 Посидон ли с Амфитритой
Озирает ход то рек,
Чтоб, судами став покрытой,
Он довольство всюду влек?
Иль Прекраса перевозит
В Выбудцк Игоря в ладье,
Огнь к себе любви в нем множит,
Жжет и сердце им свое?
Сколь красы с геройством дружны!

3 Нет, не древних див картина
Удивляет смертных взгляд;
Шествует Екатерина
Со Георгом в Петроград!
Ладогона зрю сурова,
Снегоблещущи власы
Он взбугря чела седого

Из-под длани на красы
Взор стремит звезды полночной.

4 «Как, — гласит, — Екатерина!
Вновь мне блещет божество?
Имя, весть о ней едина
Мне восторг и торжество!»
Рек — и, взор к прекрасной дщери
Осклабляя, подал знак,
Чтоб ее весть понта в двери, —
И Нева, преклонши зрак,
В град ведет преузорочный.

5 Петрополь встает на встречу;
Башни всходят из-под волн.
Не Славенска внемлю вечу,
Слышу муз афинских звон.
Вижу, мраморы, граниты
Богу взносятся на храм;
За заслуги знамениты
В память во́ждям и царям
Зрю кумиры изваянны.

6 Вижу, Севера столица
Как цветник меж рек цветет, —
В свете всех градов царица,
И ее прекрасней нет!
Бельт в безмолвии зерцало
Держит пред ее лицем,
Чтобы прелестьми блистало
И вдали народам всем,
Как румяный отблеск зарьный.

7 Вижу лентии летучи
Разноцветны по судам;
Лес пришел из мачт дремучий
К камнетесаным брегам.
Вижу пристаней цепь, зданий,
Торжищ, стогнов чистоту,
Злачных рощ, путей, гуляний

Блеск, богатство, красоту,
Красоте царя подобну.

8 Меж народа там он зрится,
Как отец между детей;
Но здесь молния стремится
От его в строях мечей, —
И отзы́в его перуна
Уж трясет среду земну:
Он, избрав днесь во́ждя юна,
На рогатую Луну
Повелел вести брань злобну.

9 Феникс сей, из праха отча
Встав, парит во звездный круг;
Гордость, зависть, злоба, молча
В нем признав во́инский дух,
Защищать Стамбул престанут,
В Азию Магмет уйдет.
Вновь Эллады лиры грянут,
И почтит тогда весь свет
Александра алтарями.

10 Но доколе совершится
Древний сей пророчий глас,
Норда царь тем веселится,
Что меж льдов растет Парнас;
Что художества, науки,
Расцветав в его тени,
На него простерши руки,
Славословят щедры дни
И венец сулят с звездами.

11 Но всех лучше украшеньев
Милосердья алтари,
Дух мой полн там восхищеньев,
Где равны богам цари:
Вижу вдов, сирот притворы,
Рукодельи юнош, дев,
За болящими призоры

И всех нив благих посев
Зрю Марииной рукою!

12 Вижу дом весь благодатный,
Братьев, сестр — божеств собор,
Тихий нрав и, как приятный
Луч, — Елисаветин взор!
Поспешай к нам, Амфитрита,
Россов всех утешь сердца,
Да душой орла — повита
Будет юна дух птенца,
Нам рожденного тобою.

1810

НАДЕЖДА

К Федору Петровичу Львову, у коего первая супруга была Надежда

1 Луч, от света отделенный,
Льющего всем солнцам свет,
Прежде в дух мой впечатленный,
Чем он прахом стал одет,
Беспрестанно ввыспрь парящий
И с собой меня манящий
К океану своему, —
Хоть претит земли одежда,
Но несешь меня к нему
Ты желаний на крылах,
О бессмертная Надежда,
Обещательница благ!

2 Глупые мечтают смертны
О каких-то днях златых;
Суеты их неиссчетны,
Ищет целей всяк своих.
Я премены вижу света:
Зрю зимы, весны дни, лета
И осенних дней возврат;
Ста́реют, юнеют роды,
Зрю всему свой круг, свой ряд;
Но довольным не хощу
Быть теченьем сим природы, —
Всё чего-то вновь ищу.

3 Век меня Надежда льстила:
Утешала детски дни,

Храбрость мужеству дарила,
Умащала седины
И, пред близкой днесь могилой
Укрепя своею силой,
Сыплет предо мной цветы;
Вечности на праге стоя,
Жизнь люблю и суеты;
Славы мню стяжать венец;
Беспокоюсь средь покоя, —
И еще ль я не глупец?

4 Так кажусь пусть я безумным,
Пусть Надежда бред глупцов;
Но как морем жизни шумным
Утопаю средь валов,
Чем-то дух мой всё бодрится:
Должно, должно мне родиться
К лучшему чему ни есть.
Ах! коль чувство что внушает,
Ум дает и сердце весть, —
Истины то знак для нас;
Дух никак не облыгает.
Глас Надежды — божий глас.

5 Глас Надежды — сердца сладость,
Восхищение ума,
О добре грядущем радость.
Хоть невидима сама,
Но везде со мною ходит,
Время весело проводит
И в забавах и в бедах.
На нее зря, улыбаться
Буду в смертных я часах, —
И как хлад польет в крови,
Буду риз ее держаться
До объятия любви.

6 Так надежды пресекает
Лишь одна любовь полет,
Как во солнце утопает
Лучезарном искры свет.

С богом как соединимся,
В свете вечном погрузимся
Пламенем любви своей,
Смертная спадет одежда,
Мы в блистании лучей
Жизнью будем жить духо́в. —
Верь, жива твоя Надежда,
Ты ее увидишь, Львов.

1810

ЯВЛЕНИЕ

1 Лежал я на травно́м ковре зелено́м,
На берегу шумящего ручья,
Под тенносвесистым, лаплистным кленом;
От зноя не пеклася грудь моя,
И мня о сих, о тех делах отчизны,
Я в сладостном унынии дремал,
Припомня все, что претерпел в сей жизни,
Хотя и прав бывал.

2 И се с страны из рощи вылетает
Жена мне юна солнечной красы!
Как снег тончица бела обвевает
Ее орехокурчаты власы;
С очей ее блестяща отливалась
Эфира чистого лазурна даль,
Среди ланит лилейных расширялась
Заря, сквозясь в кристаль.

3 Вкруг уст ее видна была червленых
Усмешка, ласка искренней любви,
Блистали капли рос с ресниц чуть смежных;
В очах щедрота, тихий нрав в крови
Показывали мне ее в печали. —
Я зрел, иль мнил так быть в мечтаньи ей.
Но кто блаженнее, кого видали,
Как я мечтой был сей?

4 Восстал — и к ней объятья простираю;
Она же от меня уходит прочь!

Я бледность на лице ее встречаю,
Она померкла так, как лунна ночь,
Но с чувством на меня взглянув усердно,
Взор важный и глубокомудрый свой
С десницею взведя на небо звездно, —
Исчезла предо мной!

5 «Гряди в свой путь, — я рек, — небес явленье;
Гряди, — довольно я познал тебя,
И ясно все твое мне мановенье,
Я понял, как вперед вести себя:
Не стоит хвал, любви, но паче слезно
Само-блестяще на земли житье;
Но там, но там с тобой цветет любезно
Отечество мое».

1810

РИМСКОМУ НАРОДУ

1 Куда, куда еще мечи, едва вложенны
В ножны, вы обнажа стремитесь вновь ярясь?
Поля ль от вас, моря ль не много обагренны,
И мало ль ваша кровь лилась?

2 Нет, нет! — не Рим ему враждебный и надменный
Низверг и превратил в персть пламем Карфаген;
Ни вольный бриттов род, цепями отягченный,
Сквозь врат торжеств веденный в плен.

3 Так, так, — не от парфян; но собственной враждою
Своей, крамолою падет ваш славный град.
Ни волк, ни лев, как вы, с столь яростию злою
Своих собратьев не губят.

4 Что ж за слепая месть, и что за вышня сила,
Иль грех какой стремит вас? — Дайте мне ответ.
Но вы молчите! Что? — ваш бледность зрак покрыла!
Иль молний ужаснул вас свет?

5 Се строгий Рима рок, се злоба зверовидна
Как заглушает ваш братоубийством глас!
С тех пор, как Ремова кровь пролита невинна,
Лежит проклятие на вас.

1811

АРИСТИППОВА БАНЯ

1 Что вы, аркадские утехи,
Темпейский дол, гесперский сад,
Цитерски резвости и смехи
И скрытых тысячи прохлад
Средь рощ и средь пещер тенистых,
Между цветов и токов чистых, —
Пред тем, где Аристипп живет?
Что вы? — Дом полн его довольством,
Свободой, тишиной, спокойством,
И всех блаженств он чашу пьет!

2 Жизнь мудрого — жизнь наслажденья
Всем тем, природа что дает.
Не спать в свой век и с попеченья
Не чахнуть, коль богатства нет;
Знать малым пробавляться скромно,
Жить с беззаконными законно;
Чтить доблесть, не любить порок,
Со всеми и всегда ужиться,
Но только с добрыми дружиться, —
Вот в чем был Аристиппов толк!

3 Взгляните ж на него. — Он в бане!
Се роскоши и вкуса храм!
Цвет роз рассыпан на диване;
Как тонка мгла иль фимиам,
Завеса вкруг его сквозится;
Взор всюду из нее стремится,

В нее ж чуть дует ветерок;
Льет чрез камин, сквозь свод, в купальню,
В книгохранилище и спальню
Огнистый с шумом ручеек.

4 Он нежится, — и Апеллеса
Картины вкруг его стоят:
Сверкают битвы Геркулеса;
Сократ с улыбкою пьет яд;
Звучат пиры Анакреона;
Видна и ссылка Аполлона,
Стада пасет как по земле,
Как с музами свирелку ладит,
В румянец роз пастушек рядит:
Цветет спокойство на челе.

5 Иль мирт под тенью, под луною,
Он зрит, на чистом ручейке
Наяды плещутся водою,
Шумят, — их хохот вдалеке
Погодкою повсюду мчится,
От тел златых кристалл златится
И прелесть светится сквозь мрак.
Всё старцу из окна то видно;
Но нимф невинности не стыдно,
Что скрытый с них не сходит зрак.

6 А здесь, в соседственном покое,
В очках друзей его собор
Над книгой, видной на налое,
Сидит, склоня дум полный взор,
Стихов его занявшись чтеньем;
Младая дщерь на цитре пеньем
Между фиялов вторит их.
Глас мудрости живей несется,
Как дев он с розовых уст льется,
Подобно мед с сотов златых.

7 «О смертные! — поет Арета, —
Коль странники страны вы сей,

Вкушать спешите благи света:
Теченье кратко ваших дней.
Блаженство нам дарует время;
Бывает и порфира бремя,
И не прекрасна красота.
Едино счастье в том неложно,
Коль услаждать дух с чувством можно,
А все другое — суета.

8 Не в том беда, чтоб чем прельщаться,
Беда пороку сдаться в плен.
Не должен мудрым называться,
Кто духа твердости лишен.
Но если тело услаждаем
И душу благостьми питаем,
Почто с небес перуна ждать?
Для жизни человек родится,
Его стихия — веселиться;
Лишь нужно страсти побеждать.

9 И в счастии не забываться,
В довольстве помнить о других;
Добро творить не собираться,
А должно делать, — делать вмиг.
Вот мудра мужа в чем отличность!
И будет ли вредна тут пышность,
Коль миро на браду занес
И час в дом царский призывает,
Но сирота пришел, рыдает, —
Он встал, отер его ток слез?

10 Порочно ль и столов обилье,
Блеск блюд, вин запах, сладость яств,
Коль гонят прочь они уныньe,
Крепят здоровье — и приятств
Живут душой друзьям в досугах;
Коль тучный полк стоит в прислугах
И с гладу вкруг не воют псы?
Себя лишь мудрый умеряет
И смерть, как гостью, ожидает,
Крутя задумавшись усы».

11 Но вдруг вошли, пресекли пенье
От Дионисья три жены,
Мужам рожденны на прельщенье:
Как нощь — власы, лицом — луны,
Как небо — голубые взоры;
Блеск уст, ланит их — блеск Авроры,
И холмы в дар ему плодов
При персях отдают в прохладу.
«Хвала царю, — рек, — за награду;
Но выдьте вон: я философ».

12 Как? — Нет, мудрец! скорей винися,
Что ты лишь слабостью не слаб.
Без зуб воздержностью не дмися:
Всяк смертный искушенья раб.
Блажен, и в средственной кто доле
Возмог обуздывать по воле
Своих стремленье прихотей!
Но быть богатым купно святу
Так трудно, как орлу крылату
Иглы сквозь пролететь ушей.

1811

ЭХО

1 Касаюсь струн, — и гром за громом
От перстов с арфы в слух летит,
Шумит, бушует долом, бором,
В мгле шепчет с тишиной и спит;
Но вдруг, отдавшися от холма
Возвратным грохотаньем грома,
Гремит и удивляет мир:
Так ввек бессмертно эхо лир.

2 О мой Евгений! коль Нарциссом
Тобой я чтусь, — скалой мне будь;
И как покроюсь кипарисом,
О мне твердить не позабудь.
Пусть лирой я, а ты трубою
Играя, будем жить с тобою,
На Волхове как чудный шум
Тьмой гулов удивляет ум.

3 Увы! лишь в свете вспоминаньем
Бессмертен смертный человек:
Нарцисс жил нимфы отвечаньем, —
Чрез муз живут пииты ввек.
Пусть в персть тела их обратятся,
Но вновь из персти возродятся,
Как ожил Пиндар и Омир
От Данта и Петрарка лир.

4 Так, знатна часть за гробом мрачным
Останется еще от нас,
А паче свитком беспристрастным
О ком воскликнет Клиин глас, —
Тогда и Фивов разоритель
Той самой Званки был бы чтитель,
Где Феб беседовал со мной. —
Потомство воззвучит — с тобой.

1811

К МЕЦЕНАТУ

1 Сабинского вина, простого,
Немного из больших кувшинов
Днесь выпьем у меня, Мецен!
Что сам, на греческих вин гнезда
Налив, я засмолил в тот день,

2 Когда, любезнейший мой рыцарь,
Народ тебя встречал в театре
Со плеском рук, — и гром от хвал
Твоих с брегов родимых Тибра
Звучал сверх Ватиканских гор.

3 Ты у себя вино секубско
И сладки пьешь калесски соки;
Но у меня их нет, и грозд
Ни формианский, ни фалернский
Моих не благовонит чаш.

‹1811›

ПОЛИГИМНИИ

1 Муза Эллады, пылкая Сафа,
Северных стран Полигимния!
Твоя ли сладкозвучная арфа?
Твои ли то струны златые,
Что, молнии в души бросая,
Что, громами тихо гремя,
Грудь раздробляют мою!

2 Иль, о румянощека, чернокудра,
Агатовоокая дева!
Ты мне древнего слога премудра
Витиев эольских напева
С розовых уст глас проливаешь?
Слышу журчащие токи
И во гармоньи тону!

3 Так ты, греко-российска Харита!
Вблизи как меня восседая,
Коснулась во мне дланью пиита,
Со мной однодушно дыхая,
Мой гимн возглашаючи богу;
Сердце во мне вспламенялось,
Слезы ручьями лились!

4 И если б миг еще продолжила
Твое небозвучное чтенье,
Всю жизнь бы мою, как былье, спалила,
Растаял бы я в восхищенье,

Юной красой упояся,
Блаженства снести бы не мог,
Умер, любовью сгорев.

5 Но холодная старость, седая,
Бледным покрыв щитом костяным,
Стрелы твоих очес отражая,
Хоть упасть ко стопам мне твоим
Строго тогда воспретила,
Избег я тебя, — но твой взгляд,
Луч как в льде, блещет во мне.

6 Зрится в моем, горит воображенье,
Ах! как солнце твоя красота!
Слышу тобой мое выраженье,
И очаровательна мечта
Всю душу мою наполняет
Пеньем твоим песен моих. —
Буду я, буду бессмертен!

⟨1816⟩

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПРИНОШЕНИЕ КРАСАВИЦАМ

Вам, красавицы младые,
И супруге в дар моей
Песни Леля золотые
Подношу я в книжке сей.
Нравиться уж я бессилен
И копьем и сайдаком,
Дурен, стар и не умилен:
Бью стихами вам челом.
Бью челом; и по морозам
Коль вы ездите в санях,
Летом ходите по розам,
По лугам и муравам, —
То и праха не лобзаю
Я прелестных ваших ног;
Чувствы те лишь посвящаю,
Что любви всесильный бог
С жизнью самой в кровь мне пламень,
В душу силу влил огня;
Сыплют искры снег и камень
Под стопами у меня.

1801

ПЛАМИДЕ

1 Не сожигай меня, Пламида,
Ты тихим голубым огнем
Очей твоих; от их я вида
Не защищусь теперь ничем.

2 Хоть был бы я царем вселенной
Иль самым строгим мудрецом, —
Приятностью, красой сраженной,
Твоим был узником, рабом.

3 Все: мудрость, скипетр и державу,
Я отдал бы любви в залог,
Принес тебе на жертву славу
И у твоих бы умер ног.

4 Но слышу, просишь ты, Пламида,
В задаток несколько рублей:
Гнушаюсь я торговли вида,
Погас огонь в душе моей.

1770; 1802

НИНЕ

1 Не лобызай меня так страстно,
Так часто, нежный, милый друг!
И не нашептывай всечасно
Любовных ласк своих мне в слух;
Не падай мне на грудь в восторгах,
Обняв меня, не обмирай.

2 Нежнейшей страсти пламя скромно;
А ежели чрез меру жжет
И удовольствий чувство полно, —
Погаснет скоро и пройдет.
И ах! тогда придет вмиг скука,
Остуда, отвращенье к нам.

3 Желаю ль целовать стократно,
Но ты целуй меня лишь раз,
И то пристойно, так, бесстрастно,
Без всяких сладостных зараз,
Как брат сестру свою целует:
То будет вечен наш союз.

1770 ⟨1804⟩

ПЕНИ

1 Достигнул страшный слух ко мне,
Что стал ты лжив и лицемерен;
В твоей отеческой стране,
О льстец! мне сделался неверен.
Ты нежности, которы мне
Являл любви твоей в огне,
Во страсти новой погружаешь;
О мне не мнишь, не говоришь,
Другой любовь свою даришь,
Меня совсем позабываешь.

2 Те речи, те слова в устах,
Меня которые ласкали;
Те тайны взгляды во очах,
Которые меня искали;
Те вздохи пламенной любви;
Те нежны чувствия в крови;
То сердце, что меня любило;
Душа, которая жила,
Чтоб я душой ее была, —
Ах! всё, всё, всё мне изменило!

3 Кого ж на свете почитать
За справедливого возможно,
Когда и ты уж уверять
Меня не постыдился ложно?
Ты бог мой был, ты клятву дал,
Ты ныне клятву ту попрал. —

О льстец, в злых хитростях отменной!
Но нет, не клятве сей
Я верила — душе твоей,
Судивши по своей влюбленной.

4 К несчастию тому, что мне
Ты стал толико вероломен,
Любви неистовой в огне,
Я слышу, до того нескромен,
Что клятвы, славу, честь,
На жертву не страшась принесть,
Всё, говорят, сказал подробно,
Как мной любим ты страстно был. —
Любя, любви кто изменил,
В том сердце все на злость способно.

5 А кто один хоть только раз
Бессовестен быть смел душею,
Тот всякий день, тот всякий час
Быть может вечно вреден ею.
Так ты, так ты таков-то лют! —
Ах нет! — Средь самых тех минут,
Когда тебя я ненавижу,
Когда тобою скорбь терплю,
С тобой я твой порок люблю,
В тебе еще всё прелесть вижу.

6 Мой свет! коль ты ко мне простыл,
Когда тебе угодно стало,
Чтоб сердце, кое ты любил,
Тебя уж больше не прельщало:
Так в те мне скучные часы,
Как зришь уж не во мне красы,
Не мне приятностьми лаская,
Сидишь с прелестницей своей, —
Отраду дай душе моей,
Меня хоть в мыслях вображая.

7 Представь уста, — отколь любовь
Любовными ты пил устами;
Представь глаза, — миг каждый вновь

Отколь мой жар ты зрел очами;
Вообрази тот вид лица,
Что всех тебе царей венца
И всей приятней был вселенной. —
Ах! вид, тот вид уже не сей:
Лишенная любви твоей,
Я зрю себя всего лишенной.

8 Жалей о мне, — и за любовь
Оставленной твоей любезной,
Прошу, не проливай ты кровь,
Одной пожертвуй каплей слезной,
Поплачь и потужи стеня.
Иль хоть обманывай меня,
Скажи, что ты нелицемерен,
Скажи, — и прекрати злой слух.
Дражайший мой любовник, друг!
Коль можно, сделайся мне верен.

1772 ⟨1808⟩

РАЗЛУКА

Неизбежным уже роком
Расстаешься ты со мной,
Во стенании жестоком
Разлучаюсь я с тобой;
Обливаяся слезами,
Не могу тоски снести,
Не могу сказать словами,
Сердцем говорю: прости.
Белы руки, милы очи
Я целую у тебя.
Нету силы, нету мочи
Мне уехать от тебя.
Лобызая, обмирая,
Тебе душу отдаю
Иль из уст твоих желаю
Душу взять с собой твою.

Первая пол. 70-х гг.

СОНЕТ

1 Красавица, не трать ты времени напрасно
И знай, что без любви все в свете суеты:
Жалей и не теряй прелестной красоты,
Чтоб после не тужить, что век прошел несчастно.

2 Любися в младости, доколе сердце страстно;
Как сей век пролетит, ты будешь уж не ты.
Плети себе венки, покуда есть цветы,
Гуляй в садах весной, а осенью ненастно.

3 Взгляни когда, взгляни на розовый цветок,
Тогда, когда уже завял ее листок:
И красота твоя подобно ей завянет.

4 Не трать своих ты дней, доколь ты не стара,
И знай, что на тебя никто тогда не взглянет,
Когда, как розы сей, пройдет твоя пора.

Первая пол. 70-х гг.

Титульный лист сборника «Анакреонтические песни».

ПИКНИКИ

1 Оставя беспокойство в граде
И всё, смущает что умы,
В простой приятельской прохладе
Свое проводим время мы.

2 Невинны красоты природы
По холмам, рощам, островам,
Кустарники, луга и воды —
Приятная забава нам.

3 Мы положили меж друзьями
Законы равенства хранить;
Богатством, властью и чинами
Себя отнюдь не возносить.

4 Но если весел кто, забавен,
Любезнее других тот нам;
А если скромен, благонравен,
Мы чтим того не по чинам.

5 Нас не касаются раздоры,
Обидам места не даем;
Но, души всех, сердца и взоры
Совокупя, веселье пьем.

6 У нас не стыдно и герою
Повиноваться красотам;
Всегда одной дышать войною
Прилично варварам, не нам.

У нас лишь для того собранье,
Чтоб в жизни сладость почерпать;
Любви и дружества желанье —
Между собой цветы срывать.

Кто ищет общества, согласья,
Приди повеселись у нас;
И то для человека счастье,
Когда один приятен час.

1776

КРУЖКА

1 Краса пирующих друзей,
Забав и радостей подружка,
Предстань пред нас, предстань скорей,
Большая сребряная кружка!
Давно уж нам в тебя пора
Пивца налить
И пить.
Ура! ура! ура!

2 Ты дщерь великого ковша,
Которым предки наши пили;
Веселье их была душа,
В пирах они счастливо жили.
И нам, как им, давно пора
Счастливым быть
И пить.
Ура! ура! ура!

3 Бывало, старики в вине
Свое всё потопляли горе,
Дралися храбро на войне:
Ведь пьяным по колени море!
Забыть и нам всю грусть пора,
Отважным быть
И пить.
Ура! ура! ура!

4 Бывало, дольше длился век,
Когда диет не наблюдали;
Был здрав и счастлив человек,

Как только пили да гуляли.
Давно гулять и нам пора,
Здоровым быть
И пить.
Ура! ура! ура!

5 Бывало, пляска, резвость, смех,
В хмелю друг друга обнимают;
Теперь наместо сих утех
Жеманством, лаской угощают.
Жеманство нам прогнать пора,
Но просто жить
И пить.
Ура! ура! ура!

6 В садах, бывало, средь прохлад
И жены с нами куликают,
А ныне клоб да маскерад
И жен уж с нами разлучают.
Французить нам престать пора,
Но Русь любить
И пить.
Ура! ура! ура!

7 Бывало — друга своего,
Теперь карманы посещают;
Где вист, да банк, да макао,
На деньги дружбу там меняют.
На карты нам плевать пора,
А скромно жить
И пить.
Ура! ура! ура!

8 О сладкий дружества союз,
С гренками пивом пенна кружка!
Где ты наш услаждаешь вкус,
Мила там, весела пирушка.
Пребудь ты к нам всегда добра:
Мы станем жить
И пить.
Ура! ура! ура!

1777

НЕВЕСТЕ

1 Хотел бы похвалить, но чем начать, не знаю.
Как роза ты нежна, как ангел хороша,
Приятна как любовь, любезна как душа;
Ты лучше всех похвал; тебя я обожаю.

2 Нарядом мнят придать красавице приятство.
Но льзя ль алмазами милей быть дурноте?
Прелестнее ты всех в невинной простоте:
Теряет на тебе сияние богатство.

3 Лилеи на холмах груди твоей блистают,
Зефиры кроткие во нрав тебе даны,
Долинки на щеках — улыбки зарь, весны;
На розах уст твоих — соты благоухают.

4 Как по челу власы ты рассыпаешь черны,
Румяная заря глядит из темных туч;
И понт как голубый пронзает звездный луч,
Так сердца глубину провидит взгляд твой
скромный.

5 Но я ль, описывать красы твои дерзая,
Все прелести твои изобразить хочу?
Чем больше я прельщен, тем больше я молчу:
Собор в тебе утех, блаженство вижу рая!

6 Как счастлив смертный, кто с тобой проводит
время!
Счастливее того, кто нравится тебе.
В благополучии кого сравню себе,
Когда златых оков твоих несть буду бремя?

1778

ПРЕПЯТСТВИЕ К СВИДАНИЮ С СУПРУГОЙ

Что начать во утешенье
Без возлюбленной моей?
Сердце! бодрствуй в сокрушенье,
Я увижусь скоро с ней;
Мне любезная предстанет
В прежней нежности своей,
И внимать, как прежде, станет
Нежности она моей.
Сколько будет разговоров!
Сколько радостей прямых!
Сколько милых, сладких взоров,
Лучше и утех самих!
Укротися же, стихия,
Подстелися, путь, стопам;
Для жены моей младыя
Должно быть послушным вам.
Так, свирепыми волнами
Сколько с нею ни делюсь,
Им не век шуметь со льдами, —
С нею вечен мой союз.
Не страшился б я ввергаться
В волны яры для нея,
Но навеки с ней расстаться, —
Жизнь мне дорога моя.
Жизнь утехи и покою!
Возвратись опять ко мне;
Жить с толь милою женою
Рай во всякой стороне;

Там веселия сердечны,
Сладки, нежны чувствы там;
Там блаженствы бесконечны,
Лишь приличные богам.

1778

НА РОЖДЕНИЕ В СЕВЕРЕ ПОРФИРОРОДНОГО ОТРОКА

С белыми Борей власами
И с седою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжимал рукой;
Сыпал инеи пушисты
И метели воздымал,
Налагая цепи льдисты,
Быстры воды оковал.
Вся природа содрогала
От лихого старика;
Землю в камень претворяла
Хладная его рука;
Убегали звери в норы,
Рыбы крылись в глубинах,
Петь не смели птичек хоры,
Пчелы прятались в дуплах;
Засыпали нимфы с скуки
Средь пещер и камышей,
Согревать сатиры руки
Собирались вкруг огней.
В это время столь холодно,
Как Борей был разъярен,
Отроча порфирородно
В царстве Северном рожден.
Родился, — и в ту минуту
Перестал реветь Борей;
Он дохнул, — и зиму люту
Удалил Зефир с полей;

Он воззрел, — и солнце красно
Обратилося к весне;
Он вскричал, — и мир согласно
Звук разнесся в сей стране;
Он простер лишь детски руки, —
Уж порфиру в руки брал;
Раздались громовы звуки,
И весь Север воссиял.
Я увидел в восхищеньи
Растворен судеб чертог;
И подумал в изумленьи:
«Знать, родился некий бог».
Гении к нему слетели
В светлом облаке с небес;
Каждый гений к колыбели
Дар рожденному принес:
Тот принес ему гром в руки
Для предбудущих побед;
Тот художества, науки,
Украшающие свет;
Тот обилие, богатство,
Тот сияние порфир;
Тот утехи и приятство,
Тот спокойствие и мир;
Тот принес ему телесну,
Тот душевну красоту;
Прозорливость тот небесну,
Разум, духа высоту.
Словом: все ему блаженства
И таланты подаря,
Все влияли совершенства,
Составляющи царя;
Но последний, добродетель
Зарождаючи в нем, рек:
«Будь страстей твоих владетель,
Будь на троне человек!»
Все крылами восплескали,
Каждый гений восклицал:
«Се божественный, — вещали, —
Дар младенцу он избрал!
Дар, всему полезный миру!

Дар, добротам всем венец!
Кто приемлет с ним порфиру,
Будет подданным отец!» —
«Будет, — и судьбы гласили, —
Он монархам образец!»
Лес и горы повторили:
«Утешением сердец!» —
Сим Россия восхищенна
Токи слезны пролила,
На колени преклоненна,
В руки отрока взяла;
Восприяв его, лобзает
В перси, очи и уста;
В нем геройство возрастает,
Возрастает красота.
Все его уж любят страстно,
Всех сердца уж он возжёг:
Возрастай, дитя прекрасно!
Возрастай, наш полубог!
Возрастай, уподобляясь
Ты родителям во всем;
С их ты матерью равняясь,
Соравняйся с божеством.

1779

РАЗНЫЕ ВИНА

1 Вот красно-розово вино,
За здравье выпьем жен румяных.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст багряных!
Ты тож румяна, хороша, —
Так поцелуй меня, душа!

2 Вот черно-тинтово вино,
За здравье выпьем чернобровых.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст пунцовых!
Ты тож, смуглянка, хороша, —
Так поцелуй меня, душа!

3 Вот злато-кипрское вино,
За здравье выпьем светловласых.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст прекрасных!
Ты тож, белянка, хороша, —
Так поцелуй меня, душа!

4 Вот слезы ангельски вино,
За здравье выпьем жен мы нежных.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст любезных!
Ты тож нежна и хороша, —
Так поцелуй меня, душа!

1782

ФИЛОСОФЫ, ПЬЯНЫЙ И ТРЕЗВЫЙ

Пьяный

1 Сосед! на свете все пустое:
Богатство, слава и чины;
А если за добро прямое
Мечты быть могут почтены, —
То здраво и покойно жить,
С друзьями время проводить,
Красот любить, любимым быть
И с ними сладко есть и пить.

Как пенится вино прекрасно!
Какой в нем запах, вкус и цвет!
Почто терять часы напрасно?
Нальем, любезный мой сосед!

Трезвый

2 Сосед! на свете не пустое
Богатство, слава и чины;
Блаженство сыщем в них прямое,
Когда мы будем лишь умны,
Привыкнем прямо честь любить,
Умеренно, в довольстве жить,
По самой ну́жде есть и пить, —
То можем все счастливы быть.

Пусть пенится вино прекрасно,
Пусть запах в нем хорош и цвет;

Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед.

Пьяный

3 Гонялся я за звучной славой,
Встречал я смело ядры лбом;
Сей зверской упоен отравой,
Я был ужасным дураком.
Какая польза страшным быть,
Себя губить, других мертвить,
В убийстве время проводить?
Безумно на убой ходить.

Как пенится вино прекрасно!
Какой в нем запах, вкус и цвет!
Почто терять часы напрасно?
Нальем, любезный мой сосед!

Трезвый

4 Гоняться на войне за славой
И с ядрами встречаться лбом
Велит тому рассудок здравой,
Кто лишь рожден не дураком:
Царю, отечеству служить,
Чад, жен, родителей хранить,
Себя от плена боронить —
Священна должность храбрым быть!

Пусть пенится вино прекрасно,
Пусть запах в нем хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед.

Пьяный

5 Хотел я сделаться судьею,
Законы свято соблюдать, —
Увидел, что кривят душею,
Где должно сильных осуждать.
Какая польза так судить?
Одних щадить, других казнить

И совестью своей шутить?
Смешно в тенета мух ловить.

Как пенится вино прекрасно!
Какой в нем запах, вкус и цвет!
Почто терять часы напрасно?
Нальем, любезный мой сосед!

Трезвый

6 Когда судьба тебе судьею
В судах велела заседать, —
Вертеться ну́жды нет душею,
Когда не хочешь взяток брать.
Как можно так и сяк судить,
Законом правду тенетить
И подкупать себя пустить?
Судье злодеем страшно быть!

Пусть пенится вино прекрасно,
Пусть запах в нем хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед.

1789

К ЭВТЕРПЕ

1 Пой, Эвтерпа дорогая!
В струны арфы ударяй,
Ты, поколь весна младая,
Пой, пляши и восклицай.
Ласточкой порхает радость,
Кратко соловей поет:
Красота, приятность, младость
Не увидишь, как пройдет.

2 Бранным шлемом покровенный,
Марс своей пусть жертвы ждет;
Рано ль, поздо ль — побежденный
Голиаф пред ним падет;
Вскинет тусклый и багровый
С скрежетом к нему свой взгляд
И венец ему лавровый,
Хоть не хочет, да отдаст.

3 Пусть придворный суетится
За фортуною своей,
Если быть ему случится
И наперсником у ней:
Рано ль, поздо ль он наскучит
Кубариться кубарем;
Нас фортуна часто учит
Горем быть *богатырем.*

4 Время все переменяет:
Птиц умолк весенних свист,

Лето знойно пробегает,
Трав зеленых вянет лист;
Идет осень златовласа,
Спелые несет плоды:
Красно-желта ее ряса
Превратится скоро в льды.

5 Марс устанет, — и любимец
Счастья во́зьмет свой покой;
У твоих ворот и крылец
Царедворец и герой
Брякнут в кольцы золотые:
Ты с согласия отца
Бросишь взоры голубые
И зажжешь у них сердца.

6 С сыном неги Марс заспорит
О любви твоей к себе,
Сына неги он поборет
И понравится тебе;
Качествы твои любезны
Всей душою полюбя,
Опершись на щит железный
Он воздремлет близ тебя.

7 Пой, Эвтерпа молодая!
Прелестью своей плени;
Бога браней усыпляя,
Гром из рук его возьми.
Лавром голова нагбенна
К персям склонится твоим,
И должна тебе вселенна
Будет веком золотым.

1789

АНАКРЕОН В СОБРАНИИ

Нежный, нежный воздыхатель,
О певец любви и неги!
Ты когда бы лишь увидел
Столько нимф и столько милых,
Без вина бы и без хмелю
Ты во всех бы в них влюбился;
И в мечте иль в восхищеньи
Ты бы видел, будто въяве:
На станице птичек белых
Во жемчужной колеснице,
Как на облачке весеннем
Тихим воздуха дыханьем,
Со колчаном вьется мальчик,
С позлащенным легким луком,
И туда-сюда летает;
И садится он по нимфам,
То на ту, то на иную,
Как садятся желты пчелы
На цветы в полях младые.
Он у той блистал во взглядах,
У иной блистал в улыбке
И пускал оттуда жалы,
Как лучи пускает солнце.
Жалы были ядовиты,
Но и меду были слаще,
Не летали они мимо,
Попадали они в душу,

И душа б твоя томилась,
Уязвленная любовью;
Лишь Паллады щит небесной
Утолил твои бы вздохи.

1791

АМУР И ПСИШЕЯ

1 Амуру вздумалось Псишею,
Резвяся, поимать,
Опутаться цветами с нею
И узел завязать.

2 Прекрасна пленница краснеет
И рвется от него;
А он как будто бы робеет
От случая сего.

3 Она зовет своих подружек,
Чтоб узел развязать;
И он своих крылатых служек,
Чтоб помочь им подать.

4 Приятность, младость к ним стремятся
И им служить хотят;
Но узники не суетятся,
Как вкопаны стоят.

5 Ни крылышком Амур не тронет,
Ни луком, ни стрелой;
Псишея не бежит, не стонет,
Свились, как лист с травой.

6 Так будь, чета, век нераздельна,
Согласием дыша:
Та цепь тверда, где сопряженна
С любовию душа.

1793

САФЕ

1 Когда брала ты арфу в руки
Воспеть твоей подруги страсть,
Протяжные и тихи звуки
Над сердцем нежным сильну власть
Любви твоей изображали, —
Но ревность лишь затмила ум,
Громчайши гласы побежали,
И приближался бурный шум.

2 Тогда бело-румяны персты
По звучным воспрыгали струнам,
Взор черно-огненный, отверстый
И молния вослед громам
Блистала, жгла и поражала
Всю внутренность души моей;
Смерть бледный хлад распространяла,
Я умирал игрой твоей.

3 О! если бы я был Фаоном
И пламень твой мою б жег кровь, —
Твоим бы страстным, пылким тоном
Я описал свою любовь.
Тогда с моей всесильной лиры
Зефир и гром бы мог лететь:
Как ты свою, так я Плениры
Изобразил бы жизнь и смерть.

1794

ПРИЗЫВАНИЕ И ЯВЛЕНИЕ ПЛЕНИРЫ

1 Приди ко мне, Пленира,
В блистании луны,
В дыхании зефира,
Во мраке тишины!
Приди в подобьи тени,
В мечте иль легком сне
И, седши на колени,
Прижмися к сердцу мне;
Движения исчисли,
Вздыхания измерь
И все мои ты мысли
Проникни и поверь:
Хоть острый серп судьбины
Моих не косит дней,
Но нет уж половины
Во мне души моей.

2 Я вижу, ты в тумане
Течешь ко мне рекой,
Пленира! на диване
Простерлась надо мной,
И легким осязаньем
Уст сладостных твоих,
Как ветерок дыханьем,
В объятиях своих
Меня ты утешаешь
И шепчешь нежно в слух:
«Почто так сокрушаешь

Себя, мой милый друг?
Нельзя смягчить судьбину,
Ты сколько слез ни лей;
Миленой половину
Займи души твоей».

1794

ПЧЕЛКА

1 Пчелка златая!
Что ты жужжишь?
Всё вкруг летая,
Прочь не летишь?
Или ты любишь
Лизу мою?

2 Соты ль душисты
В желтых власах,
Розы ль огнисты
В алых устах,
Сахар ли белый
Грудь у нее?

3 Пчелка златая!
Что ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мне говоришь:
«К меду прилипнув,
С ним и умру».

1794

МЕЧТА

1 Вошед в шалаш мой торопливо,
Я вижу: мальчик в нем сидит
И в уголку кремнем в огниво,
Мне чудилось, звучит.

2 Рекою искры упадали
Из рук его, во тьме горя,
И розы по лицу блистали,
Как утрення заря.

3 Одна тут искра отделилась
И на мою упала грудь,
Мне в сердце, в душу заронилась:
Не смела я дохнуть.

4 Стояла бездыханна, млела
И с места не могла ступить;
Уйти хотела, не умела, —
Не то ль зовут *любить?*

5 Люблю! — кого? — сама не знаю.
Исчез меня прельстивший сон;
Но я с тех пор, с тех пор страдаю,
Как бросил искру он.

6 Тоскует сердце! Дай мне руку,
Почувствуй пламень сей мечты,
Виновна ль я? Прерви мне муку:
Любезен, мил мне ты.

1794

СПЯЩИЙ ЭРОТ

Ходя в рощице тенистой,
Видел там Эрота я.
На полянке роз душистой
Спал прекрасное дитя.
Сквозь приятный сон, умильный,
Смех сиял в лице его,
Будто яблочки наливны
Рделись щеки у него.
Почивая безоружным,
Снежной грудью он блестел,
По ветвям, над ним окружным,
Лук спущéнный, ́тул висел.
Пчелы вкруг его летали,
Как на роз шумящий куст,
Капли меду собирали
С благовонных сладких уст.
В рощу грации вбежали
И, нашед Эрота в ней,
Потихоньку привязали
К красоте его своей.
Разбудя ж его, плясали
Средь цветочных с ним оков:
Неразлучны с тех пор стали. —
Где приятность, тут любовь.

1795

К АНЖЕЛИКЕ КАУФМАН

Живописица преславна,
Кауфман! подруга муз!
Если в кисть твою влиянна
Свыше живость, чувство, вкус,
И, списав данаев, древних
Нам богинь и красных жен,
Пережить в своих бесценных
Ты могла картинах тлен, —
Напиши мою Милену,
Белокурую лицом,
Стройну станом, возвышенну,
С гордым несколько челом;
Чтоб похожа на Минерву
С голубых была очей,
И любовну искру перву
Ты зажги в душе у ней;
Чтоб, на всех взирая хладно,
Полюбила лишь меня;
Чтобы сердце безотрадно
В гроб с Пленирой схороня,
Я нашел бы в ней обратно
И, пленясь ее красой,
Оживился бы стократно
Молодой моей душой.

1795

АНАКРЕОН У ПЕЧКИ

1 Случись Анакреону
Марию посещать;
Меж ними Купидону,
Как бабочке, летать.

2 Летал божок крылатый
Красавицы вокруг,
И стрелы он пернаты
Накладывал на лук.

3 Стрелял с ее небесных
И голубых очей,
И с роз в устах прелестных,
И на грудях с лилей.

4 Но арфу как Мария
Звонча́тую взяла
И в струны золотыя
Свой голос издала, —

5 Под алыми перстами
Порхал резвее бог,
Острейшими стрелами
Разил сердца и жёг.

6 Анакреон у печки
Вздохнул тогда сидя,
«Как бабочка от свечки,
Сгорю, — сказал, — и я».

1795

ГОСТЮ

1 Сядь, милый гость! здесь на пуховом
Диване мягком, отдохни;
В сем тонком пологу, перловом,
И в зеркалах вокруг, усни;
Вздремли, после стола немножко
Приятно часик похрапеть:
Златой кузнечик, сера мошка
Сюда не могут залететь.

2 Случится, что из снов прелестных
Приснится здесь тебе какой:
Хоть клад из облаков небесных
Златой посыплется рекой,
Хоть девушки мои домашни
Рукой тебе махнут, — я рад:
Любовные приятны шашни,
И поцелуй в сей жизни клад.

1795

ХАРИТЫ

По следам Анакреона
Я хотел воспеть харит,
Феб во гневе с Геликона
Мне предстал и говорит:
«Как! и ты уже небесных
Дев желаешь воспевать? —
Столько прелестей бессмертных
Хочет смертный описать!
Но бывал ли на высоком
Ты Олимпе у богов?
Обнимал ли бренным оком
Ты веселье их пиров?
Видел ли харит пред ними,
Как, под звук приятных лир,
Плясками они своими
Восхищают горний мир;
Как с протяжным тихим тоном
Важно павами плывут;
Как с веселым быстрым звоном
Голубками воздух вьют;
Как вокруг они спокойно
Величавый мещут взгляд;
Как их всех движеньи стройно
Взору, сердцу говорят?
Как хитоны их эфирны,
Льну подобные власы,
Очи светлые, сафирны
Помрачают всех красы?

Как богини всем собором
Признают: им равных нет,
И Минерва важным взором
Улыбается им вслед?
Словом: видел ли картины,
Непостижные уму?» —
«Видел внук Екатерины», —
Я ответствовал ему.
Бог Парнаса усмехнулся,
Дав мне лиру, отлетел. —
Я струнам ее коснулся
И младых харит воспел.

1795

ДРУГУ

1 Пойдем сегодня благовонный
Мы черпать воздух, друг мой! в сад,
Где вязы светлы, сосны темны
Густыми купами стоят,
Который с милыми друзьями,
С подругами сердец своих
Садили мы, растили сами:
Уж ныне тень приятна в них.

2 Пусть Даша статна, черноока
И круглолицая, своим
Взмахнув челом, там у потока,
А белокурая живым
Нам Лиза, как зефир, порханьем
Пропляшут вместе казачка,
И нектар с пламенным сверканьем
Их розова подаст рука.

3 Мы, сидя там в тени древесной,
За здравье выпьем всех людей:
Сперва за женский пол прелестной,
За искренних своих друзей;
Потом за тех, кто нам злодеи:
С одними нам приятно быть;
Другие же, как скрыты змеи,
Нас учат осторожно жить.

1795

ПОТОПЛЕНИЕ

1 Из-за облак месяц красный
Встал и смотрится в реке,
Сквозь туман и мрак ужасный
Путник едет в челноке.

2 Блеск луны пред ним сверкает,
Он гребет сквозь волн и тьму;
Мысль веселье воображает,
Берег видится ему.

3 Но челнок вдруг погрузился,
Путник мрачну пьет волну;
Сколь ни силился, ни бился,
Камнем вниз пошел ко дну.

4 Се вид жизни скоротечной!
Сколь надежда нам ни льсти,
Все потонем в бездне вечной,
Дружба и любовь, прости!

1796

ПОБЕДА КРАСОТЫ

1 Как храм Ареопаг Палладе,
Нептуна презря, посвятил,
Притек к афинской лев ограде
И ревом городу грозил.

2 Она копья непобедима
Ко ополченью не взяла,
Противу льва неукротима
С Олимпа Геву призвала.

3 Пошла — и под оливой стала,
Блистая легкою броней,
Младую нимфу обнимала,
Сидящую в тени ветвей.

4 Лев шел, — и под его стопою
Приморский влажный брег дрожал,
Но встретясь вдруг со Красотою,
Как солнцем пораженный, стал.

5 Вздыхал и пал к ногам лев сильный,
Прелестну руку лобызал
И чувствы кроткие, умильны
В сверкающих очáх являл.

6 Стыдлива дева улыбалась,
На молодого льва смотря,
Кудрявой гривой забавлялась
Сего звериного царя.

7 Минерва мудрая познала
Его родящуюся страсть,
Цветочной цепью привязала
И отдала любви во власть.

8 Не раз потом уже случалось,
Что ум смирял и ярость львов,
Красою мужество сражалось,
И побеждала всё любовь.

1796

КРЕЗОВ ЭРОТ

1 Я у Креза зрел Эрота:
Он расплакавшись сидел
Среди мраморного грота,
Окруженный лесом стрел.

2 Пуст колчан был, лук изломан,
Опущенна тетива,
Факел хладом околдован,
Чуть струилась синева.

3 Что, сказал я, так слезами
Льется сей крылатый бог?
Иль толикими стрелами
В сердце чье попасть не мог?

4 Иль его бессилен пламень?
Тщетен ток опасных слез?
Ах! нашла коса на камень,
Знать, любить не может Крез.

1796

БОЙ

Предо мной хотел горою
Хладный Север в бое стать,
Если мне Любовь свечою
Придет душу зажигать.
Вмиг с пером седым, кудрявым
На меня надел шелом,
Воружил лицом багряным
И с морщинами челом,
Дал копье мне ледяное,
Препоясал вкруг мечом,
Сердце мне вложил такое,
Что смотрел я Сентябрем.
На доспехи положася
И что весь я ледяной,
Я, красавиц не страшася,
Звал Любовь с собою в бой.
Тут, откуда ни возьмися,
Предо мною Лель предстал,
Красной девой нарядился,
«Переведайся», — сказал.
Выступил я смело к бою,
Наложа на сердце щит,
Меч рукой, копье другою
Я подняв хотел разить.
Почал Лель перить в щит стрелы,
А доспехи жечь свечой;
Стрелы, падая, шипели,
Шлем блистал на мне зарей.

Я уж думал, бой свершился
И что я-то был герой;
Лель упорством рассердился,
Сам вскочил мне в грудь стрелой:
В части мелкие кольчуга
Разлетелась, — я стал наг.
Ах! тщетна защита друга,
Ежели уж в сердце враг.

1796

К МУЗЕ

1 Строй, Муза, арфу золотую
И юную весну воспой:
Как нежною она рукой
На небо, море — голубую,
На долы и вершины гор
Зелену ризу надевает,
Вкруг ароматы разливает,
Всем осклабляет взор.

2 Смотри: как цепью птиц станицы
Летят под небом и трубят;
Как жаворонки вверх парят;
Как гусли тихи иль цевницы,
Звенят их гласы с облаков;
Как ключ шумит, свирель взывает
И между всех их пробегает
Свист громкий соловьев.

3 Смотри: в проталинах желтеют,
Как звезды, меж снегов цветы;
Как распустившись роз кусты
Смеются в люльках и алеют;
Сквозь мглу восходит злак челом,
Леса ветвями помавают,
По рдяну вод стеклу мелькают
Вверх рыбы серебром.

4 Смотри: как солнце золотое
Днесь лучезарнее горит;
Небесное лице глядит
На всех, веселое, младое;
И будто вся играет тварь,
Природа блещет, восклицает:
Или какой себя венчает
Короной мира царь?

1797

ПРИШЕСТВИЕ ФЕБА

1 Тише, тише, ветры, вейте,
Благовонием дыша;
Пурпуровым златом рдейте,
Воды, долы, — и душа,
Спящая в лесах зеленых,
Гласов, эхов сокровенных,
Пробудися светлым днем:
Встань ты выше, выше, холм!

2 В лучезарной колеснице
От востока Феб идет,
Вниз с рамен по багрянице
В кудрях золото течет;
А от лиры сладкострунной
Божий тихий глас перунной
Так реками в дол падет,
Как с небес лазурных свет.

3 Утренней зари прекрасной,
Дней веселых светлый царь!
Ты, который дланью властной
Сыплешь свет и жизнь на тварь,
Правя легкими вожжами,
Искрометными конями
Обтекаешь мир кругом, —
Стань пред нас своим лицом!

4 Воссияй в твоей короне,
Дав луне и лику звезд,
На твоем отдельном троне,
Твой лучистый, милый свет!
Стань скорей пред жадны взоры,
Да поют и наши хоры
Радостных отца сынов
Славу, счастье и любовь!

1797

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕСНЫ

Возвращается Весна,
И хариты вкруг блистают,
Взоры смертных привлекают.
Где стоит, грядет она,
Воздух дышет ароматом,
Усмехается заря,
Чешуятся реки златом;
Рощи, в зеркалы смотря,
На ветвях своих качают
Теплы, легки ветерки;
Сильфы ре́звятся, порхают,
Зелень всюду и цветки
Стелют по земле коврами;
Рыбы мечутся из вод;
Журавли, виясь кругами
Сквозь небесный синий свод,
Как валторны возглашают;
Соловей гремит в кустах,
Звери прыгают, брыкают,
Глас их вторится в лесах.
Горстью пахарь дождь на нивы
Сеет вкруг себя златой,
Белы парусы игривы
Вздулись на море горой;
Вся природа торжествует,
Празднует Весны приход,
Всё играет, всё ликует, —
Нимфы! станьте в хоровод

И, в белейши снега ткани
Облеченны, изо льну,
Простирайте нежны длани,
Принимайте вы Весну,
А в цветах ее щедроты,
А в зефирах огнь сердцам.
С нею к вам летят эроты:
Без любви нельзя жить вам

1797

САФО

1 Блажен, подобится богам
С тобой сидящий в разговорах,
Сладчайшим внемлющий устам,
Улыбке нежной в страстных взорах!

2 Увижу ль я сие, — и вмиг
Трепещет сердце, грудь теснится,
Немеет речь в устах моих
И молния по мне стремится.

3 По слуху шум, по взорам мрак,
По жилам хлад я ощущаю;
Дрожу, бледнею — и, как злак
Упадший, вяну, умираю.

1797

КУПИДОН

Под Медведицей небесной,
Средь ночныя темноты,
Как на мир сей сон всеместной
Сыпал маковы цветы;
Как спокойно все уж спали
Отягченные трудом,
Слышу, в двери застучали
Кто-то громко вдруг кольцом.
«Кто, — спросил я, — в дверь стучится
И тревожит сладкий сон?» —
«Отвори: чего страшиться? —
Отвечал мне Купидон. —
Я ребенок, как-то сбился
В ночь безлунную с пути,
Весь дождем я замочился,
Не найду, куда идти».
Жаль его мне очень стало,
Встал и высек я огня;
Отворил лишь двери мало, —
Прыг дитя перед меня.
В туле лук на нем и стрелы;
Я к огню с ним поспешил,
Тер руками руки мерзлы,
Кудри влажные сушил.
Он успел лишь обогреться,
«Ну, посмотрим-ка, — сказал, —
Хорошо ли лук мой гнется?
Не испорчен ли чем стал?»

Молвил, и стрелу мгновенно
Острую в меня пустил,
Ранил сердце мне смертельно
И смеяся говорил:
«Не тужи, мой лук годится,
Тетива еще цела».
С тех пор начал я крушиться,
Как любви во мне стрела.

1797

ДАР

1 «Вот, — сказал мне Аполлон, —
Я даю тебе ту лиру,
Коей нежный, звучный тон
Может быть приятен миру.

2 Пой вельможей и царей,
Коль захочешь быть им нравен;
Лирою чрез них ты сей
Можешь быть богат и славен.

3 Если ж пышность, сан, богатство
Не по склонностям твоим,
Пой любовь, покой, приятство:
Будешь красотой любим».

4 Взял я лиру и запел, —
Струны правду зазвучали:
Кто внимать мне захотел?
Лишь красавицы внимали.

5 Я доволен, света бог!
Даром сим твоим небесным.
Я богатым быть не мог,
Но я мил жена́м прелестным.

1797

РАЗВАЛИНЫ

Вот здесь, на острове, Киприды
Великолепный храм стоял:
Столпы, подзоры, пирамиды
И купол золотом сиял.
Вот здесь, дубами осененна,
Резная дверь в него была,
Зеленым свесом покровенна,
Во внутрь святилища вела.
Вот здесь хранилися кумиры,
Дымились жертвой алтари,
Сбирались на молитву миры
И били ей челом цари.
Вот тут была уединенной
Поутру каждый день с зарей,
Писала, как владеть вселенной
И как сердца пленить людей.
Тут поставлялася тра́пеза,
Круг юных дев и сонм жрецов;
Богатство разливалось Креза,
Сребро и злато средь столов.
Тут арфы звучные гремели
И повторял их хор певцов;
Особо тут сирены пели
И гласов сладостью, стихов
Сердца и ум обворожали.
Тут не́ктар из сосудов бил,
Курильницы благоухали,
Зной летний провевал зефир;

А тут крылатые служили
Полки прекрасных метких слуг
И от богининой носили
Руки амброзию вокруг.
Она, тут сидя, обращалась
И всех к себе влекла сердца;
Восставши, тихо покланялась,
Блистая щедростью лица.
Здесь в полдень уходила в гроты,
Покоилась прохлад в тени;
А тут амуры и эроты
Уединялись с ней одни;
Тут был Эдем ее прелестный
Наполнен меж купин цветов,
Здесь тек под синий свод небесный
В купальню скрытый шум ручьев;
Здесь был театр, а тут качели,
Тут азиатских домик нег;
Тут на Парнасе музы пели,
Тут звери жили для утех.
Здесь в разны игры забавлялась,
А тут прекрасных нимф с полком
Под вечер красный собиралась
В прогулку с легким посошком;
Ходила по лугам, долинам,
По мягкой мураве близ вод,
По желтым среди роз тропинам;
А тут, затея хоровод,
Велела нимфам, купидонам
Играть, плясать между собой
По слышимым приятным тонам
Вдали музы́ки роговой.
Они, кружась, резвясь, летали,
Шумели, говорили вздор;
В зерцале вод себя казали,
Всем тешили богинин взор.
А тут, оставя хороводы,
Верхом скакали на коньках;
Иль в лодках, рассекая воды,
В жемчужных плавали струях.

Киприда тут средь мирт сидела,
Смеялась, глядя на детей,
На восклицающих смотрела
Поднявших крылья лебедей;
Иль на станицу сребробоких
Ей милых, сизых голубков;
Или на пестрых, краснооких
Ходящих рыб среди прудов;
Иль на собачек, ей любимых,
Хвосты несущих вверх кольцом,
Друг другом с лаяньем гонимых,
Мелькающих между леском.
А здесь, исполнясь важна вида,
На памятник своих побед
Она смотрела: на Алкида,
Как гидру палицей он бьет;
Как прочие ее герои,
По манию ее очес,
В ужасные вступали бои
И тьмы поделали чудес:
Присту́пом грады тверды брали,
Сжигали флоты средь морей,
Престолы, царствы покоряли
И в плен водили к ней царей.
Здесь в внутренни она чертоги
По лестнице отлогой шла,
Куда гостить ходили боги
И где она всегда стрегла
Тот пояс, в небе ей истканный,
На коем меж харит с ней жил
Тот хитрый гений, изваянный,
Который счастье ей дарил,
Во всех ее делах успехи,
Трофеи мира и войны,
Здоровье, радости и смехи
И легкие приятны сны.
В сем тереме, Олимпу равном,
Из яшм прозрачных, перлов гнезд,
Художеством различным славном,
Горели ночью тучи звезд,
Красу богини умножали;

И так средь сих блаженных мест
Ее как солнце представляли.

Но здесь ее уж ныне нет,
Померк красот волшебных свет,
Все тьмой покрылось, запустело;
Все в прах упало, помертвело;
От ужаса вся стынет кровь, —
Лишь плачет сирая любовь.

1797

ЖЕЛАНИЕ

1 К богам земным сближаться
Ничуть я не ищу,
И больше возвышаться
Никак я не хощу.

2 Души моей покою
Желаю только я:
Лишь будь всегда со мною
Ты, Дашенька моя!

1797

ЛЮСИ

О ты, Люсинька любезна!
Не беги меня, мой свет,
Что млада ты и прелестна,
А я дурен, стар и сед.
Взглянь на розы и лилеи,
Лель из них венки плетет:
Вкруг твоей приятен шеи
Розовый и белый цвет.

1797

РОЖДЕНИЕ КРАСОТЫ

Сотворя Зевес вселенну,
Звал богов всех на обед.
Вкруг нектара чашу пенну
Разносил им Ганимед;
Мед, амброзия блистала
В их устах, по лицам огнь,
Благовоний мгла летала,
И Олимп был света полн;
Раздавались песен хоры,
И звучал весельем пир;
Но незапно как-то взоры
Спустил Зевес на мир
И, увидя царствы, грады,
Что погибли от боев,
Что богини мещут взгляды
На беднейших пастухов,
Распалился столько гневом,
Что, курчавой головой
Покачав, шатнул всем небом,
Адом, морем и землей.
Вмиг сокрылся блеск лазуря;
Тьма с бровей, огонь с очес,
Вихорь с риз его, и буря
Восшумела от небес;
Разразились всюду громы,
Мрак во пламени горел,
Яры волны — будто холмы,

Понт стремился и ревел;
В растворенны бездн утробы
Тартар искры извергал;
В тучи Феб, как в черны гробы,
Погруженный трепетал;
И средь страшной сей тревоги
Коль еще бы грянул гром, —
Мир, Олимп, богов чертоги
Повернулись бы вверх дном.
Но Зевес вдруг умилился:
Стало, знать, красавиц жаль;
А как с ними не смирился,
Новую тотчас создал:
Ввил в власы пески златые,
Пламя — в щеки и уста,
Небо — в очи голубые,
Пену — в грудь, — и Красота
Вмиг из волн морских родилась.
А взглянула лишь она,
Тотчас буря укротилась
И настала тишина.
Сизы, юные дельфины,
Облелея табуном,
На свои ее взяв спины,
Мчали по пучине волн.
Белы голуби станицей,
Где откуда ни взялись,
Под жемчужной колесницей
С ней на воздух поднялись;
И, летя под облаками,
Вознесли на звездный холм:
Зевс объял ее лучами
С улыбнувшимся лицом.
Боги молча удивлялись,
На Красу разинув рот,
И согласно в том признались:
Мир и брани — от красот.

1797

К ЖЕНЩИНАМ

Зевес быкам дал роги,
Копыты лошадям,
Проворны зайцам ноги,
Зубасты зевы львам;
Способность плавать рыбам,
Парение орлам,
Бесстрашный дух мужчинам,—
Но что ж он дал жена́м?
Чем всё то замени́т?
Красой их наделяет:
Огонь и меч и щит
Красавица сражает.

1797

СОЛОВЕЙ ВО СНЕ

1 Я на хо́лме спал высоком,
Слышал глас твой, соловей,
Даже в самом сне глубоком
Внятен был душе моей:
То звучал, то отдавался,
То стенал, то усмехался
В слухе издалече он;
И в объятиях Калисты
Песни, вздохи, клики, свисты
Услаждали сладкий сон.

2 Если по моей кончине,
В скучном, бесконечном сне,
Ах! не будут так, как ныне,
Эти песни слышны мне,
И веселья, и забавы,
Плясок, ликов, звуков славы
Не услышу больше я, —
Стану ж жизнью наслаждаться,
Чаще с милой целоваться,
Слушать песни соловья.

1797

ВЕНЕРИН СУД

На розе опочила
В листах пчела сидя,
Вдруг в пальчик уязвила
Венерино дитя.
Вскричал, вспорхнул крылами
И к матери бежит;
Облившися слезами,
«Пропал, умру! — кричит, —
Ужален небольшою
Крылатой я змеей,
Которая пчелою
Зовется у людей».
Богиня отвечала:
«Суди ж: коль так пчелы
Тебя терзает жало,
Что ж твой удар стрелы?»

1797

К ЛИРЕ

Петь Румянцова сбирался,
Петь Суворова хотел;
Гром от лиры раздавался,
И со струн огонь летел;
Но завистливой судьбою
Задунайский кончил век,
А Рымникский скрылся тьмою,
Как неславный человек.
Что ж? Приятна ли им будет,
Лира! днесь твоя хвала?
Мир без нас не позабудет
Их бессмертные дела.
Так не надо звучных строев,
Переладим струны вновь;
Петь откажемся героев,
А начнем мы петь любовь.

1797

СКРОМНОСТЬ

1 Тихий, милый ветерочек,
Коль порхнешь ты на любезну,
Как вздыханье ей в ушко шепчи.
Если спросит, чье? — молчи.

2 Чистый, быстрый ручеечек,
Если встретишь ты любезну,
Как слезинка ей в лицо плещи.
Если спросит, чья? — молчи.

3 Ясный, вёдреный денечек,
Как осветишь ты любезну,
Взглядов пламенных ей брось лучи.
Если спросит, чьи? — молчи.

4 Темный, миртовый лесочек,
Как сокроешь ты любезну,
Тихо веткой грудь ей щекочи.
Если спросит, кто? — молчи.

1791; 1798

К САМОМУ СЕБЕ

Что́ мне, что́ мне суетиться,
Вьючить бремя должностей,
Если мир за то бранится,
Что иду прямой стезей?
Пусть другие рабо́тают,
Много мудрых есть господ:
И себя не забывают,
И царям сулят доход.
Но я тем коль беспо́лезен,
Что горяч и в правде чёрт, —
Музам, женщинам любезен
Может пылкий быть Эрот.
Стану ныне с ним водиться,
Сладко есть, и пить, и спать;
Лучше, лучше мне лениться,
Чем злодеев наживать.
Полно быть в делах горячим,
Буду лишь у правды гость;
Тонким сделаюсь подьячим,
Растворю пошире горсть.
Утром раза три в неделю
С милой музой порезвлюсь;
Там опять пойду в постелю
И с женою обоймусь.

1798

ГЕРКУЛЕС

Геркулес пришел Данаю
Мимоходом навестить.
«Я, — сказал, — тобой пылаю»
(Он хотел с ней пошутить).
С важным взором и умильным,
Пламени в лице полна,
Вздумала с героем сильным
Также пошутить она.
Начала с ним разговоры,
Речь за речь и он повел;
Как-то встретились их взоры,
Нечувствительно он сел;
И меж тем как занялися
Так они шутя собой,
Где откуда ни взялися
Мальчиков крылатых строй;
Вкруг летали, шурмовали,
Над главами их паря,
И, подкравшись тихо, крали
Всё вокруг богатыря:
Тот унес, кряхтя, дубину,
Тот сайдак, тот страшный меч;
Стеребили кожу львину
Те с его могущих плеч.
Не могла не улыбнуться
Красота, как шлем сняла:
Не успел он оглянуться —
В шлеме страсть гнездо свила.

1798

БОГАТСТВО

Когда бы было нам богатством
Возможно кратку жизнь продлить,
Не ставя ничего препятством,
Я стал бы золото копить.
Копил бы для того я злато,
Чтобы, как придет смерть сражать,
Тряхнуть карманом торовато
И жизнь у ней на откуп взять.
Но ежели нельзя казною
Купить минуты ни одной,
Почто же злата нам алчбою
Так много наш смущать покой?
Не лучше ль в пиршествах приятных
С друзьями время проводить;
На ложах мягких, ароматных
Младым красавицам служить?

1798

ПАРАШЕ

1 Белокурая Параша,
Сребро-розова лицом,
Коей мало в свете краше
Взором, сердцем и умом!

2 Ты, которой повторяет
Звучну арфу нежный глас,
Как Палаша ударяет
В струны, утешая нас.

3 Встань, пойдем на луг широкой,
Мягкий, скатистый, к прудам;
Там под сенью древ далекой
Сядем, взглянем по струям:

4 Как, скользя по них, сверкает
Луч от царских теремов,
Звезды, солнцы рассыпает
По теням между кустов.

5 Как за сребряной плотицей
Линь златой по дну бежит;
За прекрасною девицей,
За тобой, Амур летит.

1798

ПОРТРЕТ ВАРЮШИ

Милая заря весення,
Алым блеском покровенна,
Как встает с кристальных вод
И в небесный идет свод,
Мещет яхонтные взоры;
Тихий свет и огнь живой
Проницает тверды горы, —
Так, Варюша, образ твой.

1798

АРФА

1 Не в летний ль знойный день прохладный ветерок
В легчайшем сне на грудь мою приятно дует?
Не в злаке ли журчит хрустальный ручеек?
Иль милая в тени древес меня целует?

2 Нет! арфу слышу я: ее волшебный звук,
На розах дремлющий, согласьем тихострунным
Как эхо мне вдали щекочет нежно слух
Иль шумом будит вдруг вблизи меня перунным.

3 Так ты, подруга муз! лиешь мне твой восторг
Под быстрою рукой играющей хариты,
Когда ее чело венчает вкуса бог
И улыбаются любовию ланиты.

4 Как весело внимать, когда с тобой она
Поет про родину, отечество драгое,
И возвещает мне, как там цветет весна,
Как время катится в Казани золотое!

5 О колыбель моих первоначальных дней!
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освещусь опять твоей зарей
И твой по-прежнему всегдашний буду житель?

6 Когда наследственны стада я буду зреть,
Вас, дубы камские, от времени почтенны!

По Волге между сёл на парусах лететь
И гробы обнимать родителей священны?

7 Звучи, о арфа! ты всё о Казани мне!
Звучи, как Павел в ней явился благодатен!
Мила нам добра весть о нашей стороне:
Отечества и дым нам сладок и приятен.

1798

ЦЕПИ

1 Не сетуй, милая, со груди что твоей
Сронила невзначай ты цепи дорогие:
Милее вольности нет в свете для людей;
Оковы тягостны, хотя они златые.

2 Так наслаждайся ж здесь ты вольностью святой,
Свободною живя, как ветерок в полянке;
По рощам пролетай, кропися вод струей,
И чем в Петрополе, будь счастливей на Званке.

3 А если и тебе под бремя чьих оков
Подвергнуться велит когда-либо природа, —
Смотри, чтоб их плела любовь лишь из цветов;
Приятней этот плен, чем самая свобода.

1798

ВЕНЕЦ БЕССМЕРТИЯ

1 Беседовал с Анакреоном
В приятном я недавно сне;
Под жарким, светлым небосклоном,
В тени он пальм явился мне.

2 Хариты вкруг его, эроты,
С братиною златою Вакх,
Вафил прекрасный в рощи, гроты
Ходили в розовых венках.

3 Он дев плясаньем забавлялся,
Тряхнув подчас сам сединой,
На белы груди любовался,
На взор метал их пламень свой.

4 Или, возлегши раменами
На мягки розы, отдыхал;
Огнистыми склонясь устами,
Из кубка мед златый вкушал.

5 Иль, сидя с юным другом нежным,
Потрепывал его рукой,
А взором вкруг себя прилежным
Искал красавицы какой.

6 Цари к себе его просили,
Поесть, попить и погостить,
Таланты злата подносили,
Хотели с ним друзьями быть, —

7 Но он покой, любовь, свободу
Чинам, богатству предпочел;
Средь игр, веселий, короводу
С красавицами век провел.

8 Беседовал, резвился с ними,
Шутил, пел песни и вздыхал,
И шутками себе такими
Венец бессмертия снискал.

9 Посмейтесь, красоты российски,
Что я в мороз, у камелька,
Так вами, как певец Тиисский,
Дерзнул себе искать венка.

1798

СТРЕЛОК

1 Я охотник был измлада
За дичиною гулять:
Меду сладкого не надо,
Лишь бы в поле пострелять.

2 На лету я птиц пернатых,
Где завидел, тут стрелял;
В нехохлатых и хохлатых,
Лишь прицелил, попадал.

3 Но вечор вдруг повстречалась
Лебедь белая со мной,
Вмиг крылами размахалась
И пошла ко мне на бой.

4 Хвать в колчан, ан стрел уж нету,
Лук опущен; стал я в пень.
Ах! беречь было монету
Белую на черный день.

1799

ПЕНОЧКА

1 Пеночка! как ты проснешься,
Вспрянешь, взглянешь, встрепенешься,
Носик, шейку оботрешь,
Про кого ты запоешь?

2 Запоешь про солнце красно,
Запоешь ты про зарю
И как верно, нежно, страстно
Мной ты, — я тобой горю.

3 Пой, создание любезно!
Как взаимной страстью нежно
Млеет сердце, чувства, кровь,
Как сладка, сладка любовь!

4 Как отрадно утешенье
С тем, кто мил, всечасно быть;
Как приятно восхищенье
Быть любиму и любить!

1799

ПЕСНЬ БАЯРДА

1 Сладостное чувств томленье,
Огнь души, цепь из цветов!
Как твое нам вдохновенье
Восхитительно, Любовь!

2 Нет блаженнее той части,
Как быть в плене милой власти,
Как взаимну цепь носить,
Быть любиму и любить.

3 Умножайся, пламень нежный,
Под железной латой сей,
Печатлейся, вид любезный,
В мыслях и душе моей.

4 Нет блаженнее той части,
Как быть в плене милой власти,
Как взаимну цепь носить,
Быть любиму и любить.

5 В бой иду, не ужасаюсь;
Честь любезной отомщу.
Соблещите, — ополчаюсь! —
Молньи, моему мечу!

6 Нет блаженнее той части,
Как быть в плене милой власти,
Как взаимну цепь носить,
Быть любиму и любить.

1799

ВАРЮША

1 Как, Варюша, ты прекрасна!
Если не из сердца страстна,
А из дружбы лишь одной
Я, писавши образ твой,
Написал тебя зарею, —
То моложе если б был,
Я бы с пламенной душою
В тебе солнце находил.

2 Написал бы, как в диване
В голубом твоем тюрбане
Ты сидишь и, для красы
На чело спустя власы,
Всех улыбкою любезной
Вмиг умеешь полонить, —
До́лжно быть душе железной,
Чтоб, взглянув, не полюбить.

3 Где, сокровище такое,
Толь прелестное, драгое,
Толь блистающий алмаз,
Был ты скрыт от жадных глаз
Бриллиантщика младого,
Что купить тебя не мог?
Он от глаз бы света злого
Спрятал, запер за замок.

4 Не продажной, но заветной
Ты жемчу́г, цены несметной,

И нельзя тебя купить,
Кучей злата заменить;
А чтоб нравиться прекрасной
И пленить тебя кто мог,
Нужен мальчик нежной, страстной,
Взгляд любви, — крылатый бог.

1799

РУССКИЕ ДЕВУШКИ

Зрел ли ты, певец Тиисский!
Как в лугу весной бычка
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка?
Как, склонясь главами, ходят,
Башмаками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят
И плечами говорят?
Как их лентами златыми
Челы белые блестят,
Под жемчу́гами драгими
Груди нежные дышат?
Как сквозь жилки голубые
Льется розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь?
Как их брови соболины,
Полный искр соколий взгляд,
Их усмешка — души львины
И орлов сердца разят?
Коль бы видел дев сих красных,
Ты б гречанок позабыл
И на крыльях сладострастных
Твой Эрот прикован был.

1799

РОЖДЕНИЕ ЛЮБВИ

Опоясанна цветами
Сходит к нам с небес Весна
И младыми красотами
Улыбается она.
Улыбнулась, — и явились
Розы и лилеи в свет,
Благовоньи оживились,
Возблистал на листьях мед;
И по рощам разгласилось
Хохотаньем эхо вновь,
Радость, счастье водворилось;
Нам родилася Любовь!

1799

МЕЛЬНИК

Вечор мне красные девицы
Мешок пшеницы принесли:
«Вить расклюют же даром птицы,
Возьми, старинушка, смели».
Бела пшеница и румяна,
И так была полна зерном,
Что вмиг пришла охота рьяна:
Я ну молоть всем животом.
Молол я пристально, трудился,
Ночь целую провел без сна,
Но что ж? — как ни потел, ни бился,
Не расколол я ни зерна.
Смеясь мне девушки в назолу
Пеняли: «Что ж не мелешь, дед?» —
«А вы, — сказал я, — для помолу
Пришли, как жернов не берет».

1799

ГИТАРА

1 Шестиструнная гитара
У красавицы в руках,
Громы звучного Пиндара
Заглушая на устах,
Мне за гласом звонким, нежным
Петь велит любовь.

2 Я пою под миртой мирной,
На красы ее смотря,
Не завидуя обширной
Власти самого царя;
Взгляд один ее мне нежный
Всех милей чинов.

3 Пусть вожди в боях дерутся,
В думах баре брань ведут;
Алых уст ее коснуться —
Вся моя победа тут;
Поцелуй ее мне нежный
Выше всех даров.

4 Пусть герой свой блеск сугубит,
Ждет бессмертия отлик;
Милая меня коль любит,
Мне блаженней века миг;
И ее объятьи нежны
Всех светлей венцов.

1800

ТИШИНА

1 Не колыхнет Волхов темный,
Не шелохнет лес и холм,
Мещет на поля чуть бледный
Свет луна, и спит мой дом.

2 Как, — я мнил в уединеньи, —
В хижине быть славну мне?
Не живем, живя в забвеньи:
Что̀ в могиле, то во сне.

3 Нет! талант не увядает
Вечного забвенья в тьме;
Из-под спуда он сияет:
Я блесну на вышине.

4 Так! пойду хотя в забаву
За певцом Тиисским вслед
И, снискать его чтоб славу,
Стану забавлять я свет.

5 Стану шуткою влюбляться,
На бумаге пить и петь,
К милым девушкам ласкаться
И в сединах молодеть.

6 Я пою, — Пинд стала Званка,
Совосплещут музы мне;
Возгремела балалайка,
И я славен в тишине!

1801

ЯВЛЕНИЕ АПОЛЛОНА И ДАФНЫ НА НЕВСКОМ БЕРЕГУ

По гранитному я брегу
Невскому гулять ходил,
Сладкую весенню негу,
Благовонный воздух пил;
Видел, как народ теснился
Вкруг одной младой четы,
Луч с нее, блистая, лился,
Как от солнца красоты.
Кто, я думал в изумленье,
Чудна двоица сия?
Не богов ли вновь схожденье
Вижу в ней на землю я?
Вижу точно Аполлона!
Вижу Дафну пред собой!
Знать, сошедши с Геликона,
Тешатся они Невой.
Так они пришли, конечно,
Смертным скрыв себя лицом;
Трепетание сердечно
Уверяло дух мой в том.
Так, — и в лицах лучезарных
И в сапфирных их очах
Душ приятность светодарных
Вижу я богов в людях!
Зрел, с собой они как водят
Просвещенье, кротость, вкус;
Как хариты в след их ходят,
И соборы нежных муз,

С нимфами поющи, пляшут;
Всплыв наяды сверх Невы
Плещут воды; ветры машут
Аромат на их главы.
Видел, Пéтрополь дивился
Как прекрасной сей чете;
Север светом озарился,
Встал и, в мглистой темноте
Обогрев браду замерзлу,
Тихим их сияньем кровь,
Знича чтил в них и Зимстерлу,
Возвращенных вкупе вновь,
И, ликуя, увенчался
Перевязкой из цветов.
Лель за девою погнался,
А за юношей Любовь. —
Видел, видел Аполлона,
Видел с ним и Дафну я!
Радостного звуком тона
Лира отдалась моя.

1801

НА РАЗЛУКУ

Не раздаются больше звуки
Уже в диване мне тобой;
Бегу всяк час, бегу от скуки,
А скука следует за мной.
Когда ж назад ты возвратишься,
Весельем мой наполнишь дом?
Иль с арфою навек простишься,
С Мурзой, Милордом и котом?
Пожалуй, возвратись скорее,
Приятны возврати часы,
И Дашу сделай веселее,
И почеши Мурзе усы.

1801

ВЕНЧАНИЕ ЛЕЛЯ

Колокол ужасным звоном
Воздух, землю колебал,
И Иван Великий громом
В полнощь, освещен, дрожал;
Я, приятным сном объятый
Макова в тени венца,
Видел: теремы, палаты,
Площадь Красного крыльца
Роем мальчиков летучим
Облелеяны кругом!
Лесом — шлемы их дремучим,
Латы — златом и сребром,
Копья — сталию блистали
И чуть виделись сквозь мглы;
Стаями сверх их летали
Молненосные орлы.
Но лишь солнце появилось
И затеплились кресты,
Море зыблюще открылось
Разных лиц и пестроты! —
Шум, с высот лиясь рекою,
Всеми чувствы овладел,
Своды храма предо мною
Я отверстыми узрел.
Там в волнах толпы стесненной
В думе весь синклит стоял,
Я в душе моей смятенной
Некий ужас ощущал.

Но на троне там обширном,
Во священной темноте,
Вдруг в сиянии порфирном
Усмотрел на высоте
Двух я гениев небесных:
Коль бесчисленны красы!
Сколько нежностей прелестных!
Златоструйчаты власы,
Блеск сафира, розы ранни
Их устен, ланит, очес,
Улыбаясь, брали дани
С восхищенных тьмы сердец.
И один из них, венчаясь
Диадимою царей,
Ей чете своей касаясь,
Удвоялся блеском в ней.
Тут из окон самых верхних,
По сверкающим лучам,
Тени самодержцев древних,
Ниспустившися во храм,
Прежни лицы их прияли
И сквозь ликов торжества
В изумленьи вопрошали:
«Кто такие божества,
Что, облекшись в младость смертных,
С кротостию скиптр берут,
На обширность стран несметных
Цепь цветочную кладут
И весь Север в миг пленили
Именем одним царя?»
Громы дух мой пробудили:
Разглашалося *ура!*

Что такое сон сей значит?
Я с собою размышлял:
Дух ликует, сердце скачет,
Отчего? Я сам не знал.
Кто на царство так венчался?
Кто так души все пленил?
Кем я столько восхищался,
Сладостные слезы лил?

После музы мне сказали,
Кто так светом овладел:
«Царь сердец, — они вещали, —
Бог любви, всесильный Лель».

1801

ТОНЧИЮ

1 Бессмертный Тончи! ты мое
Лицо в том, слышу, пишешь виде,
В каком бы мастерство твое
В Омире древнем, Аристиде,
Сократе и Катоне ввек
Потомков поздных удивляло;
В сединах лысиной сияло,
И в нем бы зрелся человек.

2 Но лысина или парик,
Но тога иль мундир кургузый
Соделали, что ты велик?
Нет! философия и музы;
Они нас славными творят.
О! если б осенял дух правый
И освещал меня луч славы, —
Пристал бы всякий мне наряд.

3 Так, живописец-филосо́ф!
Пиши меня в уборах чудных,
Как знаешь ты; но лишь любовь
Увековечь ко мне премудрых.
А если слабости самим
И величайшим людям сродны,
Не позабудь во мне подобны,
Чтоб зависть улыбалась им.

4 Иль нет, ты лучше напиши
Меня в натуре самой грубой;

В жестокий мраз с огнем души,
В косматой шапке, скутав шубой;
Чтоб шел, природой лишь водим,
Против погод, волн, гор кремнистых,
В знак, что рожден в страна́х я льдистых,
Что был прапращур мой Багрим.

Не испугай жены, друзей,
Придай мне нежности немного:
Чтоб был я ласков для детей,
Лишь в должности б судил всех строго;
Чтоб жар кипел в моей крови,
А очи мягкостью блистали;
Красотки бы по мне вздыхали
Хоть в платонической любви.

1801

ЗАЗДРАВНЫЙ ОРЕЛ

1 По северу, по югу
С Москвы орел парит;
Всему земному кругу
Полет его звучит.

О! исполать, ребяты,
Вам, русские солдаты!
Что вы неустрашимы,
Никем непобедимы:
За здравье ваше пьем.

2 Орел бросает взоры
На льва и на луну,
Стокгольмы и Босфоры
Все бьют челом ему.

О! исполать вам, вои,
Бессмертные герои,
Румянцов и Суворов!
За столько славных боев:
Мы в память вашу пьем.

3 Орел глядит очами
На солнце в высоты,
Герои под шлемами —
На женски красоты.

О! исполать, красотки,
Вам, росски амазонки!
Вы в мужестве почтенны,
Вы в нежности любезны:
    За здравье ваше пьем!

1791; 1801

ГОЛУБКА

Отколь, голубка мила!
Летишь так резво ты?
Откуда, белокрыла!
На воздух льешь цветы
И сладкий запах в чувства?
Кто, с чем послал тебя?

Голубка

Бог света и искусства
Послал с письмом меня
К красавцу молодому,
К владыке всех сердец,
К тому божку земному,
Кто подданным отец,
Кому меня Фелица
В наследье отдала:
«Будь Хлорова ты птица, —
С усмешкою рекла, —
Носи ему с небесной
Ты песни вышины;
Как славой мне всеместной
Наполнь его страны».
И я с тех пор, как должно,
Ему, как ей, служу;
Приятную, сколь можно,
Гармонию ношу;
А он за то златую
Мне хочет вольность дать.

Но даст иль нет какую —
Мне нечего желать.
Какая это воля,
Летала чтоб одна;
Была б безвестна доля,
Была бы голодна?
Коль днесь пшеницей Хлором
Из уст его кормлюсь, —
Его питаясь взором,
Счастливою зовусь:
На лоне иль на шлеме
Кружусь, воркую я,
И в сладком этом плене
Мила всем песнь моя.

Прости ж меня, прохожий!
Не будь к болтанью строг:
Сей день была похожей
Голубка на сорок.

1801

ЛИЗЕ

ПОХВАЛА РОЗЕ

Воспевал весну прекрасну,
Ныне розу я пою;
Всех цветов пою изящну
Я красавицу мою.
Лиза! друг мой милой, юной!
Розе глас свой посвящай,
На гитаре тихострунной
Песнь мою сопровождай.
Роза зрению любезна,
Обонянию мила;
Здравью, разуму полезна
И невинностью светла.
Роза пения достойна,
Дар священный алтарей;
Царств владычицам подобна
В одеянии царей.
Роза, если устрашает,
Терн свой ставя чести в щит, —
Во цветах благоухает,
Очи, души веселит;
Розовы уста прекрасны,
На ланитах мил их смех;
На грудях лилейных ясны,
Любы Лелю для утех.
Розы старцам утешенье,
Свят венец их мудрецам;
Розы девам украшенье,
Восхищенье молодцам.

Розы лучшее убранство
И приятностей младых,
Розы красоте в подда́нство
Клонят и владык земных.
Розы в пиршествах утеха, –
На гостях, как огнь, цветут;
Розы в скуке не помеха,
Услаждают скорбь и труд.
Розовы листы, нагреты
Вздохом уст, ударом рук,
Счастливой любви обеты —
Громкий производят звук.
Розы тож нам помогают,
Как и стрелы, побеждать;
Коль красу где выхваляют,
Льзя ли розой не назвать?
Роза друг зари румяной,
Дщерь весны и крин небес;
Мир дает душе печальной,
Иссушает токи слез.
Розу в лучшие дни года
Прославляет соловей;
Зефир веет, и природа
Улыбается вся ей.
Розы в жизни нас прельщают,
Нам по смерти розы честь;
Стихотворцы воспевают
Розовый Авроры перст.
Роза всем кустам царица,
Ароматов сладких мать;
Бисером своим зарница
Розу любит окроплять.
Роза миру покрывало,
Образ солнца, красоты;
Розу похвалить чем — мало:
Будь мне, Лиза, ею — ты!

1802

КУЗНЕЧИК

Счастлив, золотой кузнечик,
Что в лесу куешь один!
На цветочный сев лужечик,
Пьешь с них мед, как господин;
Всем любуяся на воле,
Воспеваешь век ты свой;
Взглянешь лишь на что ты в поле,
Всем доволен, всё с тобой.
Земледельцев по соседству
Не обидишь ты ничем;
Ни к чьему не льнешь наследству,
Сам богат собою всем.
Песнопевец тепла лета!
Аполлона нежный сын!
Честный обитатель света,
Всеми музами любим!
Вдохновенный, гласом звонким
На земли ты знаменит,
Чтут живые и потомки:
Ты философ! ты пиит!
Чист в душе своей, не злобен,
Удивление ты нам:
О! едва ли не подобен,
Мой кузнечик, ты богам!

1802

ОХОТНИК

1 За охотой ты на Званку
Птиц приехал пострелять;
Но, белянку и смуглянку
Вдруг увидев, стал вздыхать.

2 Что такое это значит,
Миленький охотник мой?
Ты молчишь, а сердце плачет:
Птицы ль не убил какой?

3 Дев ли остренькие глазки
Понаделали хлопот?
С их ланит, из алой краски,
Зрел я, целился Эрот.

4 Как же быть? И чем лечиться?
Птичек ты багрил в крови, —
И тебе пришло томиться
От смертельныя любви.

1802

Г. Р. Державин.

Гравюра Ф. Иордана (1861) с портрета (масло) работы Сальваторо Тончи (1801).

ЛЮБУШКЕ

Не хочу я быть Протеем,
Чтобы оборотнем стать;
Невидимкой или змеем
В терем к девушкам летать;
Но желал бы я тихонько,
Без огласки от людей,
Зеркалом в уборной только
Быть у Любушки моей:
Чтоб она с умильным взором
Обращалася ко мне,
Станом, поступью, убором
Любовалася во мне.
Иль бы, сделавшись водою,
Я ей тело омывал;
Вкруг монистой золотою
Руки блеском украшал;
В виде благовонной мази
Умащал бы ей власы,
На грудях в цветочной вязи
Оттенял ее красы.
Иль, обнявши белу шею,
Был жемчу́г ее драгой;
Став хоть обувью твоею,
Жала б ты меня ногой.

1802

ШУТОЧНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Если б милые девицы
Так могли летать, как птицы,
И садились на сучках, —
Я желал бы быть сучочком,
Чтобы тысячам девóчкам
На моих сидеть ветвях.
Пусть сидели бы и пели,
Вили гнезды и свистели,
Выводили и птенцов;
Никогда б я не сгибался, —
Вечно ими любовался,
Был счастливей всех сучков.

1802

СТАРИК

1 Мне девушки шептали:
«Ты стар, и сед, и лыс;
Вот зеркало, — сказали, —
Возьми и посмотрись».

2 «Что нужды мне, не знаю,
Я стар, — сказал, — иль нет;
А только уверяю,
Что я душой не сед.

3 И старику нужнее
В веселии пожить,
Приходит чем скорее
Меня похоронить».

1802

ХМЕЛЬ

Хмель как в голову залезет,
Все бегут заботы прочь;
Крез с богатствами исчезнет,
Пью! — и всем вам добра ночь.
Плющем лежа увенчанный,
Ни во что весь ставлю свет;
В бой идет пускай муж бранный,
У меня охоты нет.
Мальчик! чашу соком алым
Поспеши мне наливать;
Мне гораздо лучше пьяным,
Чем покойником, лежать.

1802

АНАКРЕОНОВО УДОВОЛЬСТВИЕ

Почто витиев правил
Мне выючить бремена?
Премудрость я оставил:
Не надо мне она.
Вы лучше поучите,
Как сок мне Вакхов пить;
С прекрасной помогите
Венерой пошутить.
Уж нет мне больше силы
С ней одному владеть;
Подай мне, мальчик милый!
Вина, хоть поглядеть;
Авось еще немного
Мой разум усыплю:
Приходит время строго,
Покину, что люблю.

1802

МОРЕХОДЕЦ

Что ветры мне и сине море?
Что гром, и шторм, и океан?
Где ужасы и где тут горе,
Когда в руках с вином стакан?
Спасет ли нас компа́с, руль, снасти?
Нет! сила в том, чтоб дух пылал.
Я пью! и не боюсь напасти,
Приди хотя девятый вал!
Приди, и волн зияй утроба!
Мне лучше пьяным утонуть,
Чем трезвым доживать до гроба
И с плачем плыть в толь дальний путь.

1802

МАХИАВЕЛЬ

Царей насмешник, иль учитель
Великих, иль постыдных дел!
Душ слабых, мелких обольститель,
Поди от нас, Махиавель!
Не надо нам твоих замашек,
Обманов тонких, хитростéй:
Довольно полных пуншем чашек
Для счастия честны́х людей,
Довольно видеть сквозь покалы
Всю наших внутренность сердец,
На бой нас посылать, на бáлы,
Из лавров плесть и роз венец.

1802

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ

Что нужды мне до града?
В деревне я живу;
Мне лент и звезд не надо,
Вельможей не слыву;
О том лишь я стараюсь,
Чтоб счастливо прожить;
Со всеми обнимаюсь
И всех хочу любить.
Кто ведает, что будет?
Сегодни мой лишь день,
А завтра всяк забудет,
И все пройдет как тень.
Зачем же мне способну
Минуту потерять,
Печаль и скуку злобну
Пирушкой не прогнать?
Сокровищ мне не надо:
Богат, с женой коль лад;
Богат, коль Лель и Лада
Мне дружны, и Услад.
Богат, коль здрав, обилен,
Могу поесть, попить;
Подчас и не бессилен
С Миленой пошалить.

1802

СВОБОДА

1 Теплой осени дыханье,
Помавание дубов,
Тихое листов шептанье,
Восклицанье голосов
Мне, лежащему в долине,
Наводили сладкий сон.

2 Видел я себя стоящим
На высоком вдруг холму,
На плоды вдали глядящим,
На шумящу близ волну;
И как будто в важном чине
Я носил на плечах холм.

3 Дальше: власти мне святые
Иго то велели несть,
Все венцы суля земные,
Титла, золото и честь.
«Нет! — восстав от сна глубока,
Я сказал им, — не хочу.

4 Не хочу моей свободы,
Совесть на мечты менять:
Гладки воды, коль погоды
Их не могут колебать.
Власть тогда моя высока,
Коль я власти не ищу».

1803

ВНИМАНИЕ

1 Тебя как музы слышат
И как ты слышишь их,
Приятностию дышат
В приятностях твоих.

2 Эрот, смотря, тихонько
Сказал: «Как ты мила!»
Будь счастлива им столько,
Как музами была.

3 Любовью ты владея,
Прикуй ее к себе,
Чтобы, летать не смея,
Привыкнула к тебе;

4 Привыкла б жить с тобою,
И так бы вы сжились,
Как бабочка свечою,
Собою вы сожглись.

5 Красавицы, вздыхая,
Завидовали б вам;
Я песни, вам слагая,
Слагал бы красотам,

6 Красам, хвалу что трубят
И мне, как ты, льстя муз, —
А тем, кто муз не любят,
Петь песен не берусь.

1804

НА ПАСТУШИЙ БАЛЕТ

На дерну лежа зеленом,
Я в свирель мою играл;
В сердце цельном, не плененном,
Я любви еще не знал.
Но, откуда ни возьмися,
Подбежал ко мне дитя:
«Дай свирелку, потрудися,
Поучи», — сказал шутя.
Отдал я ему свирелку,
Начал он в нее играть;
Поиграв, мне кинул стрелку,
Стал я с стрелкой той плясать;
И со стрелкой таковою
Шестьдесят уж лет пляшу:
Не скучаю красотою
И любовь в душе ношу.

1804

ФАЛКОНЕТОВ КУПИДОН

Дружеской вчерась мы свалкой
На охоту собрались,
На полу в избе повалкой
Спать на сене улеглись.
В полночь, самой той порою,
Как заснула тишина,
Сребряной на нас рукою
Сыпала свой свет луна, —
Вдруг из окон Лель блестящих
Въехал на луче верхом
И меня, нашед меж спящих,
Тихо в бок толкнул крылом.
«Ну, — сказал он, — на охоту
Если хочешь, так пойдем;
Мне оставь стрелять заботу,
Ты иди за мной с мешком».
Встал я — и, держась за стенку,
Шел на цыпках, чуть дышал,
За спиной он в туле стрелку,
Палец на устах держал.
Тихой выступкой такою
Мнил он лучше дичь найти;
Мне ж, с плешивой головою,
Как слепцу, велел идти.
Шли — и только наклонялись
На гнездо младых куниц;
Молодежь вкруг засмеялись,
Нас схватили у девиц.

Испугавшися смертельно,
Камнем стал мой Купидон;
Я проснулся, — рад безмерно,
Что то был один лишь сон.
Сна, однако, столь живого
Голова моя полна;
Вижу в марморе такого
Точно Купидона я.
«Не шути, имев грудь целу, —
Улыбаясь, он грозит, —
Вмиг из тула выну стрелу», —
Слышу, будто говорит.

1804

ЦЫГАНСКАЯ ПЛЯСКА

1 Возьми, египтянка, гитару,
Ударь по струнам, восклицай;
Исполнясь сладострастна жару,
Твоей всех пляской восхищай.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

2 Неистово, роскошно чувство,
Нерв трепет, мление любви,
Волшебное зараз искусство
Вакханок древних оживи.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

3 Как ночь — с ланит сверкай зарями,
Как вихорь — прах плащом сметай,
Как птица — подлетай крылами
И в длани с визгом ударяй.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

4 Под лесом нощию сосновым,
При блеске бледныя луны,
Топоча по доскам гробовым,
Буди сон мертвой тишины.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

5 Да вопль твой *эвоа!* ужасный,
Вдали мешаясь с воем псов,
Лиет повсюду гулы страшны,
А сластолюбию любовь.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

6 Нет, стой, прелестница! довольно,
Муз скромных больше не страши;
Но плавно, важно, благородно,
Как русска дева, пропляши.
Жги души, огнь бросай в сердца
И в нежного певца.

1805

МЩЕНИЕ

Бог любви и восхищенья
У пчелы похитил сот,
И пчелой за то в отмщенье
Был ужален тут Эрот.
Встрепенувшися, несчастный
Крадены, сердясь, соты
В розовы уста прекрасны
Спрятал юной красоты.
«На, — сказал, — мои хищеньи
Ты для памяти возьми,
И отныне наслажденьи
Ты в устах своих храни».
С тех пор Хлою дорогую
Поцелую лишь когда,
Сласть и боль я в сердце злую
Ощущаю завсегда.
Хлоя жаля услаждает,
Как пчелиная стрела:
Мед и яд в меня вливает,
И, томя меня, мила.

1805

ЧЕЧЁТКА

На розу сев, уснула
Чечётка под цветком;
Едва заря сверкнула
Румяным огоньком,
Проснулась, встрепенулась.
Жемчужинки лежат,
Скорлупка развернулась:
Вкруг желты крошки спят,
Глядят и ожидают
Капль сребряной росы,
Что им с листков стекают,
Как солнечны красы.
Самец, прижмясь у ветки,
Тихохонько глядит.
«Ты мил, — а больше детки, —
Чечётка говорит, —
Лети и попекися
Сыскать им червячков».
С тех пор, покой, простися!
Он редко меж цветов.

1805

ЦЕПОЧКА

1 Послал я средь сего листочка
Из мелких ко́лец тонку нить,
Искусная сия цепочка
Удобна грудь твою покрыть.

2 Позволь с нежнейшим дерзновеньем
Обнять твою ей шею вкруг:
Захочешь — будет украшеньем;
Не хочешь — спрячь ее в сундук.

3 Иной вить на тебя такую
Наложит цепь, что — ах! — грузна:
Обдумай мысль сию простую,
Красавица! — и будь умна.

1807

ЛУЧ

1 Князь-Гром имел Умилу,
Прекрасну, нежну дочь.
Очей прелестных силу
Кто зрел, тлел день и ночь.
У этого ж князь-Грома
Был щитоносец Луч.
С геройством грудь знакома
Не ужасалась туч;
Ко князю он услужен,
В опасностях с ним был,
И князь ему тож дружен,
Его за сына чтил.

2 Сосед тогда княжною
Пленился, Ветер-хан,
С влюбленною душою
Простер ко браку длань.
Нужна была князь-Грому
Соседа Ветра мочь,
Любовнику такому
И обещал он дочь.
Нельзя было тут силе
Противиться никак:
Пришло сказать Умиле,
Хоть не по сердцу, — так!

3 Души волненья страстной
Не мог тут Луч сносить,

За сердце он прекрасной
Умилы хочет мстить.
Но в рыцари как небом
Он не был посвящен,
Сражаться Ветра с ревом
Природой не рожден, —
То, чтоб отцу любезной
Ничем не согрубить,
Решился огнь свой нежной
В туманах, в мраках скрыть.

1807

ПОМИНКИ

Победительница смертных,
Не имея сил терпеть
Красоты побед несметных,
Поразила Майну — смерть.
Возрыдали вкруг эроты,
Всплакал, возрыдал и я;
Музы, зря на мрачны ноты,
Пели гимн ей, — и моя
Горесть повторяла лира.
Убежала радость прочь,
Прелести сокрылись мира,
Тишина и черна ночь
Скутали мой дом в запоны,
От земли и от небес
Слышны эха только стоны;
Плачем мы — и плачет лес;
Воем мы — и воют горы.
Плач сей был бы без конца,
Если б алый луч Авроры,
Бог, что светит муз в сердца,
Не предстал и мне сияньем
Не влиял утехи в грудь.
«Помяни, — рек, — возлияньем
Доблесть — и покоен будь».
Взял я урну и росами
Чистыми, будто кристалл,
Полну наточил слезами,
Гроб облив, поцеловал.

И из праха возникают
Се три розы, сплетшись в куст,
Веселят, благоухают,
Разгоняют мрачну грусть.

1807

ПРИЗНАНИЕ

Не умел я притворяться,
На святого походить,
Важным саном надуваться
И философа брать вид;
Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им,
Ум и сердце человечье
Были гением моим.
Если я блистал восторгом,
С струн моих огонь летел, —
Не собой блистал я — богом;
Вне себя я бога пел.
Если звуки посвящались
Лиры моея царям, —
Добродетельми казались
Мне они равны богам.
Если за победы громки
Я венцы сплетал вождям, —
Думал перелить в потомки
Души их и их детям.
Если где вельможам властным
Смел я правду брякнуть в слух, —
Мнил быть сердцем беспристрастным
Им, царю, отчизне друг.
Если ж я и суетою
Сам был света обольщен, —
Признаюся, красотою
Быв плененным, пел и жен.

Словом: жег любви коль пламень,
Падал я, вставал в мой век.
Брось, мудрец! на гроб мой камень,
Если ты не человек.

1807

АЛЬБАУМ

Когда земны оставишь царствы,
Пойдешь в Эдем, иль Элизей,
Харон вопросит иль мытарствы
Из жизни подорожной сей, —
Поэтов можешь одобренья
В альбауме твоем явить,
Духа́м отдав их для прочтенья,
Пашпо́рт твой ими заменить.
По них тебя узнают тени,
Кто ты и в свете как жила;
Твои все чувствы, помышленьи
Раскроются, как солнцем мгла.
Тогда ты можешь оправдаться,
И ах! — иль обвиненной быть,
В путь правый, левый провождаться,
Святой иль окаянной слыть:
Тогда черта, взгляд, вздох, цвет, слово
Сей книги записной в листах
Духовно примут тело ново
И обличат тебя в делах,
Во всех часа́х твоих, мгновеньях;
Ты станешь на суде нагой,
В поступках, мыслях и движеньях
Мрак самый будет послух твой.
Поэт, тебя превозносивший,
Прямым заговорит лицом,
Порок иль добродетель чтивший
Своим возопиет листом.

Лист желтый, например, надменность
Явит, что гордо ты жила;
На синем — скупость вскрикнет, ревность,
Что ты соперниц враг была;
На сребряном — вструбит богатство,
Что ты в свой век прельщалась им;
На темном — зашипит лукавство,
Что в грудь вилась друзьям твоим;
На алом — засмеется радость,
Что весело любила жить;
На розовом — воспляшет младость,
Что с ней хотела век свой длить;
На глянцеватом — самолюбье
Улыбкою своей даст знать,
Что было зеркало орудье
Красот твоих, дабы прельщать;
Надежда на листках зеленых
Шепнет о всех твоих мечтах;
На сереньких листках смиренных
Печаль завоет во слезах.
Но гений, благ твоих свидетель,
На белых листьях в блеске слов
Покажет веру, добродетель
И беспорочную любовь.

1808

ПОСЫЛКА ПЛОДОВ

1 Когда делящая часы небес планета,
К нам возвращаяся, приходит жить с Тельцом, —
От пламенных рогов щедрота льется света,
Мир облекается и блеском и теплом.

2 Не только лишь земля с наружности одета,
Цветами дол пестрит и кроет злаком холм,
Но и в безжизненной внутрь влажности нагрета,
Плодотворительным чреватеет лучом

3 И сими нас дарит, другими ли плодами.
Подобна солнцу ты меж красными женами,
Очей твоих лучом пронзая сердце мне,

4 И помыслы родишь и словеса любовны, —
Но, ах! они к тебе колико ни наклонны,
В цветущей не живал я никогда весне.

1808

ЗАДУМЧИВОСТЬ

1 Задумчиво, один, широкими шагами
Хожу и меряю пустых пространство мест;
Очами мрачными смотрю перед ногами,
Не зрится ль на песке где человечий след.

2 Увы! я помощи себе между людями
Не вижу, не ищу, как лишь оставить свет;
Веселье коль прошло, грусть обладает нами,
Зол внутренних печать на взорах всякий чтет.

3 И мнится, мне кричат долины, реки, холмы,
Каким огнем мой дух и чувствия жегомы
И от дражайших глаз что взор скрывает мой,

4 Но нет пустынь таких, ни дебрей мрачных, дальных,
Куда любовь моя в мечтах моих печальных
Не приходила бы беседовать со мной.

1808

ВОДОМЕТ

Луч шумящий, водометный,
Свыше сыплюща роса!
Где в тени в день знойный, летний,
Совершенная краса,
Раскидав по дерну члены
И сквозясь меж струй, ветвей,
Сном объята, в виде пены,
Взгляд влекла души моей;
Где на зыблющу склонялись
Лилии блестящу грудь,
Зарьных розы уст касались
И желали к ним прильнуть;
Воздух свежестью своею
Ей спешил благоухать;
Травки, смятые под нею,
Не хотели восставать;
Где я очи голубые
Небесам подобны зрел,
С коих стрелы огневые
В грудь бросал мне злобный Лель.
О места, места священны!
Хоть лишен я вас судьбой,
Но прелестны вы, волшебны
И столь милы мне собой,
Что поднесь о вас вздыхаю
И забыть никак не мог,
С жалобой напоминаю:
Мой последний слышьте вздох.

1808

АСПАЗИИ

1 Блещет Аттика женами;
Всех Аспазия милей:
Черными очей огнями,
Грудью пенною своей
Удивляючи Афины,
Превосходит всех собой;
Взоры орли, души львины
Жжет, как солнце, красотой.

2 Ре́звятся вокруг утехи,
Улыбается любовь,
Неги, радости и смехи
Плетеницы из цветов
На героев налагают
И влекут сердца к ней в плен;
Мудрецы по ней вздыхают,
И Перикл в нее влюблен.

3 Угождают ей науки,
Дань художества дают,
Мусикийски сладки звуки
В взгляды томность ей лиют.
Она чувствует, вздыхает,
Нежная видна душа,
И сама того не знает,
Чем всех больше хороша.

4 Зависть с злобой содружася
Смотрят косо на нее,

С черной клеветой свияся,
Уподобяся змее,
Тонкие кидают жалы
И винят в хуле богов;
Уж Перикла силы малы
Быть щитом ей от врагов.

5 Уж ведется всенародно
Пред судей она на суд,
Злы молвы о ней свободно
Уж не шепчут — вопиют;
Уж собранье заседало,
Уж архонты все в очках;
Но сняла лишь покрывало —
Пал пред ней Ареопаг!

1809

СИНИЧКА

1 Синичка весення,
Чиликать престань,
Во время осенне
Зяблику дань
Ты платишь и таешь,
Вздыхаешь, вздыхаешь, вздыхаешь.

2 Любить всем в природе
Судьбой суждено;
Но в птичьем народе,
Ах! нужно одно,
Что если пылаешь,
Вздыхаешь, вздыхаешь, вздыхаешь,

3 То помни, что лето
Тотчас протечет,
Что сердце нагрето
Лишь страстью поет,
Но хлад как встречаешь,
Вздыхаешь, вздыхаешь, вздыхаешь.

4 Так выбери ж птичку
Такую себе,
И в осень синичку
Чтоб жала к себе
И хладу не знала,
Вздыхала, вздыхала, вздыхала.

1809

НЕЗАБУДКА

1 Милый незабудка цве́тик!
Видишь, друг мой, я стеня
Еду от тебя, мой светик, —
Не забудь меня.

2 Встретишься ль где с розой нежной
Иль лилеей взор пленя, —
В самой страсти неизбежной
Не забудь меня.

3 Ручейком ли где журчащим
Зной омоешь летня дня, —
И в жемчу́ге вод шумящем
Не забудь меня.

4 Ветерок ли где порханьем
Кликнет, в тень тебя маня, —
И под уст его дыханьем
Не забудь меня.

1809

⟨СКАЗКА⟩

ЦАРЬ-ДЕВИЦА

1 Царь жила-была девица, —
Шепчет русска старина, —
Будто солнце светлолица,
Будто тихая весна.

2 Очи светлы голубые,
Брови черные дугой,
Огнь — уста, власы — златые,
Грудь — как лебедь белизной.

3 В жилках рук ее пуховых,
Как эфир, струилась кровь;
Между роз, зубов перловых
Усмехалася любовь.

4 Родилась она в сорочке
Самой счастливой порой,
Ни в полудни, ни в полночке, —
Алой утренней зарей.

5 Кочет хлопал на нашесте
Крыльями, крича сто раз:
«Северной звезды на свете
Нет прекрасней, как у нас».

6 Маковка злата церковна
Как горит средь красных дней,
Так священная корона
Мило теплилась на ней

7 И вливала чувство тайно
С страхом чтить ее, дивясь;
К ней прийти необычайно
Было не перекрестясь.

8 На нее смотреть не смели
И великие цари:
За решеткою сидели
На часах богатыри.

9 И Полканы всюду чудны
Дом стрегли ее и трон;
С колоколен самогудный
Слышался и ночью звон.

10 Терем был ее украшен
В солнцах, в месяцах, в звездах;
Отливались блески с башен
Во осьми ее морях.

11 В рощах злачных, в лукоморье
Въявь гуляла и в саду,
Летом в лодочке на взморье,
На санка́х зимой по льду.

12 Конь под ней как вихрь крутился,
Чув девицу-ездока, —
Полк за нею нимф тащился
По следам издалека.

13 Коз и зайцев быстроногих
Страсть была ее гонять,
Гладить ланей златорогих
И дерев под тенью спать.

14 Ей ни мошки не мешали,
Ни кузнечики дремать;
Тихо ветерки порхали,
Чтоб ее лишь обвевать.

15 И по веткам птички райски,
Скакивал заморский кот,

Пели соловьи китайски,
И жужукал водомет.

16 Статно стоя, няньки, мамки
Одаль смели чуть дышать
И бояр к ней спозаранки
В спальню с делом допущать.

17 С ними так она вещала,
Как из облак божество;
Лежа царством управляла,
Их журя за шаловство.

18 Иногда же и тазала
Не одним уж язычком,
Если больно рассерчала,
То по кудрям башмачком.

19 Все они царя-девицы
Так боялись, как огня,
Крыли, прятали их лицы
От малейшего пятна.

20 И без памяти любили,
Что бесхитростна была;
Ей неправд не говорили,
Что сама им не лгала.

21 Шила ризы золотые,
Сплошь низала жемчуго́м,
Маслила брады седые
И не ссорилась с умом.

22 Жить давала всем в раздолье,
Плавали, как в масле сыр;
Ездила на богомолье, —
Божеством ее всяк чтил.

23 Все поля ее златились
И шумели под серпом,
Тучные стада водились,
Горы капали сребром.

24 Слава доброго правленья
Разливалась всюду в свет;
Все кричали с восхищенья,
Что ее мудрее нет.

25 Стиходеи ту ж бряцали
И на гуслях милу ложь;
В царствах инших повторяли
О царе-девице то ж.

26 И от этого-то грому
Поднялись к ней женихи
Вереницей к ее к дому,
Как фазаньи петухи.

27 Царств за тридевять мудруя,
Вымышляли, как хвалить;
Вздохами любовь толкуя,
К ней боялись подступить.

28 На слонах и на верблюдах
Хан иной дары ей шлет,
Под ковром, на хинских блюдах,
Камень с гору самосвет.

29 Тот эдемского индея,
Гребень — звезд на нем нарост,
Пурпур — крылья, яхонт — шея,
Изумрудный — зоб и хвост.

30 Колпиц алы черевички
Нес — с бандорой тот плясать;
Горлиц нежные яички —
Нежно петь и воздыхать.

31 Но она им не склонялась,
Набожна была чресчур.
Только в шутках забавлялась,
Напущая на них дур.

32 Иль велела им трудиться:
Яблок райских ей искать,

Хохлик солнцев, чтоб светиться
В тьме, век младостью блистать.

33 Но они понадорвали
Свой живот — и стали в пень;
Что искали — не сыскали,
И исчезли будто тень.

34 Тут откуда ни явился
Царь-царевич, или круль,
Ни людя́м не поклонился,
Ни на Спаса не взглянул.

35 По бедру коня хлесть задню
И в тот миг невидим стал, —
Шасть к царю-девице в спальню
И ее поцеловал.

36 Хоронилася платочком
И ворчала хоть в сердцах,
Но как вслед его окошком
Хлопнула, — вскричала: ах!

37 Конь к тому ж в пути обратном
Тронул сеть садовых струн:
Град познал в сем звуке страшном,
Что был дерзок Маркобрун.

38 Вот и встал дым коромыслом
От мая́ков по горам;
В мрачном воздухе навислом
Рев завыл и по церквам.

39 Клич прокликали в столице,
И гонцы всем дали весть,
Чтоб скакать к царю-девице
И, служа ей, — мстить за честь.

40 Заскрыпели двери ржавы
Оружейниц древних лет,
Воспрянули мужи славы
И среди пустынных мест.

41 Правят снасти боевые
И булат и сталь острят;
Старые орлы седые
С соколами в бой летят.

42 И свирепы кони в стойлах
Топают, храпят и ржут,
На холмах и на раздольях
Пыль вздымают, пену льют.

43 В слух пищали стенобойны,
Растворя чугунны рты,
Воют в час полночный, сонный,
Чтоб скорей в поход идти.

44 Идет в шкурах рать звериных,
С дубом, с пращей, с кистенем;
В перьях птичьих, в кожах рыбных,
И как холм течет чрез холм.

45 Занимает степи, луги
И насадами моря
И кричит: «Помремте, други,
За девицу и царя!

46 Не пленила златом, сбойством
Нас она, ни серебром,
Но лишь девичьим геройством,
Здравым и простым умом».

47 И так сими вождь речами
Взбудоражил войнов дух,
Что, подняв бугры плечами,
Растрепали круля в пух.

48 И еще в его бы царстве
Только раз один шагнуть,
Света б не было в пространстве,
Чем его и вспомянуть.

49 Кровь народа Маркобруна
Уподобилась реке;

Он дрожал ее перуна
И в своем уж чердаке.

50 Но как он царя-девицы
Нежный нрав довольно знал, —
Стал пастух — и глас цевницы
Часто ей своей внушал.

51 «Виноват, — пел, — пред тобою,
Что прекрасна ты, мила.
Сердце тронь мое рукою». —
«Сядь со мной!» — она рекла...

52 Так и все красотки славны
Дерзостей не могут несть;
Все бывают своенравны,
Любят жены, девы честь.

1812

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

НАДПИСИ

На разные случаи

ФЕЛЬДМАРШАЛУ ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ СУВОРОВУ-РЫМНИКСКОМУ

на пребывание его в Таврическом дворце 1795 года

Когда увидит кто, что в царском пышном доме
По звучном громе Марс почиет на соломе,
Что шлем его и меч хоть в лаврах зеленеют,
Но гордость с роскошью повержены у ног,
И доблести затмить лучи богатств не смеют, —
Не всяк ли скажет тут, что браней страшный бог,
Плоть Эпиктетову прияв, преобразился,
Чтоб мужества пример, воздержности подать,
Как внешних супостат, как внутренних сражать?
Суворов! страсти кто смирить свои решился,
Легко тому страны и царствы покорить,
Друзей и недругов себя заставить чтить.

1795

НА ПРОГУЛКУ В ГРУ́ЗИНСКОМ САДУ

О, как пленительно, умно там, мило все,
Где естества красы художеством сугубы
И сеннолистны где Ижорска князя дубы
В ветр шепчут, преклонясь, про счастья колесо!
1807

НА ХРАМ ПРИ ГАПСАЛЕ,

воздвигнутый графом Сте⟨й⟩нбоком
в память, что на месте том под деревами
отдыхал Петр Великий
по разбитии шведских галер
в 17⟨10⟩ году

На бывших шведских сей брегах построен храм,
Чтобы в прогулках был щит от дождя и зною
Друзей он и врагов, и в памятник векам:
Великого Петра тут сень была покою.

1811

На изображения

К ПОРТРЕТУ МИХАЙЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЛОМОНОСОВА

Се Пиндар, Цицерон, Виргилий — слава россов,
Неподражаемый, бессмертный Ломоносов.
В восторгах он своих где лишь черкнул пером,
От пламенных картин поныне слышен гром.

⟨1779⟩

КНЯЗЮ КАНТЕМИРУ, СОЧИНИТЕЛЮ САТИР

Старинный слог его достоинств не умалит.
Порок, не подходи! — Сей взор тебя ужалит.

⟨1779⟩

К СИЛУЭТУ ИВАНА ИВАНОВИЧА ХЕМНИЦЕРА

Эзоп лампадой освещал;
А басня кистию тень с истины снимала, —
Лицом Хемницера незапно тень та стала,
Котору в баснях он столь живо описал.

Ок. 1791

К ПОРТРЕТУ В. В. КАПНИСТА

Надежда, ябеда — противные суть страсти:
Та жалит, эта льстит чувствительны сердца
От зрителей сие самих зависит власти
Украсить чьим венцом сей образ, их отца.

1798 (?)

К ПОРТРЕТУ ИВАНА ИВАНОВИЧА ДМИТРИЕВА

Поэзия, честь, ум
Его были душою;
Юстиция, блеск, шум
Двора — судьбы игрою.

Между 1813 и 1816

НАДГРОБИЯ

НА ГРОБ ВЕЛЬМОЖЕ И ГЕРОЮ

В сем мавзолее погребен
Пример сияния людского,
Пример ничтожества мирского —
Герой и тлен.

Между 1779 и 1791

НА СМЕРТЬ ГРАФА АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА СУВОРОВА-РЫМНИКСКОГО, КНЯЗЯ ИТАЛИЙСКОГО, В С.-ПЕТЕРБУРГЕ ⟨1800⟩ ГОДА

О вечность! прекрати твоих шум вечных споров:
Кто превосходней всех героев в свете был?
В святилище твое от нас в сей день вступил
Суворов.

1800

НА ГРОБ N. N.

Сребра и злата не дал в лихву
И с неповинных не брал мзды,
Коварством не вводил в ловитву
И не ковал ничьей беды;

Но верой, правдой вержа злобу,
В долгу оставил трех царей.
Приди вздохнуть, прохожий, к гробу,
Покоищу его костей.

1804

НА ГРОБЫ РОДА ДЕРЖАВИНЫХ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ И УЕЗДЕ, В СЕЛЕ ЕГОРЬЕВЕ

О праотцев моих и родших прах священный!
Я не принес на гроб вам злата и сребра
И не размножил ваш собою род почтенный;
Винюсь: я жил, сколь мог, для общего добра.

1810

ЗАПИСКИ

ПОСЛАНИЕ МУРЗЫ БАГРИМА К ЦАРЕВНЕ ДОБРОСЛАВЕ

Мурза, Багримов сын, царевне Доброславе
Желает здравия, всех благ ее державе:
Чтоб розами уста, в лилеях грудь цвела,
Чтоб райскою росой кропил тебя Алла
И, вознеся престол как солнце твой высоко,
Хранил тебя на нем яко зеницу ока.

1796 (?)

ЖУКОВСКОМУ И РОДЗЯНКЕ,

прислaвшим с большими похвалами автору перевод его оды «Бог» на французском языке

Не мне, друзья! идите вслед;
Ищите лучшего примеру. —
Пиндару русскому, Гомеру
Последуйте, — вот мой совет.

1799

* * *

Кто вел его на Геликон
И управлял его шаги?
Не школ витийственных содом, —
Природа, нýжда и враги.

1805

ИЗДАТЕЛЮ МОИХ СОЧИНЕНИЙ

В угодность наконец общественному взгляду
Багрим к тебе предстал татарских мурз с гудком;
Но с вздохом признаюсь, в нем очень мало ладу;
И то уже порок: я смел блистать умом.

1808

* * *

Тебе в наследие, Жуковской!
Я ветху лиру отдаю;
А я над бездной гроба скользкой
Уж преклоня чело стою.

1808

РУССКИМ ГРАЦИЯМ

Велит вам, грации, надернуть покрывало
На песенки мои шутливые мудрец.
Знать, яблоко его Эдема не прельщало,
Ни мать не из ребра, ни глиняный отец,
Не любопытен он, как деды его были;
Но вы, зрю, — всякая вслед пра́бабы идет, —
Сквозною дымкою те песенки закрыли
И улыбнулися на запрещенный плод.

1809

В АЛЬБОМ К. В. КАПНИСТОВОЙ

Младых со Псла я слышу соловьев!
Кто научает их приятному толь пенью,
Что их доходит глас до Волхова брегов
И Паша под окном их внемлет вдохновенью?
Не ты ли, Катенька, живя в глухом лесу, —
Алмаз, скрывающий в коре свою красу?

1813

ЭПИГРАММЫ

НА МОДНОЕ ОСТРОУМИЕ 1780 ГОДА

Не мыслить ни о чем и презирать сомненье,
На все давать тотчас свободное решенье,
Не много разуметь, о многом говорить;
Быть дерзку, но уметь продерзостями льстить;
Красивой пустошью плодиться в разговорах
И другу и врагу являть приятство в взорах;
Блистать учтивостью, но, чтя, пренебрегать,
Смеяться дуракам и им же потакать,
Любить по прибыли, по случаю дружиться,
Душою подличать, а внешностью гордиться;
Казаться богачом, а жить на счет других;
С осанкой важничать в безделицах самих;
Для острого словца шутить и над законом;
Не уважать отцом, ни матерью, ни троном;
И словом, лишь умом в поверхности блистать,
В познаниях одни цветы только срывать;
Тот узел рассекать, что развязать не знаем, —
Вот остроумием что часто мы считаем!

Ок. 1776; 1780

ПРАВИЛО ЖИТЬ

Утешь поклоном горделивца,
Уйми пощечиной сварливца,
Засаль подмазкой скрып ворот,

Заткни собаке хлебом рот, —
Я бьюся об заклад,
Что все четыре замолчат.

Ок. 1777

СПРАВКИ

Без справок запрещает
Закон дела решить;
Сенат за справки отрешает
И отдает судить.
Но как же поступать? —
Воровать?

1788

НА ПТИЧКУ

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой.
Пищит бедняжка вместо свисту;
А ей твердят: «Пой, птичка, пой!»

1792 или 1793

НА СМЕРТЬ СОБАЧКИ МИЛУШКИ,

которая при получении известия
о смерти Людовика XVI
упала с колен хозяйки
и убилась до смерти
1793 года

Увы! Сей день с колен Милушка
И с трона Людвиг пал. — Смотри,
О смертный! Не всё ль судеб игрушка —
Собачки и цари?

1793

ОТВЕТ ТРОМПЕТИНА К БУЛАВКИНУ

Трубит Тромпетин как в тромпету,
Трубы звук вторит холм и дол;
Но колет как Булавкин в мету,
Кому слышна булавки боль?
Блистали царствы, — царств тех нету;
Пиндар в стихах своих живет.
Толпой толпятся мошки к свету;
Но дунет ветр — и мошек нет.

1805

СУД О ТРАГИКАХ

Эсхила видючи, Софокла, Эврипида,
Корнелий и Расин, Вольтер и Кребильон,
Признавшись в кражах их, им сделали поклон;
Но их дрожал Княжнин и Сумароков вида. —
Богиня трагиков, подшед к ним величаво,
«Не бойтеся, — рекла, — друг друга вы, друзья;
Вы чувствовали все и рассуждали здраво. —
Хоть чужды лоскутки на вас и вижу я,
Но моего венца я никому не дам другому,
Как чувству собственну и гению прямому».

Между 1797 и 1811

СУД О БАСЕЛЬНИКАХ

Эзоп, Хемницера зря, Дмитрева, Крылова,
Последнему сказал: ты колок и умен;
Второму: ты хорош для модных, нежных жен;
С усмешкой первому сжал руку — и ни слова.

Между 1806 и 1811

* * *

Враги нам лучшие друзья;
Они премудрости нас учат.
Но больше тех страшуся я,
Ласкательством меня кто мучат.

Между 1801 и 1816

* * *

Ареопагу был он громом многократно,
По смерти же его поставили кумир.
Вельможам вместе быть с ним было неприятно:
Не терпит правды мир.

Между 1803 и 1816

⟨ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ⟩

ЖЕЛАНИЕ ЗИМЫ

Его милости разжалованному
отставному сержанту,
дворянской думы копиисту,
архивариусу без архива, управителю без имения
и стихотворцу без вкуса
1787 года

1 На кабаке Борея
Эол ударил в нюни;
От вяхи той бледнея,
Бог хлада слякоть, слюни
Из глотки источил,
Всю землю замочил.

2 Узря ту Осень шутку
Их вправду драться нудит,
Подняв пред ними юбку,
Дожди, как реки, прудит,
Плеща им в рожи грязь,
Как дуракам смеясь.

3 В убранстве козырбацком,
Со ямщиком-нахалом,
На иноходце хватском,
Под белым покрывалом
Бореева кума
Катит в санях — Зима.

4 Кати, кума драгая,
В шубеночке атласной,

Чтоб Осень, баба злая,
На Астраханской Красной
Не шлёндала кабак
И не кутила драк.

5 Кати к нам, белолика,
Кати, Зима младая,
И, льстя седого трыка
И страсть к нему являя,
Эола усмири,
С Бореем помири.

6 Спеши, и нашу музу,
Кабацкую певицу,
Наполнь хмельного грузу,
Наладь ее скрыпицу, —
Строй пунш твоей рукой,
Захарьин! пей и пой.

7 Пой, только не стихеры,
И будь лишь в стойке дивен,
На разные манеры
Ори *ширень да вирень*,
Да *лист, братцы, трава*.
О пьяна голова!

1787

МИЛОРДУ, МОЕМУ ПУДЕЛЮ

1 Тебя, Милорд! воспеть хочу;
Ты графской славной сын породы.
Встань, Диоген! зажги свечу
И просвети ты в том народы,
Что верности и дружбы нет
На свете более собачей.
Воззри, брехав на мир ходячей:
Как бочку ты, так кабинет
Стрежет мой циник без измены,
Храня в нем книги, письма, стены.

2 К тебе как древле, днесь к нему
Коль вшел бы мира победитель
И, принеся в конуру тьму,
Его был гордый вопроситель:
Чего себе желает в дар?
То, гриву дыбом, как щетину,
Подняв, ощеря харю львину,
Как ты он громко б заворчал:
«Прочь! прочь! и солнечна зениту
Не тми писать стихи пииту».

3 Ты шерстью бел, Милорд, умом,
Подлогу нет в тебе ни духу;
Ты раб, а в смысле друг прямом
И струсишь разве от обуху;
Ласкаешься ты к тем всегда,
Меня кто непритворно любит;
А кто мне враг иль лесть мне трубит,
Ты тех кусаешь иногда.
Ты камердинер на догадки:
Мне носишь шляпу, трость, перчатки.

4 Осанист, взрачен, смотришь львом,
Подобно гордому вельможе;
Обмыт, расчесан, обелен,
Прекрасен и в мохнатой роже.
Велик, кудряв, удал собой:
Как иней — белыми бровями,
Как сокол — черными глазами,
Как туз таможенный какой,
В очках магистер знаменитой,
А паче где ты волокитой.

5 Бываешь часто сзади гол,
Обрит до тела ты нагого;
Но как ни будь кто сколько зол,
Не может на тебя другого
Пороку взвесть и трубочист,
Который всех собой марает,
Что вид твой мота лишь являет,
Который сзади уже чист

Имением своим богатым,
Но виден лишь с лица хохлатым.

6 О! сколь завистников в судьбе
Твоей и в жребьи столь счастливом,
Когда отвсюду нимф к тебе
Ведут, — и ты во прихотливом
Твоем желаньи, как султан,
Насытясь мяс из рук пашинских,
С млеком левантских питий, хинских,
Почить ложишься на диван:
Ты равен тут уж сибариту,
Породой, счастьем отмениту.

7 Он сладко ест, и пьет, и спит,
Курит и весь свой век зевает,
Тем больше в свете знаменит,
Чем больше в неге утопает.
Но нет: его ты лучше тем,
Что доброхотам благодарен,
Не зол на вышке, не коварен,
Не подл внизу ни перед кем.
И на ворон хоть лаешь черных,
Но друг своих и кошек белых.

8 Заносчив, правда, ты, Милорд!
Но будь блажен, о пес почтенный!
И по достоинству тем горд,
Что страж ты добр хозяйских верный.
Как редко в нынешний то век!
В плену стеснен быв жаждой, гладом,
Прервав ты цепь, бежал всем градом,
Как твердый отчич, человек,
Что на дары ничьи не падок,
И лег на одр свой без оглядок.

9 Весьма ты сметлив на порок,
И, зря просителей бумаги,
Ко мне в мой приносивших толк,
Средь дельной иль пустой отваги
Берешь листы ты с полу вдруг,
Приносишь мне ради прочтенья

И, требуя в тот миг решенья,
Мой лаем беспокоишь дух.
Ах! Если б все так были рьяны,
Когда б лезть за умом в карманы?

10 Отважный, дерзкий водолаз,
И рубль ты сыщешь бездн в средине.
Еще бы более проказ
Узрели мы фортуны в сыне,
Когда бы только он имел
Твое чутье и плавать лапы:
Он сóрвал бы с британцев шляпы
И вмиг их златом овладел,
На брег из моря вышед с дракой,
И был всех больше б забиякой.

11 О славный, редкий пудель мой,
Кобель великий, хан собачий,
Что истинно ты есть герой,
Того и самый злой подьячий
Уже не в силах омрачать:
Ты добр, — смешишь детей игривых.
Ты храбр, — страшишь людей трусливых
Учтив, — бежишь меня встречать.
Премудр, — в философы годишься,
Стрельбы и Дурака * тулишься.

12 Велик, могущ и толст Дурак,
А всем пословица известна,
Что с сильным, с богачом никак
Ни брань, ни драка не совместна,
То как избавиться хлопот?
Как сладить со слоновьей мочью?
С башкой упругой, мозгом тощью?
Бежать поджавши куда хвост?
Так ты, чтобы не быть в накладе,
Ушел — и счастлив в Альдораде.

13 Блажен, тебе теперь тепло,
Живешь в спокойстве и в прохладе,

* Дураком называется ужасной величины датский злобный кобель, от которого Милорд всегда прячется.

А если иногда в стекло,
Восседши под окошком в граде,
И видишь стаю ты собак,
Грызущихся между собою,
Патриотичною душою
Ворча тихонько, брешешь так:
«Пусть за казенну бы ковригу
Дрались, а не мослы, лодыгу».

14 Так, честный песий философ,
Ты прав с толь здравым рассужденьем,
Но много ли таких есть псов,
Что от мослов бегут с презреньем?
Голодный волк завертки рвет,
Тот ввек привык чужим тешиться,
А тот — лишь только б покормиться,
И свет уж так давно идет.
Хвали же вышнего десницу,
Ешь молча щи и пей водицу.

15 Сиятельный твой так отец
Пил, ел и спит в саду прекрасном,
И там, чувствительных сердец
К отраде в плаче их ужасном,
Над ним поставлен монумент;
То мне ли быть неблагодарным,
Пииту не высокопарным,
Тебе не сделать комплимент?
Нет! — гроб твой освечу лучами,
Вкруг прах омою весь слезами.

16 А если строгою судьбой
И непреложным, злобным роком
Век прежде прекратится мой,
То ты в отчаяньи жестоком,
Среди ночныя тишины
Наполнь весь дом мой завываньем,
Чтоб враг и друг мой, душ с терзаньем,
Простили мне мои вины:
Хоть то по смерти награжденье,
Внушишь во всех коль сожаленье.

1807

ПРИВРАТНИКУ

1 Один есть бог, один Державин, —
Я в глупой гордости мечтал, —
Одна мне рифма — древний Навин,
Что солнца бег остановлял.
Теперь другой Державин зрится,
И рифма та ж к нему годится.
Но тот Державин — поп, не я:
На мне парик — на нем скуфья.

2 И так, чтоб врат моих приста́ву
В Державиных различье знать,
Пакетов, чести по уставу,
Чужих мне в дом не принимать,
Не брать от *имреков* пасквилей,
Цидул, листков, не быть впредь филей,
Даю сей вратнику приказ, —
Не выпущать сего из глаз.

3 На имя кто б мое пакеты
Какие, письма ни принес, —
Вопросы должен на ответы
Тотчас он дать, — бумаг тех в вес, —
Сказать: отколь, к кому писанья,
И те все произнесть признанья
Свободным без запинок ртом;
Подметны сплетни жги огнем.

4 А чтоб Державина со мною
Другого различал ты сам, —
Вот знак: тот млад, но с бородою,
Я стар, — юн духом по грехам.
Он в рясе длинной и широкой;
Мой фрак кургуз и полубокой.
Он в волосах; я гол главой;
Я подлинник — он список мой.

5 Он пел молебны, панихиды
И их поныне всё поет;
Слуга был Марса я, Фемиды,
А ныне — отставной поэт.

Он пастырь чад, отец духовный.
А я правитель был народный;
Он обер-поп; я ктитор муз,
Иль днесь пресвитер их зовусь.

6 Кропит водой, курит кадилом,
Он тянет руку дам к устам;
За честь я чту тянуться рылом
И целовать их ручки сам.
Он молит небеса о мире;
Героев славлю я на лире.
Он тайны сердца исповесть;
Скрывать я шашни чту за честь.

7 Различен также и делами:
Он ест кутью, — а я салму.
Он громок многими псалмами,
Я в день шепчу по одному.
Державин род с потопа влекся;
Он в семинарьи им нарекся
Лишь сходством рифм моих и стоп.
Мой дед мурза — его дед поп.

8 И словом: он со мной не сходен
Ни видом, ростом, ни лицом;
Душой, быть может, благороден,
Но гербом — не Державин он!
В моем звезда рукой держима;
А им клюка иль трость носима.
Он может четки взнесть в печать;
Я лирою златой блистать.

9 А потому почталионов,
Его носящих письма мне,
Отправя множеством поклонов, —
Ни средь обедов, ни во сне
Не рушь ты моего покою;
Но позлащенной булавою
С двора их с честью провожай;
Державу с митрой различай.

1808

⟨*ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ*⟩

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы, —
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы!

6 июля 1816

КОММЕНТАРИИ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящее избранное собрание стихотворений Державина печатается по текстам последнего прижизненного издания сочинений 1808—1816 гг. Нами учтены исправления Державина в экземпляре этого издания, хранящемся в Пушкинском доме Института русской литературы Академии наук СССР. При подготовке текстов составитель обращался к рукописям и предшествующим изданиям.

Стихотворения, не вошедшие в собрание 1808—1816 гг., печатаются по первоизданиям или же по рукописям, если в первой и последующих публикациях обнаружились неточности.

Державин расположил стихотворения в собрании 1808—1816 гг. по историческим периодам и по жанрам. В первую часть собрания своих сочинений он включил высокие оды и лирические стихотворения екатерининского времени, то есть до 1796 г. включительно. Во вторую часть вошли высокие оды и лирические стихотворения, написанные в павловское и александровское время до 1805 г. В третьей части Державин опубликовал стихотворения сборника «Анакреонтические песни» (1804), определившие содержание тома, и произведения, относящиеся к легкой поэзии.

Эти державинские разделы, наиболее точно передающие представления поэта о жанровой природе его поэзии и об исторически сложившихся циклах его стихотворений, мы сохраняем и в нашем издании. Державин не дал этим циклам названий или жанровых определений, ограничившись лишь цифрой части. Стихотворения «Ко второму соседу», «Колесница», «Буря» и «Афинейскому витязю» перенесены нами из второй части в первую, поскольку хронологически они относятся к екатерининскому времени и тесно связаны с ним.

Стихи, написанные после 1808 г., вошли в последний, пятый том собрания сочинений, опубликованный в 1816 г. Произведения этого тома присоединены нами к стихам второй части (поскольку они относятся ко времени Александра I и, естественно, дополняют этот цикл), а также к третьей части — если они относятся к анакреонтической или легкой поэзии.

Стихи, не вошедшие в последнее прижизненное издание 1808—1816 гг., но представляющие интерес и публиковавшиеся впоследствии в разных собраниях сочинений Державина, включены нами в принятые автором циклы стихотворений.

В четвертую часть настоящего издания включены стихотворения, которые Державин предполагал публиковать отдельным томом как продолжение незаконченного издания 1808—1816 гг. и вошедшие в рукопись поэта под номером «ч. VII» (в части шестой Державин предполагал публиковать прозу). Рукопись «ч. VII» хранится в Ленинграде в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Стихи в этой рукописи расположены по жанрам: надписи, надгробия, записки, эпиграммы и т. д. Мы сохраняем эти разделы Державина. К четвертой части мы присоединили также известные шуточные стихотворения поэта, опубликованные после его смерти.

Внутри державинских циклов, соответствующих первой, второй и третьей частям собрания сочинений, а также в четвертой части стихи расположены нами хронологически.

Датируются стихотворения на основании указаний автора в его «Объяснениях», по рукописям, а также по первоизданию. Даты, определяемые по первоизданию, печатаются в угловых скобках.

В ряде случаев стихи Державина приходится печатать с двумя датами. Случаи эти следующие:

1) когда стихотворение самим автором датируется по раннему, не дошедшему до нас или оставшемуся неопубликованным варианту, а публикуемый окончательный текст несомненно относится к более позднему времени; в этом случае под стихотворением ставится ранняя дата первого варианта и через точку с запятой — дата последней редакции;

2) когда автор длительное время работал над стихотворением, — под текстом ставятся даты начала и конца работы через тире;

3)когда известна дата начала работы над стихотворением, а время завершения точно не известно, датой окончания работы

принимается дата публикации, которая ставится второй датой в угловых скобках.

В тексте стихотворений в угловых скобках раскрываются полностью фамилии, скрытые автором под инициалами, и даты.

Исправления, внесенные в текст изд. 1808, оговариваются в примечаниях.

Составитель стремился приблизить тексты Державина к современным нормам орфографии и пунктуации.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

Об. Д.	«Объяснения на сочинения Державина относительно темных мест, в них находящихся, собственных имен, иносказаний и двусмысленных речений, которых подлинная мысль автору токмо известна; также изъяснение картин, при них находящихся, и анекдоты, во время их сотворения случившиеся». (Напечатано в изд. соч. Державина под ред. Грота, 1866, т. III, стр. 592.)
сб. «Анакр. песни»	«Анакреонтические песни» Державина, СПб., 1804.
изд. 1798	«Сочинения Державина», ч. I, М., 1798.
изд. 1808 (с указанием части)	«Сочинения Державина», чч. I—IV, СПб., 1808.
изд. 1816	«Сочинения Державина», ч. V, СПб., 1816.
изд. под ред. Грота (с указанием тома)	«Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота». Изд. имп. Академии наук, тт. I—IX, СПб., 1864—1883. (Издание повторено, тт. I—VII, в малом формате в 1868—1878; ссылки на страницы в настоящем издании указаны по первому, «большому», изданию Грота.)

изд. «Библ. поэта» 1933	«Державин. Стихотворения». Редакция и примечания Гр. Гуковского. Вступ. статья И. А. Виноградова. «Библиотека поэта», Издательство писателей в Ленинграде, 1933.
«ч. VII»	Рукопись стихотворений, предназначавшихся Державиным к изданию в ч. VII собрания сочинений 1808—1816; хранится (автограф, дополнение и два списка) в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Архив Державина, т. 3.
«Собеседник...» (с указанием года)	Журнал «Собеседник любителей российского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых Российских писателей», СПб. (1783—1784).
«Пр. и пол. препр. врем.» (с указанием года)	Журнал «Приятное и полезное препровождение времени», М. (1794—1798).
«Соч. и перев. Росс. акад.»	Сборник «Сочинения и переводы, издаваемые Российской академиею», ч. I—VII, СПб. (1805, 1806 и след.).
экз. Львовой	Экземпляр издания сочинений Державина 1808—1816, подаренный автором Е. Н. Львовой, в котором даны исправления текстов рукой Державина. Хранится в Пушкинском доме Института русской литературы Академии наук СССР в Ленинграде.
Арх. Держ., ПД (с указанием тома)	Архив Державина в Пушкинском доме Института русской литературы Академии наук СССР в Ленинграде.
Арх. Держ., ГПБ (с указанием тома)	Архив Державина в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Часть I сочинений Державина в изд. 1808 г., как и в изд. 1798 г., открывается стихотворным посвящением Екатерине II:

Монархиня!

Что смелая рука Поэзии писала,
Как бога. истину, Фелицу во плоти
И добродетели твои изображала,
Дерзаю к твоему престолу принести;
Не по достоинству изящнейшего слога,
Но по усердию к тебе души моей.
Как жертву чистую, возжженную для бога,
Прими с небесною улыбкою твоей,
Прими и освяти твоим благоволеньем,
И Музе будь моей подпорой и щитом,
Как мне была и есть ты от клевет спасеньем.
Да веселясь она и с бодрственным челом
Пойдет сквозь тьму времен и станет средь потомков,
Суда их не страшась, твои хвалы вещать;
И алчный червь когда, меж гробовых обломков,
Оставший будет прах костей моих глодать,
Забудется во мне последний род Багрима,
Мой вросший в землю дом никто не посетит, —
Но лира коль моя в пыли где будет зрима
И древних струн ее где голос прозвенит,
Под именем твоим громка она пребудет;
Ты *славою*, — твоим я *эхом* буду жить.
Героев и певцов вселенна не забудет;
В могиле буду я, но буду говорить.

Стихи были написаны для рукописного сборника стихотворений, который Державин поднес в 1795 г. Екатерине II; перекликаются со стихотворениями «Памятник» и «Лебедь».

За посвящением следовал эпиграф к ч. I сочинений: «О время благополучное и редкое, когда мыслить и говорить не воспрещалося; когда соединены были вещи несовместные, владычество и свобода; когда при самом легком правлении общественная безо-

пасность состояла не из одной надежды и желания, но из достоверного получения прочным образом желаемого». Эпиграф взят из двух книг римского историка Тацита (I—II вв.): «История», кн. 1, и «Жизнеописание Агриколы».

Монумент Петра Великого. — Впервые в журн. «СПб. вестник», 1778, ч. II, стр. 30. «Писано в Пб. 1776» (Об. Д.).

Поводом к написанию этой песни послужили приготовления к постановке на Сенатской площади в Петербурге памятника Петру I работы Этьенна-Мориса Фальконе (1716—1791).

В строфе 5-й *Тиран своим свирепством* (вместо *Тиран своим богатством)* исправлено согласно списку исправлений, приложенному к изд. 1798 г.

Нерон, Калигула, Коммоды — известные своей жестокостью и деспотизмом римские императоры. Нерон (37—68) окончил жизнь самоубийством. Калигула (12 г. до н. э. — 41 г. н. э.) убит заговорщиками-преторианцами. Коммод (161—192) убит своими приближенными. *Когда кого народ не любит, Полки его и деньги — прах.* — Намек на Фридриха II, с которым во второй половине 70-х гг., после первого раздела Польши, осложнились отношения Екатерины II.

На смерть князя Мещерского. — Впервые в журн. «СПб. вестник», 1779, ч. IV. стр. 175, в первоначальной редакции.

А. И. Мещерский и С. В. Перфильев, к которому обращено стихотворение, принадлежали к придворному кругу наследника Павла. Державин сблизился с ними после Пугачевского восстания и принимал участие в их пирах в доме Перфильева. А. И. Мещерский умер в 1779 г. Стихотворение два раза было напечатано анонимно, как и многие другие стихотворения Державина. Поэт И. И. Дмитриев рассказывает в своих воспоминаниях о том, что он «долго не мог узнать имя прельстившего его поэта».

Глагол времен! металла звон! — Имеется в виду бой часов. *Лики* — здесь хоры певчих на пиру.

Ключ. — Впервые в журн. «СПб. вестник», 1779, ч. IV, стр. 267, в первоначальной редакции. «Соч. в Пб. 1779» (Об. Д.).

Написано по случаю выхода в свет эпической поэмы М. М. Хераскова «Россияда». *Гребеневский ключ* находился в подмосковном имении Хераскова.

К первому соседу. — Впервые в журн. «СПб вестник», 1780, ч. VII, стр. 108, под названием «Ода к соседу моему господину N». «Писано в Пб. 1780» (Об. Д.).

Стихотворение является посланием купцу М. С. Голикову, одному из учредителей торговой Сибирской компании. На его деньги снаряжалась экспедиция исследователя Сибири и Северного морского пути Г. И. Шелехова. Голиков содержал «питейные сборы на откупу» и сделался «по худому своему оным управлению и роскошной жизни несчастливым» (Об. Д.). Его отдали под суд за провоз контрабанды. В 1780 г., когда написано стихотворение, Державин жил в Петербурге на Сенной площади по соседству с Голиковым. Обстоятельства жизни соседа были хорошо известны поэту. Они послужили поводом для эпикурейского послания о недолговечности богатства и счастья, доставшихся нечестным путем.

В строфе 5-й *Горам подобны гонят воды* вместо *Горам подобно гонят воды* исправлено нами по рукописям и изданиям до 1803 г. как опечатка.

Вертеп — пещера. *И нежной нимфой ты сидишь...* — намек на певицу-итальянку, которую содержал Голиков. *Парки* (римск. миф) — богини судьбы, пряли нить жизни человека. *Твоя уж Пенелопа в скуке Ковер не будет распускать.* — Пенелопа — жена Одиссея, сохранившая верность мужу в течение его двадцатилетних странствий. Представители местных родов потребовали, чтобы она избрала себе жениха. Пенелопа сказала, что она исполнит их желание, когда закончит ткать саван Лаэрту, отцу Одиссея, но по ночам она распускала пряжу, которую ткала днем (см. «Одиссею» Гомера). Державин имел в виду жену Голикова, жившую в Сибири.

На Новый год. — Впервые в журн. «СПб. вестник», 1781, ч. VII, стр. 3. Написано в самом конце 1780 или начале 1781 г.

Лукулл (I в. до н. э.) — римский полководец и политический деятель, славившийся своею роскошью и пирами. *Любим Пленирой я моей...* — Именем Плениры Державин называл в стихах свою первую жену Екатерину Яковлевну, рожденную Бастидон (1760—1794). *Петры, и Генрихи, и Титы...* — Имеются в виду Петр I, французский король Генрих IV (1553—1610) и римский император Тит Флавий Веспасиан (39—81), которых почитали сторонники просвещенного абсолютизма. *Которых свергнуть элементы...* — «Элементы» в языке XVIII в. — стихии.

На выздоровление Мецената. — Впервые в 1781 г. отдельным изданием под названием «Дифирамб на выздоровление покровителя наук, сочинен в Москве, 1781 года».

Написано на выздоровление И. И. Шувалова (1727—1797), просвещенного елизаветинского вельможи, поощрявшего деятельность Ломоносова и Сумарокова и покровительствовавшего Державину.

Меценат — Кай Цильний (I в. до н. э.), древнеримский политический деятель и писатель, покровительствовал Вергилию, Горацию и другим поэтам; его имя стало нарицательным для покровителя наук и искусств. *Старик* — Харон (греч. миф.), перевозчик через реки в загробном мире душ умерших. *Фарóс* — маяк, освещающий путь. *Коцит* (греч. миф.) — река в загробном мире. *Эреб* (греч. миф.) — обиталище мертвых. *Равнó бессмертен в Петриаде...* — Имеется в виду неоконченная поэма Ломоносова «Петр Великий», посвященная И. И. Шувалову.

Ф е л и ц а. — Впервые в журн. «Собеседник...», 1783, ч. I, стр. 5, под названием «Ода к премудрой Киргизкайсацкой царевне Фелице, писанная некоторым татарским мурзою, издавна поселившимся в Москве, а живущим по делам своим в Санкт-петербурге. Переведена с арабского языка 1782». Заглавие издатели сопроводили примечанием: «Хотя имя сочинителя нам и не известно, но известно нам то, что сия ода точно сочинена на российском языке».

В 1781 г. Екатерина II напечатала «Сказку о царевиче Хлоре». В этой дидактической сказке рассказывается, как киргизский хан решил испытать способности похищенного им русского царевича Хлора и послал его искать розу без шипов. В пути Хлор встретил дочь киргизского хана Фелицу (от латинского felicitas — счастье), сыном которой был Рассудок, отыскавший путь к розе без шипов — Добродетели. Сказка о царевиче Хлоре подсказала Державину имя героини, название оды и условный восточный колорит, позволивший Державину свободно вести шутливый разговор с Фелицей, под именем которой он вывел Екатерину II.

В первоначальном плане оды «Фелица» выражено отношение к Екатерине II и просвещенному государю, характерное для мировоззрения поэта: «когда я тебя вижу с благородным жаром трудящуюся... приводящую в стыд государей, труда трепещущих... когда я тебя вижу разумными распоряжениями обогащающую твоих подданных... нам море отверзающую... тогда, не спрашивая, нравится ль то Аполлону, моя муза... тебя хвалит». Любопытно, что в план оды вошли отрывки из «Беседы с королем» Буало.

К духáм в собранье не въезжаешь, Нé ходишь с трона на Восток... — Духáми Екатерина называла масонов; Востоки — ма-

сонские ложи. Строфы 5—8 направлены против Потемкина. *Или кулачными бойцами...* — относится к А. Г. Орлову. *И забавляюсь лаем псов...* — Псовой охотой увлекался П. И Панин. *Я тешусь по ночам рогами...* — относится к С. К. Нарышкину, любителю роговой музыки. *Полкана и Бову читаю...* — Полкан и Бова — герои сказки XVII в. о Бове-Королевиче. *Между лентяем и брюзгой...* — Лентяг-мурза и Брюзга-султан — герои сказки Екатерины II о царевиче Хлоре; в них видели намеки на Потемкина и кн. А. А. Вяземского. *Что отреклась и мудрой слыть.* — Екатерина II отказалась от титулов «премудрой», «матери отечества», поднесенных ей в 1767 г. Сенатом и Комиссией по составлению нового уложения, и от звания «Великой», поднесенного ей петербургским дворянством в 1779 г. *За здравие царей не пить* и следующие четыре строки. — В царствование Анны Иоанновны не выпить за здоровье царя считалось величайшим преступлением, виновного допрашивала тайная канцелярия. При переписке бумаг только в екатерининское время было разрешено переносить титул царя из одной строки в другую. До этого неосторожного писца наказывали плетьми. Уронить монету с изображением государя считалось оскорблением. *В ледовых банях их не жарят...* — Намек на шутовскую свадьбу кн. Голицына в ледяном доме на Неве в царствование Анны Иоанновны. *Князья наседками не клохчут...* — Шутовство было особенно распространено при дворе Анны Иоанновны и позже — Елизаветы. Шуты сидели в лукошках в покоях царицы; в таком лукошке, по преданию, сиживал и кн. Голицын. *Крез* (VI в. до н. э.) — царь Лидии (Малая Азия), обладатель несметных богатств.

Благодарность Фелице. — Впервые в журн. «Собеседник...», 1783, ч. II, стр. 142. «Соч. 1783» (Об. Д.).

После появления в печати оды «Фелица» Екатерина II послала Державину в подарок золотую табакерку с червонцами и пригласила во дворец. В ответ Державин написал это стихотворение.

Понт — здесь море.

Решемыслу. — Впервые в журн. «Собеседник...», 1783, ч. VI, стр. 3, под названием «Ода великому боярину и воеводе Решемыслу, писанная подражанием оде к Фелице 1783 году». В одной из рукописей название оды заканчивалось словами: «Или изображение каковым быть вельможам должно» (Арх. Держ., т. 4, л. 56, ПД).

Стихотворение сочинено в похвалу Потемкину по настоянию Е. Р. Дашковой «и в угождение императрице». Однако ода приобрела сатирические черты. В ней перечислялись достоинства идеального помощника просвещенного государя — достоинства, которых недоставало Потемкину. И хотя он получил от Екатерины титул «светлейшего», его называли «князем тьмы». Для современников похвалы Державина Решемыслу приобретали оттенок двусмысленности. Несмотря на это, Потемкин, видимо не желая читать между строк, принял оду.

Решемысл — герой «Сказки о царевиче Февее» Екатерины II. *Подруга Флаккова...* — то есть муза римского поэта Горация Флакка (65—8 до н. э.). *Служившего царице той...* — намек на Елизавету Петровну. Во 2-й и 3-й строфах используются мотивы сказки Екатерины II о Февее, в 4-й и следующих говорится о Екатерине. *Ты можешь в былях, небылицах...* — «Были и небылицы» — сатирические очерки Екатерины II. *И не куба́рит куба́рей...* — выражение из «Былей и небылиц», т. е. не бездельничает и не зубоскалит. *Минерва* (греч. миф) — богиня мудрости. здесь Екатерина II. *Героям шьет коты́ да шубы.* — Имеется в виду разрешение Екатерины войскам носить зимой более удобную и теплую форму (коты́ — мужская верхняя обувь).

Бог. — Впервые в журн. «Собеседник...», 1784, ч. XIII, стр. 125.

Мысль написать оду пришла Державину в 1780 г.; в том же году ода была начата, но, как писал поэт в своих «Объяснениях», «будучи занят должностию и разными светскими суетами, сколько ни принимался, не мог окончить оную». Только в 1784 г., проезжая через Нарву, Державин «оставил свою повозку и людей на постоялом дворе, нанял маленький покой в городе у одной старушки» и, запершись, написал оду в несколько дней. Ода была широко известна в XVIII в.: ее неоднократно переводили почти на все западноевропейские языки. Она продолжала в известной мере традицию духовной оды Ломоносова. Строфы 8-я и 9-я перекликаются с мотивами 1-й песни «Ночей» Юнга. Ода «Бог» как философское произведение замечательна утверждением противоречивости явлений в природе и жизни. Любопытно, что под понятием божества Державин, судя по автокомментарию, разумел также «бесконечное пространство, беспрерывную жизнь в движении вещества и неоканчаемое течение времени».

Видение Мурзы. — Впервые в «Моск. журнале», 1791, ч. I, стр. 8.

Стихотворение развивает тему оды «Фелица» о просвещенном правителе. В обширном плане стихотворения (изд. под ред. Грота, т. III, стр. 605) весьма любопытны мысли поэта, относящиеся к этой теме, высказанные значительно резче и определеннее, чем в стихах: «Они (правители. — *А. К.*) не будут выжимать из своих подданных последней крохи, как из лимонов сок, и чрез то называться премудрыми, а доставят народу упражнения, рукоделия и промыслы», «они не будут бояться сатир», «они, пишучи законы, дадут право оные рассматривать подданным», «они будут мерзить тиранством, и при их владении не прольется кровь человеческая как река».

В «Видении Мурзы» Державин возражал на обвинения в лести, которые после выхода в свет «Фелицы» стали раздаваться среди задетых вельмож. В плане стихотворения Державин об этом писал: «не хотелось мне быть и ныне в числе шайки стихотворцев, которых я, а особливо похвальных од подносителей, почитаю подобными нищим, сидящим с простертыми руками и ковшичками на мостах».

В изображении Екатерины Державин следует портрету Д. Г. Левицкого (1735—1822). Композиция и замысел портрета были подсказаны художнику Н. А. Львовым (портрет хранится в Государственном Русском музее в Ленинграде).

Державин начал писать стихотворение вскоре после того, как впервые был представлен Екатерине II в мае 1783 г., но, судя по «Запискам», закончил его весной 1784 г. Державин долго не печатал оду, задевавшую вельмож, и только в конце 1790 г. передал ее Н. М. Карамзину для опубликования в «Московском журнале» (1791, ч. I). Стихотворение (журнальный вариант) в начале 90-х гг. исправлял И. И. Дмитриев. Державин принял почти все его замечания (Арх. Держ., т. 4, ПД).

Бельт — Балтийское море. *Улусы* — селенья кочевников. *И в досканцах червонцы шлют...* — Досканцы — ящички; намек на подарок Екатерины, полученный за оду «Фелица». *Виссон* — название шелковой ткани для царской одежды. *Десного* — правого.

Властителям и судиям. — Впервые в последней, третьей редакции в журн. «Зеркало света», 1787, ч. IV, стр. 1.

Сохранилась рукопись первой редакции стихотворения, ок. 1780 г., представляющая значительный интерес (Арх. Держ., т. I, л. 17, ГПБ). По объяснениям Державина и по названию в рукописи, ода написана по мотивам 81-го псалма.

Восстал среди богов, в совете,
Богов судити вышний бог.
Доколь, рек, правду продаете
И смотрите на грешных рог?
С богатыми судите бедных;
Не зрите на высокость лиц,
Из рук измите душевредных
Несчастных, сирых и вдовиц.
Но есть безумцы и средь трона:
Сидят и царствуют дремля,
Не ведают, что с бедных стона
Неправдой движется земля.
Я думал, боги вы вселенной,
Владыка, царь и судия!
Но вы из персти также бренной
И так же смертны, как и я.
И так, коль истины не стало
И правды в свете нет нигде,
Исторгнь, творец, неправды жало,
Приди и царствуй сам везде!

Не удовлетворенный первой редакцией, Державин так переработал начальные три строфы:

Се бог богов восстал судити
Земных богов во сонме их:
«Доколе, — рек, — неправду чтити,
Доколе вам щадити злых?
Ваш долг — законы сохраняти
И не взирать на знатность лиц,
От рук гонителей спасати
Убогих, сирых и вдовиц!»
Не внемлют: грабежи, коварства,
Мучительства и бедных стон
Смущают, потрясают царства
И в гибель повергают трон.

Стихотворение во второй редакции было напечатано в журнале «СПб. вестник», 1780 (ч. VI), но цензура сочла его направленным против господствующего строя и уже напечатанное стихотворение вырезала из журнала. Для Державина это не имело неприятных последствий, как в дальнейшем и публикация стихотворения в 1787 г., и он включил его в рукописный том своих сочинений, поднесенный в 1795 г. Екатерине II. Напуганная французской революцией, Екатерина сочла стихи якобинскими. В «Объяснениях» Державин вспоминает, что И. И. Дмитриев, приехав к нему, сказал: «Вас велено спросить г-ну Шешковскому (вершителю дел тайной канцелярии. — *А. К.*)... почему пишете вы такие дерзкие стихи, которые вы поднесли императрице». Дер-

жавин подал объяснительную записку, сослался на библию, однако публикация рукописи, поднесенной Екатерине, задержалась. Собрание его стихотворений впервые увидело свет в 1798 г., но павловская цензура исключила стихотворение «Властителям и судиям» из книги. Появилось оно снова в печати только в изд. 1803 г.

Среди публицистических произведений, которые Державин собирался издать отдельным томом в собрании сочинений 1808—1816 гг., имеется коротенькая статья «Анекдот», написанная в защиту от нападок на стихотворение «Властителям и судиям», опубликованная Гротом (т. I, стр. 113). Статью поэт сопроводил следующим примечанием: «Сей анекдот написан в 1796 году по случаю неблагоприятного для автора неприятелей его внушения императрице Екатерине Второй, что будто первая часть сочинений его, тогда ей поднесенная, содержит в себе вредные якобинские замыслы...» Приводим статью в сокращении.

«Спросили некоего стихотворца: как он смеет и с каким намерением пишет в стихах своих толь разительные истины, которые вельможам и двору не могут быть приятны. Он ответствовал: «Александр Великий, будучи болен, получил известие, что придворный доктор отравить его намерен. В то же время вступил к нему и медик, принесший кубок, наполненный крепкого зелия. Придворные от ужаса побледнели Но великодушный монарх, презря низкие чувствования ласкателей, бросил проницательный свой взор на очи врача и узидел в них непорочность души его, без робости выпил питие, ему поднесенное, и получил здравие. Так и мои стихи, — примолвил пиит, — ежели кому кажутся крепкими, как полыновое вино, то они, однако, так же здравы и спасительны. Сверх того, ничто столько не делает государей и вельмож любезными народу и не прославляет их в потомстве, как то, когда они позволяют говорить себе правду и принимают оную великодушно. Сплетение понятных только речений без аттической соли и нравоучения бывает вяло, подозрительно и непрочно. Похвала укрепляет, а лесть искореняет добродетель. Истина одна только творит героев бессмертными; и зеркало красавице не может быть противно... Орел открытыми очами смотрит на красоту солнца и восхищается им к высочайшему парению; ночные только птицы не могут сносить без досады его сияние» (Арх. Держ., т. 6, л. 52, ПД).

На смерть графини Румянцовой. — Впервые в «Моск. журнале», 1791, ч. I, стр. 269. Написано в Тамбове в 1788 г.

Стихотворение обращено к Е. Р. Дашковой, в те годы — президенту Академии наук. Дашкова горевала из-за неравного

брака своего сына, взявшего в жены девушку из купеческой семьи, недавно получившей дворянство. Проповедуя презрение к сословным предрассудкам, Державин не порицает поступка П. М. Дашкова. Поэт советует Дашковой принять сына и невестку и ставит ей в пример только что скончавшуюся гр. М. А. Румянцеву (1698—1788), мать полководца П. А. Румянцева-Задунайского, пережившую всех своих родных и, несмотря на утраты и невзгоды, до глубокой старости сохранившую терпимость, ясность ума и душевные силы.

В строфе 11-й *В семействе мирном* (вместо *тихом*) исправлено по экз. Львовой; *обессмерть* (вместо *обессмертиь*) — дается по всем рукописям и публикациям до 1808 г.

Воззри на оный кипарис... — Кипарис — здесь знак траура. *Купно* — вместе. *Затмившего мать лунный свет...* — подразумевается мать полководца Румянцева-Задунайского, одержавшего победу над Турцией в войнах 1768—1774 и 1787—1791 гг. *Фессальский насаждая сад...* — Имеется в виду «российский Парнас» (Об. Д.), процветанию которого должна была содействовать Дашкова, как президент Академии наук и Российской академии словесности. *Седый собор Ареопага...* — здесь Сенат, где у Дашковой происходили столкновения с его главой, кн. А. А. Вяземским. Державин советует Дашковой относиться к этим столкновениям спокойно и выполнять свой долг подобно Аристиду (ок. 540—467 до н. э.), афинскому полководцу и государственному деятелю. Высланный из родного города по проискам врагов, он вернулся защитить его от персидского войска. Его имя было синонимом правдивости и беспристрастия. *Терпи! — Самсон сотрет льву зубы, А На́вин потемнит луну...* — Здесь говорится о войнах тех лет — с Турцией (1787—1791) и Швецией (1788—1790); в гербе Швеции — лев, а Турции — луна. Самсон и Навин — герои библии; первый без оружия в единоборстве победил льва, второй, по преданию, остановил солнце.

Осень во время осады Очакова. — Впервые в изд. 1798, стр. 122. Написано в Тамбове в ноябре 1788 г.

Стихотворение обращено к кн. С. Ф. Голицыну, находившемуся в действующей армии под Очаковом в 1788 г., во время второй русско-турецкой войны. Пленирой здесь названа жена князя. В. В. Голицына, племянница Потемкина, жившая в имении под Тамбовом. Пять последних строф обращены к ней. Возможно, что Державин, в ожидании судебного разбирательства по делу о своей губернаторской деятельности в Тамбове, рассчитывал при-

влечь стихами расположение Голицына и Потемкина. Стихотворение замечательно картиной осени и наступающей зимы в лагере русских войск под Очаковом.

В строфе 3-й *И выжлиц лай* (вместо *И выжлят лай)* исправлено согласно списку исправлений, приложенному к изд. 1798.

Эол и *Борей* (греч. миф.) — бог повелитель ветров и бог северного ветра. *Колпик* — аист. *Марс* (римск. миф.) — бог войны. *Царство Митридата* — Крым. *...орел... темнит луну...* — то есть Россия побеждает турецкое войско. *Эвксин* — Черное море. *Мужайтесь, росски Ахиллесы... Хотя вы в Стикс не погружались...* — Ахиллес, герой древнегреческого эпоса, стал неуязвим в бою, потому что мать выкупала его в реке ада Стиксе.

На Счастие. — Впервые в изд. 1798, стр. 179.

Стихотворение написано в Москве в 1789 г., когда Державин, по его словам, «находился в чрезвычайном гонении» и ожидал решения своего дела в Сенате о «превышении власти и злоупотреблениях» во время губернаторства в Тамбове.

В строфе 10-й *Нельзя ни в сказках рассказать, Ни написать пером красиво, — Как милость любит проливать, Как царствует она правдиво* (вместо *Ни в сказках складно рассказать, Ни написать пером красиво, — Изволит милость проливать, Изволит царствовать правдиво*) исправлено согласно списку исправлений, приложенному к изд. 1798.

Ширинка — платок. *Султанов заключаешь в клетку...* — «Султана Баязета Тамерлан, пленя, заключил в клетку» (Об. Д). *Раба творишь владыкой миру...* — «Тогда разумелся Надир, из разбойника сделавшийся царем персидским, а после и Наполеон может служить примером» (Об. Д.). *Девиц и дам магнизируешь...* — Речь идет о модном тогда спиритизме. В 5-й и 6-й строфах — намеки на военные успехи России и международную политику Екатерины II. *Пунтируют* и *трантелево* — термины карточной игры. *Ерихонцы* — здесь подьячие, чиновники. *Весь мир стал полосатый шут...* — «в великой моде были тогда полосатые фраки» (Об. Д.). *Мартышки* — здесь масоны. *Урангп* — обезьяны орангутанги. *Мишурные цари* — по «Объяснениям» Державина — наместники губернских управлений. *...мудрость среди тронов Одна не месит макаронов...* — Мудрость — здесь Екатерина II. Испанский король Карл IV ради забавы месил макароны. *Не ходит в кузницу ковать...* — Людовик XVI в часы отдыха любил заниматься слесарной работой. *И припевает: хем, хем, хем.* — Персонаж, высказывавший взгляды Екатерины II в ее «Былях и

небылицах», «приметя какой-нибудь беспорядок, припевал *хем, хем, хем»* (Об. Д.). ...*к странам железным...* — Имеется в виду Швеция. *Лунно государство* — Турция; когда писалось стихотворение, Россия вела войну с Швецией и Турцией. Строфы 13—18-я обращены к Счастью — здесь олицетворению Екатерины — и в них намек на служебные злоключения Державина, как и в строке «И я у всех стал виноват». *Гудок гудит на тон скрыпицы И вьется локоном хохол.* — Намеки на И. В. Гудовича, тамбовского генерал-губернатора, и графа А. А. Безбородко, которым «улыбалось счастье». Строфа 21-я направлена против гр. М. В. Завадовского, который прославился сочинением торжественных реляций и «вошел в родство чрез брак к большим боярам и в роскошных пирах повторял часто известную оду Горация, которая начинается *Беатус*, то есть *Блажен»* (Об. Д.).

Праведный судия. — Впервые в изд. 1798, стр. 18.

Написано в Петербурге в 1789 г. по мотивам 100-го псалма. Стихотворение отражает настроения Державина после оправдания его по тамбовскому делу в Московском департаменте Сената.

В строфе 3-й *Возненавижу я* (вместо *Возненавижу и*) исправлено согласно списку исправлений, приложенному к изд. 1798.

Изображение Фелицы — Впервые в журн. «Новые ежемесячные сочинения», 1789, ч. XLI, стр. 63.

Ода написана в 1789 г., когда Державин состоял под судом Сената по тамбовскому делу и когда для восстановления репутации (по его словам в «Записках») «не оставалось другого средства, как прибегнуть к своему таланту». В «Объяснениях» много лет спустя Державин настойчиво комментировал политические мотивы стихотворения, связывая их с «Наказом» Екатерины II и работой Комиссии по составлению нового уложения (1767). Доказывая, что правлению Екатерины II присущи гуманность и просвещение, Державин стремился найти поддержку у Екатерины и лично для себя в связи с тамбовским делом. Ода превратилась в своеобразный стихотворный манифест просвещенного абсолютизма.

Обращение в начале оды к Рафаэлю с просьбой начертать образ богоподобной царевны перекликается с одой XXVIII Анакреона из «Разговора с Анакреоном» Ломоносова.

Ода вызвала отклики. В журнале «Новые ежемесячные сочинения» (17.0) В. В. Капнист напечатал «Ответ Рафаэла певцу Фелицы». В этих стихах Рафаэль говорит Державину, что писать красками портрет Фелицы — непосильная для него задача. Если

Державин желает, пусть пишет сам. Стихи Капниста показались Державину двусмысленными, быть может он прочитал в них упрек в лести и, не возражая по существу, ответил эпиграммой и резким письмом (от 31 декабря 1789 г.), в котором писал: «...хулишь ли меня или хвалишь, я не знаю, но пусть будет то или другое». В изд. 1798 г. цензура не пропустила строки *Самодержавства скиптр железный Моей щедротой позлащу*. Об этом см. вступительную статью.

В строфе 46-й *И фуриев с земель своих* Державин по предложению Дмитриева исправил на *И фурий от земель своих*, но затем вернулся к первоначальной редакции (об этом свидетельствует не только изд. 1808, но и рукописи: тома 5 и 1 ПД).

Норд — здесь Россия. *Престол... Поставь на сорок двух столпах...* — то есть на сорока двух губерниях. *Скрыжаль заповедей святых...* — Имеется в виду «Наказ» Екатерины II. *И узкоглазый гунн жал класы...* — Державин имеет в виду предков славян, которые занимались скотоводством, но «после под правлением России учинились пахарями» (Об. Д.). *Не в рабстве, а в подданстве числить И в ноги мне челом не бить.* — Екатерина II дала указ, «чтобы челобитные называть просьбами, и не называться рабами, а подданными». *Халдеям, новым чудотворцам, Махать с духами, пить и есть...* — Речь идет о масонах. «Махать... значит волочиться» (Об. Д.). *Хаос на сферы б разделился...* — Имеется в виду разделение России на губернии. *Чтобы с ристалища мне громы И плески доходили в слух...* — Имеется в виду праздничная «карусель» 1766 г. с играми и стрельбой в цель. *Мурзы, паши и визири... В диване...* — Подразумеваются сенаторы в Сенате. *Помавает* — подает знак. *...Зороастров истукан...* — Имеется в виду бюст Петра I, стоявший в кабинете Екатерины II. Державин назвал Петра I Зороастром, то есть Заратустрой — пророком древних народов Средней Азии, Персии и Азербайджана, представлявших мир как борьбу доброго и злого начала. Петр I в представлении Державина был олицетворением добра в борьбе со злом. *Исполин* — здесь Россия. *Без ужаса пила бы яд...* — «Под сим разумеется отважный опыт прививания оспы, который императрица сама над собою первая приказала сделать...» (Об. Д.). *Стоглаву гидру разъяренну...* — Имеется в виду восстание Пугачева. *И фуриев с земель своих...* — «Мор и глад, тогда же бывшие» (Об. Д.). В строфе 47-й речь идет о Турции и Швеции. *И самое Недоуменье Ей плесков поднесло б венец.* — Имеется в виду комедия Екатерины II «Недоразумения», поставленная

в 1789 г., которую Державин и в «Объяснениях» называет «Недоумением».

На взятие Измаила. — Впервые отдельным изданием в Петербурге, Тамбове и Москве, под названием «Песнь лирическая Россу по взятии Измаила», и в журн. «Новые ежемесячные сочинения», 1791, ч. LVIII, стр. 3. «Соч. в Пб. 1790» (Об. Д.).

Турецкая крепость Измаил на берегу Дуная во время второй русско-турецкой войны была взята штурмом русскими войсками под командованием А. В. Суворова 11 декабря 1790 г. Эта победа, имевшая большое военно-политическое значение, явилась поводом к созданию оды, во многом близкой традиции Ломоносова. Ода принесла шумный успех Державину. Екатерина II, встретив его при дворе, сказала: «*Я не знала по сие время, что труба ваша столь же громка, как и лира приятна*», и прислала ему осыпанную бриллиантами золотую табакерку. Потемкин, приехав из армии, пожелал короче познакомиться с автором патриотической оды. Вспоминая об этом в «Записках», Державин замечает, что в оде его не было ласкательства к вельможам, но похвалы Екатерине и «всему русскому народу». В оду вносили исправления Дмитриев и главным образом Львов.

В строфе 22-й *Могущею своей рукой* (вместо *Могущею своей душой)* исправлено согласно списку исправлений, приложенному к изд. 1798 г.

...драконы медны ржали, Из трех сот жерл огнем дышали... — Измаил обороняли 300 пушек. *Стогны* — площади. *Всяк Курций, Деций, Бугроз!* — «Первый — всадник римский, бросившийся в разверзтую бездну, чтоб утишить в Риме моровое поветрие; второй — полководец римский, бросившийся в первые ряды, чтоб одержать победу над неприятелем; третий — капитан французский, взлез во время бури на скалу вышиною в 80 сажен по веревочной лестнице и взял крепость» (Об. Д.). *Вражий рог* — вражья сила. *Персть* — прах, пыль. *Мармора* — Мраморное море. *Позор* — зрелище. *...приступ славен к Тиру* и далее. — Александр Македонский в 333 г. до н. э. взял приступом финикийский город Тир, запрудив для этого Тирский залив. *Его три века держит сон...* — Здесь речь идет о России под татарским игом. *Лжецарь* — здесь Лжедмитрий... *орел луну затмил* — то есть Россия победила Турцию. *Хин* — Хинами в XVIII в. называли китайцев. *Унял прю* — унял ссору. *Тавр* — Крым. *Вселенной на среду ступаешь...* — то есть в Константинополь, почитавшийся древними за центр земли. *...плывут дремучи рощи...* — па-

русный флот. *...мужа нека тень седая...* — по-видимому, «Россиянин». *Рында* — здесь оружие. *Ахеян спасть, агарян стерть?* — то есть греков и турок. *Пророки, камни, возглашают...* — «В Византии находятся камни с надписями... которые пророчествуют о взятии северными народами Константинополя» (Об. Д.). Строфы 29-я и 30-я относятся к Англии и Пруссии. *Темиров попирать ногою...* — Имеется в виду Тимур, среднеазиатский завоеватель XIV в. *Блюсть ваших от Омаров муз..* — Омар (592—644) — приверженец Магомета и распространитель ислама. *И мир Афету содворить.* — Под Афетом, согласно библии родоначальником арийцев, Державин подразумевал Европу.

Любителю художеств. — Впервые отдельным изданием без указания года под названием «Песнь дому, любящему науки и художества, в Новый год» и в «Моск. журнале», 1791, ч. I, стр. 137.

Стихи включают строфы для пения, написаны в январе 1791 г. ко дню рождения А. С. Строганова (1733—1811) и положены на музыку Д. С. Бортнянским. Строганов был известный меценат, собиратель произведений искусства, с 1800 г. директор Академии художеств. Державин в 90-х гг. дружил с ним и бывал в его петербургском доме.

Строка 177-я *Манят нас к пляскам пред тобой* (вместо *Возбудят всех ко пляскам...*) исправлена согласно списку исправлений, приложенному к изд. 1798.

Эрата (Эрато, греч. миф.) — одна из девяти муз, покровительница любовной поэзии; изображается с цитрой в руке. *С горы зеленой, двухолмистой...* — здесь Парнас, одно из мест обитания Аполлона и муз. *Фурии* (римск. миф.) — богини мщения. *Крины* — лилии. *Тифон.* — Державин имеет в виду Пифона (греч. миф.) — змею-дракона, сраженную Аполлоном. *Минервин эгид* — щит богини Минервы (римск. миф.), покровительницы искусств.

Прогулка в Сарском Селе. — Впервые в «Моск. журнале», 1791, ч. III, стр. 125. Написано в мае 1791 г. в Петербурге.

Город Пушкин при Екатерине II назывался Сарским Селом, по имени финской деревушки Сааримойс, на месте которой построили летнюю резиденцию Екатерины II. Н. М. Карамзин (1766—1826), к которому обращены заключительные строки, в это время выступил в «Московском журнале» с лирической сентиментальной прозой («Письма русского путешественника», «Деревня»,

«Фрол Силин»). Державин относился сочувственно к новому сентиментальному направлению.

Редакция последних семи строк принадлежит Н. А. Львову (Арх. Держ., т 5, л. 89, ПД).

Фемида (греч. миф.) — богиня правосудия, здесь Екатерина II.

Водопад. — Впервые в изд. 1798, стр. 312.

Одна из самых знаменитых од Державина. Поводом к написанию ее явилась смерть Потемкина 5 октября 1791 г. Смерть недавно еще всесильного вельможи поразила поэта. Потемкин умер в степи, дорогой из Ясс в Николаев, куда он ехал по окончании второй русско-турецкой войны, тяжелобольной, стремясь поскорее вернуться на родину. Державин был противником потемкинского самовластного и жестокого режима, хотя и воспел потемкинский праздник в Таврическом дворце (1791). В оде он противопоставляет Потемкину полководца Румянцева, учителя Суворова, в котором видит слугу государства, а не движимого честолюбием и алчностью тирана. Вместе с тем Державин отдает должное и государственному таланту Потемкина.

Водопад, описанный в оде, — водопад Кивач на порогах реки Суны, где Державин побывал во время своего губернаторства в Олонецкой губернии.

По воспоминаниям И. И. Дмитриева, у Державина еще в 1790 г. были написаны 15 строф, которые потом вошли в «Водопад». Возможно, что тогда были написаны строфы о Киваче. Сам Державин относил создание оды к дате смерти Потемкина. Скорее всего ода сложилась к концу 1791 г. Летом 1792 г. Карамзин справлялся о ней в письме к Дмитриеву как об уже существующем, но неоконченном произведении, и только в декабре 1794 г. Державин написал своему молодому другу, с которым недавно познакомился, впоследствии крупному администратору, Д. Б. Мертваго, что закончил «Водопад». Таким образом, работа над одой продолжалась до 1794 г.

В строфе 34-й *сей есть* (вместо *есть сей*), в строфе 41-й *два лепта* (вместо *две лепте*) и в строфе 50-й *бездны* (вместо *бездна*) исправлено по экз. Львовой.

С высот четыремя скалами... — Четыре скалы, между которыми низвергается водопад, символизируют времена года, а водопад — время; в конце стихотворения водопад обозначает сильных мира. Символический план проходит через все стихотворение. *Стук слышен млатов... Визг пил и стон мехов...* — В нескольких верстах

от водопада стоял Кончезерский чугунный завод. *Волк, лань* и *конь*, описанные в 5—7-й строфах, по «Объяснениям» Державина означали злобу, кротость и честолюбие. *Некий муж седой* — полководец П. А. Румянцев (1725—1796). *И шлем, обвитый повиликой...* — «Трава повилика — знак любви к Отечеству» (Об. Д.). *В Сенате Цезарь...* — Юлий Цезарь (I в. до н. э.), полководец и диктатор, был убит в Сенате республиканцем Брутом. *Диадима* — царский венец. *Велизар* — Велизарий (VI в.), византийский полководец, впавший в немилость, нищету и, по преданию, ослепленный. *Мои не мещут молний длани!* и далее. — Румянцев в последнюю турецкую войну (1787—1791) был отстранен от командования. *Пред старцем преклонив рога...* — Имеется в виду побежденная Турция. *Огнедышущи ограды* — здесь порядок построения войск — каре, применявшийся Румянцевым. В строфе 23-й говорится о воинском искусстве и военных хитростях Румянцева. *...орлю дерзость, гордость лунну, У черных и янтарных волн...* — Имеются в виду победы над Пруссией у Балтийского и Турцией у Черного морей. *Смирил Колхиду златорунну...* — Державин имеет в виду завоевание Крыма. Колхида же, где, согласно греческой легенде, Язон похитил золотое руно, находилась на Черноморском побережье Кавказа. *И белого царя урон Рая́ вечерня пред границей Отмстил победами сторицей...* — Здесь говорится о победе Румянцева у реки Прут («Рая́ вечерня») на границе с Молдавией, где потерпел поражение в битве с турками Петр I (Об. Д.). Начиная со строфы 29-й, говорится о смерти Потемкина. *Два лепта* — две медные монеты. *Князь Тавриды.* — После присоединения Крыма Потемкину был присвоен титул князя Таврического. *У северной Минервы...* — у Екатерины II. *Потряс среду земли громами?* — Потемкин «потрясал среду земли, то есть Константинополь, флотом» (Об. Д.). *И муз ахейских жалкий звук...* — Намек на эпитафию Потемкину Евгения Булгара, написанную на греческом языке, где Потемкин уподобляется Периклу, афинскому государственному деятелю V в. до н. э. *Марон по Меценате рвется...* — Здесь под Мароном (Публий Вергилий Марон) Державин имел в виду поэта В. П. Петрова (1736—1799), написавшего стихи на смерть Потемкина. *Мафусаила долголетье...* — Мафусаил — библейский патриарх, живший якобы тысячу лет. *Где сорок тысяч вдруг убитых Вкруг гроба Вейсмана лежат.* — При штурме Измаила турки потеряли убитыми и пленными около 40 тыс. человек; в Измаиле похоронен генерал Вейсман, погибший в 1773 г. *Столпы на небесах горят...* — «Пожары... показывали на небе заревы в подобие

огненных столпов» (Об. Д.). *Алцибиадов прах.* — Державин сравнивает Потемкина с Алцибиадом — Алкивиадом (450—405 до н. э.), афинским политическим деятелем и полководцем, отличавшимся талантами и вместе с тем невоздержанностью, самонадеянностью и самовлюбленностью, от чего его тщетно предостерегал Сократ. Державин намекает на то, что эти черты были присущи Потемкину. *Взять шлем Ахиллов не робеет, Нашедши в поле, Фирс?* — Здесь под Фирсом, то есть Терситом, трусливым военачальником в «Илиаде», хулившим Ахиллеса, Державин разумеет П. А. Зубова, а под Ахиллесом — Потемкина.

Ко второму соседу. — Впервые в изд. 1803, ч. II, стр. 196.

В 1791 г. Державин купил в Петербурге на набережной Фонтанки дом (теперь № 118). Его соседом оказался М. А. Гарновский, управитель Таврического дворца Потемкина. Как и «первый сосед» на Сенной площади, Гарновский составил нечестными путями огромное состояние и в 1791 г. строил великолепный дом рядом с домом поэта. С. Т. Аксаков в своих воспоминаниях «Знакомство с Державиным» писал о доме Гарновского, что впоследствии «пышное здание обратилось в казармы, а богач-строитель, как говорят, умер в тюрьме».

У Державина в «Объяснениях» указано: «Написано в Пб. 1792 во время постройки автором дома своего на Фонтанке». В действительности стихотворение, вероятно, написано вчерне в конце 1791 г., а закончено только в 1798 г., почему и было включено Державиным в ч. II стихотворений и не смогло войти в сборник, поднесенный Екатерине II в 1795 г. О том, что стихотворение было окончено не ранее 1798 г., говорят и отголоски в нем событий, относящихся к этому времени: заключение в тюрьму Гарновского (1797) и превращение его дома в конногвардейские казармы (1798). Датировка предыдущих издателей (1791) недостаточна: Державин не мог настолько точно предсказывать в стихотворении, написанном в 1791 г., события, случившиеся значительно позже. Нашу датировку косвенно подтверждает и присутствие стихотворения в т. 8 Арх. Держ. в Пушкинском доме среди произведений, относящихся к первой половине 10-х гг. XIX в.

Тифда (Тивдия) — река в Карелии, где добывали мрамор. *Рифей* — Уральский хребет. *Невски зеркала* — изделия фарфоровых и стеклянных заводов на Неве. *Баки* — Баку. *Глазумей* — «цветочный китайский чай» (Об. Д.). ...*твой Феб*... — Под Фебом

здесь разумеется Потемкин. *...сокровищи Тавриды... Средь полицейских ссор?* — Гарновский после смерти Потемкина начал вывозить из Таврического дворца имущество, но жалобы наследников заставили вмешаться полицию. *Хижина Петра* — домик Петра I на Неве в Петербурге. *...народ гробницы Матвееву принес!* — Державин говорит о боярине царя Алексея Михайловича Матвееве, по преданию, столь любимом народом, что «когда под строящийся им дом не могли найти камней под фундамент, то народ... собрал с гробов отцов своих каменья и принес ему...» (Об. Д.).

На умеренность. — Впервые в изд. 1798, стр. 248.

Ода написана в 1792 г., когда Державин состоял статс-секретарем Екатерины II. Придворные впечатления и отношения, а также столкновения с императрицей во время докладов склоняли Державина к мыслям о преимуществах и благополучии жизни вдали от двора. Эти мысли нашли отражение в оде, как и увлечение Горацием, проповедовавшим умеренность во всех областях человеческой деятельности.

Царств метафизикой не строя... и далее — навеяно французской революцией. *Пускай Язон с Колхиды древней...* — Подразумевается Крым и князь Потемкин-Таврический. *Крез завладел чужой деревней...* — Намек на отца П. А. Зубова, отнявшего деревню у соседа. Державин разбирал это дело во время своего статс-секретарства. *Марс откуп взял...* — Намек на то, что генерал-аншеф Ю. В. Долгоруков и председатель военной коллегии Н. И. Салтыков содержали винные откупа. Строфы 8-я и 9-я посвящены отношениям Державина и Екатерины II. *...чрез шашни Фортуны стал кто впереди...* — сказано о П. А. Зубове (1767—1822), фаворите Екатерины II. *Не сплошь спускай златых змей с башни...* — «Зубов... иногда после обеда занимался сей детской игрой» (Об. Д.).

К Н. А. Львову. — Впервые в «Моск. журнале», 1792, ч. VII, стр. 105. Написано в 1792 г.

О Н. А. Львове см. вступительную статью. Заключительные строки стихотворения вызвали ответ Н. А. Львова:

...Для должности мне день всегда казался мал,
А если я его не проводил с друзьями, —
Для счастья моего я день тот потерял.
А здесь меж мужиками,
Не знаю от чего, я как-то стал умен,
Спокоен мыслями и нравом стал ровен...

(изд. под ред. Грота, т. 1, стр. 520).

Храповицкому («Товарищ давний, вновь сосед...»). — Впервые в изд. 1808, ч. I, стр. 317. «Писано в Пб. 1793» (Об. Д.).

Стихотворение — одно из самых откровенных признаний поэта — ответ на послание А. В. Храповицкого, приглашавшего Державина снова воспеть Фелицу. О предложении Храповицкого Державин писал в «Записках», что «не мог он воспламенить так своего духа, чтоб поддерживать свой высокий прежний идеал, когда вблизи увидел подлинник человеческий с великими слабостями». А. В. Храповицкий (1749—1801) был старинным приятелем Державина, начиная с 70-х гг. Они вместе служили в Сенате и позже — статс-секретарями при Екатерине II. Стихотворение не предназначалось для печати, и только через пятнадцать лет Державин решил его опубликовать.

Геликон (греч. миф.). — гора, на которой жили музы. *Был чтец и пономарь Фемиды* — «то есть докладчик и служитель богини правосудия, или императрицы» (Об. Д.). *Омофор* — часть облачения архиерея. *То как Я⟨кобия⟩ оставить...* — «то есть генерала Якобия, которого все утесняли, и автор рассматривал его дело» (Об. Д.). *Как Л⟨огинова⟩ дать оправить...* — Речь идет о деле купца И. В. Логинова в Сенате, которого Державин признал виновным, несмотря на покровительство Логинову сначала Потемкина, а затем генерал-прокурора А. Н. Самойлова.

Горелки. — Впервые в изд. 1808, ч. I, стр. 310.

Стихотворение написано в то время, когда Державин был статс-секретарем, летом 1793 г. в Царском Селе, и рассказывает о следующем событии. По настоянию придворных, поэт принял приглашение участвовать в игре в горелки, чтобы развеселить Екатерину II. В то время ему было пятьдесят лет. Он побежал вместе с молодыми князьями, упал и сломал руку. «Сей столь непредвидимый неприятный случай и был политическим падением автора, ибо в сие время вошел было он в великую милость у императрицы, так что все знатнейшие люди стали ему завидовать; но в продолжение шести недель, на излечение его употребленных, когда он не мог выезжать ко двору, успели его остудить у императрицы, так что, появясь, почувствовал он ее равнодушие» (Об. Д.).

В строфе 5-й *обожения* (вместо *обожение*) исправлено по рукописям (Арх. Держ., т. 7, ПД, и т. 1, ГПБ).

О! вы, рожденные судьбою Вождями росским вóждям быть... — Речь идет о великих князьях Александре и Константине.

Колесница. — Впервые в 1804 г. отдельным изданием без указания года и в журн. «Друг просвещения», 1804, ч. III, стр. 8.

Стихотворение — непосредственный отклик на революционные события во Франции. Начато после получения в Петербурге известия (31 января 1793 г.) о казни Людовика XVI, закончено, по «Объяснениям» Державина, в 1804 г.

Последние двенадцать строк нашего текста печатаются вместо следующих строк первоиздания и изд. 1808:

Увы! доколе слышны стоны
И во крови земля кипит,
Ревут пожара страшны волны?
Или предел их небом скрыт? —

по рукописи (Арх. Держ., т. 1, л. 96, ГПБ), поскольку Державин отказался от них из осторожности и самоцензуры, опасаясь так откровенно читать нравоучения царям.

Меркурию. — Впервые в изд. 1798, стр. 278, с заглавием «К Меркурию. В новый 1794 год».

1 января 1794 г. Державин был назначен, вопреки его желанию, президентом коммерц-коллегии. Стихотворение написано по этому поводу в начале 1794 г. в Петербурге.

Меркурий (римск. миф.) — бог торговли. *Сереброчешуйну океану...* — «Под сим изображается мореходство, приносящее богатство» (Об. Д.). *Позволь, как грянет гром...* — «При императрице открывалась и закрывалась таможня по пушечному выстрелу» (Об. Д.). Поэт просит в стихотворении о том, чтобы хотя бы после служебных трудов ему позволили заниматься поэзией.

Буря. — Впервые в изд. 1808, ч. II, стр. 121.

По «Объяснениям» Державина, стихотворение написано в 1794 г. по двум поводам: в память о буре, которую он перенес в 1785 г. на Белом море, и по случаю назначения его в 1793 г. в сенаторы. В примечании поэт писал о том, что генерал-губернатор Тутолмин приказал ему, тогда олонецкому губернатору, немедленно возглавить церемонию открытия города Кеми, бывшего до того селом. Добраться туда можно было только морем. На обратном пути из города Сумы Державин на шестивесельной лодке поплыл в Соловецкий монастырь. «Но поднялась вдруг встречная буря, и он, не доезжая 15 верст ⟨до⟩монастыря, должен был ночью, при сильном ветре, под громом и молниею, назад возвратиться и совершенно бы погиб, ежели бы провидение нечаянно лодку не занесло за большой камень, при котором и ночевали».

Пробавил — продлил.

Вельможа. — Впервые в изд. 1798, стр. 285.

В 1776 г. Державин выпустил свой первый сборник под названием «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае». В него вошла ода «На знатность» (1774), которую можно считать первоначальным эскизом оды «Вельможа» — знаменитого сатирического произведения поэта. В оде отразились гражданские и патриотические чувства Державина, его гнев против вельмож. Особенно часто общаться с высшей знатью и чиновничеством пришлось Державину при дворе и в Сенате, куда он был назначен в конце 1793 г. В 1794 г. он написал оду «Вельможа», включив в нее отдельные строки из оды «На знатность». Ода «Вельможа» перекликается с одой «Мой истукан». Она оказала значительное влияние на поэтов-декабристов, на К. Ф. Рылеева: отголоски ее слышны в стихотворении Рылеева «Пустыня». До появления в печати ода в конце 1794 г. ходила в списках по рукам.

В строфе 3-й *Се образ* (вместо *Сей образ)* исправлено по экз. Львовой.

Не истуканы за кристаллом... — то есть изваяние за стеклом. *Кумир, поставленный в позор...* — то есть изваяние, поставленное напоказ. *Не перлы перские на вас И не бразильски звезды ясны...* — то есть жемчуга и брилліанты. *Калигула! твой конь в Сенате...* — Римский император I в. Гай Цезарь Калигула, тиран и самодур, объявил свою лошадь консулом и ввел в Сенат. *Он только хлопает ушами.* — «Автор, присутствуя тогда в Сенате, видел многих своих товарищей без всяких способностей, которые, слушая дело, подобно ослам хлопали только ушами» (Об. Д.). *Чтоб мужу бую умудриться...* — то есть глупому человеку сделаться мудрым. Буй (слав.) — буйный, безумный. *Всяк думает, что я Чупятов...* — Державин хотел сказать, что кто без заслуг украшает себя лентами и орденами, подобен известному в те годы в Петербурге душевнобольному купцу Чупятову. *Сарданапал* — легендарный царь древней Ассирии, синоним человека, живущего в роскоши и разврате. *Мусия* — мозаика. *Левант* — Восток; Державин имел в виду Турцию. *Цирцея* — волшебница из «Одиссеи»; здесь — обольстительница. *Покрова твоего желает* — то есть покровительства. *Бесстрашный Долгоруков* — петровский сенатор Я. Ф. Долгоруков, не побоявшийся публично разорвать определение Сената, подписанное Петром I, противоречившее закону. *Камилл* — Марк Фурий Камилл (V—IV вв. до н. э.), римский полководец. В этой строфе и двух заключительных имеется в виду

П. А. Румянцев-Задунайский, которого Державин и в «Водопаде» противопоставлял Потемкину. *Румяна вечера заря.* — «Стих, изображающий прозвище, преклонность лет и славу Румянцова» (Об. Д.).

Мой истукан. — Впервые в изд. 1798, стр. 266.

Стихотворение написано в 1794 г., когда скульптор Жан-Доминик Рашетт (1744—1809) изваял мраморный бюст Державина. Ода — беседа поэта со скульптором.

Пракситель (IV в. до н. э.) — знаменитый древнегреческий скульптор. *Герострат* (IV в. до н. э.) сжег храм Артемиды в Эфесе, древнегреческом городе, чтобы обессмертить свое имя. *Эпаминонд ли защититель...* — Эпаминонд (IV в. до н. э.) — полководец, защитник греческого города Фивы. *Благотворитель Тит* — Тит Флавий Веспасиан, «император римский, который почитал тот день потерянным, когда не сделал какого-нибудь добра» (Об. Д.). *Аристид* — см. стр. 479. *Орга́н монарших благ и мира...* — Автор, «будучи статс-секретарем, читал на троне объявление об оном (о мире. — *А. К.)* и награждения отличившимся в заслугах, а потому и был органом благ и мира» (Об. Д.). *Скудельной* — глиняный. *В ее прекрасной колоннаде.* — Имеется в виду Камеронова галерея в г. Пушкине, где стоят бюсты знаменитых людей. *Трясут и троны люди злые...* — Речь идет о французской революции. *Смотря на образ Марафона, Зальется Фемистокл слезой...* — Под образом Марафона Державин имел в виду Мильтиада, победителя в битве при Марафоне (490 г. до н. э.). «Фемистокл, греческий вождь и победитель при Саламине, последователь Мильтиада, когда увидел изображение марафонской баталии, в честь Мильтиада написанное, то облился слезами, ревнуя его славе» (Об. Д.). *Отдаст Арману Петр полтрона...* — Арман Ришелье (1585—1642) — кардинал, первый министр Людовика XIII. «Когда Петр I был в Париже и увидел бюст Армана Ришелье, то, обняв его, сказал... Великий муж! Ежели бы ты был у меня, то я отдал бы тебе половину царства, чтоб ты научил бы меня править другой» (Об. Д.). *Его в серпяный твой диван* — то есть в диванную комнату.

Ласточка. — Впервые в окончательной редакции в изд. 1808, ч. I, стр. 296.

Первоначальный вариант (без двух последних строк) был написан в 1792 г. и напечатан в «Моск. журнале», 1792, ч. VIII, стр. 193. В 1794 г., 15 июля, умерла жена Державина, Екатерина Яковлевна, и поэт, приписав два заключительные стиха, придал

новое содержание всему тексту. «Ласточка» стала стихотворением «в память первой жены автора» (Об. Д.). Оно замечательно своей ритмической игрой, выделявшей Державина из всех русских поэтов его времени.

Строка 40-я *(Встаешь ты от смертного сна)*, пропущенная в изд. 1808, восстановлена по предшествовавшим публикациям.

На смерть Катерины Яковлевны... — Впервые в изд. «Библ. поэта», 1933, стр. 375. Печатается по рукописи (Арх. Держ., т. 23, № 1, ГПБ).

Написано на смерть первой жены Державина. 24 июля 1794 г. Державин писал И. И. Дмитриеву: «Погружен в совершенную горесть и отчаяние. Не знаю, что с собою делать. Не стало любезной моей Плениры!»

Застреха — нижний край кровли. *Зельная* — сильная.

К лире («Звонкоприятная лира!..»). — Впервые в изд. 1798, стр. 361.

Стихотворение написано ко дню именин фаворита Екатерины II П. А. Зубова 18 ноября 1794 г.

В ком же я вижу Орфея? Кто Аристон сей младой? — Орфей — древнегреческий мифический певец, очаровывавший всех своим пением. Зубов назван Орфеем «по склонности к музыке» (Об. Д.). Державин называет Платона Зубова Аристоном по имени отца греческого философа Платона (IV в. до н. э.). *Истый любимец Астреи!* — Астрея (римск. миф.) — богиня справедливости, именем которой Державин называл Екатерину II.

Соловей. — Впервые в журн. «Пр. и пол. препр. врем.», 1795, ч. VI, стр. 380. «Соч. в Пб. 1794» (Об. Д.).

В конце XVIII в. в литературе сентиментального направления стали традицией стихи, обращенные к соловью.

В строфе 5-й *живость* вместо *живность* исправлено по всем рукописям и предшествующим 1808 г. изданиям как опечатка.

Тимотей — знаменитый греческий музыкант, который играл на лире перед Александром Македонским.

На кончину великой княжны Ольги Павловны. — Впервые в журн. «Пр. и пол. препр. врем.», 1795, ч. V, стр. 198.

Ночь лишь седьмую Мрачного трона Степень прешла... — «Семь часов минуло после полудни, как скончалась великая княжна» (Об. Д.). Трехлетняя дочь Павла I, тогда наследника, умерла 15 января 1795 г. *Норда царицы Бледность, безмолвье* —

Страшный позор! — Екатерина II была на погребении, «имея седые растрепанные волосы, бледна и безмолвна» (Об. Д.); позор — зрелище. *Жизнь и успенье Кто ее пел...* — Державин написал стихи и на рожденье Ольги Павловны (1792). Успенье — кончина. *Яда коварства, Равенства злого...* и далее. — Державин имеет в виду французскую революцию.

Приглашение к обеду. — Впервые в изд. 1798, стр. 371. Написано в 1795 г. в Петербурге.

Стихотворение обращено к И. И. Шувалову, П. А. Зубову и А. А. Безбородко (1747—1799), выдающемуся администратору и дипломату, с которым Державин неоднократно встречался по служебным делам.

Не чин, не случай и не знатность... — «Случай» — здесь в смысле достижения милости при дворе. Последняя строфа относится к П. А. Зубову.

Флот. — Впервые в журн. «Пр. и пол. препр. врем.», 1795, ч. VII, стр. 7.

Стихотворение написано в июне 1795 г. на отплытие союзной эскадры под русским флагом для крейсирования вдоль берегов революционной Франции.

Ширинки с шлемов — материя, прикрепленная к каске, защищающая лицо от холода. *Горé* — вверху. *...Сциллы и Харибды... проходил...* — Сцилла и Харибда (греч. миф.) — два морские чудовища, губившие корабли, проходившие между ними, — олицетворение утесов и водоворотов в Сицилийском проливе в Средиземном море. Державин имеет в виду трудный победный путь, пройденный русским флотом во время русско-турецкой войны. *И гидр лилейных бледный сонм...* — В гербе французских королей были три лилии, «гидр сонм в оных (то есть в лилиях. — *А. К.*) означает революционные клубы и собрания» (Об. Д.). *Людвиг* — Людовик XVI.

Павлин. — Впервые в журн. «Пр. и пол. препр. врем.», 1795, ч. VIII, стр. 6. Написано тогда же.

«...сия ода относится на вельмож безумных, кичащихся своею пышностию» (Об. Д.).

А пеликана добродетель... — Пеликан, по «Объяснениям» Державина, согласно «египетскому баснословию», — «благочестивая птица». *Феникс* (греч. миф.) — птица, сгоравшая в огне и снова возрождавшаяся из пепла еще более прекрасной.

Доказательство творческого бытия. — Впервые в журн. «Муза», 1796, ч. III, стр. 189.

Стихотворение написано по мотивам 18-го псалма.

На рождение царицы Гремиславы. Л. А. Нарышкину. — Впервые в изд. 1798, стр. 391.

Ода написана Л. А. Нарышкину по случаю дня рождения 21 апреля 1796 г. Екатерины II. «Императрица здесь названа Гремиславой, потому что имя Фелицы, употребленное автором в шуточных сочинениях, прочие гг. писатели превратили в имя Екатерины» (Об. Д.). Гремислава — дочь Ярослава Всеволодовича (1139—1198), имя ее вошло в русский фольклор. Л А. Нарышкин (1733—1799) в продолжение всего царствования Екатерины II принадлежал к ее интимному кружку, где главной его обязанностью было веселить императрицу. Нарышкин стал известен остроумием, хлебосольством, придворной ловкостью и был приятелем Державина.

Живи и жить давай другим... — изречение Екатерины II; но Державин, «видя беспрестанные войны, прибавил, чтоб жить не на счет другого и довольствоваться только своим» (Об. Д.). *...родни, клиентов роту...* — то есть «сродников и приверженцев, из коих последних римляне называли клиентами» (Об. Д.). *...кубари спускал...* — Кубари — волчки. Нарышкин, забавляя Екатерину, пускал перед нею «кубари» (Об. Д.). *Сирский царь* — царь Сирии. *Ты должностью — конюший царский...* — Нарышкин был при дворе обер-шталмейстером, то есть ведал царскими конюшнями.

Афинейскому витязю. — Впервые в изд. 1808, ч. II, стр. 76. Написано, по «Объяснениям» Державина и указанию в рукописи, в сентябре 1796 г.

Стихотворение рисует в образе афинейского, то есть афинского, витязя графа А. Г. Орлова-Чесменского (1737—1807), одного из пяти братьев Орловых, сподвижников Екатерины II во время дворцового переворота 1762 г.

Строке *Из одного благодаренья...* Державин дал следующее объяснение: «Автор был уже сенатором и до отставного гр. Орлова не имел никакого дела, но написал сию похвалу ему из чувствования одной благодарности за то, что когда первый был гвардии Преображенского полка майором, а последний в том полку солдатом, то он ему, пришед без всякой протекции, сказал, что он обижен, что моложе его произвели в капралы, а он остается ⟨рядовым⟩, то граф тотчас произвел его в капральский чин; сие было 1762 в Москве» (Об. Д.).

В рукописи ода названа пиндарической. Она следует античной строфике, иногда объединяющей в одно целое три строфы: строфу, антистрофу и эпод.

Чрез поприще на колеснице... — Перед самым дворцовым переворотом 1762 г. А. Г. Орлов вывез на одноколке Екатерину II из Петергофа в Петербург, где на ее сторону перешли гвардейские полки. *Наместо чиста злата Шумихи любят блеск...* — относится к любимцам Екатерины (особенно к П. Зубову), которые «иногда и дрянные сочинения предпочитали лучшим, когда в первых их хвалили» (Об. Д.). *Премудрой той жены небесной...* — то есть Екатерины II. В строфах 7-й и 8-й Державин описывает праздник конного ристания и «карусель» 1766 г. *Пентезилея* — Пенфесилея (греч. миф.), предводительница амазонок, пришла на помощь троянцам и была убита в единоборстве с Ахиллом. С Пентезилеей Державин, по его «Объяснениям», сравнивает тех девиц и дам, которые принимали участие в празднике — «ездили на колесницах и снимали дротиками венцы» (Об. Д.). *...бедрой Своей препнув склоненье, Минерву удержал в паденье...* — Объясняя эту строку, Державин говорит, что Алексей Орлов спас Екатерину II во время гулянья в Сарском Селе. Он остановил коляску, потерявшую колесо, в которой она ехала с деревянной горы. *Дьяки, взяв шапку, выходили С поклоном от неправды прочь.* — По «Объяснениям» Державина, в петровские времена дьяки-секретари не подписывали несправедливо составленные сенаторами бумаги и оставляли зал заседания. *Чтоб только свой набить мамон.* — Мамон — корыстолюбие, здесь карман. *Пиявиц унимали...* — Державин имеет в виду взяточников, которых строго, по его мнению, наказывали в начале царствования Екатерины II, а под конец «сие злоупотребление... на словах запрещалось, а на деле одобрялось» (Об. Д.). *Тогда кулибинский фонарь, Что светел издали, близ темен...* — Державин сравнивает здесь вельможу с фонарем изобретателя И. П. Кулибина (1735—1818). Вельможа, как и этот фонарь, издали светит, а вблизи не ярок: при ближайшем знакомстве с ним выясняется, что «ум его и таланты заимствуются от окружающих его людей» (Об. Д.).

• Памятник. — Впервые в журн. «Пр. и пол. препр. врем.», 1795, ч. VII, стр. 147, под названием «К Музе. Подражание Горацию».

К «Памятнику» Горация (кн. III, ода 30) русские поэты обращались неоднократно. Одним из наиболее близких к оригиналу переводов остается перевод Ломоносова (1747). После выхода в

свет «подражания» Державина «Памятник» в 1801—1805 гг. перевел В. В. Капнист. Пушкин, создавая свой «Памятник» (1836), обращался не только к оригиналу, но отчасти и к вольному переводу Державина. К строке *Как из безвестности я тем известен стал...* поэт дал следующий комментарий: «Автор из всех российских писателей был первый, который в простом забавном легком слоге писал лирические песни и шутя прославлял императрицу, чем и стал известен» (Об. Д.). Н. Г. Чернышевский писал о Державине: «...в свой поэзии чтó ценил он? Служение на пользу общую. То же думал и Пушкин. Любопытно в этом отношении сравнить, как они видоизменяют существенную мысль горациевой оды «Памятник», выставляя свои права на бессмертие. Гораций говорит: «я считаю себя достойным славы за то, что хорошо писал стихи»; Державин заменяет это другим: «я считаю себя достойным славы за то, что говорил правду и народу и царям»; Пушкин — «за то, что я благодетельно действовал на общество и защищал страдальцев» (Полн. собр. соч., 1947, т. 3, стр. 137).

Стихотворением «Памятник» Державин в своих изданиях заключал первую часть, и мы, отступая от хронологического порядка, заключаем им первую часть в нашем издании.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Часть II в изд. 1808 открывается стихами Александру I:

Монарх!

Спокойством ты мою ущедрил лиру,
Я крин ее цветов дерзнул принесть пред трон.
Ты, обоняя их, внушишь звучнее миру,
Что и при бурных днях ты музам Аполлон.

Последняя строка относится к «бурным дням» войны с Наполеоном (1805—1807). За посвящением следует эпиграф из римского писателя Плиния Младшего (I в.):

«Мы не намерены ласкать ему нигде яко существу высочайшему или яко некоему божеству; ибо говорим не о тиране, но о Гражданине; не о государе, но об отце Отечества, который почитает себя нам равным; но тем паче нас превышает, чем более равняет себя с нами.

Плиний в слове императору Траяну».

На возвращение графа Зубова из Персии. — Впервые в журн. «Друг просвещения», 1804, ч. III, стр. 187. «Соч. в Пб. 1797» (Об. Д.).

Когда умерла Екатерина II, генерал В. А. Зубов (1771—1804) находился с войсками в Персидском походе, предпринятом, видимо, для защиты русских торговых путей на Востоке и установления торгового пути в Индию. Павел I, враждебно относившийся ко всем начинаниям Екатерины, отозвал войска с пути из Азербайджана, где застал их приказ. Приказ был вручен всем командирам, кроме Зубова. Павел I, по-видимому, рассчитывал на то, что Зубов, оставшись один, погибнет в неравном бою с горцами. Но генерал М. И. Платов не выполнил приказа Павла и вернулся вместе с Зубовым, за что был заключен в крепость, где провел свыше трех лет, а Зубова, как брата фаворита Екатерины II, выслали в деревню. В это время кн. С. Ф. Голицын напомнил Державину об оде В. А. Зубову «На взятие Дербента», в которой поэт сравнивал Зубова с Александром Македонским, и сказал, что теперь он вряд ли рискнет посвятить новую оду опальному полководцу. Разговор этот происходил, видимо, в начале 1797 г. Державин, защищая свою независимость поэта, написал оду «На возвращение...», которая, «хотя и не была напечатана, но в списке у многих была, несмотря на неблагорасположение императора к Зубову» (Об. Д.).

Пушкин в примечаниях к «Кавказскому пленнику» писал: «Державин в превосходной своей оде графу Зубову первый изобразил в следующих строфах дикие картины Кавказа», и процитировал 5-ю и 6-ю строфы оды.

В журнале «Друг просвещения», где ода была напечатана вскоре после смерти В. А. Зубова, была добавлена строфа, которую Державин в изд. 1808 убрал:

Пришел теперь к сему покою
И ты, прекрасный человек;
Когда б толь славною стезею
И мой пресекся век!

В строфе 12-й *Исправь проступки* вместо *Исправь поступки* (изд. 1808) уточняется нами по двум автографам (Арх. Держ., т. 6, ПД, и т. 1, ГПБ).

Врата Железны — Дербент — по-турецки Темир-Капу (Железные Врата). *В тебе я Александра чтил!* — то есть Александра Македонского (IV в. до н. э.), достигшего Индии. В строфе 10-й,

в строках, взятых в кавычки, Державин излагает содержание 5-й строфы своей оды «На покорение Дербента». *Познать премудрость царств иных.* — По словам Державина, В. А. Зубов просил Павла I послать его за границу.

Храповицкому («Храповицкий! дружбы знаки...»). — Впервые в изд. 1808, ч. II, стр. 122.

Ответ на стихи А. В. Храповицкого к Державину от 29 марта 1797 г., в которых особенно должны были задеть поэта следующие строки:

> Люблю твои я стихотворства:
> В них мало лести и притворства,
> Но иногда — *полы лощишь*...
> Я твой же стих напоминаю
> И сам поистине не знаю,
> Зачем ты так, мой друг, грешишь...

Послание Храповицкому — одно из самых искренних и откровенных высказываний Державина о судьбе поэта при деспотическом правлении. Оно было написано в ответ на стихи Храповицкого сразу же, 30 марта, а 1 апреля Храповицкий ответил новыми стихами, в которых писал, что восхищен умом Державина.

В строфе 6-й строка *Раз кого я похвалял* (вместо опечатки в изд. 1808 *Раз кого я воспевал*) исправлена по автографу (Арх. Держ., т. 6, л. 83, ПД).

Капнисту. — Впервые в изд. 1808, ч. II, стр. 93.

О В. В. Капнисте см. вступительную статью.

Стихотворение перекликается с 16-й одой (Помпею Гросфу) II книги од Горация. В нем Державин отговаривает своего друга от предполагавшейся поездки за границу, от суетных дел (в Петербурге у Капниста тянулась тяжба с помещицей Тарновской, подсказавшая ему замысел комедии «Ябеда») и старается увлечь его рассказами о жизни в Обуховке, куда уехал Капнист и куда вслед ему была послана эта ода. Стихи были написаны весной 1797 г., судя по письму Державина к Капнисту от 17 апреля того же года. В Архиве Державина (ГПБ, т. 22) сохранился ответ Капниста с многочисленными исправлениями, «приглаживавшими» державинские стихи. Державин воспользовался лишь незначительной частью поправок (см. также Отчет ГПБ за 1892 г.).

И конницы за торока́ми... — Тороки — седельные ремни. В строфе 7-й говорится о Румянцеве-Задунайском, умершем в 1796 г., и опальном Суворове. *Обуховка* — имение В. В. Капниста в Полтавской губернии на реке Псел. *Миленой* Державин на-

зывал в стихах свою вторую жену, Д. А. Дьякову. *Умей презреть и ты златую, Злословну, площадную чернь.* — Державин имеет в виду светскую, придворную чернь.

Урна. — Впервые в изд. 1808, ч. II, стр. 56.

Стихотворение написано в ноябре 1797 г. на смерть И. И. Шувалова.

Сраженного косой Сатурна... — то есть косой времени (римск. миф.). *Крылатый жезл, котурн, личина* — античные эмблемы науки и искусства. *Медицис* — род герцогов Медичи, правивший во Флоренции в XV—XVIII вв.; его представители покровительствовали итальянскому искусству. *Я твой питомец и — судья.* — Державин учился в Казанской гимназии, находившейся под управлением Шувалова; позже Державин разбирал спорное дело между Шуваловым и А. И. Мусиным-Пушкиным. *...с солнца мира Лучи бросала на других...* — Шувалов, «будучи любимцем Елисаветы... щедроты ее источал на других» (Об. Д.). *Ты видел смертных, слышал их.* — По «Объяснениям» Державина, Шувалов сочувственно выслушивал даже самых беднейших просителей, не уподобляясь иным вельможам.

О удовольствии. — Впервые в изд. 1808, ч. II, стр. 64. «Писано в Пб. 1798» (Об. Д.).

Вольное подражание 1-й оде книги III од Горация.

Удовольствие — здесь довольство. *Прочь буйна чернь...* — Державин здесь имеет в виду, подобно Пушкину, придворную чернь. *...судят при...* — то есть распри. *Он сверг гигантов с горних мест...* — В древнегреческой легенде рассказывается о том, как Зевс и другие боги свергли с гор восставших против них титанов. *Медведица* и *Лев* — здесь названия созвездий.

На ворожбу. — Впервые в изд. 1808, ч. II, стр. 68. «Писано в Пб. 1798» (Об. Д.).

Стихотворение навеяно 11-й одой I книги од Горация. В 11-й оде всего восемь строк.

Халдейским мудрованьем... — Автор имеет в виду астрологию.

Похвала сельской жизни. — Впервые в изд. 1808, ч. II, стр. 70. «Писано в Пб. 1798» (Об. Д.).

Подражание неоднократно переводившемуся 2-му эподу Горация; ода «соображена с русскими обычаями и нравами» (Об. Д.).

В строфе 11-й строка *И се уже обед готов* исправлена на основании правки Державина в экз. Львовой. Я. К. Грот, полемизируя с изданием Смирдина относительно чтения этой строки (т. II,

стр. 169), в то же время неверно прочел исправление Державина и поэтому оставил старую редакцию *(И стол обеденный готов).*

Орет — пашет. *Пружки* — приспособления для ловли птиц. *Коновка* — деревянная кружка. *...устрицы, го-гу...* — Державин имел в виду французское haut gout — тонкий вкус. *Карда* — «в понизовых провинциях зимняя загорода для скота» (Об. Д.). *Но правежем долги лишь сбрил...* — то есть взыскал свои деньги силой.

Похвала за правосудие. — Впервые в изд. 1808, ч. II, стр. 74. «Писано в Пб. 1798» (Об. Д.).

По «Объяснениям» поэта, стихотворение написано в ответ на просьбу генерал-аудитора кн. И. А. Шаховского сочинить ему оду в похвалу за справедливый суд. Но так как при Павле I приговоры в военных судах было предписано выносить в трехдневный срок, то «часто без справки (то есть без подтверждающих вину свидетельств и доказательств. — *А. К.)* посылали в ссылку и для того несправедливо было сделать совершенную похвалу за такое неосновательное правосудие, в рассуждении чего и сказал автор, что: *Счастли́в, коль отличает Павел И совесть у тебя чиста!»* (Об. Д.).

В строке 8-й *внутренности душ* (вместо *внутренности их*) исправлено по экз. Львовой.

На победы в Италии. — Впервые отдельным изданием под названием «Ода на победы французов в Италии фельдмаршалом графом Суворовым-Рымникским 1799 году», 1799.

В феврале 1799 г. Павел I вызвал опального Суворова из его новгородского имения и по настоянию Австрии и Англии поручил ему руководство союзными армиями в Италии против войск французской республики. Державин, с восхищением следивший за победами Суворова, сразу же откликнулся этими стихами на вступление полководца в Милан.

В стихотворении сказался интерес Державина в эти годы к Оссиану (см. стр. 503). В отдельном издании, а затем в журнале «Новости» (1799, кн. II, стр. 124) Державин поместил следующее примечание к стихотворению: «Ода сия основана на древнем северных народов баснословии. Валка — небесная дева. Барды — певцы богов и героев. Валкал — рай храбрых. По истории известно, что Рюрик завоевал Нант, Бурдо, Тур, Лимузен, Орлеан и по Сенс был под Парижем». Под валками Державин разумел валькирий, в германском эпосе — крылатых дев войны. Походы Рюрика к Парижу — ни на чем не основанный домысел.

Сбылось пророчество... — Державин в оде «На возвращение графа Зубова из Персии» (1797) говорил про опального Суворова «Еще горит его звезда».

На переход Альпийских гор. — Впервые в 1800 г. отдельным изданием под названием «Переход в Швейцарию чрез Альпийские горы российских императорских войск под предводительством генералиссима; 1799 года», с эпиграфом из оды Ломоносова «На взятие Хотина»: «Где только ветры могут дуть, Проступят там полки орлины». Написано в Гатчине в сентябре 1799 г.

Ода посвящена героическому событию франко-русской войны 1799 г. — переходу двадцати одной тысячи русских войск во главе с Суворовым из Италии в Швейцарию через Сен-Готардский перевал. Очистив всю северную Италию от французских войск, Суворов, которому через два месяца исполнялось 69 лет, выступил 11 сентября из города Александрии в Ломбардии, 24—25 сентября разбил противника на перевале, а 26 сентября вошел в швейцарский город Альтдорф на берегу озера Четырех Кантонов. Суворов выступил по требованию австрийских союзников, не получив от них обещанного провианта и лошадей. В «Объяснениях» Державин писал: «Все политики, знающие сии обстоятельства, заключали наверное, что вождь сей и полки, предводимые им, пропадут в горах неизбежно, от чего и были в Петербурге все в крайней печали». Когда в Гатчине было получено известие о поразившем Европу победном переходе русских войск через Альпы, Державин написал эту оду.

В строфе 4-й *Как холм объемляся волнами* (вместо *Как холм объемлется волнами*) исправлено по экз. Львовой.

Нахмурясь смотрит Сен-Готар. — В донесении от 3 октября 1799 г. Суворов писал: «На каждом шаге в сем царстве ужаса зияющие пропасти представляли отверстые и поглотить готовые гробы смерти; дремучие, мрачные ночи, непрерывно ударяющие громы, льющиеся дожди и густой туман облаков при шумных водопадах, с каменьями с вершин низвергавшихся, увеличивали сей трепет. Там является зрению нашему гора Сен-Готард, сей величающийся колосс гор, ниже хребтов которого громоносные тучи и облака плавают». *Чудовище, как мост длиною...* — узкий туннель в горах недалеко от деревни Урзерн, по которому проходили войска Суворова. *Что́ б славный учинил Язон?* и далее. — Язон (греч. миф.) был предводитель аргонавтов, отправившихся в труднейший путь в Колхиду за золотым руном. Волшебница Медея, дочь колхидского царя, влюбившись в Язона, помогла ему усыпить дра-

кона, сторожившего золотое руно. Державин говорит, что Суворов не мог, как Язон, убрать препятствия на своем пути. *Но что! не дух ли Оссиана...* — Оссиан — легендарный кельтский бард. «Поэмы Оссиана» (1762—1765), созданные Дж. Макферсоном, оказали значительное влияние на европейскую литературу раннего романтизма. В творчестве Державина также обнаруживаются следы увлечения Оссианом, особенно в оде «Водопад»; заметны они и в описаниях дикой природы Альпийских гор. *Мне кажет под луной Морана...* — Моран — герой оссиановского эпоса. *Царем царей* кельты, по «Объяснениям» Державина, называли римских императоров. *Массена* — французский генерал, защищавший Сен-Готардский перевал. *До волн Средьземных доходил Алкид и знак свой там поставил...* — Алкид (греч. миф.) — первоначальное имя Геракла (Геркулеса). Знак — имеются в виду Геракловы столпы, якобы поставленные Гераклом у Гибралтара при выходе в океан как знак, что дальше плыть невозможно. Державин говорит о том, что Суворов прошел там, где, казалось, невозможно пройти. *Не Гозанó ль там...* — Гозонó — кавалер ордена Иоанна Иерусалимского — церковного братства, завоевавшего в 1310 г. остров Родос в Эгейском море. По средневековой легенде, кавалер Гозонó убил «страшного дракона, опустошавшего землю» (Об. Д.). *Евгений, Цесарь, Ганнибал...* — «Евгений, герцог савойский, славный полководец цесарский; Цесарь, о коем выше сказано, — римский, а Ганнибал — африканский, переходили Альпийские горы, после которых до Наполеона никто не перехаживал, окроме Суворова, с войском» (Об. Д.). *Могущий Леопольд...* — Герцог Леопольд Австрийский был побежден швейцарцами в 1315 г. *Гельвеция* — древнее название Швейцарии. *Промчи ж, о Русса! ты Секванс...* — Русса, или Рейсса, — альпийский приток Рейна. Секвана — латинское название Сены. *Но где ж, где ваши Цинциннаты?* — Квинт Цинциннат (V в. до н. э.) — римский патриций и консул; по преданию, занимаясь государственными делами, вел патриархальный образ жизни и сам пахал землю.

Утро. — Впервые отдельным изданием «Утро и Гимн Клеантов», 1802, и в журн. «Вестник Европы», 1802, ч. IV, стр. 314, со следующим примечанием издателя Н. М. Карамзина: «...Для удовольствия читателей Вестника... помещаю здесь эту в самом деле *живописную картину* утра». «Соч. в Пб. 1808» (Об. Д.).

По мысли Державина, картина утра, подобная описанной в стихотворении, должна была внушить греческому философу-стоику и поэту Клеанту (Клеанфу, 331—232 гг. до н. э.) «Гимн Зевсу».

Державин перевел этот гимн с немецкого и дал ему название «Гимн богу». Стихотворение «Утро» является как бы вступлением к этому гимну.

В фригический настроя тон... — то есть «тон, которым греки пели гимны богам» (Об. Д.).

Снигирь. — Впервые в журн. «Друг просвещения», 1805, ч. II, стр. 186.

Стихотворение написано на смерть А. В. Суворова (6 мая 1800 г.). «У автора в клетке был снигирь, выученный петь одно колено военного марша; когда автор по преставлении сего героя возвратился в дом, то, услыша, что сия птичка поет военную песнь, написал сию оду в память столь славного мужа» (Об. Д.). Державин успел проститься с умиравшим Суворовым и на другой день после его смерти с горечью писал Н. А. Львову о европейской славе полководца и опале его при дворе. За несколько дней до смерти Суворов спросил у Державина: «Какую же ты мне напишешь эпитафию?» — «По-моему, много слов не нужно, — отвечал Державин, — довольно сказать: *Здесь лежит Суворов*». — «Помилуй бог, как хорошо!» — произнес герой с живостью» (изд. под ред. Грота, т. II, стр. 345). На надгробной плите Суворова (в Некрополе в Ленинграде) написана эта эпитафия Державина.

...пойдем войной на гиену? — Державин имеет в виду революционную Францию.

«Всторжествовал — и усмехнулся...». — Впервые в изд. под ред. Грота, т. III, стр. 379, без упоминания имени Суворова; в настоящей редакции — в изд. «Библ. поэта», 1933, стр. 376, по которому и печатается.

В стихотворении, по-видимому незаконченном, речь идет об отношении Павла I к Суворову. Написано, вероятно, вскоре после смерти полководца (6 мая 1800 г.).

К царевичу Хлору. — Впервые отдельным изданием вместе со стихотворением «Гимн солнцу», под названием «Послание индийского брамина и Гимн солнцу», 1803 г. «Соч. на Званке 1802» (Об. Д.).

В «Объяснениях» Державин указывает на то, что ода написана иносказательно, «в таком же роде, как «Фелица». Под *Хлором* разумеется Александр I.

Зороастр — Петр I (см. примечание к стихотворению «Изображение Фелицы», стр. 482). *Не ездя на царях верхом...* — «Сезострис, египетский царь, запрягал побежденных царей в колесницу...» (Об. Д.). *Писать на голубях...* — «В Египте было обыкно-

вение, что писали к своим приятелям чрез голубей» (Об. Д.). *Инсфендармас* — в древней персидской мифологии ангел, покровитель Персии. *Не прейдут, бедные, чрез Ариманов мост.* — По религии Брамы, души умерших переходят через мост злого духа Аримана, и если они не свободны от грехов, то свергаются в пропасть.

Память другу. — Впервые в журн. «Вестник Европы», 1805, ч. XIX, стр. 298. «Соч. в Пб. 1804» (Об. Д.).

Написано на смерть Н. А. Львова (21 декабря 1803 г.).

В последней строке *горят* (вместо *горит*) исправлено нами по автографу (Арх. Держ, т. 1, л. 277, ГПБ).

Воздвигнув из земли громады... — Н. А. Львов изобрел способ строительства домов из прессованной земли. По этому его способу и по его проекту в Гатчине в 1797—1798 гг. был построен Приоратский дворец, сохранившийся до нашего времени. *С кем, вторя, он Добрыню пел...* — «Он любил русское природное (то-есть народное. — *А. К.*) стихотворство и сам писал стихи, а особливо в простонародном вкусе был неподражаем» (Об. Д.). «Добрыня» (богатырская песня) — первая глава поэмы Львова; она была опубликована после смерти автора в 1804 г. в журнале «Друг просвещения», № 9. *Персть* — то есть прах. *Фивейски молньи и перуны Росой тииской упоять?* — «то есть фивского певца Пиндара песни тииским или Анакреоном умягчать, ибо он (Н. А. Львов. — *А. К.*), с автором нередко занимаясь поэзией, давал ему советы, относящиеся к приятному вкусу» (Об. Д.). *Лиза* — старшая дочь Н. А. Львова, Елизавета Николаевна, в 1809 г. записавшая под диктовку Державина «Объяснения» на его стихи. Ей принадлежал экземпляр с поправками поэта, ныне хранящийся в Пушкинском доме Академии наук СССР.

Фонарь. — Впервые отдельным изданием без указания года и в журн. «Друг просвещения», 1804, ч. III, стр. 1, «Соч. в Пб. 1804» (Об. Д.).

Отставка с поста министра юстиции (1803) подсказала Державину это стихотворение, в котором он «смеялся над суетою мира» «в собственное утешение» (См. изд. под ред. Грота, т. IX, стр. 258).

Озетя — высмотрев. *Пернатой лыстью...* — чешуйчатой кожей. *Стремит в свои вод реки трубы...* — говорится о китах (кит «стремит в свои трубы реки вод»). *Рамена́* — плечи. *Жупел* — горящая смола, смрад. *Угобзя* — удобрив. В 9-й строфе Державин говорит

о Наполеоне I и предсказывает его гибель. *Обавательный* — обаятельный.

Мужество. — Впервые в изд. 1808, ч. II, стр. 176.

Поводом к созданию стихотворения явился анекдотический случай. Павел I был подозрителен, пуглив и часто вызывал в Павловске по тревоге ко двору свою гвардию. Однажды летом 1797 г. гвардия собралась по ошибке на звук почтовой трубы. В стихотворении, восхваляя мужество и порицая трусость, Державин намекал на трусость Павла. В «Объяснениях» Державина сказано, что ода начата, «когда была в Павловске фальшивая тревога», и окончена в 1804 г. в Петербурге.

Не злым ли зубом стер их Крон? — Кронос (греч. миф.) — отец Зевса, жестокое божество, поедавшее своих детей. *Леонид* — спартанский царь, в 480 г. до н. э. с тремястами воинов защищавший Фермопильский проход и погибший в неравной борьбе с персидской армией Ксеркса, — один из излюбленных героев античности. *Зинобия* — Зинобия (III в.), «царица Пальмирская, которая личною храбростию долго удерживала свое царство» (Об. Д.). *...с пряслицей...* — с прялкой. *Галлом похищенны!* — Под Галлом разумеется Наполеон I. *Собийсков слава...* — «Иоанн Собийск, храбрый король польский» (Об. Д.). *Став жен Цитерою, Варшава...* — Цитера, или остров Кипр, — по римской мифологии, место праздников богини Венеры. Державин говорит, что крушение королевской Польши было вызвано падением нравов и недостатком мужества. В строфе 8-й говорится о Павле I. *Там Гермоген, как Регул, страждет; Ильин, как Деций, смерти жаждет; Резанов Гаму заменит.* — Гермоген — московский патриарх (1530—1612), Регул — римский консул и полководец (III в до н. э.); оба погибли за отечество. Ильин — лейтенант морского флота, бесстрашно сражавшийся под Чесмой (1770 г.). Деций (Публий Деций Мус, IV в. до н. э.) — римский полководец, прославившийся храбростью. Н. П. Резанов (1764—1807) — один из организаторов и участников в 1803 г. первой русской экспедиции вокруг света. Державин сравнивает его со знаменитым португальским мореплавателем Васко да Гама (1469—1524).

Волхов Кýбре. — Впервые в журн. «Друг просвещения», 1804, ч. III, стр. 192, с примечанием издателей: «Хотя сия пьеса сообщена нам от графа Хвостова без имени сочинителя, но всякий легко угадает, что она есть творение преславного барда, вместе Горация и Анакреона нашего».

В июле 1804 г. в журнале «Друг просвещения» была напечатана ода Д. И. Хвостова «К барду», которая начиналась стихами:

Пускай, Кубра, мой глас стремится
С твоих приятных берегов
До мест, где грозный Волхов зрится,
Шумя среди седых валов.

В ответ Державин, друживший с Хвостовым, летом того же года в Званке написал «Волхов Ку́бре». На реке Ку́бре, притоке Нерли (впадающей в Волгу), было имение Хвостова.

И бард мой с арфой ветхострунной... — Под бардом Державин разумел себя самого. *Уже и вождь, ногой железной Ступавший Александра в след....* — Имеются в виду В. А. Зубов, командовавший походом в Персию и Индию (1796—1797), и Александр Македонский. *Менальк* — «пастух, который упоминается во многих буколических или пастушеских стихотворствах» (Об. Д.). *Бион, Геснер, Марон* — авторы идиллий: Бион (IV в до н. э.) — греческий поэт, Соломон Геснер (1730—1788) — швейцарский, писавший на немецком языке, Публий Вергилий Марон (I в. до н. э.) — римский.

Оленину. — Впервые в изд. 1808, ч. II, стр. 190. Написано в Званке в 1804 г.

Послание А. Н. Оленину (1763—1843), примыкавшему со второй половины 80-х гг. к дружескому кружку Державина. В 1785 г. Оленин вернулся из Дрездена, где под влиянием Винкельмана и Лессинга увлекся изобразительными искусствами. Он подготовил рисунки к изданию басен Хемницера и позже, по совету Львова, выполнил рисунки к рукописи, которую Державин в 1795 г. поднес Екатерине II (рукопись хранится в ГПБ; рисунки воспроизведены в изд. под ред. Грота). Оленин, археолог, искусствовед и художник, был директором Публичной библиотеки в Петербурге и с 1817 г. президентом Академии художеств. Возле него группировался круг литераторов: В. А. Озеров, Н. И. Гнедич, И. А. Крылов, К. Н. Батюшков.

Изограф — живописец. *Чьего и славный брит искусства Не снес, красе возревновав...* — Рисунки Оленина Державин посылал в Лондон граверам, но не сошелся с ними в цене. При пересылке был потерян рисунок к оде «На взятие Измаила», и Державин просит вновь его нарисовать. *Рашкуль* — уголь для рисования. *Иракловы столпы* («Геркулесовы столпы») — две высокие отвесные скалы, которые якобы воздвиг Геракл (греч. миф.) в Гибрал-

тарском проливе. *И за зерца́лом дел...* — Зерца́лами назывались треугольные призмы с написанными на их гранях указами Петра I, требовавшими строгого и справедливого исполнения законов. Они стояли в присутственных местах. *Три дщери* — здесь поэзия, живопись и музыка. *...как Петр предрек.* — «Петр В. сказал, что науки и художества странствуют по всему свету, — придет время, что посетят и наш край» (Об. Д.). *Сатурна побеждать!* — «т. е. побеждать время или забвение» (Об. Д.).

Лебедь. — Впервые в изд. 1808, ч. II, стр. 315. «Писано в Пб. 1804» (Об. Д.).

Это стихотворение о высоком призвании поэта связано отдельными мотивами со стихотворением Державина «Памятник». В «Объяснениях» автор называет его подражанием 20-й оде книги II од Горация. Воспользовавшись канвой Горация, Державин вплел в нее автобиографическую тему. В основу 20-й оды Гораций положил греческое предание о том, что души поэтов после смерти превращаются в лебедей. Одой «Лебедь» Державин заключал ч. II изд. 1808.

В двояком образе нетленный... — «т. е. по бессмертной душе и по сочинениям» (Об. Д.). *Не задержусь в вратах мытарств...* — «...в греко-российской церкви мытарства или заставы... ⟨место⟩ где умершие души должны дать отчет в злых и добрых своих делах...» (Об. Д.). *Средь звезд не превращусь я в прах...* — «Средь звезд, или орденов, совсем не сгнию так, как другие» (Об. Д.). *Цевница* — свирель.

Время. — Впервые в изд. 1808, ч. II, стр. 204. Датируется нами 1804 г. по автографу (Арх. Держ., т. 1, л. 308, ГПБ).

Послание обращено к Н. А. Дьякову, брату второй жены Державина, вероятно после отставки его от службы.

Люту смерть не воспятят — то есть не обратят вспять. *Адепты* — здесь масоны, к которым принадлежал Дьяков. *Он во сане прокуроров...* — Н. А. Дьяков был губернским прокурором в Москве.

Весна. — Впервые в изд. 1808, ч. II, стр. 207.

Ответ на приглашение Ф. П. Львова посетить его в загородном доме 1 мая. Датируется по автографу 1804 г. (Арх. Держ., т. 1, л. 279, ГПБ).

Ф. П. Львов (умер в 1835 г.) — двоюродный брат Н. А. Львова, второстепенный литератор, издатель книги «Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице, Елисавете Николаевне Львовой в 1809 году»

(СПб, 1834), служил в министерстве коммерции и в годы, когда писалось стихотворение, ведал ревизией таможен.

...дыханьем Фавона... — теплого западного ветра. *Стогнов согреть не пышет огонь...* — то есть площади не согреваются кострами. *Если прибыток оный безгрешен, Ревель что дал и Кронштадт!* — Имеется в виду «прибыток», который давала Ф. П. Львову таможня в виде задержанных контрабандных товаров. *В свертках травы...* — в плетенках для сосудов с вином.

Лето. — Впервые в журн. «Вестник Европы», 1805, ч. XXIII, № 18, стр. 107. Написано в Званке в 1804 г.

Стихотворение обращено к поэту И. И. Дмитриеву, одному из зачинателей русского дворянского сентиментализма. И. И. Дмитриев, как Н. А. Львов и В. В. Капнист, был литературным советчиком Державина. В рукописях Державина сохранились поправки Дмитриева. Стихотворение «Лето» было послано Дмитриеву без подписи, но он узнал автора и ответил посланием, начинающимся строками:

Бард безымянный, тебя ль не узнаю?
Орлий издавна знаком мне полет...

Оба стихотворения были напечатаны в журнале «Вестник Европы», 1805, ч. XXIII, № 18 и 19; стихотворение Державина — с примечанием: «Автор не подписал своего имени — это и не нужно. Читатели узнают российского барда по напеву. Изд.»

Осень. — Впервые в журн. «Вестник Европы», 1805, ч. XXIV. № 23, стр. 189. Написано в Званке. Датируется 1805 г. по «Объяснениям» Державина и рукописи (Арх. Держ., т. 8, л. 50, ПД).

Обращено к А. С. Ярцову (1737—1819), дальнему родственнику и приятелю Державина, директору горнорудных заводов на Урале, разведывавшему золото для правительства, о чем говорится в строфе 7-й.

Я дни мнил Астреи, мир и покой Ввесть распрей в вертеп... — Державин говорит о своем намерении в бытность министром юстиции укрепить правосудие. Астрея (греч. миф.) — богиня справедливости.

Зима. — Впервые в изд. 1808, ч. II, стр. 202.

Стихотворение обращено к П. Л. Вельяминову, члену державинского кружка, тамбовскому помещику, другу Н. А. Львова, «одному из ближайших по сердцу людей Г. Р. Державину» (как писал в «Дневнике студента» С. П. Жихарев).

Стихотворение неправильно передатировано в изданиях последнего времени (начиная с изд. 1933) 1804 г. на том основании, что П. Л. Вельяминов умер в ноябре 1804 г., а стихотворение написано при его жизни. В действительности П. Л. Вельяминов умер 28 февраля 1805 г., о чем в этот день Державин сообщил в письме А. М. Бакунину (изд. под ред. Грота, т. IX, стр. 325). Это, а также дата в автографе (Арх. Держ., т. 1, л. 307, ГПБ) позволяют восстановить державинскую датировку стихотворения — 1805 г.

...где хариты? — Подразумеваются дочери Павла I Александра и Елена, умершие одна в 1801, другая в 1803 г. *Хлор* — здесь Александр I. *Добрада* — мать Александра I, Мария Федоровна. *Тот* и *Та* в строфе 4-й — Хлор и Добрада. *Но по скуке...* — то есть после зимнего безделья.

Четыре возраста. — Впервые в изд. 1808, ч. II, стр. 232. «Писана на Званке 1805» (Об. Д.).

Лирик. — Впервые в изд. под ред. Грота, т. III, стр. 523. Печатается по изд. «Библ. поэта», 1933, стр. 376.

Державин под лириком разумел самого себя. Стихотворение написано полемически против эпиграммы в «Журнале российской словесности», 1805, май, и поэтому датируется нами 1805 г. Под Тромпетиным автор эпиграммы, видимо Н. И. Брусилов, имел в виду Державина. См. примечание к эпиграмме «Ответ Тромпетина к Булавкину», стр. 543.

Облако. — Впервые отдельным изданием вместе со стихотворениями «Гром» и «Радуга», 1806, и в «Соч. и перев. Росс. акад.», 1806, ч. II, стр. 172. В рукописи дата: «Марта 20 1806 года» (Арх. Держ., т. 8, л. 62, ПД).

В стихотворении Державин читает нравоучение, видимо, Александру I, избегавшему советов своего бывшего министра, и сравнивает «наперсников царей» с облаком.

...вздувшись туком... — то есть зажирев. *...Антонины на престоле* — Марк Аврелий Антонин (II в.), римский император-философ, — по преданию, образец мудрого и добродетельного правителя. *...Эпиктиты и в несоле...* — Эпиктет, греческий философ-стоик I—II вв., был рабом.

Гром. — Впервые отдельным изданием вместе со стихотворениями «Облако» и «Радуга», 1806, и в «Соч. и перев. Росс. акад.», 1806, ч. II, стр. 177. В рукописи дата: «Апреля 1 1806 года» (Арх. Держ., т. 8, л. 60, ПД).

В стихотворении Державин иносказательно говорит о революционных событиях конца XVIII в., породивших вольнодумство, и сравнивает их с бурей.

Стада овнов — стада баранов. *Митра* — головной убор епископа во время богослужения. *Зельна буря* — сильная буря. *...гроза духо́в тех гордых, Кем колебался звезд престол!* — Речь идет об ангелах, по библейской легенде, восставших против бога и побежденных им. *...может бросить тул И жуплов тьмы на князя ада* — то есть стрелы из тула (колчана) и серный огонь могут быть брошены на Наполеона. В год написания стихотворения Россия воевала с Францией.

Радуга. — Впервые отдельным изданием вместе со стихотворениями «Облако» и «Гром», 1806, и в «Соч. и перев. Росс. акад.», 1806, ч. II, стр. 182. В рукописи дата (рукой секретаря — Е. М. Абрамова): «Апреля 25 1806 года» (Арх. Держ., т. 8, л. 64, ПД).

Замысел стихотворения проясняется первоначальным вариантом последней строфы первоиздания, в которой речь идет о предполагавшемся мире с Наполеоном:

И светлая б радуга мира,
Восстав над Европою всей,
Залогом спокойствия, мира
Была всех народов, царей.
Он взглядом одним их мрак просветит,
Помирит.

Апеллес (IV в. до н. э.) — древнегреческий живописец. *Составь — и созови зреть Афины Картины.* — В древних Афинах «было обыкновение выставлять для суждения знатоков на площади картины» (Об. Д.).

Графу Стейнбоку. — Впервые в изд. 1808, ч. II, стр. 283. В рукописи пометка (рукой Абрамова): «Гапсаль. Графу Стенбоку. 1807 в феврале» (Арх. Держ., т. 8, л. 76, ПД).

У Стейнбока, женатого на Е. А. Дьяковой, сестре второй жены Державина, было имение на берегу Финского залива.

В строфе 4-й *блистать* (вместо *играть*) исправлено по экз. Львовой.

Вид Гапсаля — вид тленна света... — Гапсаль — «весьма старинная крепость шведская, совсем почти развалившаяся» (Об. Д.). *...утех, проклады...* — забав, увеселений. *...к злачным Волхова брегам...* — Имеется в виду имение Державина Званка на реке Волхов. *Во храме восседя Петровом...* — Стейнбок намеревался построить

церковь в честь Петра I на месте, где Петр высаживался с флотом в 1710 г. *Ве́рушка* — В. Н. Львова. *Люси* — воспитанница Стейнбока. *...к звездам моститься...* — то есть искать чинов. *А лучше с серном льву резвиться, С державой яхонту блистать...* — Игра слов. Поэт имел в виду в первой строке Стейнбока (серн — Steinbock — каменный баран) и Львовых, во второй — себя и своего приятеля М. П. Яхонтова.

Персей и Андромеда. — Впервые отдельным изданием, в 1807 г., с подзаголовком: «Кантата на победу французов русскими, 1807».

В стихотворении имеется в виду битва (под Прейсиш-Эйлау в Пруссии 26—27 января 1807 г.), в которой французам не удалось достигнуть успеха, что при военной славе Наполеона по тем временам считалось поражением. Главнокомандующий русскими войсками Л. Л. Беннигсен (1745—1826) получил награду; в Петербурге праздновали победу, по случаю которой Державин и написал эту кантату.

В основе стихотворения лежит античный миф об Андромеде — эфиопской царевне, прикованной к скале, где она должна была стать жертвой дракона, но ее спас Персей. По символике державинской кантаты, Персей — Александр I, Андромеда — Европа, а дракон — Наполеон I.

Дивий — дикий, лесной. *Чермна* — багровая. *В Губителе мы баснь живого Саламандра...* — В рукописи и в отдельном издании вместо *Губитель* стояло *Наполеон.* В изд. 1808 Державин не называет Наполеона в связи с восстановлением мира с Францией. Саламандра — по средневековым поверьям в Западной Европе — дух огня. *Язы́ки* — здесь народы.

Атаману и войску Донскому. — Впервые отдельным изданием, СПб., 1807. Написано в мае 1807 г. «по случаю многих удачных сшибок легких войск наших под предводительством атамана Донского, т. е. Платова, с французами» (Об. Д.).

Атаман войска Донского М. И. Платов (1751—1818) — соратник А. В. Суворова и М. И. Кутузова. В войну 1812 г. был инициатором и организатором донского казачьего ополчения против французов, сторонник партизанской войны. Стихотворение свидетельствует об интересе Державина в последний период его творчества к народной поэзии.

В строфе 7-й *И из ножон булат твой вон!* (вместо *И из ножон булат ты вон!)* исправлено по экз. Львовой.

Свой учреждаешь ертаул... — «отводный караул, из часового состоящий, который как завидит неприятеля вдали, то вертится на лошади по солнцу или против солнца, давая чрез то знать, далеко ли или близко неприятель, во многом ли или малом числе» (Об. Д.). *Фазанов удишь, как ершей.* — В первоначальной редакции не *фазанов*, а *французов*. Но после мира с Францией в 1807 г. Державин дал опубликованную в 1808 г. редакцию. В строфе 3-й *Лев, Луна* и *Солнце* — шведы, турки и персы, названы так по их национальным гербам. *Теряли янством и главы...* — то есть, по «Объяснениям» Державина, погибали от эгоизма (янства) и междоусобий. *Чипчак* и *чипчаки* — Батый и Золотая Орда. *Чернец Донского — исполина Татарского поверг во прах.* — Куликовская битва (1380 г.), в которой русские войска одержали победу над татарами, началась, согласно летописи, с единоборства и победы монаха Пересвета, дружинника Дмитрия Донского над татарским воином — богатырем Челубеем. *Голицын, Шереметев* — полководцы Петра I. *На кляче белая рубашка Не раз его в усы щелкáл...* — Имеется в виду Суворов, в итальянскую кампанию в жару ездивший на казачьей лошади впереди войск в рубашке. *С крестом на адска Саламандра...* — то есть на Наполеона I и французов. *...копьем вновь мурзавецким...* — «мурзе или дворянину принадлежащим, то есть богато оправленным» (Об. Д.). *Илья* — Илья Муромец. *Уранга, сфинкса на веревке...* — Урангом, то есть орангутангом, Державин назывaет здесь Наполеона I. *Я дочь свою и сам крестову...* — Крестница Державина вышла замуж за донского казачьего полковника. *Денисов, Краснощокий* и др. — казачьи донские атаманы. *Крестов чертог* — крестовая палата — парадная комната.

Е в г е н и ю. Ж и з н ь з в а н с к а я. — Впервые в журн. «Вестник Европы», 1807, ч. XXXIV, № 16, стр. 268. «Писана на Званке 1807 в мае месяце» (Об. Д.).

Одно из замечательных лирических произведений в русской поэзии XVIII в., идиллически рисующее помещичью жизнь в деревне со всеми подробностями быта, неизвестными поэзии классицизма. Стихотворение описывает труды и дни Державина в Званке, на берегу Волхова: хозяйственные дела, неграмотного старосту, считающего по биркам, охоту, прогулки, занятия, развлечения и т. п. «Жизнь званская» обращена к митрополиту Евгению Болховитинову (1767—1837), составителю «Словаря российских светских писателей», археологу и историку русской лите-

ратуры. Он жил в Хутынском монастыре в 60 верстах от Званки и был другом поэта в последние годы его жизни.

В строфе 13-й *с птичен и прудов* (вместо *с птичников, прудов*) и в строфе 15-й *по биркам, по костям* (вместо *по палкам, по костям)* исправлено нами по экз. Львовой. В строфе 15-й *Дает отчет* (вместо *Дают отчет*) исправлено нами по рукописи (Арх. Держ., т. 8, л. 95, ПД).

Барашков в воздухе... — Барашки — народное прозвище бекасов. *Рев крав, гром жолн...* — коров и дятлов. *...пар Повеет с дома мне манжурской иль левантской...* — запах чая или кофе. *Раздобар* — болтовня. *Дивлюся в Вестнике* — в журнале «Вестник Европы». *Флакк* — Гораций. *Пиндар* — греческий поэт VI—V вв. до н. э., писал торжественные оды с хорами. *Блестят и жу́чки в епанечках* — то есть «посредственные мысли, хорошо сказанные, чистым слогом, делают красоту сочинения» (Об. Д.) *И липца, воронка...* — названия сортов меда. *...бьет... Древ русских сладкий сок до подвенечных бревен...* — «Березовый сок, яблочный и проч. делают наподобие шампанского...» (Об. Д.). *Пернатый к потолку лаптой мечу леток...* — игра в волан. *Иль как на лен, на шелк... Все прелести, красы, берутся с поль царицы...* — «Т. е. красильня, где красят шелк, шерсть, лен и бумагу травными красками, сбирая оные с царицы полей, т. е. Флоры» (Об. Д.). *Сталь жесткая... Куется в бердыши милицы.* — В 1806 г. создавалось в России ополчение, главным образом из крестьян, называвшееся «внутренней временной милицией». *Гамит* — шумит. *Тихогром* — фортепьяно. *Но мещет днесь и он перуны* — то есть воюет с Наполеоном. *Темиру-новому...* — новому Тамерлану (Тимуру, 1336—1405), среднеазиатскому полководцу и завоевателю, здесь — Наполеону. *Младых вождей расцвел победами там взор, А скрыл орла седого славу.* — Державин имеет в виду генерала Л. Л. Беннигсена, сменившего гр. М. Ф. Каменского, командовавшего армией в конце 1806 г. *Вождя, волхва, гроб кроет мрачный...* — Имеется в виду древний курган возле дома Державина в Званке, где, по преданию, был похоронен волхв, колдун, именем которого была названа река Волхов. *Чрез Клии воскресишь согласья.* — Державин имеет в виду свою биографию, которую в 1806 г. опубликовал Болховитинов в журнале «Друг просвещения». Клио (греч. миф.) — муза истории.

Крестьянский праздник. — Впервые в изд. под ред. Грота, т. III, стр. 398. В рукописи дата: «1807 года». Печатается по рукописи (Арх. Держ., т. 8, л. 87, ПД).

Стихотворение тесно связано с посланием «Евгению. Жизнь званская». В нем сказался интерес Державина к народному языку, особенно приметный в его шуточных стихах.

...в кобас пробренчи... — Кобас (кобза) — род балалайки. *...яицами бейтесь...* — Народная игра — катанье яиц. *А, не подняв их вздорных грузов...* — Под «вздорным грузом» Державин подразумевал идеи представителей революционной Франции (в ранней редакции было «Но не подняв умов их грузов»). Далее в этой строфе Державин говорит о завоевании Наполеоном Пруссии.

К Правде. — Впервые в изд. под ред. Грота, т. III, стр. 525, по которому и печатается. Написано на обороте письма Н. А. Дьякова к Державину от марта 1803 г. (Арх. Держ., т. II, л. 34, ГПБ), что позволяет датировать стихотворение этим годом.

В автографе имеется еще четверостишие, в котором разборчивы строки:

Твердили мне из сама детства —
Страшися бога и царя...

«Уж я стою при мрачном гробе...» — Впервые в изд. «Библ. поэта», 1933, стр. 385, по которому и печатается. Стихотворение по характеру своему очень близко к стихотворению «К Правде» и, видимо, относится к тому же времени — 1808 (?).

Геба. — Впервые в журн. «Цветник», 1809, апрель, стр. 82. Написано в 1809 г.

Поводом к созданию стихотворения послужил брак Екатерины Павловны, сестры Александра I, с принцем Георгием Ольденбургским в апреле 1809 г. В канву стихотворения вплетена мифологическая тема. *Геба* (греч. миф.) — богиня юности, подносящая на пирах богам напиток бессмертия; здесь — Екатерина Павловна.

Скульптор Антонио Канова (1757—1822) изваял статую Гебы, «льющей в чашу снедь орлу». Она хранится в Эрмитаже в Ленинграде. Ф. И. Тютчеву эти стихи подсказали последнюю строфу его стихотворения «Весенняя гроза».

В цензорском экземпляре рукописи изд. 1816 (Арх. Держ. т. 3, ГПБ) в 6-й строфе вместо последних двух строк первоначальной, журнальной редакции было вписано рукой цензора Тимковского: *Ясил сыние царской власти Дух отечеству служить*. Мы восстанавливаем первоначальную редакцию.

Зоблет — клюет. *Мария* — мать Александра I. *Елисавет* — жена Александра I. *...ему сестрою* — то есть Александру. *...ее быв друг* — то есть Елизаветы. В строфе 6-й речь идет о предполагавшемся в 1807 г. браке Наполеона с вел. кн. Екатериной Павловной, который был ею и русским двором отвергнут.

Шествие по Волхову Российской Амфитриты. — Впервые в «Соч. и перев. Росс. акад.», 1811, ч. V, стр. 155.

Написано в Званке в июне 1810 г., по поводу проезда в Петербург по Волхову сестры Александра I Екатерины Павловны с мужем, принцем Георгием Ольденбургским.

Амфитрита (греч. миф.) — богиня морей, здесь Екатерина Павловна. *Посидон* — Посейдон (греч. миф.) — бог моря. *Иль Прекраса перевозит В Выбудцк Игоря в ладье...* — Прекраса — княгиня Ольга, по преданию, жившая в Выбудцке близ Пскова. *Ладогон* — олицетворение Ладожского озера. *Не Славенска внемлю вечу...* — Славенск, по летописным сказаниям, — древний город на Волхове. Строфа 8-я говорит о войне в 1810 г. с Турцией. *...вóждя юна... Феникс сей, из праха отча Встав...* — Речь идет о молодом генерале Н. М. Каменском, сыне фельдмаршала М. Ф. Каменского.

В строфе 8-й *вóждя юна* вместо *вождя óна* (изд. 1816) исправлено по автографу (Арх. Держ., т. 10, л. 45, ПД) и первоизданию.

Надежда. — Впервые в «Соч. и перев. Росс. акад.», 1813, ч. VI, стр. 189. В рукописи пометка (рукой Абрамова): «На Званке 1810 года июня 15 дня» (Арх. Держ., т. 10, л. 46, ПД).

Стихотворение написано в память Н. И. Львовой-Березиной, племянницы Д. А. Державиной-Дьяковой. О Ф. П. Львове — см. стр. 508.

...на праге стоя... — на пороге стоя. *Дух никак не облыгает* — то есть не оговаривает, не обвиняет ложно.

Явление. — Впервые в «Соч. и перев. Росс. акад.», 1813, ч. VI, стр. 179. В рукописи пометка (рукой Абрамова): «28 июля 1810 на Званке» (Арх. Держ., т. 10, л. 59, ПД).

Вольный перевод стихотворения немецкого поэта Козегартена (L. T. Kosegarten, 1758—1818) «Die Erscheinung». В стихотворение Державин внес автобиографические мотивы.

Тончица — тонкая ткань. *Червленые* — красные, багряные.

Римскому народу. — Впервые в изд. 1816, ч. V, стр. 58. Датируется по автографу июнем 1811 года (Арх. Держ., т. 10, л. 65, ПД).

Стихотворение — перевод 7-го эпода Горация, в котором осуждаются междоусобия, терзавшие Рим во второй половине I в. до н. э.

В строфе 2-й *пламем* (вместо *пламень* в изд. 1816) исправлено по автографам.

Рем — по преданию, один из двух братьев — основателей Рима.

Аристиппова баня. — Впервые в «Чтении в Беседе любителей русского слова», 1812, кн. VI, стр. 65. В рукописи пометка (рукою Абрамова): «22 июня 1811 года на Званке» (Арх. Держ. т. 10, л. 65, ПД).

По замечанию С. Т. Аксакова в воспоминаниях о Державине — одно из любимых стихотворений поэта. Рисуя греческого философа Аристиппа (V в. до н. э.), Державин раскрывал чувства и мысли, которые разделял и сам. Аристипп проповедовал гедонизм — наслаждение благами жизни, но признавал, что мудрость склонна к умеренности. Эта мысль, излюбленная поэтом, заключена и в стихотворении, навеянном жизнью в Званке.

Аркадские утехи... — Аркадия — по преданию, край в Греции, где пастухи вели идиллическую и счастливую жизнь. *Темпейский дол* — долина в Греции, славившаяся своей красотой. *Гесперский сад* — согласно древнегреческой легенде, сад, где росли золотые яблоки и жили девы Геспериды. *Цитерски резвости и смехи...* — Цитера (Кифера) — остров в Греции, где процветал культ богини красоты и любви Афродиты. *Видна и ссылка Аполлона...* — По греческой легенде, Аполлон был за убийство циклопов осужден Зевсом жить некоторое время на земле в образе пастуха. *Арета* — дочь Аристиппа. *От Дионисья три жены...* — «Дионисий, царь Сиракузский, подарил Аристиппу трех красавиц. Он привел их к себе и отпустил назад, не прикасаясь к ним». (Примечание Державина в ч. V сочинений.) *...отдают в прохладу* — то есть для наслаждения («проклада»). *...воздержностью не дмися* — то есть не гордись, не чванься.

Эхо. — Впервые в «Соч. и перев. Росс. акад.», 1813, ч. VI, стр. 172, под названием «Званское эхо».

Стихотворение — ответ (3 июля 1811 г.) на письмо Евгения Болховитинова от 9 июня 1809 г., в котором тот писал: «Вы опять в соседстве с бессмертным эхом, которое, верно, в первый же день вашего приезда проснулось от зимнего сна...». В «Объяснениях» поэта к стихотворению «Жизнь званская» гово-

рится, что Евгений любил слушать званское эхо, «которое несколько раз по лесам Волхова удивительно отдается».

...коль Нарцисом Тобой я чтусь, — скалой мне будь... — В греческом мифе рассказывается, что нимфа Эхо от безответной любви к юноше Нарцису превратилась в скалу. *Нарцис жил нимфы отвечаньем...* — Богиня Гера лишила нимфу Эхо дара речи, сохранив за нею способность повторять чужие слова. *Фивов разоритель* — Александр Македонский. Он пощадил в завоеванных Фивах дом поэта Пиндара.

К Меценату. — Впервые в статье «Рассуждение о лирической поэзии» в журн. «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1811, кн. II, стр. 59.

Перевод 20-й оды книги I од Горация.

Мецен (Меценат, I в. до н. э.) — покровитель искусств при императоре Августе, оказывавший поддержку Горацию.

Полигимнии. — Впервые в изд. 1816, ч. V, стр. 237.

Одно из последних стихотворений Державина. В воспоминаниях П. Н. Львовой, опубликованных Я. К. Гротом (т. VIII, стр. 992), есть следующее упоминание: «...Полигимнии, имя вымышленное для означения девицы Стурдзы, которая однажды очаровала его на вечере г-жи Свечиной, прочитав ему в совершенстве всю оду Бог».

Полигимния (греч. миф.) — муза гимнов. *Греко-российска Харита.* — А. С. Стурдза, фрейлина при дворе Александра I, была полугречанкой. *Коснулась во мне дланью пиита* — то есть своим чтением пробудила во мне поэта.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

В часть III собрания сочинений 1808 г. вошли главным образом стихи, которые Державин издал в 1804 г. отдельной книгой под названием «Анакреонтические песни». Мы публикуем предисловие поэта к этой книге:

К читателям

Многие подражали и переводили древних. Не знаю, успел ли я в том сим опытом; но то истинно, что не искал я не только преимущества, но ниже сравнения с ними. Для забавы в молодости, в праздное время, и наконец в угождение моим домашним писал я сии песни. По любви к отечественному слову желал я по-

казать его изобилие, гибкость, легкость и вообще способность к выражению самых нежнейших чувствований, каковые в других языках едва ли находятся. Между прочим, для любопытных в доказательство его изобилия и мягкости послужат песни под номерами: XIX ⟨«Анакреон в собрании»⟩, XXXVI ⟨«Соловей во сне»⟩, XLI ⟨«Желание»⟩, XLIX ⟨«Виша»⟩, LV ⟨«Песнь Баярда»⟩, LXXXIII ⟨«Тишина»⟩, LXXXVI ⟨«Шуточное желание»⟩, LXXXVII ⟨«Бабочка»⟩, LXXXVIII ⟨«Кузнечик»⟩ и XCIII ⟨«Свобода»⟩, в которых буквы «р» совсем не употреблено.

По неважности своей достойны бы они были забвения; но как многие из них письменные ходят по рукам, а некоторые и напечатанные без моего позволения перепорчены, то чтоб показать истинные, собрал я их и исправил. Писал песни Соломон, — видно сие из Священного писания. Писал сего же рода Платон, — объясняется сие № XX ⟨«Спящий Эрот»⟩. В Афинах запрещалось упражняться в издевочных сочинениях только ареопагитам; но как я теперь уже свободен от должности, то и осмелился предать их тиснению.

Наконец, должен предуведомить, что инде упомянуты мною в них славянские божества вместо иностранных, для примечания, что можем и своею митологиею украшать нашу поэзию: Лель (бог любви), Зимстерла (весна), Знич (май), Лада (богиня красоты), Услад (бог роскоши) и прочее. Объяснения аллегорических песен, на какой случай они относятся, помещены при конце сей книжки под их заглавием.

Источником многих «анакреонтических песен» Державина являлись так называемые анакреонтические оды, широко известные и неоднократно переводившиеся в XVIII в. Они были собраны в сборник древнегреческих стихотворений. Рукопись этого сборника относится к X—XI вв. Впервые он был издан А. Этьеном в 1554 г., причем издатель не опубликовал указание о том, что большая часть стихотворений сборника принадлежит подражателям Анакреонта.* Долгое время все стихи этого сборника приписывались Анакреонту, а впоследствии стали называться анакреонтическими.

П р и н о ш е н и е к р а с а в и ц а м. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 3. Датируется 1801 г. по месту стихотворения в т. 7 (Арх. Держ., т. 7, л. 97, ПД).

В рукописи название «Приношение Даше и красавицам». Судя по тетради автографов «Анакреонтические песни» (называемой Я. К. Гротом и последующими издателями «рукописью Казанского университета», ныне хранящейся в Пушкинском доме), сборник «Анакреонтические песни» был задуман еще в 1797 г.; тогда же Державин написал шутливые стихи «Даше приношение», в которых объяснял намерение издать сборник желанием получить

доход и разбить у дома на Фонтанке в Петербурге сад. И только занявшись сборником, он оценил его литературное значение. «Приношение красавицам» было опубликовано как стихотворное предисловие ко всему анакреонтическому циклу. Отступая от принятого нами хронологического порядка внутри частей, мы помещаем его первым.

Сайдак (татарск.) — чехол на лук.

Пламиде. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 129. «Соч. в Пб. 1770» (Об. Д.).

Датировка Державина заставляет предполагать, что существовал вариант стихотворения, написанный в 1770 г. и не дошедший до нас. Публикуемый нами текст, судя по стилю и языку, значительно более позднего происхождения. Это подтверждает и сохранившийся автограф, незначительно отличающийся от окончательной редакции, относящийся примерно к 1802 г. (Арх. Держ., т. 8, л. 15, ПД) — ко времени, когда поэт подготовлял сборник «Анакреонтические песни». Стихотворение датируем «1770; 1802».

Нине. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 131. «Соч. 1770 в Пб. Подражательный отрывок 29-й оде Клопштока» (Об. Д.). Датировка Державина позволяет предполагать, что существовал вариант стихотворения, написанный в 1770 г. и не дошедший до нас. Публикуемый нами текст — более позднего происхождения и датируется «1770 ⟨1804⟩».

Пени. — Впервые в изд. 1808, ч. III, стр. 192. «Соч. в Пб. 1772 по просьбе одной госпожи» (Об. Д.).

В ГПБ (Арх. Держ., т. 1) имеется рукопись, составленная около 1776 г., содержащая 19 песен. Песня № 12, значительно переработанная Державиным для изд. 1808, получила при публикации название «Пени». Ранняя редакция «Пени» (то есть песня № 12) впервые была опубликована в изд. «Библ. поэта», 1933, стр. 407.

Разлука. — Впервые в «Моск. журнале», 1792, ч. V, стр. 167, под названием «Прощание», в иной редакции.

Одна из лучших ранних песен Державина. «Разлука» под № 17 входит в число 19 песен, находящихся в тетради ранних произведений (первая половина 70-х гг.) Державина (Арх. Держ., т. 1, л. 14, ГПБ). Печатается по этой рукописи, заключающей и более позднюю правку автора. И. И. Дмитриев опубликовал «Разлуку» в «Карманном песеннике» (1796). Державин, дороживший этой песней, собирался включить ее в сборник анакреонтических

песен, но включил в театральное представление «Добрыня» (1804) в несколько иной редакции.

Сонет. — Впервые в изд. под ред. Грота, т. III, стр. 464, по которому и печатается. Находится в тетради ранних произведений, написанных до 1776 г. (Арх. Держ., т. 1, № 45, ГПБ).

Пикники. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 107.

«Соч. в Пб. 1776 по случаю бывших пикников у А. П. Мельгунова...» (Об. Д.). А. П. Мельгунов (1722—1788), в это время президент камер-коллегии и управитель казенных винокуренных заводов, устраивал на принадлежавшем ему Елагином острове в Петербурге пикники, в которых участвовал Державин. Стихотворение значительно переработано к изд. 1804.

Кружка. — Впервые в журн. «СПб. вестник», 1780, ч. VI, стр. 203.

«Соч. в Пб. 1777; застольная песнь граждан» (Об. Д.). Стихотворение пользовалось широкой известностью. И. И. Дмитриев включил его в «Карманный песенник» (1796); положено на музыку композитором, собирателем народных песен В. Ф. Трутовским (ок. 1740—1810).

Невесте. — Впервые в изд. 1808, ч. III, стр. 196.

Первоначальные названия в рукописях — «Стансы», «К Пленире» и «Похвала Пленире» (Арх. Держ., т. 1, ГПБ; тт. 4 и 8, ПД). «Соч. в Пб. 1778 на сговор автора с первой женой его» (Об. Д.) — Е. Я. Бастидон, на которой Державин женился 18 апреля 1778 г. Предположение о том, что стихотворение в первой редакции относилось к невесте наследника Павла, не подтверждается рукописями.

Препятствие к свиданию с супругой. — Впервые в журн. «СПб. вестник», 1779, ч. III, стр. 114.

Осенью 1778 г. Державин отвез свою жену, Екатерину Яковлевну, в Казань познакомиться с матерью, а сам уехал в свои имения под Оренбургом. Когда он возвращался в ноябре к родным, по Каме шел лед. Державину пришлось дожидаться в деревне, пока река станет. В эти дни он и написал стихотворение.

В строке 19-й *не век* (вместо *на век*) исправлено по первоизданию и рукописи.

На рождение в Севере порфирородного отрока. — Впервые в журн. «СПб. вестник», 1779, ч. IV, стр. 410.

«Сие аллегорическое сочинение относится ко дню рождения» Александра I (1777 г.) «Хотя на тот случай была сочинена автором ода и в 1777 г... но как в несоответственном дару автора

вкусе, а в ломоносовском, к чему он чувствовал себя неспособным, то та ода в сочинениях его и не напечатана, а сия написана после...» (Об. Д.).

Р а з н ы е в и н а. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 109, где в оглавлении добавлено: «Или пирушка молодых холостых людей 1782 года». Автограф находится среди рукописей 1801 г., так как стихотворение, видимо, перерабатывалось к изд. 1804.

Ф и л о с о ф ы, п ь я н ы й и т р е з в ы й. — Впервые в «Моск. журнале», 1792, ч. V, стр. 301, под названием «Песня роскошного и трезвого философа».

«Образ мыслей Аристиппа и Аристида. Соч. в Пб. 1789 без всякой цели» (Об. Д.). Аристипп — см. стр. 517. Аристид (ок. 540—467 гг. до н. э.) — афинский политический деятель, проповедовавший строгость нравов. Строку *Не пью, любезный мой сосед* А. С. Пушкин включил в «Ответ Катенину» (1828).

В рукописи (Арх. Держ., т. 4, л. 155, ПД) в конце стихотворения имеются незавершенные строфы, написанные начерно рукой Державина, до сих пор полностью не прочтенные:

Хотел я сделаться вельможей
И при лице царей служить,
Усердно чтить в них образ божий
И им лишь правду говорить.
Но видел: с верностью служить
Нельзя, нельзя им верным быть,
А дóлжно их всегда хвалить.
Подчас обманывать и льстить.

Какая нужда быть вельможей,
Чтобы уметь хитрить и льстить?
Когда цари есть образ божий,
То дóлжно правду им любить...

Далее — неразборчиво.

Законом правду тенетить... — то есть опутывать тенетами.

К Э в т е р п е. — Впервые в «Моск. журнале», 1791, ч. II, стр. 3, с подзаголовком: «По случаю пляски, бывшей на мызе у Ивана Ивановича Шувалова, 1739 г. августа 24 дня», и датируется этим годом.

Под музой лирической поэзии и музыки *Эвтерпой* Державин имел в виду М. Л. Нарышкину, дочь приближенного к Екатерине II вельможи Л. А. Нарышкина; под *Марсом*, богом войны, — Потемкина, который в стихотворении назван также «придворным», «любимцем счастья», «сыном неги».

Голиаф — по библейской легенде, великан, побежденный пастухом Давидом, впоследствии царем. Голиаф — здесь Турция.

Анакреон в собрании. — Впервые в «Описании празднества, бывшего по случаю взятия Измаила...», 1792.

После победы над Турцией во второй русско-турецкой войне Потемкин устроил 28 апреля 1791 г. торжество в честь Екатерины II в недавно подаренном ему дворце, позже получившем название Таврического. Державин был приглашен написать хоры и стихи, а затем составить описание торжества, в котором и появилось стихотворение, датируемое 1791 г. Поэт впоследствии дал ему следующее объяснение: «Сочинено... на любовные искания князя Потемкина». Под Анакреоном Державин имел в виду Потемкина.

Лишь Паллады щит небесной Утолил твои бы вздохи. — Державин хочет сказать, что только мудрость может излечить Потемкина от увлечений. Возможно, под Палладой Державин разумел Екатерину II.

Амур и Психея. — Впервые отдельным изданием в 1793 г. под названием «Песня».

Написано в Царском Селе в мае 1793 г. на сговор вел. кн. Александра Павловича с принцессой Луизой Баденской — Елизаветой Алексеевной. Положено на музыку композитором В. А. Пашкевичем (ок. 1742— ок. 1800).

Сафе. — Впервые в сб. «Аониды», 1797, кн. II, стр. 246. «Соч. в Пб. 1794; изображение горести автора по смерти первой жены его 15 июля» (Об. Д.).

Сафо — греческая поэтесса VII—VI вв. до н. э. Существует легенда о том, что Сафо бросилась в море из-за безответной любви к юноше Фаону.

Призывание и явление Плениры. Впервые в сб. «Аониды», 1797, кн. II, стр. 301. «Соч. в Пб. в 1794 в июле...» (Об. Д.).

Стихи обращены к Екатерине Яковлевне Державиной — *Плениpe*, умершей 15 июля 1794 г. *Миленой* Державин называл в стихах свою вторую жену, Дарью Алексеевну, урожденную Дьякóву (1767—1842).

Пчелка. — Впервые в сб. «Аониды», 1797, кн. II, стр. 150.

Датируется нами 1794 г. по тетради автографов Державина «Анакреонтические песни», л. 10, ПД, и по автографу в Арх. Держ., т. 4, л. 165, ПД. Державин в «Объяснениях» (а за ним и последующие издатели) ошибочно датировал стихотворение 1796 г.,

хотя оно присутствует в рукописном сборнике его стихотворений, подаренном Екатерине II 6 ноября 1795 г.

Название «Пчелка» принято на основании всех рукописей и первоиздания (в изд. 1808 опечатка — «Пчела»).

Как указывает Я. К. Грот, песня была положена на музыку и долго пелась по всей России. В экземпляре «Анакреонтических песен», принадлежавшем Державину, приписана его рукою рядом с этими стихами следующая пародия на «Пчелку»:

Каша златая,
Что ты стоишь?
Пар испущая,
Вкус мой манишь?
 Или ты любишь
 Пузу мою?
Зерны ль златисты
Полбы в крупах,
Розы ль огнисты
Гречи в горшках,
 Сахар ли белый
 Проса с млеком?
Каша златая,
Что ты стоишь?
Слышу, вздыхая,
Мне говоришь:
 «К каше привыкнув,
 С ней и умрешь».

Впервые пародия опубликована в изд. под ред. Грота, т. I, стр. 780.

Мечта. — Впервые в «Карманном песеннике», 1796, стр. 1, без названия, в разделе «Песни нежные».

«Соч. в Пб. на сговор автора со второю его женою 1794» (Об. Д.). Державин женился на Дарье Алексеевне Дьяковой 31 января 1795 г. Стихотворение было значительно переработано Н. А. Львовым, но Державин не принял его вариант и заново переделал стихотворение.

Мальчик — здесь Купидон, бог любви.

Спящий Эрот. — Впервые в сб. «Аониды», 1796, кн. I, стр. 30.

«Соч. в Пб. на оперу, игранную детьми княгини Татьяны Васильевны Юсуповой 1795 г.; первая половина переведена из Платона, другая прибавлена автором» (Об. Д.). Державин имеет в виду отрывок, приписываемый греческому философу Платону «Об Эроте, спящем в роще».

К Анжелике Кауфман. — Впервые в изд. 1798, стр. 346.

Написано в Петербурге 30 января 1795 г. на брак Державина с Дарьей Алексеевной Дьяковой. Стихотворение обращено к А. Кауфман (1741—1807), известной в последней трети XVIII в. немецкой художнице, с просьбой написать портрет Дарьи Алексеевны.

И, списав данаев... — Данайцы — греки. «...сия живописица писала обыкновенно фигуры свои высокие и стройные с греческими лицами. .» (Об. Д.).

Анакреон у печки. — Впервые в журн. «Муза», 1796, ч. I, стр. 224, под названием «Анакреон».

По «Объяснениям» Державина, сочинено в Петербурге в 1795 г., экспромт во время игры на арфе Марии Львовны Нарышкиной. К ней же относится и стихотворение «К Эвтерпе». Под Анакреоном поэт здесь разумеет самого себя.

Гостю. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 80. Написано около 1795 г. на случай посещения автора П. Л. Вельяминовым.

Хариты. — Впервые в журн. «Муза», 1796, ч. I, стр. 97. «Соч. в Пб. на русскую пляску вел. кн. Александры и Елены Павловн, бывшую в тронной зале в первый день святок 1795 г. 25 декабря» (Об. Д.).

Хариты (римск. миф.) — три богини изящества. *Видел внук Екатерины* — то есть внучек Екатерины, дочерей Павла.

Другу. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 81. Написано в 1796 г. по поводу прогулки в саду на даче Н. А. Львова.

Даша и *Лиза* — «горничные девушки Николая Александровича» (Об. Д.).

Потопление. — Впервые в журн. «Муза», 1796, ч. III, стр. 152, под названием «Романс на потопление NN».

5 августа 1796 г. Державин писал И. И. Дмитриеву: «Третьего дня Федор Михайлович Дубянский, переезжая с дачи своей через Неву, с компанией потонул». Ф. М. Дубянский написал музыку на песню «Стонет сизый голубочек» Дмитриева, назвавшего композитора в своих стансах «нежным учеником Орфея».

Победа Красоты. — Впервые в изд. 1798, стр. 385, под названием «Романс. Победа разума и красоты». В автографе дата «1796 г.» (тетрадь автогр. «Анакр. песни», л. 13, ПД).

Стихотворение написано по поводу предполагавшегося в 1796 г. брака вел. кн. Александры Павловны со шведским прин-

цем Густавом. Сговор не состоялся, и Державин писал И. И. Дмитриеву 6 октября того же года: «Здешние праздники шумные исчезли, как дым; по сию пору не знаем, что́ впредь будет; а потому и все громы поэтов погребены под спудом, для того и я мою безделицу не выпускаю», то есть стихи «Победа красоты». Они написаны в свойственном Державину аллегорическом стиле.

Паллада — Екатерина II, победившая Швецию, господствовавшую на морях, то есть *льва*, символизирующего в то же время и принца Густава. Под *Афинами* подразумевается Петербург, под *Гевой* (Гебой) — Александра Павловна. К стихотворению написал музыку композитор Д. С. Бортнянский.

Крезов Эрот. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 56. «Соч. в Пб. 1796. Таковой Эрот был изображен в доме князя А. А. Безбородко, огражденный стрелами» (Об. Д.). В этих шутливых стихах под *Крезом* Державин, видимо, имел в виду А. А. Безбородко.

Бой. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 66.

«Соч. в Пб. 1796; последние строки — подражание анакреоновой оде» (Об. Д.). Державин, видимо, имеет в виду XIV оду, приписываемую Анакреону, которую перевел Н. А. Львов и опубликовал в своем сборнике анакреонтических стихотворений (1794). В части тиража изд. 1808 последняя строка читается: *Если в сердце впился враг*, а в другой части — в публикуемой нами редакции, которую Державин сохранил в экз. Львовой.

К Музе. — Впервые в сб. «Аониды», 1797, кн. II, стр. 281, под названием «Даше в Светлое Христово воскресенье. Апреля 5, 1797». Первая строка читалась: «Строй, Даша, арфу золотую», то есть стихи были непосредственно обращены к жене поэта. В окончательной редакции Державин обратил стихотворение в послание к Музе. Заключительные строки относятся к коронации Павла I 5 апреля 1797 г.

Пришествие Феба. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 17.

Вольный перевод гимна Аполлону, который приписывают греческому поэту Дионисию Александрийскому (ок. II в. до н. э.). Под Фебом Державин имел в виду Павла I, только что вступившего на престол. Написано в мае 1797 г., по возвращении Павла I из Москвы.

...с рамен по багрянице... — то есть с плеч по царской мантии.

Возвращение Весны. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 19.

В «Объяснениях» Державин писал, что поводом к созданию стихотворения явилось посещение женой Павла I Девичьего (Смольного) монастыря в Петербурге в мае 1797 г. Стихотворение — одно из наиболее пластичных изображений весенней природы в поэзии Державина.

Сафо. — Впервые в иной редакции в сб. «Аониды», 1797, кн. II; в окончательной редакции — в сб. «Анакр. песни», стр. 103. «Соч. в Пб. 1797» (Об. Д.).

Стихотворение — вольный перевод не дошедшей до нас полностью наиболее известной оды Сафо (см. стр. 523), обращенной к возлюбленной. Ода неоднократно переводилась в XVIII и XIX вв. Державин переводил ее дважды и оба перевода опубликовал в части III изд. 1808. Мы публикуем перевод с подстрочника к греческому оригиналу; более ранний перевод был сделан с перевода Буало в 1780 г.

Купидон. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 68.

«Соч. в Пб. 1797; подражание 3-й анакреонтической оде» (Об. Д.) — той самой 3-й оде под названием «Любовь», которую перевел Ломоносов для своей «Риторики» (§ 309) и которая начинается строками:

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Все люди для покою
Сомкнули уж глаза...

Дар. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 78. «Соч. 1797 г.» (Об. Д.).

Развалины. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 30.

«Соч. в Пб. 1797; аллегорическое описание, под образом острова Кипра, опустевшего Царского Села, а под именем Киприды императрицы Екатерины...» (Об. Д.). После смерти Екатерины II местом летнего пребывания двора стал Павловск. Державин, в этих стихах воспевший Екатерину, не опубликовал их при жизни Павла I, не желая навлечь его гнев. Общеизвестна была взаимная неприязнь матери и сына. По «Объяснениям» Державина, стихотворение до издания в сб. «Анакр. песни» было опубликовано в Саксонии гр. А. Г. Орловым, высланным из России Павлом I.

Великолепный храм... — Имеется в виду дворец Екатерины II в Царском Селе. *Подзоры* — архитектурные украшения с резьбой. *..метких слуг...* — Киприде прислуживали эроты, вооруженные луками и стрелами. *Тут на Парнасе музы пели...* — Парнас — здесь гора в парке Царского Села. *Велела нимфам, купидонам...* —

Имеются в виду дети придворных. *Верхом скакали на коньках...* — то есть на карусели. *Она смотрела: на Алкида...* — Имеется в виду памятник Орлову-Чесменскому в Царском Селе. *...перлов гнезд...* — Имеется в виду перламутр, немецкое слово Perlenmutter, которое Державин перевел таким образом.

Желание. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 79.

«Соч. в Пб. 1797; относится к второй жене автора» (Об. Д.). Стихотворение написано без буквы «р».

Люси. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 65.

«Соч. в Пб. воспитаннице графини Стенбоковой 1797» (Об. Д.) — Елизавете Федоровне Штернберг. Державин замечает в «Объяснениях»: «Сия ода почти перевод оды Анакреоновой». Для того, чтобы представить, как Державин далеко уходил от Анакреона, следует сравнить стихотворение с XXXIV одой Анакреона в точном переводе Н. А. Львова, с которой оно связано:

Красавица! не бегай
Седых моих волос
И, юностью блистая,
Не презри страсть мою.
Приятно розы вьются
С лилеями в венке.

Рождение Красоты. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 74. «Соч. в Пб. 1797» (Об. Д.).

Белинский в статье «Сочинения Державина» приводит это стихотворение как пример замечательного понимания поэтом духа античного мира.

Ганимед (греч. миф.) — виночерпий на пирах богов.

К женщинам. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 71. «Соч. в Пб. 1797; подражание 2-й анакреонтической оде» (Об. Д.).

Соловей во сне. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 72. «Соч. в Пб. 1797» (Об. Д.).

Это стихотворение в числе других Державин приводил в предисловии к сборнику «Анакреонтические песни» в доказательство гибкости, легкости и нежности русского языка: в стихотворении нет буквы «р».

Венерин суд. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 73. «Соч. в Пб. 1797; подражание 40-й Анакреоновой оде» (Об. Д.).

К лире («Петь Румянцова сбирался...»). Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 51.

П. А. Румянцев-Задунайский умер 8 декабря 1796 г. Державин почитал его и противопоставлял Потемкину. Суворов в

1797 г., когда писалось стихотворение, по словам Державина, «находился под гневом» Павла I. Он жил в своем сельце Кончанском в опале за несогласие с павловской прусской военной системой. Суворов о ней сказал: «пукли не пушки, коса не тесак, а я не пруссак». В стремлении «переладить струны» лиры, уйти от высоких тем сказалось фрондирующее отношение Державина к павловскому режиму, сопровождавшееся увлечением горацианской и анакреонтической поэзией.

А Рымникский скрылся тьмою... — Имеется в виду опала Суворова.

Скромность. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 77. «Подражание г. Метастазию» (Об. Д.) — итальянскому поэту Пьетро Метастазио (1698—1782), стихи из кантаты «Amor timido». Державин неверно датирует стихотворение 1795 г. Датировка других издателей 1791 г. недостаточна: в 1791 г. написаны только две строфы (к тому же иной редакции и размера) (Арх. Держ., т. 4, л. 147, ПД); полный же текст встречается в тетради среди рукописей 1797—1798 гг. (Арх. Держ., т. 7, л. 9, ПД), на основании чего и датируется стихотворение.

К самому себе. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 52. «Соч. в Пб. 1798» (Об. Д.).

Перекликается со стихотворением «К лире». Написано по поводу столкновений в 1798 г. Державина, тогда сенатора, в Межевом департаменте с генерал-прокурором А. Б. Куракиным и его сторонниками. Державин рассказывает в «Записках» о причинах этих столкновений, вызванных межеванием земель казенных крестьян, при котором сподвижники Куракина прирезали себе чужие земли. «Автор, будучи... сенатором и видя... корыстолюбие (своих сослуживцев. — *А. К.),* написал в шутку сию песнь» (Об. Д.). Державин стремился к тому, чтобы стихотворение в списках распространилось в Петербурге и стало известно при дворе, однако напечатал его только через шесть лет.

Геркулес. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 63. «Соч. в Пб. 1798» (Об. Д.).

Темой для стихотворения послужил один из мотивов греческой мифологической легенды о Геркулесе. «Под именем Данаи разумеется здесь просто гречанка» (Об. Д.). Стихотворение «Геркулес» навеяно подражаниями античным поэтам.

Богатство. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 83. «Соч. в Пб. 1798; перевод 23 оды Анакреона» (Об. Д).

П а р а ш е. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 82. «Соч. в Гатчине 1798» (Об. Д.).

В строфе 4-й *скользя по них* сохраняется согласно изд. 1808, сб. «Анакр. песни» и рукописи.

Параша и Палаша — Прасковья Михайловна и Пелагея Михайловна Бакунины, родственницы Д. А. Державиной, жившие в доме Державиных.

П о р т р е т В а р ю ш и. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 84. В рукописи рукою Державина: «1798 году» (Арх. Держ., т. 7, л. 14, ПД).

Написано Варваре Михайловне Бакуниной.

А р ф а. — Впервые в сб. «Аониды», 1798—1799, кн. III, стр. 14, под названием «К арфе NN».

«Соч. на Званке 1798 Пелагее Михайловне Бакуниной» (Об. Д.).

Отечества и дым нам сладок и приятен. — Это выражение стало поговоркой. В комедии Грибоедова «Горе от ума» ее, несколько перефразировав, произносит Чацкий.

Ц е п и. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 100. В рукописи дата: «1798 году июля» (Арх. Держ., т. 7, л. 32, ПД).

Написано «по случаю потери Анной Михайловной Бакуниной золотой цепочки во время езды ее на Званку» (Об. Д.).

В е н е ц б е с с м е р т и я. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 155. Написано, судя по рукописи, около 1798 г. (Арх. Держ., т. 7, л. 14, ПД).

Этим стихотворением Державин заключал собрание своих анакреонтических од.

С братиною златою... — с чашей, ковшом. *Вафил* — юноша, герой древнегреческих анакреонтических стихотворений. *Таланты злата подносили...* — Талант — древнегреческая мера веса. *Певец Тиисский* — Анакреон, происходивший из г. Теоса.

С т р е л о к. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 91.

Стихотворение приведено в письме Д. А. Державиной к Н. А. Львову от 18 января 1799 г., по которому и датируется (Арх. Держ., т. 11, л. 109, ГПБ). В нем говорится: «Душа мой братец Николай Александрович! Посылаю вам нового сочиненья песенку вкусу анакреонтического, которая, я думаю, вам недурна покажется...» В письме шутливая приписка Державина: «Вот, братец, какие сочиняет песни лебедь белая моя; какие твоя поет?» Обращено к сенатору А. Л Щербачеву, по словам Державина в «Объяснениях» — «человеку весьма роскошному».

Пеночка. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 92. Датируется 11 февраля 1799 г. по автографу (Арх. Держ., т. 7, л. 42, ПД).

В строфе 3-й *взаимной страстью* (вместо *взаимно страстью*) исправлено нами по автографу и первоизданию.

Песнь Баярда. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 94. «Соч. в Пб. 1799 по случаю оперы, игранной пред императором Павлом I» (Об. Д.). Написано без буквы «р».

Варюша. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 96. «Соч. в Пб. 1799 Варваре Михайловне Бакуниной» (Об. Д.).

Название (вместо «Варюшка») исправлено по экз. Львовой.

Написал тебя зарею... — см. «Портрет Варюши», стр. 369.

Русские девушки. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 93. «Соч. в Пб. 1799» (Об. Д.).

Бычок — русская народная пляска.

Рождение любви. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 35. «Соч. в Павловске на случай рождения великой княжны Марии Александровны в 1799, мая...» (Об. Д.).

Мельник. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 88. «Соч. в Горах 1799 для Ф. М. Колокольцева, в шутку» (Об. Д.). Федор Михайлович Колокольцев — приятель и сослуживец Державина по Сенату.

Назола — досада.

Гитара. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 142. «Соч. в Пб. 1800» Авдотье Семеновне Жегулиной (Об. Д.).

Ждет бессмертия отлик... — то есть отличий.

Тишина. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 138. «Писана на Званке 1801» (Об. Д.).

В 5-й строфе строки *На бумаге пить и петь* и *И в сединах молодеть* (вместо *На бумаге пить и есть* и *И в сединах будто цвесть*) исправлены по списку исправлений Державина к изд. 1808, опубликованному в журнале «Русский вестник», 1809, № 5.

Явление Аполлона и Дафны на Невском берегу. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 39. «Соч. в Пб... 1801 года мая» (Об. Д.).

Стихотворение написано в аллегорическом стиле. Рядом с греческими именами богов появляются и славянские.

Аполлон — здесь Александр I. *Дафна* — нимфа, возлюбленная Аполлона, здесь — жена Александра I. *Знича чтил в них и Зимстерлу...* — «Знич, славянское божество, — солнце или май; а Зимстерла — весна» (Об. Д.).

На разлуку. — Впервые в изд. 1808, ч. III, стр. 112. Датируется 1801 г. по изд. под ред. Грота, т. II, стр. 395.

«...по случаю отъезда Пелагеи Михайловны Бакуниной; в шутку писано» (Об. Д.).

Уже в диване мне тобой... — то есть в диванной. *С Мурзой, Милордом и котом?* — «Мурзой автор себя разумеет; Милордом назывался прекрасный пудель его, а кот Ангола — всегдашний их в домашнем быту собеседник» (Об. Д.). *Даша* — Дарья Алексеевна Державина.

Венчание Леля. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 41. «Соч. в Москве; аллегорическое описание коронации императора Александра I 1801, 15 сентября» (Об. Д.).

В строке 10-й *Облелеяны* (вместо *Облелеяна*) исправлено в рукописи рукой Державина (Арх. Держ., т. 7, л. 101, ПД).

Диадимою царей — то есть короной.

Тончию. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 105.

«Соч. в Пб. — Программа для портрета автора, данная сему живописцу 1801 ноября» (Об. Д.). Послание итальянскому художнику Тончи (1756—1844), переселившемуся в 90-х гг. в Россию и в 1801 г. написавшему портрет поэта в шубе и меховой шапке, хранящийся ныне в Гос. Третьяковской галерее в Москве.

Чтоб шел, природой лишь водим, Против погод, волн, гор кремнистых... — «...автор хотел изобразить, первое: что он без всяких почти наук, одной природою стал поэтом; второе: что в службе своей многие имел препятствия, но характером своим без всякого покровительства их преодолевал» (Об. Д.).

Заздравный орел. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 114.

«Застольная песнь воинов, писанная в память фельдмаршалам Суворову и Румянцову 1795» (Об. Д.). Державин ошибся в датировке. Первый вариант песни, без упоминания Суворова и Румянцева, относится к окончанию шведской (1790) и второй турецкой (1791) войн и находится среди рукописей 1791 г. Второй вариант написан после смерти Суворова, судя по месту в тетради — в конце 1801 г. (Арх. Держ., т. 7, л. 103, ПД).

В строфе 3-й *в высоты* (вместо *с высоты*) исправлено по списку исправлений, приложенному к сб. «Анакр. песни». В последней строке *За здравье* (вместо *Здоровье*) исправлено нами по экз. Львовой.

Голубка. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 116.

«Соч. в Пб. 1801. Подражание 9-й Анакреоновой оде по слу-

чаю тогдашнего мнения императора Александра, чтоб вольность дать крестьянам» (Об. Д.). В стихотворении сказалось консервативное отношение Державина к либеральным настроениям первых лет царствования Александра I.

В строке 32-й *голодна* (вместо *холодна*) исправлено по экз. Львовой и первоизданию.

Лизе. Похвала розе. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 118.

«Соч. на Званке 1802» в честь Е. Н. Львовой. «Подражание Анакреоновой 53-й оде» (Об. Д.). Стихотворение положено на музыку С. Д. Нейкомом. Е. Н. Львова (1788—1864) — дочь Н. А. Львова, записывавшая «Объяснения на сочинения Державина» под диктовку поэта.

В строке 1-й *Воспевал* (вместо *Я воспел*) исправлено нами по экз. Львовой.

Кузнечик. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 146. «Соч. в Пб. 1802» (Об. Д.).

Подражание 43-й анакреонтической оде. Написано без буквы «р».

Охотник. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 127. «На Званке 1802» (Об. Д.).

Сочинено по случаю приезда на Званку М. П. Яхонтова, двоюродного брата второй жены Державина, служившего при Павле I офицером в Преображенском полку.

Но, белянку и смуглянку Вдруг увидев... — Возможно, речь идет о сестрах Бакуниных (см. стр. 530).

Любушке. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 147.

«Соч. в Пб. 1802; частью подражание Анакреону» (Об. Д.). Державин имеет в виду 20-ю анакреонтическую оду «К девушке своей».

Не хочу я быть Протеем... — Протей (греч. миф.) — бог, которому приписывали дар прорицания и способность менять свой облик.

Шуточное желание. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 144. «Соч. в Пб. 1802» (Об. Д.).

Стихотворение написано без буквы «р». М. И. Чайковский включил его в либретто оперы «Пиковая дама» П. И. Чайковского.

Старик. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 148.

«Соч. в Пб. 1802. Перевод Анакреона» (Об. Д.). Державин имеет в виду 11-ю анакреонтическую оду «На себя самого».

Хмель. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 122.

«Соч. в Званке 1802. Подражание его (Анакреона. — *А. К.*) 26-й оде» (Об. Д.).

Анакреоново удовольствие. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 121. «Соч. на Званке 1802, подражание Анакреоновой 36-й оде» (Об. Д.).

Мореходец. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 123. «Соч. на Званке 1802» (Об. Д.).

Махиавель. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 124. «На Званке 1802. Писано по случаю примеченных автором принятых сего писателя (то есть Макиавелли. — *А. К.*) правил» (Об. Д.). Написано после возвращения из Калуги, куда Державин ездил для расследования злоупотреблений калужского губернатора Д. А. Лопухина.

Никколо Макиавелли (1469—1527) — итальянский политический деятель. Макиавеллизм — синоним вероломной политики.

Деревенская жизнь. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 126. «Соч. на Званке 1802» (Об. Д.).

Обычно стихотворение связывают с 15-й одой Анакреона, хотя автор и не указывал на это. Перекликается со стихотворениями «Самому себе», «К лире».

Богат, коль Лель и Лада Мне дружны и Услад.— «Лель — Амур, Лада — Венера, Услад — Бахус» (Об. Д.).

Свобода. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 152. «Соч. в Пб. 1803 октября 8 числа» (Об. Д.).

Написано по поводу отставки автора от должности министра юстиции в октябре 1803 г. Строку *На высоком вдруг холму...* Державин счел нужным снабдить следующим объяснением: «Сия ода вся аллегорическая, которой подлинный смысл есть тот, что автор был на высоком холму, т. е. в высоком чине, и носил на плечах холм, т. е. должность тяжелую... что, сделав ему огорчение (то есть уволив в отставку. — *А. К.*), предлагали ему остаться в Совете и в Сенате, обещая ему оставить министерское жалованье и дать андреевскую ленту; но он отказал, сказав... тогда хорошо служить, когда гладки воды не могут колебать непогоды, т. е. законы нарушать пристрастие».

Внимание. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 140, с названием «Н. Я. П.».

«Соч. в Пб. 1804 по просьбе Натальи Яковлевны Плюсковой» (Об. Д.), близкой к литературному кругу Державина.

На пастуший балет. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 154.

«Соч. в Пб. 1804 ноября месяца по случаю представленного при дворе пастушьего балета» (Об. Д.).

Фалконетов Купидон. — Впервые в сб. «Анакр. песни», стр. 150. «Соч. в Пб. 1804» (Об. Д.).

Статуя Купидона работы Фальконе, которую Державин видел в доме А. А. Безбородко, находится в Эрмитаже в Ленинграде.

Мармор — мрамор.

Цыганская пляска. — Впервые в журн. «Вестник Европы», 1805, ч. XXIV, № 22, стр. 134.

Стихотворение заканчивает переписку в стихах между Державиным и Дмитриевым. Началась она посланием Державина «Лето» (1804), в котором он описывал другу жаркое лето и высказывал предположение, что Дмитриев живет в своем сызранском поместье и ленится писать стихи. Дмитриев ответил посланием «К Г. Р. Державину» (1804). В нем он сообщал, что живет в Москве, а по соседству, в Марьиной роще, пляшут цыгане и своими криками мешают ему служить поэзии.

О Песнопевец! один ты способен
Петь и под шумом сердитых валов...

писал Дмитриев. Стихотворная переписка была напечатана в журнале «Вестник Европы», 1805, ч. XXIII, №№ 18 и 19. В ч. XXIV журнала появилось заключительное послание Державина. В нем он выражал восхищение вакхической пляской и предлагал цыганке бросить огнь и в «нежного певца», то есть Дмитриева.

Египтянка — здесь цыганка; в XVIII в. считали, что цыгане — потомки древних египтян.

Мщение. — Впервые в изд. 1808, ч. III, стр. 176. «Соч. на Званке 1805» (Об. Д.).

Чечётка. — Впервые в изд. 1808, ч. III, стр. 177. «Соч. на Званке 1805» (Об. Д.).

Цепочка. — Впервые в изд. 1808, ч. III, стр. 180. В рукописи пометка (рукой Абрамова): «1807 в феврале» (Арх. Держ., т. 8, л. 72, ПД).

Перевод стихотворения Гёте «С золотой цепочкой» («Mit einem goldenen Halskettchen»).

Луч. — Впервые в изд. 1808, ч. III, стр. 206. В рукописи пометка (рукой Абрамова): «В майе 1807» (Арх. Держ., т. 8, л. 102, ПД).

Стихотворение написано по просьбе И. С. Захарова (1754—1816), сенатора, переводчика, впоследствии члена «Беседы», «ко-

торый сочинил комедию и желал, чтобы автор написал романс» (Об. Д.) для этой комедии.

Поминки. — Впервые в изд. 1808, ч. III, стр. 226. В рукописи помстка: «На Званке в сентябре 1807» (Арх. Держ., т. 8, оборот перепл., ПД).

Написано на смерть М. А. Львовой («Майны»), сестры Д. А. Державиной и жены Н. А. Львова.

Се три розы, сплетшись в куст... — «Три дочери, оставшиеся по ней» (Об. Д.).

Признание. — Впервые в изд. 1808, ч. III, стр. 208. Датируется 1807 г. по месту автографа в тетради (Арх. Держ., т. 8, оборот перепл., ПД).

Державин видел в этом стихотворении «объяснение на все свои сочинения» (Об. Д.).

Альбаум. — Впервые в журн. «Русский вестник», 1808, ч. II, стр. 310, под названием «В альбоум красавице».

«Соч. в Пб. 1808... для Натальи Алексеевны Колтовской» (Об. Д.). Державин был назначен опекуном имений Н. А. Колтовской в связи с тяжбой между нею и бывшим ее мужем.

Альбаум — альбом. *Элизей* (Элисий) — в греческой мифологии загробный край, где блаженствуют праведные. *Харон и мытарствы* — см. стр. 473 и 503.

Посылка плодов. — Впервые в изд. 1808, ч. III, стр. 230. В автографе (Арх. Держ., т. 10, л. 16, ПД): «Июня 5 1808 год».

Перевод 9-го сонета итальянского поэта Франческо Петрарки (1304—1374). В рукописи первоначальное название было: «Сонет при посылке плодов к Н. Н.». Я. К. Грот высказал предположение, что Н. Н. — Н. А. Колтовская (изд. под ред. Грота, т. II, стр. 686).

Когда делящая часы небес планета, К нам возвращаяся, приходит жить с тельцом... — то есть когда возвращается солнце и наступает весна. Телец — одно из созвездий.

Задумчивость. — Впервые в изд. 1808, ч. III, стр. 332. В автографе дата: «7 июня 1808 года» (Арх. Держ., т. 10, л. 17, ПД). Перевод 28-го сонета Петрарки.

Датировка стихотворений «Задумчивость» и «Посылка плодов» в рукописи июнем 1808 г. и появление их в ч. III изд. 1808 указывают на то, что издание это вышло в свет во второй половине 1808 г., а не в феврале, как полагал Грот. Об этом же свидетельствует и письмо Державина к С. К. Звереву от февраля 1809 г.

Водомет. — Впервые в изд. 1808, ч. III, стр. 233. «Соч. в Пб. 1808» (Об. Д.).

В строке 11-й *зарьных* (вместо *зорь их*) и в строке 18-й *небесам подобны зрел* (вместо *небесам подобно зрел*) исправлены нами по автографу (Арх. Держ., т. 10, л. 25, ПД).

Аспазии. — Впервые в изд. 1816, ч. V, стр. 160. В рукописи пометка: «24 апреля 1809 года» (Арх. Держ., т. 10, л. 27, ПД).

Написано М. А. Нарышкиной, любовнице Александра I.

Аспазия — знаменитая афинская гетера, славившаяся красотой и образованностью (V в. до н. э.). *Аттика* — область в древней Греции с главным городом Афины. *И винят в хуле богов...* — Аспазия была обвинена в кощунстве против богов. Периклу, женившемуся на Аспазии, удалось защитить ее перед Ареопагом (высшим судом в Афинах). То, о чем Державин говорит в последней строфе, относится к Фрине (IV в. до н. э.), которую также обвинили в безбожии. Гипериду, защищавшему Фрину, не удалось убедить старейшин, но когда Фрина обнаженная появилась перед судьями, они оправдали ее. *Архонты* — высшие должностные лица в древней Греции.

Синичка. — Впервые в «Объяснениях на сочинения Державина ...изд. Ф. П. Львовым», 1834, ч. III, стр. 49, и в «Библ. для чтения», 1834, т. I, не вполне точно. Печатается по рукописи (Арх. Держ., т. 10, л. 29. ПД). «Соч. на Званке 15 июля 1809» (Об. Д.).

Незабудка. — Впервые в «Объяснениях на сочинения Державина... изд. Ф. П. Львовым», 1834, ч. III, стр. 49, и в «Библ. для чтения», 1834, т. I, с ошибками, перешедшими во все последующие издания. Печатается по автографу (Арх. Держ., т. 10, л. 28, ПД). «Соч. на Званке в 1809 г. 22 июля» (Об. Д.).

Царь-девица. — Впервые в изд. 1816, ч. V, стр. 181. В рукописи пометка: «На Званке 1812 года в июне месяце».

Произведение было задумано, вероятно, как пример жанра стихотворной волшебной сказки для статьи «Рассуждение о лирической поэзии» (1811), над продолжением которой Державин работал и в 1812 г., но не закончил его и не опубликовал. В первоначальном варианте сказка называлась романсом, видимо потому, что Державин сближал романс с народной традицией. Сказочные мотивы Державин мог почерпнуть из собрания сказок В. Левшина (М., 1780—1783), несомненно ему известных, и, в частности, из «Повести об Алеше Поповиче» в собрании Чулкова. «Царь-девица»

свидетельствует о живом интересе поэта в конце его литературного пути к народному творчеству. По мнению Я. К. Грота, прототипом для царь-девицы послужила императрица Елизавета: многие мотивы сказки рисуют обстоятельства ее царствования. «10-й куплет напоминает царскосельский дворец; 13-й — соколиную охоту Елисаветы; 15-й малороссийских певчих; 17-й негу императрицы, 21-й ее наряды; 22 и 31-й богомолье; 25-й оды Ломоносова; 26-й множество женихов Елисаветы Петровны; 28-й посольство Надир-шаха; 34-й и след. отношения к Фридриху II и семилетнюю войну» (изд. под ред. Грота, т. III, стр. 745).

Полкан — персонаж из сказки о Бове-королевиче; здесь — сказочное чудовище. *Тазала* — журила. *Тот эдемского индея...* — то есть райского павлина. *Колпицы* — аисты. *Хохлик солнцев* — хохол Жар-птицы. *Маркобрун* — действующее лицо в сказке о Бове-королевиче. *Насады* — ладьи. *Сбойство* — удальство, хитрость.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

НАДПИСИ

НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ

Фельдмаршалу графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому на пребывание его в Таврическом дворце 1795 года. — Впервые в журн. «Муза», 1796, ч. I, стр. 99. Редакция стихотворения не менялась.

В декабре 1795 г. Суворов приехал в Петербург из Варшавы. Екатерина II поселила его в Таврическом дворце, пустовавшем после смерти Потемкина. Здесь Суворов дружески принимал Державина. Тогда же и было написано стихотворение.

По звучном громе Марс почиет на соломе... — Суворов по своей походной привычке продолжал и в Таврическом дворце спать на соломе. *Плоть Эпиктетову прияв...* — то есть став подобен Эпиктету, римскому философу-стоику (I—II вв.).

На прогулку в Гру́зинском саду. — Впервые в изд. под ред. Грота, т. III, стр. 400, по которому и печатается. В рукописи «ч. VII» дата: «1807».

Стихотворение относится к А. А. Аракчееву, имение которого Грузино, в свое время подаренное Петром I А. Д. Меншикову,

а впоследствии Павлом I Аракчееву, находилось по соседству с державинской Званкой. Поэт, относившийся враждебно к своему соседу, намекает в стихотворении на то, что Аракчеева может постигнуть судьба Меншикова, князя Ижорского, после смерти Петра I сосланного в Сибирь.

На храм при Гапсале... — Впервые в изд. «Библ. поэта», 1933, стр. 367, по которому и печатается.

Черновик стихотворения — на письме Н. А. Дьякова от 28 августа 1811 г. (Арх. Держ., т. 12, папка 6, ГПБ), что позволяет датировать четверостишие этим годом.

НА ИЗОБРАЖЕНИЯ

К портрету Михайла Васильевича Ломоносова. — Впервые в журн. «СПб. вестник», 1779, февраль, стр. 114. Печатается по рукописи («ч. VII», л. 237).

Цицерон — Марк Туллий Цицерон (I в. до н. э.), оратор, писатель и политический деятель древнего Рима.

Князю Кантемиру, сочинителю сатир. — Впервые в журн. «СПб. вестник», 1779, февраль, стр. 113. В окончательной редакции — в изд. «Библ. поэта», 1933, стр. 368, по которому и печатается.

Кантемир А. Д. (1708—1744) — русский писатель, философ-просветитель и дипломат.

К силуэту Ивана Ивановича Хемницера. — Впервые в изд. под ред. Грота, т. III, стр. 492, по которому и печатается.

Силуэт Хемницера, нарисованный Е. Я. Державиной, напечатан в третьем издании его басен в 1799 г. Стихотворение же создано раньше: оно находится в тетради произведений с датами до 1791 г. (Арх. Держ., т. 4, л. 160, ПД).

Эзоп — древнегреческий баснописец (VI—V вв. до н. э.).

К портрету В. В. Капниста. — Впервые в изд. «Библ. поэта», 1933, стр. 368, по которому и печатается.

В стихотворении говорится об «Оде на надежду» и комедии «Ябеда» Капниста (опубликованных: первая в 1780 г., вторая в 1798 г.). Датируется предположительно 1798 г.

Противные — здесь противоположные.

К портрету Ивана Ивановича Дмитриева. — Впервые в изд. под ред. Грота, т. III, стр. 512, по которому и печатается.

Юстиция, блеск, шум... — Дмитриев с 1810 по 1813 г. был министром юстиции. Стихотворение написано, по-видимому, после выхода его в отставку.

НАДГРОБИЯ

На гроб вельможе и герою. — Впервые в альм. «Памятник отечественных муз», 1827, стр. 45. Печатается по рукописи («ч. VII», л. 247). Я. К. Грот, относивший за отсутствием более точных дат все мелкие стихотворения Державина к трем периодам в его творчестве (раннему, 1762—1778, зрелому 1779—1800 и третьему, позднему, 1801—1816), справедливо отнес комментируемое стихотворение ко второму периоду. Присутствие стихотворения в рукописной тетради стихов, написанных до 1791 г. (Арх. Держ., т. 4, л. 144, ПД), позволяет уточнить эту дату: «между 1779 и 1791».

На смерть графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского... — Впервые в журн. «Друг просвещения», 1805, ч. IV, стр. 25. Печатается по рукописи («ч. VII», л. 240).

А. В. Суворов умер 6 мая 1800 г.

На гроб N. N. — Впервые в изд. под ред. Грота, т. III, стр. 504. Печатается по рукописи («ч. VII», л. 248).

В черновой рукописи с названием «Самому себе». Под тремя царями Державин имел в виду Екатерину II, Павла I и Александра I. Датируется 1804 г. по месту чернового автографа в тетради (Арх. Держ., т. 9, л. 31, ПД).

На гробы рода Державиных в Казанской губернии и уезде, в селе Егорьевс. — Впервые в изд. под ред. Грота, т. III, стр. 512. Печатается по рукописи («ч. VII», л. 249). Датируется на основании присутствия чернового автографа в тетради среди стихов 1810 г. (Арх. Держ., т. 9, л. 45, ПД).

ЗАПИСКИ

Послание мурзы Багрима к царевне Доброславе. — Впервые в изд. под ред. Грота, т. I, стр. 738, по которому и печатается.

Я. К. Грот опубликовал это послание в комментарии к стихотворению «На рождение царицы Гремиславы». Под Доброславой

Державин подразумевал Екатерину II. Стихотворение датируется предположительно 1796 г.

Жуковскому и Родзянке, приславшим с большими похвалами автору перевод его оды «Бог» на французском языке. — Впервые в изд. под ред. Грота, т. III, стр. 378, по которому и печатается. Стихотворение — ответ на присланный в январе 1799 г. В. А. Жуковским и С. Е. Родзянко, тогда воспитанниками Московского университетского пансиона, перевод оды «Бог».

Пиндару русскому, Гомеру... — то есть Ломоносову.

«Кто вел его на Геликон...» — Впервые в журн. «Друг просвещения», 1806, март, стр. 280 (в биографии Державина, написанной Евгением Болховитиновым), по которому и печатается.

Это четверостишие Державин привел в письме к Д. И. Хвостову от 31 мая 1805 г., заметив, что «объяснение четырех сих строк составит историю моего стихотворства, причины оного и необходимость».

Издателю моих сочинений. — Впервые в изд. под ред. Грота, т. III, стр. 438 (в примечании к стихотворению «Ответ А. С. Хвостову»), по которому и печатается.

Стихотворение обращено к А. Ф. Лабзину, издателю собрания сочинений Державина 1808 г., и датируется годом выхода в свет этого издания.

«Тебе в наследие, Жуковской!..» — Впервые в изд. под ред. Грота, т. III, стр. 449 (в примечании к эпиграмме «На издателя чужих стихотворений»), по которому и печатается.

Стихотворение датируется нами 1808 г. ввиду того, что его автограф (Арх. Держ., т. 2, л. 57, ГПБ) находится на одном листе и, видимо, написан в одно время с наброском стихотворения «На балет Зефир и Флора», написанного в январе 1808 г. и опубликованного в «Драматическом вестнике», 1808, ч. I.

Русским грацням. — Впервые в журн. «Цветник», 1809, ч. II, стр. 122, по которому и печатается.

В журнале «Русский вестник» (1809, апрель, стр. 135) С. Глинка поместил извещение о вышедших в 1808 г. томах сочинений Державина. По поводу третьего тома с анакреонтическими стихотворениями в нем сказано, «что есть между ними и такие, на которые бы грации желали накинуть покров». «Русским гра-

циям» — ответ С. Глинке. Державин перерабатывал стихотворение для издания («ч. VII»), но работу не завершил.

В альбом К. В. Капнистовой. — Впервые в изд. под ред. Грота, т. III, стр. 522. Печатается и датируется по рукописи (Арх. Держ., т. 9, л. 49, ПД).

Написано старшей дочери В. В. Капниста.

Псел — река в Полтавской губернии, где находилось имение Капнистов — Обуховка. *Паша* — Прасковья Николаевна Львова, дочь Н. А. Львова.

ЭПИГРАММЫ

На модное остроумие 1780 года. — Впервые в журн. «Собеседник...», 1783, ч. III, стр. 115, за подписью Х. Х. Печатается по рукописи («ч. VII», л. 138).

Первоначальный вариант находится в тетради стихотворений, написанных ок. 1776 г., и опубликован в изд. «Библ. поэта», 1933, стр. 4_0. В журнале «Собеседник...» стихам предшествовало письмо, написанное как бы от автора, заключавшее вопрос к некоему наставнику о модном остроумии: «...Примечаю я, государь мой, что ныне более всего за остроумием гоняются, остроумных хвалят и предпочитают всем; будьте столь благосклонны и скажите мне, в чем ныне остроумие полагается? Ответ его в приложенных стихах находится».

Н. А. Добролюбов в статье «Собеседник любителей российского слова» привел стихотворение «На модное остроумие», не зная, что оно принадлежит Державину, в доказательство своей мысли о том, что в Екатеринин век общество, в котором царствовало величайшее легкомыслие, оказалось бессильно «пред вопросами, требующими серьезного размышления и положительных знаний». От этого, писал Добролюбов, «развился в то время и остался, кажется, надолго в употреблении у полузнаек особенный род остроумия, который хорошо очерчен в стихах г. Х. Х.».

Правило жить. — Впервые в изд. под ред. Грота, т. III, стр. 483, по которому и печатается.

Эпиграмма в первоначальной редакции была обнаружена среди бумаг П. И. Рычкова, соседа Державина по оренбургскому имению, умершего в 1777 г. («Библ. для чтения», 1862, № 1), что позволяет датировать стихотворение «ок. 1777».

Справки. — Впервые в изд. под ред. Грота, т. III, стр. 483. Печатается по рукописи («ч. VII», л. 261).

В 1788 г. по жалобе тамбовского генерал-губернатора И. В. Гудовича в Сенате было возбуждено дело против Державина. Сенат потребовал от Державина объяснений, которые должны были подтверждаться свидетельствами. Державин решил не дожидаться сбора канцелярией необходимых свидетельств (справок) по его делу, а собрал и представил в Сенат их сам. Поступок Державина был признан самоуправством и усилил нападки его противников. Все эти события и послужили поводом к созданию стихотворения.

В списках стихотворения Державин несколько раз менял слово *сенат* на *диван*, опасаясь цензуры.

На птичку. — Впервые в альманахе «Памятник отечественных муз», 1827, стр. 102, по которому и печатается.

Написано в 1792 или 1793 г., во время службы Державина статс-секретарем. Стихотворение — ответ на желание Екатерины II получать новые оды «в роде оды Фелице».

На смерть собачки Милушки, которая при получении известия о смерти Людовика XVI упала с колен хозяйки и убилась до смерти 1793 года. Впервые в изд. «Библ. поэта», 1933, стр. 370, по которому и печатается.

Французский король Людовик XVI был казнен в Париже 21 января 1793 г.

Ответ Тромпетина к Булавкину. — Впервые в журн. «Друг просвещения», 1805, сентябрь, стр. 198. Печатается по изд «Библ. поэта», 1933, стр. 372.

Ответ Державина на эпиграмму в «Журнале российской словесности» (1805, май), по-видимому Н. И. Брусилова:

Проходит слава царств, и царства исчезают!
Пальмира гордая, где ты?.. Увы! не знают!
И Александров гроб и город разрушен,
В котором сильный царь земли был погребен.
Героев прах забыт, забыт и с их делами —
А ты жить в вечности с великими мужами,
Тромпетин! захотел стихами!

Тромпетин — от французского слова trompette — труба.

Суд о трагиках. — Впервые в изд. под ред. Грота, т. III, стр. 520. Печатается по правленному Державиным списку «ч. VII» (л. 203). Датируется между 1797 и 1811 гг., так как эпиграмма находится в списке «ч. VII», включающем стихотворения, написанные не позже 1811 г., и отсутствует в черновом

автографе «ч. VII», где нет стихотворений, датированных позже 1797 г.

Признавшись в кражах их... — Державин говорит о том, что французские писатели XVII и XVIII вв. Корнель, Расин, Вольтер и Кребильон обращались к трагедиям Эсхила, Софокла и Эврипида, создателям древнегреческой трагедии, как к образцам для подражания. *Хоть чужды лоскутки на вас и вижу я...* — Державин имеет в виду влияние названных французских драматургов на русскую трагедию — А. П. Сумарокова (1717—1777) и Я. Б. Княжнина (1742—1791).

С у д о б а с е л ь н и к а х. — Впервые в изд. под ред. Грота, т. III, стр. 520. Печатается по правленному Державиным списку «ч. VII» (л. 203). Датируется между 1806 и 1811 гг. — по присутствию стихотворения в этом списке и появлению в журналах басен Крылова.

Из русских баснописцев своего времени Державин отдавал первенство И. И. Хемницеру, с которым его связывала старинная дружба и принадлежность к одному литературному кружку. По воспоминаниям С. Т. Аксакова, Державин из мелких своих стихотворений особенно любил это четверостишие, а Хемницера предпочитал остальным баснописцам за «простоту и естественность».

«В р а г и н а м л у ч ш и е д р у з ь я...». — Впервые в изд. под ред. Грота, т. III, стр. 521, по которому печатается и датируется.

В третьей строке стихотворения в рукописи Державин исправил *но* на *их* (Арх. Держ., т. 2, л. 42, ГПБ); правку эту мы считаем не окончательной, так как она затемняет смысл, и печатаем, как и Я. К. Грот, в первоначальной редакции.

«А р е о п а г у б ы л о н г р о м о м м н о г о к р а т н о...» — Впервые в изд. «Библ. поэта», 1933, стр. 385, по которому и печатается.

Написано Державиным о себе в духе эпитафии, по-видимому после выхода в отставку (1803).

Ареопаг — здесь Сенат.

⟨ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ⟩

Ж е л а н и е З и м ы. — Впервые в изд. под ред. Грота, т. III, стр. 343, в ранней редакции. Печатается и датируется по рукописи (1787) (Арх. Держ., т. 8, л. 86, ПД).

Это шуточное стихотворение обращено к П. М. Захарьину, автору романа «Арфаксад, халдейская вымышленная повесть» (в 6 частях, 1793—1796) и других сочинений. Державин познакомился с ним в 1786 г. в Тамбове и поддерживал его в литературных начинаниях. При открытии в Тамбове народного училища Захарьин произнес речь, составленную Державиным, после чего им заинтересовались в Петербурге. Поэт дал к стихотворению следующее примечание: «Сей однодворец, к которому сия ода писана, имел природные большие способности к сочинению романов... в стихотворениях же не было вкусу, но непреодолимою побежден страстью к пьянству, от которой был удерживаем разными средствами сочинителем сей оды; но как ничто не успело, то в шутку над ним и написана сия площадная пьеса».

Вяха — небывалое известие, случай. *В убранстве козырбацком...* — по-видимому, молодецком. *...седого трыка..* — модника. *Пой, только не стихеры...* — Захарьин пытался сочинять духовные стихи. *И будь лишь в стойке дивен...* — то есть замечателен у стойки кабака. *Ширень да вирень* — песенный припев.

Милорду, моему пуделю. — Впервые в изд. под ред. Грота, т. III, стр. 393, в редакции, соединившей два варианта стихотворения. Печатается по рукописи с учетом последней правки Державина; строфы 9-я, 13-я и 14-я печатаются впервые (Арх. Держ., т. 8, л. 83, ПД). Датируется по этой же рукописи 1807 г.

Стихотворение — пародия на оду.

Диоген (IV в. до н. э.) — греческий философ, основатель школы циников (киников). *Стрежет мой циник...* — то есть Милорд; в греческом языке слово «циник» (или «киник») имеет общий корень со словом «собака». В строфе 2-й Державин имеет в виду легенду, по которой Александр Македонский (*мира победитель*) пообещал Диогену выполнить любое его желание. Диоген попросил его отойти и не затемнять ему солнечного света. *...из рук пашинских...* — из рук Паши, то есть Прасковьи Николаевны Львовой. *...бежал всем градом..* — то есть через город. *Ко мне в мой приносивших толк* — то есть на мое суждение. *Тулишься* — прячешься. *Завертки* (обл.) — загородки в поле.

Привратнику. — Впервые в журн. «Библ. записки», 1859, № 11, стр. 329, под названием «Приказ моему привратнику». В рукописи пометка: «Генваря 16-го 1808». Печатается по рукописи с правкой Державина (Арх. Держ., т. 10, л. 10, ПД).

В Петербурге на Фонтанке, недалеко от дома Державина, жил священник И. С. Державин. Однажды швейцар поэта принял по ошибке пакет на имя однофамильца. Это и послужило поводом к стихотворной шутке. Священник Державин или кто-то из его друзей ответил стихами «Ответ. Приказ моему секретарю». Оба стихотворения были популярны в 10-х гг. XIX в. и ходили в списках. В 1861 г. в Лондоне А. И. Герцен и Н. П. Огарев опубликовали «Спор (двух Державиных, одного известного стихотворца, а другого обер-священника, члена синода)» в сборнике «Русская потаенная литература XIX ст.».

Скуфья — бархатная шапочка у православного духовенства. *Ктитор* — церковный староста. *Пресвитер* — священник. *Державин род с потопа влекся; Он в семинарьи им нарекся...* — Державин намекает на то, что священник, выбирая в семинарии, по обычаю, новую фамилию, выбрал фамилию Державина, потому что писал стихи.

⟨ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ⟩

«Река времен в своем стремленьи...» — Впервые в журн. «Сын отечества», 1816, ч. 31, № XXX, стр. 175.

В журнале вместе со стихами была помещена статья, в которой говорилось: «За три дни до кончины своей, глядя на висевшую в кабинете его известную историческую карту: *Река времен* (эмблематическое изображение всемирной истории. — *А. К.)*, начал он стихотворение *На тленность* и успел написать первый куплет... Сии строки написаны им были не на бумаге, а еще на аспидной доске (как он всегда писывал начерно)...». Грифельная доска ныне хранится в ГПБ в Ленинграде, строки на ней почти стерлись.

ОБ ИЗДАНИЯХ Г. Р. ДЕРЖАВИНА

Первое собрание стихотворений Г. Р. Державин выпустил в 1798 г. под названием «Сочинения Державина, ч. I». Об этом собрании поэт писал князю Ф. Н. Голицыну 17 июня 1798 г.: «Сочинения мои перепортили в Москве... не по тому порядку напечатали, как я приказал, и не те пьесы, коим в первой части быть следует... и ошибок премножество». Этого издания Державин не продолжал. В 1804 г. вышел сборник «Анакреонтические песни», в 1808 г. — «Сочинения Державина», четыре части, и в 1816 г. — пятая часть. Издание прервалось из-за смерти автора и не было полностью осуществлено по задуманному плану.

После смерти поэта вышла «Лира Державина или избранные его стихотворения» (М., 1817—1818). В 1831 г. А. Ф. Смирдин выпустил сочинения Державина в четырех частях. Издание было повторено в 1833—1834 гг. В 1843 г. вышло в четырех частях издание И. И. Глазунова. В 1845 г. — издание Д. П. Штукина в одном томе, подготовленное Н. А. Полевым, с его вступительной статьей.

В годы 1864—1883 было издано Академией наук наиболее полное собрание сочинений Державина в девяти томах, подготовленное к печати академиком Я. К. Гротом, снабженное обширными примечаниями и историко-литературными материалами. Тома I—III — стихотворения, том IV — драматические произведения, том V—VII — письма, воспоминания и деловые бумаги Державина, а также сочинения литературного характера в прозе, том VIII — монография о жизни и творчестве поэта, написанная Я. К. Гротом, том IX — всевозможные материалы, относящиеся к жизни, творчеству Державина, и библиография.

Значительная часть стихотворений Державина появилась в 1894 г. в выпуске IV «Русской поэзии», под редакцией

С. А. Венгерова. Издание это предназначалось главным образом для широкого читателя.

В советское время стихотворения Державина впервые вышли в 1933 г. в Большой серии «Библиотеки поэта», созданной по инициативе А. М. Горького и с его статьей о значении «Библиотеки поэта». Стихотворения Державина были первой книгой этой серии. В этом издании, подготовленном Гр. Гуковским (вступительная статья И. Виноградова), опубликовано много новых текстов, особенно молодого Державина. Изданием 1933 г. открылась первая страница в изучении державинского наследия советским литературоведением. В Малой серии «Библиотеки поэта» дважды выходили, в 1935 и в 1947 гг., под редакцией Гр. Гуковского избранные стихотворения Державина.

В 1957 г. в Большой серии «Библиотеки поэта» в издательстве «Советский писатель» вышло в свет новое издание стихотворений Державина, подготовленное Д. Д. Благим.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ *

* Первая колонка цифр обозначает страницы текста, вторая (*курсивная*) — страницы примечаний.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

НАДПИСИ

На разные случаи

На изображения

НАДГРОБИЯ

ЗАПИСКИ

ЭПИГРАММЫ

<ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ>

<ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ>

КОММЕНТАРИИ

Г. Р. ДЕРЖАВИН

Стихотворения

Редактор В. Морозова
Технический редактор
Л. Крючкина
Корректор И. Кузнецова

Подписано к печати 3/IV 1958 г.
Бумага 84×108 1/32 — 19,37 печ. л.
=31,78 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 25,57+
9 вкл.=25,98 л. Тираж 50000 экз.
Заказ № 932. Цена 8 р. 90 к.

Гослитиздат
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28.

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление полиграфической промышленности. Типография № 1
„Печатный Двор“
им. А. М. Горького
Ленинград, Гатчинская, 26.

Отпечатано с матриц
в Сортавальской книжной типографии
Министерства культуры
Карельской АССР
г. Сортавала, Карельская, 32.